P 49/92

ОСНОВЫ

ВѢРЫ и ЗНАНІЯ.

П. БАКУНИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1886.

Р 49
92

ОСНОВЫ

ВѢРЫ и ЗНАНІЯ.

П. БАКУНИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

1886.

2007097048

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Вмѣсто вступленія, что такое вѣра 1

I. Вѣра какъ понятіе 35

1) Смыслъ саморазумѣнія . . . . . —
2) Раздвоеніе смысла саморазумѣнія 48
3) Матерія 52
4) Смыслъ и матерія 57
5) Сила доказательства 64
6) Истина саморазумѣнія въ спорѣ, или въ средѣ другого . 71

Матерія недоразумѣній и предразсудковъ, за которою скрывается дѣйствительный смыслъ истины.

1) Смѣшеніе конкретныхъ образовъ понятія съ отвлеченными образами представленія. 84
2) Чувственный опытъ, какъ основаніе эмпирически-теоретическаго знанія 93
3) Элементы эмпирически-теоретическаго знанія, или двойственность и противорѣчивость представленія. 100

Религіозное міровоззрѣніе. 110

1) Дѣйствительный образъ міра. 114
2) Онтологія, метафизика бытія. 127
3) Наука и научное знаніе 147
4) Сравненіе различныхъ взглядовъ, или точекъ зрѣнія научнаго знанія 166
5) Религія, какъ заключительный синтезъ познавательнаго сужденія, по ученію О. Конта 176

II. Жизнь человѣка 197

1) Вѣра въ ея сужденіи. Міровое противорѣчіе 199
2) Міровое противорѣчіе, какъ безконечное притязаніе и первородный грѣхъ человѣка 211
3) Производный грѣхъ человѣка 220

стр.

III. Заключеніе и разрѣшеніе противорѣчія въ идеализмѣ человѣка 240

1) Дѣйствительность, какъ эстетическое разрѣшеніе мірового противорѣчія 246

2) Дѣйствительность, какъ этическое разрѣшеніе мірового противорѣчія 259

3) Смерть, жизнь и безсмертіе, какъ окончательное разрѣшеніе мірового противорѣчія по существу 297

Продолженіе 305

Продолженіе. 314

Продолженіе 320

4) Время, прошедшее, будущее и природа вещей 338

5) Жизнь, смерть и безсмертіе 352

ЧТО ТАКОЕ ВѢРА?

Если о какой нибудь эссенціи говорятъ, что она выдохлась, то этимъ выражаютъ, что она уже ни на что не годится, что её слѣдуетъ выбросить.

Подобнымъ образомъ, когда о человѣкѣ говорятъ, что онъ извѣрился, то этимъ означаютъ, что въ немъ пропала всякая вѣра, что поэтому — ни вѣрить ему, ни полагаться на него ни въ чемъ невозможно; такъ какъ, не имѣя въ себѣ никакой вѣры, онъ и самъ себѣ не вѣритъ и ни въ чемъ не можетъ на себя положиться.

Вѣрить — значитъ имѣть въ себѣ твердый принципъ, или собственное начало своего бытія, которымъ весь порядокъ существованія опредѣляется независимо отъ внѣшней среды и вещей ея.

Не вѣрить — значитъ не имѣть въ себѣ принципа своего, или собственнаго начала бытія, и потому, опредѣляясь не изъ себя самого, но изъ внѣшней среды, быть вещью между другими вещами и подчиняться господству и опредѣленію внѣшнихъ вещей.

Въ себѣ извѣрившійся человѣкъ не признаетъ ни за собой, ни за другими никакой сущности, никакой дѣйствительности; все сдается ему несущественнымъ, совершенно пустымъ или призрачнымъ бытіемъ; и онъ самъ во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ дѣлахъ и заботахъ своихъ, всею цѣлостью своей жизни, проходя и исчезая совершенно пустымъ призракомъ, объятъ со всѣхъ сторонъ себѣ подобными призраками, безъ всякой сущности, и не имѣетъ силы ни отвратить отъ себя, ни

отстраниться самъ отъ ихъ дикихъ и обманчивыхъ навожденій.

Не только индивиды, но случается, что и цѣлое общество утрачиваетъ вѣру свою; и тогда оно, не находя въ себѣ силы утверждать собою самобытный порядокъ своего общественнаго существованія, подчиняется всякому давленію внѣшней среды. Объ обществѣ, утратившемъ вѣру свою, можно съ равнымъ правомъ сказать, что оно извѣрилось, — и уже не имѣя никакой дѣйствительности ни въ своей жизни, ни въ своихъ общественныхъ отправленіяхъ, не живетъ, а только попусту теряется и безъисходно пропадаетъ между пустыми призраками и кошемарными навожденіями своей мнимой общественности.

Вѣрить — значитъ утверждать самымъ существомъ своимъ какъ самое значеніе, такъ и порядокъ своего существованія; чтобъ утверждать собою какое либо значеніе, какой либо порядокъ, — необходимо быть твердымъ въ себѣ самомъ; иначе, никакое утвержденіе, невозможно: такъ какъ, безъ твердости въ себѣ, все собою утверждаемое оказывается по необходимости не твердымъ, а шаткимъ, — не утвержденіемъ, а только колебаніемъ и сомнѣніемъ; — не жизнью, которая въ своей дѣйствительности есть всегда несомнѣнное утвержденіе, — а только отрицаніемъ или пріостановкою и замираніемъ всякой жизни.

Всякая жизнь есть жизнь лишь на сколько она есть сама собою и стоитъ на той истинѣ, въ которую вѣритъ; когда же она утрачиваетъ вѣру свою, ей уже не на чемъ стоять въ себѣ, — и она вынуждена опираться о что либо другое; вслѣдствіе чего она перестаетъ быть сама собою, перестаетъ быть жизнью и неминуемо пропадаетъ.

Безъ вѣры, безъ незыблемой увѣренности въ себѣ самой, жизнь не можетъ быть дѣйствительною жизнью, но обращается въ мнимую жизнь, въ пустой призракъ, или личину жизни, въ которыхъ нѣтъ жизненнаго

содержанія. Но затѣмъ, самъ собою возникаетъ вопросъ,—что же такое вѣра, безъ которой и самая жизнь есть не жизнь, а только призракъ жизни?

То, что называется вѣрою, извѣстно лишь по внѣшнимъ признакамъ и проявленіямъ; но чтобы сказать, что такое вѣра, требуется знать, что она такое по самому существу, что она такое по ея смыслу.

Во всякаго рода вещахъ существенно различаются ихъ двѣ стороны: одна, которая очень замѣтна, всѣмъ открыта и, такъ сказать, сама всѣмъ въ глаза бросается, составляетъ ихъ внѣшнюю поверхность, ихъ чувственнымъ образомъ видимую матерію. Другая, напротивъ, сокрыта отъ взоровъ и, какъ самый смыслъ или самая сущность видимыхъ вещей, глубоко таится внутри: чтобъ проникнуть въ эту глубь и познать самый смыслъ того, что видимо, требуется столь же глубокое вниманіе, безъ котораго приходится довольствоваться лишь внѣшнею оболочкою, или чувственною матеріею вещей.

Такъ какъ, говорить о вещахъ по существу очень трудно, то, говоря о нихъ, толкуютъ обыкновенно не о ихъ существѣ и смыслѣ, а только о томъ другомъ содержаніи, которымъ онѣ снаружи ограничиваются и опредѣляются, которое есть ихъ видимая, внѣшняя матерія.

Такимъ образомъ, когда вопрошаютъ, что такое истина, то вмѣсто того, чтобъ говорить о ея существѣ, обыкновенно довольствуются указаніемъ на то, что не есть истина, и распространяются о безчисленныхъ видахъ и образахъ, какими проявляются ложь и заблужденія.

Когда вопрошаютъ о сущности добра, то въ отвѣтъ возникаютъ неистощимые толки о всевозможныхъ проявленіяхъ зла: потому что виды и образы зла представляются чрезвычайно обильнымъ и очень разнообразнымъ содержаніемъ, котораго всюду и всегда очень много; такъ что о немъ и можно сказать очень много и всего никогда не высказать. А добро, напротивъ, едино по существу, — его много нигдѣ не бываетъ, содержаніе его — не обильно; къ тому же оно очень однообразно и

такъ не замѣтно, что о нёмъ самомъ, о его сущности, кажется, и сказать нечего.

Такъ точно и по отношенію къ тому, *что* есть прекрасное, разговориться очень трудно: восхищаясь красотою, плѣняясь благообразіемъ, прибѣгаютъ обыкновенно къ восклицаніямъ, а истощивъ весь запасъ восклицаній, продолжаютъ любоваться молча. Потому что толковать о существѣ прекраснаго, если и не напрасно, а быть можетъ, и очень поучительно, но во всякомъ случаѣ — очень скучно; такъ какъ всякій, кто толкуетъ объ этомъ, вынужденъ повторяться. Являясь всюду и всегда неизмѣнно сообразнымъ само съ собою, какъ постоянное одно и то же, прекрасное въ существѣ своемъ до того просто, что его великая простота, по сравненію съ измѣнчивымъ разнообразіемъ ежедневнаго содержанія жизни, отзывается какъ будто пустотою, о которой много сказать, разумѣется, нечего.

Напротивъ, о безобразіяхъ всякаго рода и вида, во всѣхъ образахъ и сферахъ бытія достаточно наговориться никогда нельзя: такъ ихъ всегда и всюду много, до того они неисчерпаемо разнообразны, что конца толкамъ и разговорамъ о нихъ почти не предвидится; всякій способенъ сказать о нихъ что нибудь свое, новое; и по всей вѣроятности о нихъ можно будетъ говорить, бесѣдовать и раскрывать свои воззрѣнія до скончанія свѣта.

Красота, добро, истина, выражая собою самый смыслъ бытія, или его сущность и дѣйствительность, пребываютъ невидимыми, незамѣтными, никому не бьютъ въ глаза, никого не поражаютъ; ихъ нужно умѣть увидѣть. Но за то тѣмъ видиѣе, замѣтиѣе и поразительниѣе бываетъ все то другое содержаніе, въ которомъ нѣтъ ни истины, ни добра, ни красоты, т. е. нѣтъ ни сущности, ни дѣйствительности, ни смысла, а только призраки и навожденія всякаго рода лжи и заблужденія, всякаго рода зла и насилія, всякаго рода пошлости и безобразія, — вообще всякаго безсмыслія мнимаго бытія.

Точно такимъ образомъ и по той же причинѣ,

когда вопрошаютъ о существѣ вѣры, въ умѣ сами собои возникаютъ представленія о томъ, что именно и не есть вѣра: и говорится или о суевѣріи, или о невѣріи.

И хотя по здравои логикѣ, довольно странно и даже ни съ чѣмъ несообразно, имѣя въ виду одно, начинать рѣчь о другомъ, однако по установившемуся складу ума и мысли, инаго пути не видно и, оставаясь въ предѣлахъ понятности, нельзя входить въ самыи предметъ обсужденія иначе, какъ приступая къ нему со стороны, черезъ другое, для него вполнѣ чуждое содержаніе.

Говорить понятно о самой сущности вѣры было бы не только затруднительно, но едва-ли и возможно безъ предварительнаго обсужденія ея посторонняго содержанія, которое, составляя ея предѣлы, даетъ ей по крайней мѣрѣ ея внѣшнее опредѣленіе.

И потому, на вопросъ, что такое вѣра, — въ ея субъективномъ образѣ и въ ея объективномъ содержаніи, — изслѣдованіе должно по необходимости начинаться съ обсужденія того, что именно есть не вѣра, а только предѣлы ея, только суевѣріе и невѣріе.

Въ дѣйствительномъ смыслѣ вѣры, вѣрить — значитъ утверждать всѣмъ существомъ своимъ то, что признается за дѣйствительную и несомнѣнную истину.

Но между самою истиною и тѣмъ, что мнѣніемъ принимается и выдается за истину, вмѣсто полнаго совпаденія, очень нерѣдко бываетъ не только нѣкоторое малое или большее различіе, но и полнѣйшая несовмѣстность.

Вслѣдствіе этого, вмѣсто дѣйствительной истины очень нерѣдко утверждается только мнимая истина: такое утвержденіе, облекаясь въ образъ и присвоивая себѣ все значеніе вѣры, становится не дѣйствительною, а только мнимою вѣрою, или тѣмъ, что обыкновенно и называется суевѣріемъ.

Извѣстенъ опытомъ, какъ часто мнимая истина при-

знается и выдается за сущую, или дѣйствительную истину, и какъ легко суевѣріе заступаетъ мѣсто дѣйствительной вѣры, сознаніе, вооружась осторожнымъ недовѣріемъ по отношенію къ такого рода утвержденіямъ, переходитъ очень нерѣдко къ полному сомнѣнію и совершенному отрицанію всего, что бездоказательно утверждается въ силу вѣры, или суевѣрія, которыя оно, уже не различая одно отъ другаго, признаетъ одинаковымъ же заблужденіемъ, и тѣмъ самымъ обращается въ тотъ опасливый и отрицательный образъ мышленія, который именуется невѣріемъ.

Если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ тѣмъ, кто обращалъ вниманіе на различія и несовмѣстности въ существующихъ образахъ мышленія, достаточно извѣстно, которыя изъ нихъ разумѣется суевѣріемъ и которыя—невѣріемъ.

Развиваясь другъ противъ друга не только въ различныя, но и во взаимно-противуположныя и даже враждебныя направленія, убѣжденія, ученія и міровоззрѣнія, суевѣріе и невѣріе встрѣчаются во всѣхъ сферахъ частной и общественной человѣческой жизни какъ отъявленные противники и ведутъ между собою нескончаемый, упорный и временами ожесточенный споръ: потому что они взаимно ненавистны другъ другу, и чѣмъ дальше они отстоятъ отъ того, что есть дѣйствительная вѣра и ея дѣйствительная истина, тѣмъ сильнѣе возгорается ихъ взаимная ненависть.

Ихъ споръ ведется между ними издавна, во всеуслышаніе и притомъ такъ рѣзко, такъ громко, что въ настоящее время едва ли кто изъ грамотныхъ не слыхалъ и не знаетъ, что суевѣріе обвиняется невѣріемъ въ томъ, что въ его основаніи лежитъ предубѣжденное невѣжество, которое, затемняя умъ и самый свѣтъ мысли своею тьмою, наполняя сознаніе пустыми призраками и навожденіями всякаго рода мистицизма и обскурантизма, препятствуетъ ему познать содержаніе міра въ его истинѣ. — А съ другой стороны, невѣріе обвиняетъ

суевѣріемъ въ томъ, что оно опирается исключительно на данныя опытнаго, или научнаго ученія, которое, возбуждая въ умѣ суетную гордость, ослѣпляетъ его своимъ чрезвычайнымъ блескомъ до совершенной слѣпоты, — до того что человѣкъ, какъ несмышленый ребенокъ, видитъ только преходящія вещи, — потому что онѣ блестятъ и поражаютъ его вниманіе, — и утрачиваетъ способность видѣть и понимать не чувственную, но вѣчную и духовную сущность міра и жизни.

Указывая на неимовѣрную гордыню, которою возносится невѣріе, на его крайнюю ограниченность и жестокое ослѣпленіе, суевѣріе преисполнено сознаніемъ, что люди, пытаясь все понять и до всего дойти умомъ своимъ, забываютъ о его тѣсныхъ предѣлахъ и не видятъ, что ихъ обступаетъ со всѣхъ сторонъ необъятность невѣдомаго, которую они потому и не могутъ видѣть, что воображаютъ, будто все видятъ, — потому и не могутъ понять, что льстятъ себя самомнѣніемъ, будто уже все понимаютъ. На самомъ же дѣлѣ, они усматриваютъ своимъ ограниченнымъ умомъ только ограниченныя вещи, только чувственную матерію міра; а самая безконечность, о которой простымъ и неученымъ людямъ свидѣтельствуютъ несомнѣннымъ образомъ какъ вся совокупность міра, такъ и малѣйшая былинка въ немъ, — а все духовное и самая истина всего мірозданія ускользаютъ отъ грубыхъ пріемовъ человѣческаго разсудка и недоступны ему.

Потому что, — учитъ суевѣріе, — безконечную и духовную истину понимать можно не умомъ, не разсудкомъ, не посредствомъ физическихъ опытовъ или логическихъ построеній и выводовъ изъ конечной матеріи, а только безконечнымъ смиреніемъ умиленнаго чувства и сердца, которое не ослѣплено мнимою ученостью, не замкнуто гордынею самомнѣнія, но съ дѣтскимъ простодушіемъ предается таинственнымъ внушеніямъ вѣры и ея святаго откровенія.

Указывая на суевѣріе и на его общеизвѣстный, все затемняющій, мистическій обскурантизмъ, невѣріе съ

своей стороны, полагая безспорнымъ, что въ основаніи суевѣрія лежитъ невѣжество, прибѣгаетъ къ старому сравненію мрака невѣжества съ мракомъ ночи и свѣта знанія съ дневнымъ свѣтомъ.

Во тьмѣ ночной, какъ всѣмъ извѣстно, въ замѣнъ дѣйствительнаго содержанія, которое не видно, обыкновенно чудятся всякаго рода чудища, навожденія и кошмары, которыхъ однако на самомъ дѣлѣ нѣтъ въ дѣйствительности и которые, разступаясь какъ туманы, исчезаютъ при первыхъ лучахъ наступающаго дневнаго свѣта. Такъ точно и призраки невѣжества и навожденія обскурантизма не выдерживаютъ свѣта знанія, но, исчезая въ лучахъ его, обращаются сами собою въ ничто, когда озаряются научною критикою.

Никакая тьма невѣжества, какъ бы ни отстаивали ее сторонники обскурантизма, не въ силахъ устоять предъ критикою дѣйствительнаго знанія: она неминуемо отступаетъ предъ свѣтомъ ея и, таясь лишь въ темныхъ углахъ и закоулкахъ, куда свѣтъ еще не успѣлъ проникнуть, должна по необходимости окончательно исчезнуть и уступить свое мѣсто вседневному свѣту.

Сравненіе, конечно, не есть доказательство, и споръ не только не прекращается, но ведется лишь съ бо́льшею ревностью и бо́льшимъ ожесточеніемъ: невѣріе упрекаетъ суевѣріе въ невѣжествѣ, а суевѣріе коритъ невѣріе въ заносчивости и въ систематическомъ ослѣпленіи: одно стоитъ другаго.

При этомъ спорѣ и при обоюдныхъ утвержденіяхъ, укорахъ и притязаніяхъ, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, если́бъ было доказано выше всякаго сомнѣнія, что суевѣріе, какъ увѣряютъ его противники, исходитъ отъ невѣжества, или что невѣріе, какъ утверждаютъ его противники, грѣшитъ ослѣпленіемъ, что та или другая сторона покоится не на дѣйствительномъ, а только на мнимомъ знаніи, какъ бы оное ни называлось,— невѣжествомъ или ослѣпленіемъ,— то ихъ взаимный споръ могъ бы быть разрѣшенъ и просто, и скоро.

Потому что всякій согласится, что должно сохранить тотъ образъ мышленія, который имѣетъ въ своемъ основаніи дѣйствительное знаніе; а отъ другаго, ему противуположнаго, основаннаго лишь на невѣжествѣ, или на ослѣпленіи, слѣдуетъ, напротивъ, какъ можно скорѣе и полнѣе отрѣшиться: такъ какъ, хотя и случается утверждать что либо по невѣжеству или въ силу ослѣпленія, однако никто не станетъ, да и не можетъ утверждать что либо во имя и на основаніи сознаваемаго невѣжества или завѣдомаго ослѣпленія. Для всякаго мыслящаго существа, безразлично къ такому или иному образу его мышленія, во сколько желательно дѣйствительное знаніе, во столько же нежелательно невѣжество и ослѣпленіе, которыя ведутъ всякаго не къ истинѣ, а только къ обману.

По отношенію къ желательности дѣйствительнаго знанія существуетъ полное согласіе и никакого спора не можетъ быть; и потому, казалось бы, спорный вопросъ между суевѣріемъ и невѣріемъ разрѣшается очень легко.

Но дѣло далеко не такъ просто, какъ оно на первый взглядъ кажется. Оно затрудняется тѣмъ, что ни одна изъ сторонъ не признаетъ самоё себя ни суевѣріемъ, ни систематическимъ невѣріемъ; и та, и другая лишь такъ обзываются ихъ противниками. Указывая на ослѣпленіе, которымъ поражено невѣріе, само суевѣріе нимало не сознаетъ и не признаетъ за собою приписываемаго ему невѣжества; равнымъ образомъ и невѣріе, указывая на невѣжество, которымъ обвито суевѣріе, нимало не признаетъ и не сознаетъ за собою ему приписываемаго ослѣпленія.

Если-бъ невѣжественные или ослѣпленные сами сознавали свое невѣжество или свое ослѣпленіе, тогда бы не было и не могло бы быть ни невѣжества, ни ослѣпленія.

Какъ суевѣріе, такъ и невѣріе вполнѣ увѣрены — каждое про себя, — что имъ исключительно обладается и хранится дѣйствительное знаніе: то-же, что выдается за зна-

ніе ихъ противниками, считается съ обѣихъ сторонъ вовсе не дѣйствительнымъ, а только мнимымъ знаніемъ. Говоря о невѣріи, суевѣріе утверждаетъ, что оно, зная лишь внѣшнее и матерьяльное содержаніе чувственныхъ вещей, не вѣдаетъ и не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что всего важнѣе и существеннѣе знать, и безъ чего все остальное не имѣетъ никакой цѣны. Говоря о суевѣріи, невѣріе утверждаетъ о немъ, что оно по своему невѣжеству именно и не въ состояніи различить мнимое знаніе отъ знанія дѣйствительнаго и, смѣшивая ихъ, постоянно принимаетъ и выдаетъ одно за другое.

Чрезъ это спорный вопросъ между суевѣріемъ и невѣріемъ переносится самъ собою на другую почву и становится вопросомъ о знаніи, причемъ остается лишь рѣшить, какимъ образомъ или какими признаками можно различить мнимое знаніе, или невѣжество, отъ знанія дѣйствительнаго.

Формальнымъ образомъ различіе между тѣмъ и другимъ опредѣляется очень просто: никакого спора не можетъ быть въ томъ, что дѣйствительнымъ знаніемъ признается лишь знаніе самой истины, а мнимымъ знаніемъ должно считать лишь пустое, ничѣмъ неоправдываемое, и ни на чемъ неосновашное мнѣніе, которое признаетъ и выдаетъ за самую истину лишь мнимую истину, состоящую изъ разныхъ, случайно установившихся предразсудковъ, заблужденій и всякаго рода невѣрныхъ представленій.

Но такимъ формальнымъ опредѣленіемъ вопросъ и сомнѣніе о томъ, *что* слѣдуетъ считать дѣйствительнымъ и *что* мнимымъ знаніемъ, очевидно, нимало не разрѣшается. Такъ какъ дѣйствительное знаніе только для того и требуется, чтобъ быть въ состояніи отличить истину отъ заблужденія, которое въ томъ именно и состоитъ, что при немъ истина, не различаясь отъ заблужденія, сама признается и выдается за заблужденіе.

И какъ ссылка на предполагаемое извѣстнымъ раз-

личіе между дѣйствительнымъ и мнимымъ знаніемъ для опредѣленія истины, такъ равно и ссылка на предполагаемое извѣстнымъ различіе между истиною и заблужденіемъ для опредѣленія признаковъ дѣйствительнаго и мнимаго знанія, есть очевидно лишь формальный пріемъ опредѣленія, circulus viciosus, или совершенно пустая, ничего неопредѣляющая и никакого вопроса неразрѣшающая тавтологія.

Разумѣется само собою, что всякій вопросъ, всякое сомнѣніе, всякій споръ, независимо отъ того содержанія, какое ими затрогивается, всегда имѣютъ въ своемъ основаніи болѣе глубокій вопросъ о томъ, что есть истина; такъ какъ она во всемъ и есть именно то невѣдомое, то искомое, о которомъ всѣ несомнѣнно знаютъ и разумѣютъ, что оно то самое и есть, о чемъ всѣми образами всегда вопрошаютъ и всюду спорятъ.

Но всюду, всегда и всѣми вѣдомая, а съ тѣмъ вмѣстѣ всюду, всегда и всѣми вопрошаемая, спорная и никому невѣдомая истина лежитъ не только въ основаніи всякаго спора, но еще болѣе—въ основаніи всякаго согласія; такъ какъ безъ нея и помимо ея никакое согласіе состояться не можетъ.

Какъ скоро возникаетъ какой либо вопросъ, или споръ, какое либо сомнѣніе, недоразумѣніе или пререканіе, то несомнѣнно есть основаніе, на которомъ они возникаютъ и безъ котораго они не могли бы возникнуть. При спорѣ, его основаніе есть въ равной мѣрѣ основаніе для каждой изъ спорящихъ сторонъ, если только ихъ споръ другъ съ другомъ ведется ими искренно и добросовѣстно. И потому, каждой изъ нихъ въ одинаковой степени слѣдовало бы знать, что ея противникъ споритъ съ нею не безъ основанія, но вполнѣ основательно: вслѣдствіе чего, еслибъ объ стороны это знали, имъ бы пришлось уже не спорить, но соглашаться другъ съ другомъ, и притомъ - соглашаться не формальнымъ только, но конкретнымъ, живымъ образомъ, или дѣйствительнымъ согласіемъ, при которомъ согла-

суемое не становится безразлично-тожественнымъ,— такъ что некому и согласиться,—но, сохраняя свое различіе, достигаетъ въ немъ и чрезъ него полноты живаго согласованія, или живой гармоніи.

При такомъ согласованіи и изъ спора суевѣрія съ невѣріемъ не возгорались бы ни вражда, ни ненависть, но возникла бы дѣйствительная вѣра, какъ дыханіе дѣйствительной жизни, или истины самомышленія.

Но спорящіе обыкновенно всего менѣе помышляютъ о самомъ основаніи ихъ спора, которое и есть истина: вмѣсто истины, имѣя въ виду только себя, они отстаиваютъ только свои утвержденія и положенія восколько они суть именно свои: вслѣдствіе чего и споръ между ними бываетъ всего чаще неосновательнымъ и ведущимъ вовсе не къ живому согласію, а только къ пустымъ, формальнымъ и нескончаемымъ пререканіямъ.

Безплодность споровъ всѣмъ давно извѣстна; но по свойственной людямъ забывчивости, споры не прекращаются, потому что по самой неосновательности ихъ согласиться и не спорить другъ съ другомъ оказывается невозможнымъ.

Такимъ же образомъ и нескончаемый споръ между суевѣріемъ и невѣріемъ о томъ, какое знаніе слѣдуетъ признавать дѣйствительнымъ и какое—мнимымъ, остается лишь пустымъ пререканіемъ и ни къ чему неведущимъ споромъ, при которомъ и та, и другая сторона, не помышляя о самой истинѣ, лежащей въ основаніи ихъ спора, не идутъ навстрѣчу другъ другу, чтобы облегчить взаимное пониманіе, а напротивъ, затрудняютъ оное и, споря изъ-за пустаго, одинаково остаются въ пустотѣ.

Очень возможно быть несогласнымъ другъ съ другомъ; и такое несогласіе есть явный признакъ взаимнаго непониманія, которое нерѣдко бываетъ отъ смутности самаго понятія и неясности выраженій: въ такомъ случаѣ, при желаніи понять другъ друга, взаим-

ный объясненія оказываются достаточными для достиженія цѣли.

Но спорить съ ожесточеніемъ, спорить до ненависти — значитъ не признавать вовсе основательности противной стороны, — значитъ не знать самаго основанія спора,—значитъ не знать самой истины и выдавать за нее и подъ ея же именемъ мнимую истину, которая держится не сама собою, а только мнѣніемъ того, кто споритъ о ней, не зная ея. Признавать и выдавать мнимую истину или пустое мнѣніе за дѣйствительную истину— есть явная несообразность, которая и составляетъ самое существо не дѣйствительнаго, а только мнимаго знанія, или невѣжества.

Изъ этого само собою слѣдуетъ, что суевѣріе и невѣріе, не выходя изъ взаимнаго пререканія другъ съ другомъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ, что ни то, ни другое, не обладая дѣйствительнымъ знаніемъ, въ одинаковой степени имѣютъ свое основаніе лишь въ мнимомъ знаніи, или въ невѣжествѣ.

Чтобъ это яснѣе представить, незачѣмъ входить въ подробное обсужденіе того, что утверждается при суевѣріи, и того, что утверждается при невѣріи: вполнѣ достаточно признать, что подобно тому, какъ жизнь обусловливается лишь полнотою сообразности между существующимъ организмомъ и внѣшнею средою, въ которой онъ находится, такъ точно и дѣйствительное знаніе заключается лишь въ полной сообразности субъективнаго образа мышленія съ объективнымъ содержаніемъ существованія; и напротивъ, какъ несообразностью существующаго организма и его отправленія съ внѣшнею средою и ея условіями обусловливается не жизнь, не здоровье, а только болѣзнь и смерть организма, такъ точно и несообразностью между субъективнымъ образомъ мышленія и объективнымъ содержаніемъ существованія обусловливается лишь мнимое знаніе, или невѣжество и его заблужденія.

Болѣе краткимъ образомъ это самое можно выра-

зить опредѣленіемъ, что дѣйствительность знанія заключается въ полномъ совпаденіи другъ съ другомъ субъективной увѣренности съ объективной достовѣрностью бытія; напротивъ, несовмѣстность субъективной увѣренности съ объективною достовѣрностью бытія есть несомнѣнное свидѣтельство, которымъ изобличается мнимое знаніе, или невѣжество.

При этомъ можно спросить, какими же признаками обнаруживается и распознается въ одномъ случаѣ эта сообразность, а въ другомъ эта несообразность между субъективною увѣренностью и объективною достовѣрностью бытія? такъ какъ всякій споръ въ томъ собственно и состоитъ, что одинъ находитъ сообразнымъ то именно, что другому представляется ни съ чѣмъ несообразнымъ.

На такой вопросъ отвѣчать можно, во-первыхъ, что о сообразности и несообразности образа субъективнаго мышленія съ содержаніемъ объективнаго существованія судится тѣмъ же способомъ, какимъ всякій судитъ о своемъ здоровьѣ и о своей болѣзни: кто здоровъ или кто болѣетъ, тотъ не нуждается въ діагнозѣ врача, чтобъ знать, что онъ здоровъ или боленъ; непосредственное чувство полноты жизни или болѣзненности каждому сказываетъ это и безъ діагнозы врача.

А во-вторыхъ, самый обыкновенный недостатокъ существующихъ и господствующихъ образовъ мышленія заключается не столько въ несообразности другъ съ другомъ обоихъ терминовъ дѣйствительнаго знанія, сколько въ полнѣйшемъ отсутствіи одного изъ нихъ: такъ что о ихъ сообразности или несообразности между собою и рѣчи не можетъ быть: при столь односторонихъ образахъ мышленія вовсе нѣтъ самаго соображенія, ибо не съ чѣмъ соображаться.

Образъ мышленія, обзываемый суевѣріемъ, покоится существенно на субъективной увѣренности, не вѣдая вовсе того, что представляется какъ объективная достовѣрность. Съ своей стороны, образъ мышленія, обзывае-

мый невѣріемъ, покоится существенно на объективной достовѣрности, и относится съ полнымъ пренебреженіемъ къ тому, что предъявляется какъ субъективная увѣренность.

Безъ сомнѣнія, такъ какъ и въ суевѣріи и въ невѣріи проявляется нѣкоторый образъ знанія, а всякій образъ знанія есть по необходимости нѣкоторое отношеніе субъекта къ объекту, то ни при суевѣріи объективная сторона, ни при невѣріи субъективная сторона не могутъ быть устранены безусловно: потому что при безусловномъ устраненіи этихъ сторонъ не могъ бы состояться никакой образъ мышленія. Онѣ вполнѣ, окончательно и не устраняются, а только низводятся до наименьшей степени значенія, — до значенія какого то ненужнаго и особаго вниманія нестоющаго придатка.

Уже по первому взгляду, а тѣмъ болѣе при нѣкоторомъ анализѣ отношенія, въ какомъ стоятъ другъ къ другу суевѣрный и невѣрующій образы мышленія, не трудно усмотрѣть, что суевѣріе относится смѣлѣе къ самому основанію, на которомъ покоится невѣріе, и вираетъ съ нескрываемымъ осужденіемъ на его опытное, научное знаніе, и особенно на его научную критику съ ея нестерпимыми притязаніями провѣрять своими пріемами не только истинность, но и самую подлинность тѣхъ, никакому сомнѣнію не подлежащихъ священныхъ свидѣтельствъ, документовъ и авторитетовъ, которые, воспринимаясь вѣрою, внушаютъ сами собою непобѣдимую увѣренность въ ихъ истинѣ и, не нуждаясь въ доказательствахъ, не требуютъ никакихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій: такъ какъ они свидѣтельствуютъ лишь о томъ, чему непосредственно, само собою вѣрится безъ всякихъ доводовъ, одною силою простаго чувства и нетольнаго порыва любящаго, вѣрующаго и надеждою исполненнаго сердца.

Такъ что, если бъ образъ мышленія, называемый суевѣріемъ, осуществлялся со всею послѣдовательностью и во всей чистотѣ его одушевляющаго начала, то тогда суе-

ность его имѣла бы свое полное выраженіе въ формулѣ: я вѣрю, и потому не хочу и не имѣю надобности знать что либо другое.

Невѣріе съ своей стороны, пребывая холоднымъ къ столь горячимъ увѣреніямъ, не довольствуется, да и не можетъ довольствоваться ихъ субъективною увѣренностью. По его мнѣнію полагаться на такую увѣренность не слѣдуетъ: потому что она находится въ сознаніи или въ душѣ вовсе не какъ ея врожденная идея, а только какъ ея случайное настроеніе, образуемое въ ней подъ вліяніемъ различныхъ силъ, воздѣйствій и побужденій внѣшней среды. Такого случайнаго настроенія недостаточно для того, чтобы имѣть право что либо утверждать какъ сущую истину, а требуется болѣе твердое основаніе, которое и дается только дѣйствительнымъ, критически, научнымъ образомъ провѣреннымъ знаніемъ того, что не только мыслится или мнится, но и дѣйствительно есть, дѣйствительно находится и существуетъ во внѣшнемъ мірѣ какъ явленіе, какъ законъ, какъ безспорный фактъ существованія. Довѣряться можно и слѣдуетъ не субъективной увѣренности съ ея случайными внушеніями и настроеніями, которыя сокрыты внутри и трудно даются изслѣдованію, а только объективной достовѣрности съ ея фактическимъ внѣшнимъ содержаніемъ, которое не тайна какая, а явность, открытая для всѣхъ такъ, что всѣ могутъ, ни на чей авторитетъ не полагаясь, сами провѣрять оное и сами судить о немъ не въ силу смутныхъ гаданій, но въ силу опредѣленнаго и положительнаго знанія.

И если бы образъ мышленія, именуемый невѣріемъ, осуществлялся съ строгою послѣдовательностью и во всей чистотѣ имъ признаваемаго начала и метода, то сущность его выражалась бы вполнѣ формулою: я самъ собою и самъ изъ себя не утверждаю ничего, ни въ какія внутреннія прозрѣнія не вѣрю и не имѣю надобности вѣрить: но во всемъ полагаюсь только на явныя

указанія и достовѣрныя данныя опыта, наблюденія и научнаго знанія.

По сравненіи этихъ формулъ, въ которыхъ высказывается, если не самая сущность суевѣрія и невѣрія, то по крайней мѣрѣ ихъ существенная, различительная черта, можно видѣть, что первое, имѣя своею точкою опоры субъективную, внутреннюю увѣренность, или собственно самый образъ, самый строй своего мышленія, оставляетъ объективную, внѣшнюю сторону существованія или его содержаніе, открываемое опытомъ и наблюденіемъ, какъ бы въ тѣни, въ сторонѣ и не придаетъ ему почти никакого значенія. Для невѣрія, наоборотъ, эта самая увѣренность, съ ея тайными внушеніями и настроеніями, не только остается въ сторонѣ и въ тѣни, но считается совершенно призрачнымъ миражемъ, обману котораго душа и подвергается потому, что она сама по себѣ, какъ tabula rasa, какъ отсутствіе всякаго содержанія, есть чистѣйшая пустота, вполнѣ подобная тѣмъ пустынямъ, которымъ особенно свойственны этого рода обманчивые миражи. Свою точку опоры и основаніе для каждаго изъ своихъ утвержденій и положеній невѣріе находитъ отнюдь не въ душѣ, подлежащей такимъ обманамъ, и не въ самомъ образѣ или строѣ мышленія, а единственно въ объективной достовѣрности внѣшняго, лишь опытомъ и наблюденіемъ познаваемаго содержанія существующаго міра.

Внутренняя увѣренность суевѣрія представляетъ собою только субъективный образъ мышленія, только одинъ изъ двухъ терминовъ, требуемыхъ для дѣйствительности знанія. Внѣшняя достовѣрность невѣрія представляетъ собою только объективное содержаніе существованія, только другой изъ двухъ терминовъ, требуемыхъ для дѣйствительности знанія. А для ея осуществленія требуется не одинъ, а оба термина его,— какъ субъективный, такъ и объективный, потому что при одномъ изъ нихъ за исключеніемъ другаго, какъ ихъ сообразность, такъ и ихъ несообразность другъ съ другомъ были бы немы-

сими,—т. е. не могло бы быть ни дѣйствительнаго, ни мнимаго знанія. Отсюда очевидно, что ни суевѣріе, ни невѣріе, при ихъ взаимной исключительности, не удовлетворяютъ требованію, которымъ обусловливается возможность знанія вообще, не только дѣйствительнаго, но даже и мнимаго; при нихъ не можетъ быть рѣчи ни о сообразности, ни о несообразности терминовъ знанія; такъ какъ за недостаткомъ одного изъ нихъ не можетъ состояться никакое соображеніе, ни недостаточное, ни полное.

Еслибъ можно было допустить полное и безусловное отсутствіе другаго термина знанія и при суевѣріи и при невѣріи, то слѣдовало бы заключить, что какъ тотъ, такъ и другой образъ мышленія вовсе не осуществляютъ собою знаніе, а только нѣкоторое, смутное недоразумѣніе, – нѣкоторый незавершенный починъ, или зачатокъ того, что должно было стать знаніемъ.

Но, такъ какъ при каждомъ изъ этихъ образовъ мышленія на самомъ дѣлѣ находится и другой терминъ, хотя и въ стёртомъ видѣ, въ сокрытомъ состояніи, то заключить слѣдуетъ, что и тотъ, и другой представляютъ въ себѣ лишь очевидную несообразность обоихъ терминовъ знанія; чѣмъ и обусловливается не дѣйствительное, а только мнимое знаніе, или невѣжество, которое и лежитъ въ самомъ основаніи какъ суевѣрія, такъ и невѣрія.

И въ самомъ дѣлѣ, опираясь лишь на своей внутренней увѣренности, лишь на субъективности своего наличнаго настроенія, которая за недостаткомъ соображенія съ другимъ, объективнымъ терминомъ знанія, страдаетъ по необходимости неопредѣленностью и легко смѣшиваетъ чувство съ чувственностью, суевѣріе, какъ нѣкотораго рода непосредственное внушеніе, одинаково можетъ быть или чистымъ помысломъ, напіемъ свыше, лучезарнымъ видѣніемъ силъ небесныхъ и безплотныхъ ангеловъ; — или же чисто физіологическимъ расположе-

ніемъ, неизменнымъ возбужденіемъ животности и слѣпымъ инстинктомъ тупоумія и безсмыслія.

Само въ себѣ оно совершенно неспособно ни судить, ни опредѣлить содержаніе, какое въ немъ находится, и не можетъ знать, дано ли оно ему напіемъ свыше, или же пришло ему побужденіемъ снизу: потому что, за отсутствіемъ въ немъ одного изъ терминовъ сужденія, никакое сужденіе въ немъ состояться не можетъ.

Совершенно иначе складывается образъ мышленія, свойственный невѣрію. Достовѣрность имъ утверждаемаго содержанія почерпается имъ не изъ себя и не изъ субъективной увѣренности такого или иного настроенія: она дается ему объективнымъ, доказательнымъ образомъ изъ данныхъ опыта и наблюденія всего, что непосредственно находится, существуетъ и испытывается въ самой внѣшности, и можетъ быть провѣрено и удостовѣрено тою же самою внѣшностью при всякихъ настроеніяхъ, какъ неизмѣнный фактъ, какъ реальное содержаніе и постоянный порядокъ всего существованія.

По само собою внѣшнее, видимое содержаніе существующаго міра чрезвычайно разнообразно, и представляющіяся въ немъ различія до того велики, что представляются необъятными и несообразимыми какимъ бы то ни было образомъ. Міръ исполненъ противорѣчія: въ немъ можно усмотрѣть на ряду другъ съ другомъ — красоту и безобразіе, добро и зло, истину и ложь, жизнь и смерть, одно и другое. На основаніи какъ всесторонняго опыта, такъ и тщательнаго наблюденія совершенно невозможно рѣшить, что такое міръ въ своемъ дѣйствительномъ образѣ, въ чемъ его сущность: есть ли онъ красота или безобразіе, есть ли онъ добро или зло, есть ли онъ истина или ложь, призракъ, обманъ; есть ли онъ жизнь или смерть, есть ли онъ что нибудь одно — сущее, или напротивъ, — вовсе не сущее одно, а только все другое; или — которое же изъ двухъ міровоззрѣній, основанныхъ на точномъ опытѣ и на внима-

тельномъ наблюденіи истинно и которое ложно, міровоззрѣніе ли оптимистовъ или міровоззрѣніе пессимистовъ?

Будучи въ себѣ самомъ — субъективно — лишь tabula rasa, пустота и отсутствіе всякаго опредѣлительнаго начала, невѣріе не имѣетъ возможности разобраться въ столь сложномъ и столь противорѣчивомъ содержаніи и, утверждая на его основаніи какъ одно, такъ и другое,— и красоту и безобразіе, и добро и зло, и истину и ложь, и смыслъ и безсмысліе, — вовсе не можетъ судить о его дѣйствительности, такъ какъ за отсутствіемъ другаго, субъективнаго термина никакое сужденіе состояться въ немъ не можетъ.

Въ дѣйствительной сферѣ сознанія, гдѣ, при наличности обоихъ терминовъ сужденія, возможны — какъ дѣйствительное знаніе, такъ и состоятельный судъ, — очевидно, что, если съ одной стороны темное, неопредѣленное значеніе суевѣрія, за отсутствіемъ въ немъ его точно опредѣленныхъ знаковъ, не представляетъ собою никакого ручательства и не даетъ твердаго основанія для познанія истины, то съ другой стороны — точно также и твердо опредѣленные знаки внѣшняго, видимаго бытія, на которые ссылается невѣріе, и которые сами собою и въ самихъ себѣ не представляютъ никакого значенія, никакого смысла, не даютъ ему ни права, ни возможности заключить о томъ, что такое самая дѣйствительность всего существованія, въ чемъ ея истинное значеніе и въ чемъ ея дѣйствительный смыслъ; такъ какъ совершенно немыслимо, да и невозможно, чтобъ дѣйствительное существованіе – существовало безъ всякаго значенія, безъ всякаго смысла.

Если мысль безъ ее выражающаго слова непонятна, то и слово безъ имъ выражаемой мысли безсмысленно. Если внутреннее субъективное значеніе безъ своего внѣшняго, объективнаго знака тёмно, то и внѣшній, объективный знакъ безъ своего внутренняго субъективнаго значенія безсмысленъ и пустъ; и быть можетъ, смут-

ная темнота заключаетъ въ себѣ болѣе содержанія, чѣмъ совершенно ясная пустота.

Значеніе и его знакъ суть два термина, составляющіе другъ съ другомъ одну нелѣлимую и живую цѣлость: при расторженіи ихъ живой нелѣлимости, оба термина обращаются въ абстракцію; значеніе безъ своего знака — въ абстракцію чувственности, а знакъ безъ своего значенія — въ абстракцію отвлеченности.

Суевѣріе, хранящее въ себѣ свое глубокое значеніе, безъ его внѣшняго объективнаго знака, и есть только чувственная абстракція, а невѣріе, схватывающее внѣшній, видимый знакъ существованія безъ его глубокаго значенія, безъ его субъективной души, и есть только отвлеченная абстракція; и то, и другое — только абстрактные элементы расторженія, или распаденія того, что было живою нелѣлимостью дѣйствительной вѣры, которая, если не по образу, то по существу своему есть тоже, что и дѣйствительное знаніе, т. е. полная и живая сообразность въ себѣ самомъ увѣреннаго, субъективнаго образа мышленія съ вполнѣ достовѣрнымъ объективнымъ содержаніемъ существованія.

Какъ бывало и прежде, такъ отъ времени до времени появляются и нынѣ мнимые и крайне ревнивые спасители и благодѣтели людскаго рода, которые, ревнуя возстановить и оживить въ сердцахъ людей ихъ угасшую или угасающую вѣру, пытаются всякаго рода измышляемыми мѣропріятіями возсоединить и спаять другъ съ другомъ ея мертвенные осадки, представляющіеся въ видѣ суевѣрія и невѣрія, и надѣются, что при ихъ содѣйствіи и ихъ усиліями вновь вспыхнувшій пламень живой, дѣйствительной вѣры вновь согрѣетъ и освѣтитъ постылую, людскую жизнь, которая за отсутствіемъ вѣры, утративъ всякую дѣйствительность, исходитъ въ пустотѣ и пропадаетъ въ призракахъ и кошемарахъ.

Такого рода надежды, какъ и въ виду ихъ принимаемыя мѣры, свидѣтельствуютъ только или о край-

немъ суевѣріи, или о крайнемъ невѣріи такихъ ревнителей и указываютъ, что они утратили дѣйствительную вѣру до полнаго забвенія ея истиннаго смысла.

Изъ мертвыхъ останковъ жизни вызывается не жизнь, а только смрадъ разложенія; такъ и изъ мертвыхъ осадковъ застывшей вѣры вызывается не вѣра, а только безсмысліе, обманъ и лицемѣріе со всѣми ихъ безобразіями.

Мертвые осадки, или абстрактные элементы вѣры, — суевѣріе и невѣріе, — не возсоединяются и не могутъ быть возсоединены другъ съ другомъ: они по необходимости только болѣе и болѣе разлагаются, потому что претятъ другъ другу; и ихъ дальнѣйшее разложеніе не можетъ прекратиться, пока не достигнетъ своихъ крайнихъ предѣловъ и не закончится въ полнѣйшемъ тупоуміи или безсмысліи.

Одна изъ сторонъ разложенія вѣры, отлагаясь въ образѣ суевѣрія, представляетъ своимъ содержаніемъ лишь то, что чувствуется, что непосредственно ощущается какъ чувственное значеніе, или какъ темная матерія вѣры безъ ея свѣтлаго и объясняющаго знака; это темное значеніе, по отсутствію при немъ его яснаго знака, который бы дѣлалъ его понятнымъ для другихъ и въ сферѣ другаго, т. е. въ сферѣ существованія, пребывая лишь при своей внутренней, несказанной увѣренности и лишенный явной, видимой достовѣрности, можетъ именно только чувствоваться, только ощущаться, но не можетъ выражаться; ибо оно уже по самому существу себѣ соотвѣтствующимъ образомъ невыразимо.

Но оно при томъ всѣ же не можетъ оставаться совсѣмъ безъ всякаго выраженія; такъ какъ безъ своего выраженія притупѣло бы неминуемо и самое интенсивное чувство, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ оно интенсивнѣе; поэтому оно и вынуждено хвататься за всякаго рода внѣшніе, совершенно случайные и ему самому наименѣе соотвѣтствующіе, вовсе неподходящіе знаки выраженія: хватаясь за нихъ, чтобъ придать себѣ нѣкоторую

объективность, суевѣріе напрягаетъ всю силу своего чувства, чтобъ приписать этимъ внѣшнимъ знакамъ свое внутреннее значеніе, которое, такъ какъ они сами собою его въ себѣ не имѣютъ, и навязывается имъ насильственнымъ образомъ.

Сознавая однако явную несообразность между своимъ глубокимъ, тайнымъ значеніемъ и между ими принятыми видимыми знаками выраженія, суевѣріе втайнѣ, про-себя, совѣстится ими пользоваться, и сначала, какъ бы забывая и оставляя ихъ въ сторонѣ, держится главнымъ образомъ, подъ покровомъ своей безпредѣльной увѣренности, силою своего неподдѣльнаго, невыразимо-глубокаго чувства и неодолимаго порыва, съ которымъ сердце жаждетъ и алчетъ соприкосновенія и сліянія съ безконечною истиною, какъ съ источникомъ вѣчной жизни.

Потомъ уже, въ огнѣ столь пламенной увѣренности сгораютъ или растапливаются всякаго рода сторонніе соображенія и опасенія, и если суевѣрное сердце вначалѣ стыдилось и совѣстилось несообразности своего внутренняго значенія съ его внѣшними знаками, то вскорѣ затѣмъ оно, начиная стыдиться своей стыдливости и совѣститься своей совѣстливости, обращается въ пламенное, ни предъ чѣмъ неостанавливающееся и непостыдимое усердіе; credo, quia absurdum est.

Усердію все возможно; оно беретъ исполнить смысломъ своимъ и самое безсмысліе: и потому, не вѣдая стыда и только слѣдя за измѣнчивостью своихъ сердечныхъ настроеній, расположеній, разнообразныхъ позывовъ и надобностей, суевѣріе, чтобъ отвѣчать каждому изъ своихъ проявленій, очень скоро переполняется самыми разнородными сказаніями, свидѣтельствами, документами, обрядами и всякаго рода священными вещами, долженствующими выражать его невыразимое внутреннее значеніе.

По мѣрѣ накопленія этихъ знаковъ, увеличивается и ихъ несообразность съ выражаемымъ ими значеніемъ,

которое за ними или совсѣмъ забывается, или извращается до неузнаваемости.

Наконецъ, эта несообразность выростаетъ до того, что суевѣріе, при всемъ усердіи своемъ, уже не въ состояніи вынесть и переварить ее, и тогда для него наступаетъ критическое мгновеніе, изъ котораго оно выходитъ лишь въ измѣненномъ, реформированномъ или вполнѣ извращенномъ видѣ.

Никакая напряженность сильно чувствуемыхъ, или ощущаемыхъ, нервныхъ настроеній не можетъ длиться безпредѣльно; и чѣмъ она сильнѣе, тѣмъ скорѣе достигается ею ея неизбѣжный кризисъ. Такимъ образомъ всякаго рода шаманство, кликушество, вѣщунство, изувѣрство, всякаго рода иллюминизмы, піетизмы, магнетизмы, спиритизмы неминуемо находятъ свой окончательный исходъ, если не въ тупоуміи рутины или идіотства, то въ шарлатанствѣ. На томъ же основаніи и суевѣріе, воспаленное усердіемъ, пытаясь представить самое несообразное вполнѣ сообразнымъ и явно-невозможное не только возможнымъ, но и единственно дѣйствительнымъ, если не теряется въ тупоуміи рутинныхъ отправленій, неминуемо сталкивается и приходитъ въ явное противорѣчіе съ трезвыми показаніями посторонняго свидѣтеля, который, идя своею дорогою, противъ воли своей вынужденъ участвовать въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ и положеній въ качествѣ научнаго знанія.

Случилось какъ-то, что суевѣріе, пользуясь его смыслу неподходящими знаками внѣшняго существованія и смѣшивая свою истину съ истинами иного порядка, нашлось вынужденнымъ утверждать съ ему свойственною увѣренностью, что небеса, солнце, луна и звѣзды вращаются вокругъ неподвижно въ центрѣ міра стоящей земли; что существованію міра отъ его начала, или сотворенія, до христіанской эры — всего 5000, или много, много 6000 лѣтъ.

Научное знаніе, когда его о томъ спросили, отвѣ-

чало съ своей стороны, что это невѣрно и, не желая ни отрицать, ни утверждать и вовсе не касаясь того, что составляетъ самую сущность внутренней, глубокой увѣренности суевѣрія, не могло однакоже признать правильными его внѣшнія и случайныя утвержденія, съ которыми оно связало душу свою.

Еслибъ суевѣріе не держалось за внѣшнія вещи и за самую матерію вещей, которая такъ измѣнчива, то между нимъ и научнымъ знаніемъ не могло бы быть разлада; такъ какъ ихъ пути, проходя въ несоприкасающихся другъ къ другу сферахъ вѣдѣнія, не могли бы встрѣчаться взаимно. Но хватаясь за внѣшнія вещи, какъ за существенные знаки, которыми выражается его внутреннее значеніе, суевѣріе вступаетъ по необходимости въ антагонизмъ съ научнымъ знаніемъ, съ полнымъ правомъ считающимъ эти внѣшніе знаки бытія, эти вещи и все ихъ содержаніе, всѣ ихъ отношенія въ области своего вѣдѣнія и своимъ исключительнымъ достояніемъ.

Эмпирически, въ тѣсно ограниченныхъ сферахъ невѣжества, исключающихъ всякую возможность соприкосновенія съ значеніями всего другаго, суевѣріе, пылающее усердіемъ, очень легко обращается въ рутину, при которой смыслъ исчезаетъ, и остается одно тупоуміе, безучастное въ движеніи жизни: въ такомъ образѣ, суевѣріе, подобно муміи, можетъ очень долго сохраняться безъ всякихъ измѣненій и пребывать ничѣмъ непронутымъ, неподвѣльнымъ суевѣріемъ; но въ сферахъ, гдѣ нѣтъ жизненнаго застоя, гдѣ нельзя уберечься отъ встрѣчъ и соприкосновеній со всѣми теченіями и направленіями ума, мысли, знанія и жизни, суевѣріе не можетъ не притти къ полному сознанію рѣзкой несообразности своего внутренняго, глубокаго значенія съ своимъ внѣшнимъ выраженіемъ въ столь случайныхъ и ему вовсе не подходящихъ, внѣшнихъ знакахъ.

А такъ какъ эти внѣшніе знаки, эти матеріальныя вещи плотно его же усердіемъ покрѣпко спаяны воедино съ его значеніемъ, съ его внутреннимъ смысломъ,

то оно и не можетъ ни отказаться, ни отрѣшиться отъ нихъ, не отказываясь и не отрѣшаясь въ то же время и отъ своего значенія, и отъ своего смысла.

Вслѣдствіе этого, суевѣріе, если оно не обращается послѣ всякаго рода реформъ прямо въ невѣріе, необходимо впадаетъ въ шарлатанство и подъ покровомъ благодѣтельнаго обскурантизма, избѣгая свѣта научнаго знанія, отстаиваетъ свою зашѣтную истину при помощи благочестиваго обмана и лицемѣрія.

Невѣріе отлагается въ особый образъ мышленія лишь какъ другая сторона, какъ другой, абстрактный элементъ разложенія дѣйствительной вѣры. Непричастное ни лицемѣрію, ни обману, ни шарлатанству, оно правдиво по существу своему; ему претитъ всякаго рода обманъ. Признавая открыто, явно, что оно не есть вѣра, оно относится отрицательно ко всякаго рода утвержденіямъ, принимаемымъ бездоказательно на вѣру, и, указывая на несообразности, присущія суевѣрію, отрѣшается вполнѣ не только отъ его несообразныхъ знаковъ, священныхъ вещей, книгъ, свидѣтельствъ, документовъ, сказаній, авторитетовъ, обрядовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ его глубокаго смысла, отъ его внутренняго значенія, подразумѣваемаго этими знаками.

Но, не находя въ себѣ самомъ никакого собственнаго значенія, ни смысла, ни врожденныхъ идей, оно присвоиваетъ себѣ, какъ знаки бытія своего, все содержаніе научнаго знанія, т. е. тѣ эмпирическія данныя опыта и наблюденія, которыя, въ противуположность произвольно измышленнымъ, священнымъ знакамъ суевѣрія, хотя и не священны, находятся во внѣшнемъ мірѣ настоящими и вполнѣ правдивыми знаками его реальнаго существованія.

Присвоивая себѣ всѣ знаки научнаго содержанія, невѣріе чрезъ это не становится наукою, но, различаясь отъ нея по самому существу, сливается въ одно только съ тѣмъ, что называется научностью, образующею надъ самымъ ядромъ науки какъ бы ея науч-

ную атмосферу. Вслѣдствіе этого, и всякое положеніе и всякое отрицаніе невѣрія утверждаются не иначе, какъ именемъ науки и на основаніи научнаго знанія.

А потому, хотя наука въ сферѣ своего вѣдѣнія вовсе не вѣдаетъ ни о значеніяхъ суевѣрія, ни о значеніяхъ невѣрія, она однако же обыкновенно противополагается вѣрѣ — объективно, какъ ея антитезисъ, а субъективно — какъ ея антогонистъ, или отъявленный противникъ: такъ что бѣдной, ни въ чемъ неповинной наукѣ приходится отвѣчать предъ суевѣріемъ за всѣ грѣхи невѣрія, о которыхъ она въ сферѣ своего вѣдѣнія даже и понятія не имѣетъ.

Никакое существованіе безъ смысла въ себѣ самомъ, или безъ истины, которою оно въ себѣ утверждается и которую оно собою утверждаетъ, не можетъ быть дѣйствительнымъ существованіемъ и есть только пустой призракъ: а потому и невѣріе, чтобы не быть призрачнымъ, должно тоже заключать въ себѣ истину, сообщающую ему его дѣйствительность: не имѣя оной въ себѣ непосредственно, оно держится лишь надеждою найти ее въ имъ усвоенномъ содержаніи научнаго знанія. Но въ этой надеждѣ оно жестоко ошибается. При всемъ богатствѣ и объемѣ своего научнаго содержанія, научное знаніе не можетъ ни восполнить его недостатокъ, ни сообщить ему то внутреннее значеніе, тотъ глубокій смыслъ истины, которыми невѣріе не обладаетъ a priori въ себѣ самомъ.

Взятая въ своей цѣлости, вся наука подобна длинной и очень складной рѣчи, которая непрерывно течетъ: прислушиваясь съ напряженіемъ къ этой рѣчи, научное знаніе усваиваетъ изъ нея на лету множество словъ и реченій, предложеній, посылокъ, выводовъ, порою цѣлые силлогизмы, цѣлые періоды съ ихъ разнообразными положеніями, сужденіями и заключеніями. Но не выслушавъ и не зная ни ея вступительнаго начала, ни ея заключительнаго конца, оно не схватываетъ ея полнаго значенія и не постигаетъ ея смысла; оно пользуется отчасти ея разнородными знаками, познаетъ феномены

міроваго бытія; но ихъ сущность, ихъ дѣйствительное значеніе, ихъ истинный смыслъ, ускользая отъ него, остаются ему недоступными. А потому, если бы научное знаніе и хотѣло слить судьбу свою съ судьбою невѣрія, оно не въ силахъ сообщить ему того, въ чемъ оно такъ нуждается, чтобъ не быть пустымъ призракомъ.

При томъ высокомѣріи, съ какимъ невѣріе обращается къ суевѣрному образу мышленія и къ его невѣжественнымъ предразсудкамъ, ему особенно чувствительно и крайне обидно сознавать въ себѣ самомъ отсутствіе смысла и оказываться нѣкоторымъ теоретическимъ образомъ безсмыслія, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ за цѣлостное міровоззрѣніе; такъ какъ и самое убогое міровоззрѣніе все же должно быть исполнено своимъ началомъ, или своимъ собственнымъ смысломъ, разумѣющимъ въ себѣ истину, на которой оно утверждается. Этой начальной истины не могутъ замѣнить такъ называемыя научныя или относительныя истины, потому что онѣ совсѣмъ иного порядка и вовсе не касаются той первоначальной, апріорной истины, о которой рѣчь идетъ между суевѣріемъ и невѣріемъ и безъ которой какъ утвержденія перваго, такъ и отрицанія втораго были бы немыслимы и невозможны.

Предполагая сдѣлать своимъ началомъ и своимъ смысломъ самое отрицаніе первоначальной, безусловной истины, невѣріе тѣмъ самымъ отнимаетъ у себя всякое право и самую возможность что либо отрицать: ибо, если нѣтъ истины, то оно отрицаетъ не во имя и не на основаніи истины, а только во имя и на основаніи своей пустоты. Но пустота не имѣетъ никакого права и не представляетъ собою ни малѣйшаго основанія ни для утвержденія, ни для отрицанія.

Какъ утверждать, такъ и отрицать попусту или изъ за пустого невозможно.

На взглядъ невѣрія, напрасно пытающагося стать міровоззрѣніемъ, во всемъ мірѣ, во всей дѣйствитель-

ности существованія вовсе нѣтъ никакого смысла, никакой души, никакой жизни, а проявляется только чистая механика всякаго рода толчковъ и сцѣпленій, только необятная и совершенно пустая отвлеченность бытія: въ ней господствуютъ непреложные законы всеобщей необходимости, которая однако, за отсутствіемъ въ ней ея собственнаго внутренняго, или субъективнаго опредѣленія, какъ пустой знакъ безъ своего значенія, опредѣляется и сама только механически, т. е. только тѣми же самыми единичными фактами и случайными явленіями, надъ которыми будто бы она господствуетъ.

Обладая въ пустотѣ своей отвлеченности, какъ эта мнимая необходимость, всѣми знаками міроваго существованія, невѣріе, конечно, неспособно ни къ обману, ни къ лицемѣрію; потому что въ немъ только чистая пустота абстракціи, только отвлеченная научность, и вовсе нѣтъ живой чувственной матеріи реальнаго существованія, нѣтъ существенности даже и на столько, чтобъ изъ нея могъ сложиться хотя бы обманъ, для котораго требуется не пустая формула, не отвлеченный знакъ бытія, но страстное значеніе конкретной жизни.

Впрочемъ, если суевѣріе и прибѣгаетъ къ обману, то оно обманываетъ имъ только другихъ; себя же самое оно не обманываетъ, да и не можетъ обмануть. А невѣріе, напротивъ, никого другихъ не обманывая, обманываетъ самоё себя, потому что мнитъ о себѣ, что оно есть нѣчто, тогда какъ дѣйствительно оно есть лишь чистѣйшее ничто, облеченное призрачною личиною бытія. Если его спросить: кто или что оно такое, то оно найдется вынужденнымъ отвѣтить — ничто; потому что само не найдетъ въ себѣ никакого содержанія, ни какого смысла.

Оба образа мышленія — суевѣріе и невѣріе — враги другъ другу: благочестивый обманъ перваго ненавистенъ второму, а неблагочестивая правда втораго ненавистна первому. Объ ихъ возсоединеніи разнаго рода мѣропріятіями нечего думать, такъ какъ оно немыслимо

и невозможно. А между тѣмъ, суевѣріе съ его внутреннею, субъективною увѣренностью и невѣріе съ его внѣшнею, объективною достовѣрностью — собственно и суть тѣ два свидѣтеля, которые требуются для засвидѣтельствованія истины. — Но ихъ свидѣтельство цѣнно лишь, когда оба свѣдѣтельствуютъ совмѣстно другъ съ другомъ; а въ одиночку, какъ свидѣтельство одного, такъ и свидѣтельство другаго никакой цѣны не имѣютъ и вносятъ въ умы только смуту и сомнѣніе; потому что, представляясь врозь и отдѣльно другъ отъ друга, каждое изъ нихъ свидѣтельствуетъ уже не о самой жизни и живой вѣрѣ ея, а только объ абстрактныхъ элементахъ и мертвенныхъ осадкахъ разложенія жизни и вѣры.

Но, подобно тому, какъ абстрактные элементы и самые осадки разложенія, остающіеся послѣ жизни, даютъ нѣкоторую возможность и нѣкоторое основаніе судить о ея дѣйствительномъ образѣ, такъ и абстрактные элементы вѣры — суевѣріе и невѣріе — могутъ до нѣкоторой степени служить внѣшнимъ, видимымъ указаніемъ на то, что есть вѣра по существу ея, въ ея живомъ, дѣйствительномъ образѣ.

Если бы не опасаться обычнаго недоразумѣнія, свойственнаго формальному или абстрактному мышленію, при которомъ всякій образъ жизни замѣняется какимъ либо образомъ внѣшняго механизма, то можно было бы сказать, что дѣйствительная вѣра есть по самому существу ея живая недѣлимость истины, которою держится суевѣріе, съ истиною, которою дышетъ невѣріе; или собственно—та единая, живая и недѣлимая истина, въ которой и тотъ и другой образы мышленія могли бы, не насилуя и не ломая другъ друга, совпасть въ полнотѣ согласія и взаимнаго саморазумѣнія, еслибъ ихъ не разъединяла матерія недоразумѣнія.

Но такое согласіе, такое саморазумѣніе не можетъ быть ни суммою, ни механическимъ сочетаніемъ одного съ другимъ. Недѣлимость одного съ другимъ, или нѣци-

видуальность, есть выраженіе, которымъ обозначается то, что живетъ, или — что есть самая жизнь; и потому она исполнена только жизненнымъ значеніемъ, въ которомъ нѣтъ мѣста ни для механики, ни для механическихъ отношеній.

По этому, если позволительно въ нѣкоторомъ смыслѣ, въ видѣ поясненія сказать, что дѣйствительная вѣра есть недѣлимость истины суевѣрія съ истиною невѣрія, то это должно разумѣть никакъ ни въ матеріально-механическомъ значеніи, какъ будто двѣ различныя истины смѣшиваются въ одну истину или въ одно общее сочетаніе другъ съ другомъ.

Двухъ истинъ нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ истина одна; но могутъ быть ея различныя, другъ съ другомъ несогласныя, болѣе или менѣе недостаточныя выраженія, которыя однако равнымъ образомъ ни смѣшать, ни сочетать другъ съ другомъ въ одно выраженіе невозможно: такое смѣшанное или составное выраженіе не выражало бы ровно ничего.

Какъ суевѣріе, такъ и невѣріе имѣютъ въ своемъ основаніи ту же самую истину; но первое стремится найти полное выраженіе ея положительнаго смысла; а второе полагаетъ всю душу свою лишь въ отрицаніи того безсмыслія, которымъ искажается ея дѣйствительный смыслъ; собственно и то, и другое, — первое своимъ утвердительнымъ, а второе своимъ отрицательнымъ образомъ — пытаются выразить одну и ту же истину, но по недостатку въ нихъ смысла саморазумѣнія, они разъединены между собою матеріею ихъ взаимнаго недоразумѣнія и не могутъ уразумѣть другъ друга. Вслѣдствіе этого каждое изъ нихъ остается при себѣ лишь абстрактнымъ элементомъ ихъ обоюднаго неразумѣнія и ни то, ни другое неспособно стать и проникнуться истиннымъ смысломъ дѣйствительной вѣры.

Еслибъ оказалось возможнымъ устранить или разъяснить смутную матерію ихъ разъединяющаго недоразу-

мѣнія, то они, совпавъ другъ съ другомъ въ живую недѣлимость отрицанія всякаго безсмыслія съ утвержденіемъ безусловнаго смысла истины, стали бы единою, дѣйствительною вѣрою.

Въ дѣйствительной вѣрѣ, разумѣется, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда ни того, что называется суевѣріемъ, ни того, что называется невѣріемъ: она есть лишь полнота живаго смысла саморазумѣнія, въ которомъ, какъ въ самой жизни, нѣтъ и не можетъ быть ни догматическихъ утвержденій, ни догматическихъ отрицаній. Какъ жизнь или огонь, которые горятъ, постоянно сжигая въ своемъ пламени привходящія имъ изъ внѣ матерьялъ ихъ горѣнія, такъ и вѣра не есть ни повтореніе, ни формальное подтвержденіе уже прежде установленныхъ догматовъ или формулъ; въ каждое мгновеніе она воспроизводится вновь и вновь горитъ, сжигая въ пламени своемъ безостановочно вновь прибывающій къ ней матерьялъ бытія и существованія.

Къ тому, что уже сложилось въ прошедшемъ, какъ смыслъ и самая истина всего существующаго, изъ неизсякаемой и безпредѣльной области будущаго, безостановочно наступая, приливаютъ новыя значенія, условія, опредѣленія, знанія, обстоятельства; съ новымъ содержаніемъ существованія, съ новыми образами наступившей реальности предъявляются новыя требованія. Все, что уже было разрѣшено на прежнихъ основаніяхъ, требуетъ новаго разрѣшенія на новыхъ основаніяхъ, при новыхъ условіяхъ.

Такой приливъ новаго, небывалаго къ старому, къ уже бывшему, приливъ неопредѣленно-смутнаго къ опредѣленно-ясному, несовершеннаго къ совершенному, эта измѣнчивость и превратность основаній и условій жизни и мысли, отражаясь невольною смутою въ смыслѣ саморазумѣнія, вызываютъ въ немъ глубокое раздумье, которое при недостаткѣ жизненной силы, легко можетъ перейти сперва къ духу сомнѣнія, къ скептицизму, а

затѣмъ и къ полнотѣ невѣрія. Такъ, при безенліи огня сжигать въ своемъ пламени матерьялъ горѣнія, онъ гаснетъ въ собственномъ чаду и дымѣ. Но если нѣтъ недостатка въ жизненной силѣ, то и жизненное раздумье не ведетъ къ распаденію смысла саморазумѣнія, и весь жизненный чадъ, весь жизненный дымъ не въ состояніи угасить жизненнаго пламени его живой вѣры, которая, пламенѣя неугасимымъ огнемъ, достигаетъ тѣмъ высшаго синтеза своего бытія и своего смысла, тѣмъ высшей недѣлимости своего жизненнаго саморазумѣнія, чѣмъ глубже и шире раздумье, служащее ей матерьяломъ, почвою и основаніемъ.

Такимъ образомъ дѣйствительная вѣра есть собственно то неугасаемое жизненное пламя, которымъ вся неудержимо наступающая смутная матерія жизни постоянно сгораетъ и обращается въ ея ясный, никакой смутѣ и никакимъ сомнѣніямъ неподлежащій смыслъ.

Вѣра не есть утвержденіе установленныхъ догматовъ; она есть живой смыслъ, или самая жизнь, которая, пока въ ней есть дыханіе, непрестанно вновь творитъ изъ себя свои догматы, — непрестанно вновь воспроизводитъ и утверждаетъ собою несомнѣнную истину, или сущность своего бытія.

Такимъ образомъ, то самое, что во внѣшности представляется лишь въ мертвенномъ отвлеченномъ образѣ невѣрія, въ жизненной недѣлимости (индивидуальности) вѣры есть лишь постоянно вновь наступающая матерія и проблема жизни, постоянно вновь требующая отъ жизненнаго смысла своего новаго разрѣшенія, которое, въ противоположность издавна готовымъ чувственнымъ утвержденіямъ внѣшнимъ образомъ установленнаго суевѣрія, и заключается въ самомъ творчествѣ жизни, или въ вѣчно вновь ею воспроизводимомъ синтезѣ взаимно-расходящихся терминовъ ея бытія и ея смысла.

Дѣйствительная вѣра есть собственно тотъ жизненный актъ саморазумѣнія, который, воспринимая въ

себя всю наступающую матерію міра,—раздвигается ею въ безконечно-великую амплитуду бытія, но, не разторгаясь ея безпредѣльной экстенсивностью, смыкаетъ ее въ себѣ, въ интенсивную безконечность своего живаго, всеобъемлющаго и всеразумѣющаго смысла.

А потому, вѣрить значитъ жить и претворять образомъ своей жизни всю матерію міроваго бытія въ живой смыслъ своего жизненнаго саморазумѣнія.

I. Вѣра какъ понятіе.

1. Смыслъ саморазумѣнія.

Въ позднее навечеріе классическаго міра, когда уже закатилось солнце его и закончился день, передъ самымъ наступленіемъ мрака средневѣковой ночи, св. Августинъ высказалъ вполнѣ опредѣленно и ясно то безспорное основаніе какъ субъективной увѣренности, такъ и объективной достовѣрности, которое впослѣдствіи обращено Р. Декартомъ въ живое начало новѣйшей философіи:

«А что, если ошибаешься? если ошибаюсь, то есмь. «Ибо, кто не есть, тотъ и ошибаться не можетъ: слѣ«довательно, — есмь, если ошибаюсь. И поелику есмь, «если ошибаюсь, то какъ бы могъ я ошибаться въ томъ, «что есмь, когда вѣрно, что есмь, если ошибаюсь. И такъ «какъ я былъ бы тотъ самый, кто ошибается, еслибъ я «ошибался, то несомнѣнно, что, зная себя сущимъ, я въ «этомъ не ошибаюсь. Отсюда слѣдуетъ, что, зная себя «сущимъ, я не ошибаюсь, ни въ томъ, что знаю, что «есмь, ни въ томъ, что я это самое знаю.» *)

*) Quid si falleris? Si enim fallor—sum. Nam qui non est, utique nec falli potest: ac per hoc sum si fallor. Quia ergo sum si fallor, quomodo esse me fallor, quando certum est me esse si fallor? Quia igitur essem qui fallerer etiam si fallerer; procul dubio in eo, quod me novi esse, non fallor. Consequens est autem, ut etiam in eo quod me novi esse non fallor sicut novi me esse, ita novi etiam hoc ipsum nosse me.

August. Civ. D. XI—26.

По прошествіи почнаго, средневѣковаго мрака, когда уже наступалъ новый день исторіи и всходило солнце новаго міра, въ его ясное утро, Р. Декартъ, высказывая тоже основное начало, какъ аксіому всего мышленія и всего существованія, выразилъ оное въ извѣстной картезіанской формулѣ: cogito — ergo sum.

Ея буквальный переводъ, — мыслю, слѣдовательно есмь, — не выражая вполнѣ ея истиннаго значенія, нерѣдко подавалъ поводъ къ важнымъ недоразумѣніямъ. Во избѣжаніе чего и съ тѣмъ, чтобъ передать не слова только, но самый смыслъ, эту формулу, на основаніи хода мысли и объясненій Р. Декарта, слѣдуетъ переводить: разумѣюсь, — стало быть есмь. Такъ какъ разумѣться самимъ собою собственно и значитъ быть, а быть собственно и значитъ разумѣться самимъ собою *).

---

*) Въ самомъ дѣлѣ. выраженіе: я мыслю,—по неопредѣленію объекта мысли, или того, о чемъ я мыслю, было бы вполнѣ неопредѣленнымъ и недостаточнымъ выраженіемъ и не могло бы служить основною формулою философіи, еслибъ въ немъ подразумѣвалось лишь абстрактное представленіе о мышленіи вообще. Такое представленіе можно бы было съ полнымъ правомъ замѣнить и всякимъ другимъ представленіемъ; можно бы было, какъ утверждаетъ Гассенди, напримѣръ, сказать: я хожу, или я сижу, слѣдовательно я есмь. Но такъ какъ вполнѣ очевидно, что такого рода и имъ подобныя рѣченія нимало не выражаютъ основной мысли картезіанской философіи, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, выражаясь: я мыслю, Р. Декартъ имѣлъ въ виду не абстрактное представленіе о мышленіи вообще, но дѣйствительный актъ мышленія, которымъ человѣкъ разумѣется самъ собою въ себѣ самомъ и есть живое и разумное существо.

Чтобъ мыслить дѣйствительно, необходимо, чтобъ былъ объектъ мысли, чтобы было о чемъ мыслить: такъ какъ мыслить ни о чемъ, или безъ всякаго объекта мысли, значило бы вовсе не мыслить, и было бы рѣчь только абстрактнымъ представленіемъ о мысли, но не дѣйствительнымъ мышленіемъ.

А потому, выраженіе: я мыслю, которому Р. Декартъ приписываетъ все значеніе дѣйствительнаго бытія, слѣдуетъ понимать не абстрактнымъ, но вполнѣ конкретнымъ образомъ, не въ смыслѣ нѣкоторой способности сознавать что либо другое, внѣшнее, а

Въ формулѣ св. Августина, который есть представитель всего значенія вѣры и всей силы ея субъективной увѣренности, и въ тожественной съ нею формулѣ Р. Декарта, который есть представитель всего значенія знанія и всей силы его объективной достовѣрности, оба значенія смыкаются взаимно другъ съ другомъ въ нетѣлимое, т. е. въ живое и конкретное единство смысла саморазумѣнія, — который, какъ начало и дѣйствительной вѣры, и дѣйствительнаго знанія, утверждаетъ свою несомнѣнную истину въ себѣ и самимъ собою съ безусловною увѣренностью и съ безусловною достовѣрностью.

Выраженіе «разумѣюсь, стало быть есмь» есть выраженіе самой жизни, въ которой однако ея бытіе не есть ни выводъ, ни слѣдствіе, а только непосредственно сущій фактъ, нуждающійся ни въ какомъ посредствѣ, ни въ какомъ предварительномъ — стало быть; ибо прежде всякаго вывода, прежде всякаго слѣдствія этотъ фактъ и есть то основное начало, изъ котораго слѣдуетъ все другое, но которое само не изъ чего не слѣдуетъ, а только есть своимъ дѣйствительнымъ и несомнѣннымъ образомъ.

Жизнь есть полнота увѣренности въ себѣ самой и полнота достовѣрности своего бытія: безъ нея нѣтъ и не можетъ быть ни въ чемъ никакой увѣренности и никакой достовѣрности.

только въ смыслѣ самосознанія, дѣйствительно присущаго только живому и только живущему существу.

Самосознаніе живущихъ существъ бываетъ по степени ихъ развитія болѣе или менѣе яснымъ: при его смутности, оно хотя и есть дѣйствительно сущее бытіе, но не въ состояніи выразиться ясною и несомнѣнною формулою; но, достигая своей ясности въ себѣ самомъ, оно и выражаетъ очевидную несомнѣнность своего бытія тѣмъ, что оно само себя мыслитъ, или тѣмъ, что оно разумѣется само собою: а потому, для устраненія всякаго рода неразумѣній, формулу Р. Декарта, по истинному ея смыслу, слѣдуетъ передавать выраженіемъ: разумѣюсь, стало быть есмь (cogito ergo ipsum ergo sum).

Ея увѣренность въ себѣ есть субъективность, или самый смыслъ ея саморазумѣнія; ея достовѣрность того, что она есть непосредственный фактъ, есть ея объективность, или несомнѣнная истина ея бытія.

Въ выраженіяхъ «есмь, я есмь, и есть нѣчто, есть что либо другое, или кто либо другой», несмотря на тожество сказуемаго, обозначаемаго тѣмъ же глаголомъ «быть», сказывается безконечно великое различіе; потому что бытіе всего другаго вѣдается лишь чрезъ посредство чувствъ, только условнымъ, конечнымъ и нерѣдко ошибочнымъ образомъ; напротивъ, бытіе себя самого вѣдается непосредственно, безусловнымъ и безошибочнымъ образомъ самой жизни, или смысломъ ея саморазумѣнія.

Научнымъ методомъ развиваемыя теоріи современной физіологіи и психологіи полагаютъ чувственныя воспріятія, или ощущенія за самое начало, или за эмпирическое основаніе, изъ котораго воспроизводятся, какъ слѣдствія, не только вся цѣлость мышленія и знанія, но и самая жизнь. Но при всей научности такихъ теорій, ихъ полная несостоятельность очевидна ужъ изъ того, что жизнь можетъ не сопровождаться никакими ощущеніями и быть вовсе безъ чувственныхъ воспріятій; между тѣмъ какъ никакихъ ощущеній, никакихъ чувственныхъ воспріятій не можетъ быть безъ жизни.

Чтобъ ощущать, чтобъ воспринимать что либо чувственнымъ или нечувственнымъ образомъ, чтобъ вѣдать что либо другое, необходимо прежде всего жить, быть въ себѣ субъективнымъ образомъ, или смысломъ саморазумѣнія.

Всякая жизнь въ себѣ самой есть уже субъективность, или нѣкоторый образъ саморазумѣнія; но изъ всѣхъ живущихъ существъ живетъ вполнѣ дѣйствительнымъ образомъ только человѣкъ. Онъ есть не только субъективность, но и дѣйствительный субъектъ саморазумѣнія, и потому онъ знаетъ, что разумѣясь самъ собою уже не нѣкоторымъ эмпирическимъ, а вполнѣ все-

общимъ образомъ разумѣнія, онъ тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о несомнѣнности и о безусловной истинѣ того бытія, которое разумѣется въ немъ само собою.

Разумѣюсь, стало быть есмь, есть всеобщая формула какъ всего мышленія, такъ и всего существованія; въ ней утвердительно высказывается несомнѣнная, смысломъ преисполненная истина конкретной, живой недѣлимости (индивидуальности) субъективнаго саморазумѣнія, или мышленія (интеллигенціи) съ объективною сущностью (эссенціею) бытія.

Въ сферахъ абстрактнаго мышленія, можно предполагать смыслъ отдѣльно отъ бытія, и бытіе — отдѣльно отъ смысла. Такъ, съ одной стороны, въ образѣ нѣкотораго смысла, мыслятся общіе законы, порядки или роды существованія; а съ другой—, какъ нѣкоторое содержаніе бытія, находятся чувственныя явленія, эмпирическіе образцы, примѣры или индивиды существованія.

Но въ дѣйствительности *есть* только недѣлимость бытія и смысла, — есть только жизненный образъ саморазумѣнія: такъ какъ бытіе безъ смысла не можетъ быть иначе, какъ сплошнымъ безсмыслiемъ, а смыслъ безъ бытія былъ бы только пустымъ призракомъ. Какъ разнаго рода и вида безсмыслiе, такъ и разнаго рода и вида призраки могутъ чудиться, мерещиться, мниться въ теоріи или въ сферахъ абстрактнаго мышленія, но ихъ нѣтъ и не можетъ быть въ самой дѣйствительности; потому что, не разумѣясь сами собою, они не имѣютъ дѣйствительнаго, истаго бытія,—въ нихъ нѣтъ истины.

Связанные неразрывно недѣлимымъ образомъ жизни смыслъ и бытіе являются дѣйствительностью или истиною саморазумѣнія, внѣ котораго нѣтъ и не можетъ быть ни дѣйствительнаго смысла, ни дѣйствительнаго бытія.

Оттого Р. Декартъ и полагаетъ смыслъ или истину саморазумѣнія въ основу всей философіи.

Все, что разумѣется само собою, есть дѣйствительный смыслъ, исключающій всякую возможность, чтобы бытіе

было безсмыслiемъ; и все, что разумѣется само собою, *есть* существеннымъ, дѣйствительнымъ, истымъ образомъ, есть сущая истина, исключающая всякую возможность, чтобъ смыслъ былъ призракомъ. Быть смысломъ истины и истиною смысла — значитъ жить дѣйствительнымъ образомъ, значитъ быть полнотою саморазумѣнiя.

Есть только одна истина, именно только истина жизни, или истина саморазумѣнiя: всякiй живущiй несетъ эту истину въ себѣ самомъ, знаетъ ее непосредственно какъ свою жизнь, какъ непосредственно въ немъ сущую основу каждаго изъ его утвержденiй, каждаго изъ его отрицанiй и каждаго изъ возникающихъ въ немъ сомнѣнiй. Другой истины нѣтъ. Все, что мнится какъ бытiе другимъ образомъ, не образомъ жизненнаго саморазумѣнiя, есть не истинное, не существенное, не дѣйствительное, а только мнимое бытiе, которое, какъ пустой призракъ, и *есть* не само собою, не въ себѣ, не въ дѣйствительности, а только въ мнѣнiи и только чрезъ мнѣнiе другаго.

Есть истинно, или дѣйствительно, лишь то, что есть или разумѣется не чѣмъ либо другимъ, не чрезъ что либо другое, не въ мнѣнiи и не мнѣнiемъ другаго, а только въ себѣ самомъ и самимъ собою.

Формула Р. Декарта, «разумѣю, стало быть есмь», выражая истину смысла и смыслъ истины, какъ недѣлимость одного и того же жизненнаго саморазумѣнiя, сохраняетъ однако-же и при этой недѣлимости различiе ея терминовъ — термина субъективности, который есть самый смыслъ, и термина объективности, который есть собственно утверждаемое смысломъ бытiе, или сущая истина саморазумѣнiя.

Эти термины не сливаются другъ съ другомъ въ безразличное тожество, но состоятъ другъ съ другомъ въ неразрывномъ, жизненномъ отношенiи: и тотъ, и другой утверждаются и разумѣются взаимно другъ другомъ; и

это-то ихъ взаимное другъ другомъ утвержденіе и разумѣніе и есть самая жизнь.

Чтобъ вѣрнѣе понять истинное значеніе формулы, лежащей въ основаніи картезіанской философіи, не будетъ излишнимъ обратить вниманіе на разнородное содержаніе, изъ котораго слагается весь умственный міръ человѣка. Сами люди очень рѣдко разбираются въ этомъ содержаніи, и нашлись бы въ великомъ затрудненіи, еслибъ потребовалось, чтобъ они съ точностью опредѣлили для самихъ себя, что̀ именно они думаютъ, что̀ утверждаютъ, что̀ отрицаютъ, въ чемъ сомнѣваются. При повѣркѣ ихъ мнѣній, представленій, убѣжденій или сомнѣній, въ большинствѣ случаевъ, оказывается, что они только полагаютъ, что они такъ думаютъ, вовсе не думая такъ на самомъ дѣлѣ.

Очень многое людямъ думается, очень многое представляется имъ ихъ собственнымъ образомъ мышленія, который они и выражаютъ какъ имъ сочувственныя мысли или теоріи; а между тѣмъ, достаточно какого либо случайнаго обстоятельства, какой либо встрѣчи съ другимъ образомъ мышленія, какого либо новаго возбужденія или потрясенія, чтобъ эти сочувственныя мысли и теоріи оказались пустыми и нимало не связанными съ существомъ лица, которымъ онѣ прежде тѣмъ такъ горячо и такъ упорно отстаивались.

Въ большинствѣ случаевъ, на повѣрку выходитъ, что люди на самомъ дѣлѣ вовсе не думаютъ такъ, какъ они полагаютъ, что думаютъ: потому что ихъ надуманное содержаніе надумано въ нихъ не ими и не изъ ихъ существа, а только изъ той внѣшней среды и тѣми посторонними вліяніями, направленіями и обстоятельствами, въ которыхъ протекало ихъ существованіе.

Сколько бы ни навязывать цвѣтовъ и листьевъ на сухой вѣникъ, онъ отъ того не зазеленѣетъ и не зацвѣтетъ, но такъ и останется все тѣмъ же сухимъ вѣникомъ; навязанные на него цвѣты и листья — не его листья, не его цвѣты, и обваливаются съ него при

первомъ случаѣ, такъ какъ они произошли не изъ его жизни.

Въ наше время, при относительной легкости всякаго рода сношеній и сообщеній, при успѣшномъ развитіи литературы, всевозможныя мысли, теоріи, ученія и міровоззрѣнія легко вздымаются съ земли и носятся какъ легкій прахъ, какъ опавшій листъ, какъ пыль въ умственной атмосферѣ; человѣку едва ли возможно сколько нибудь прожить въ обществѣ и не запылиться, не воспринять въ себя, не усвоить себѣ тѣмъ или инымъ образомъ этихъ опавшихъ осадковъ былой жизни.

Вслѣдствіе этого современные люди представляются въ большинствѣ случаевъ не только преисполненными, но даже загроможденными всякаго рода мыслями, теоріями, ученіями, такъ что за ними не видать самого человѣка, т. е. того субъекта, который есть, или разумѣется самъ собою.

Но какъ единый, щадный листикъ, самобытно произрастающій изъ живой вѣтки растенія, заключаетъ въ себѣ безконечно больше дѣйствительнаго содержанія, чѣмъ самые роскошные цвѣты и листья, навязанные на сухой кѣнижъ, такъ точно и единая, хотя бы и самая убогая мысль, исходящая изъ жизни, изъ самаго существа человѣка, безконечно полнѣе и дѣйствительнѣе того несмѣтнаго богатства и обилія мыслей, теорій и ученій, какія имъ воспринимаются со стороны.

Поэтому, для полнаго уразумѣнія всего значенія, какое заключается въ формулѣ «cogito ergo sum», Р. Декартъ требуетъ, чтобъ человѣкъ предварительно отрѣшился отъ всего, что на него навязано вліяніями или внушеніями внѣшней среды, — чтобъ онъ вернулся къ самобытному источнику своего мышленія и позналъ себя самого, какъ тотъ жизненный смыслъ, которымъ онъ живетъ и мыслитъ, которымъ онъ и есть то, что онъ есть.

Исторически, въ человѣческомъ сознаніи, такое отрѣшеніе отъ всѣхъ наростовъ, и привычкою образовавшихся

складовъ мышленія, такое пониманіе дѣйствительнаго значенія картезіанской формулы и основы философіи потребовало много времени, чтобы осуществиться на самомъ дѣлѣ; но когда оно наконецъ осуществилось, то центръ тяжести общественнаго строя, полагавшійся до того въ авторитетахъ, въ документахъ, въ ученіяхъ и теоріяхъ схоластическаго догматизма, въ преданіяхъ, въ установленномъ правѣ, въ рѣшеніяхъ и приговорахъ Сорбоны, передвинулся, сошелъ съ мѣста и установился на самобытности человѣческаго смысла: тогда имѣющимъ право быть стало лишь то, что со смысломъ согласно; все же другое, все, что съ нимъ не согласно, оказалось сущимъ безправіемъ. Вслѣдствіе этого въ обществѣ совершился переворотъ, именуемый великою революціей.

Это и слѣдуетъ помнить для того, чтобъ понимать не одну формальность, не одни слова, но самую сущность картезіанской формулы, захватывающей собою не только образъ мышленія, но и все содержаніе бытія и всю цѣлость существованія мыслящаго человѣка; потому что, чтобъ мыслить дѣйствительнымъ образомъ, необходимо дѣйствительнымъ образомъ быть самимъ собою.

А кто не додумался въ себѣ самомъ до той глубины, въ которой онъ *есть*, или разумѣется самимъ собою, въ которой его саморазумѣніе и его бытіе совпадаютъ въ одну недѣлимость другъ съ другомъ, тотъ еще не мыслитъ и мыслить дѣйствительнымъ образомъ не въ состояніи; о томъ съ полнымъ правомъ можно сказать: все, что онъ мыслитъ, мыслитъ вовсе не онъ; ибо всѣ мысли, которыя онъ считаетъ и выдаетъ за свои мысли, вовсе не его, а только чужія, посторонніе и лишь извнѣ ему навязанныя мысли; какъ онъ ему извнѣ навязаны, такъ ихъ можно и отвязать и отдѣлить отъ него; потому что между нимъ и его мыслями нѣтъ недѣлимости самой жизни, а только случайное, внѣшними обстоятельствами обусловленное сочетаніе.

Вслѣдствіе этого, первѣйшее требованіе древней мудрости и всего значенія философіи и заключалось въ

извѣстномъ предписаніи Дельфійскаго храма: познай себя самого.

Кто, имѣя дѣло съ постояннымъ содержаніемъ случайно навязанныхъ ему мыслей, теорій, ученій и цѣлыхъ міровоззрѣній, еще не додумался до себя самого, или до самаго смысла саморазумѣнія, тотъ ни мыслить, ни понимать что либо смысломъ саморазумѣнія не въ состояніи.

Мыслящій субъектъ, какъ дѣйствительный смыслъ саморазумѣнія, есть дѣйствительное бытіе, или сущая истина, именуемая истиною въ отличіе отъ всякаго рода призраковъ мнимаго, недѣйствительнаго бытія.

Такимъ образомъ, глубокое значеніе картезіанской формулы — разумѣю, стало быть есмь. - состоитъ въ утвержденіи, что смыслъ саморазумѣнія есть сущая истина, и что истинно только то, что съ нимъ сообразно; а что съ нимъ несообразно, то ложно.

Какъ и всякое сужденіе, или утвержденіе, картезіанская формула выражаетъ недѣлимость (индивидуальность) двухъ терминовъ: термина субъективности, утверждаемаго какъ смыслъ саморазумѣнія, и термина объективности, утверждающаго, что смыслъ саморазумѣнія и есть дѣйствительность бытія, или сущая истина.

На вопросъ о томъ, что есть истина, можно отвѣчать, говоря о смыслѣ истины, такъ и говоря о истинѣ смысла. А потому, всякій разъ, когда рѣчь идетъ о ученіи Декарта, въ той же сферѣ помышленія, невольно думается и о ученіи Б. Спинозы, которое, какъ необходимое дополненіе къ ученію перваго, такъ неразрывно съ нимъ связано, что одно безъ другаго понять или уразумѣть невозможно.

Философская формула «смыслъ саморазумѣнія есть сущая истина» представляетъ въ своемъ подлежащемъ и въ своемъ сказуемомъ два термина, изъ коихъ каждый одинаково можетъ быть принятъ за основную, несомнѣнную аксіому, или за начало, изъ котораго развивается философія, ибо философіи нѣтъ и не можетъ быть

ни при отсутствіи разумѣнія, которымъ разумѣется истина, ни при отсутствіи истины, которая разумѣется разумѣніемъ.

Р. Декартъ, отправляясь отъ субъективности саморазумѣнія, принимаетъ за основную аксіому философіи субъективный смыслъ; вслѣдствіе этого, по его опредѣленію, истинно лишь то, что сообразно со смысломъ; а всякое безсмысліе, все, что со смысломъ несообразно, есть ложь, или пустой призракъ лжи, который не имѣетъ никакого бытія. Б. Спиноза, отправляясь отъ субъективности субстанціальнаго бытія, или отъ самой дѣйствительности, полагаетъ объективно сущую истину въ основу философіи; вслѣдствіе этого, по его опредѣленію, исполнено смысломъ разумѣнія, или разумно лишь то, что сообразно съ сущею истиною; а что съ нею несообразно, что само въ себѣ лживо, то есть лишь явное неразуміе или безсмысліе.

Изъ этого можно заключить, что недосказанное Р. Декартомъ досказывается Б. Спинозою, и недосказанное Б. Спинозою досказывается Р. Декартомъ; и тотъ, и другой учатъ о томъ же смыслѣ разумѣнія и о той же истинѣ всего сущаго. Но, излагая то же ученіе, первый приступаетъ къ нему съ его субъективной, а второй съ его объективной стороны, что и придаетъ ученію того и другаго внѣшній видъ несовмѣстности и даже взаимной, другъ друга исключающей противорѣчивости; такъ какъ начальный терминъ перваго субъектъ разумѣнія, и начальный терминъ втораго — объектъ разумѣнія, включая между собою всю сущность жизни или самую безконечность, представляются, при отсутствіи разумѣнія, разъединенными другъ съ другомъ безконечностью, или безконечно великимъ различіемъ, чѣмъ и обусловливается ихъ противорѣчивость.

Вникая въ сущность, въ сказанный и въ недосказанный смыслъ того и другаго ученія, едва ли кто можетъ усомниться въ томъ, что въ формулѣ Р. Декарта заключается полнѣйшее выраженіе безусловно сущей

истины субъективнаго смысла саморазумѣнія; такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что истина не есть безсмысліе, что она исполнена смысломъ саморазумѣнія; и въ томъ, что въ ученіи Б. Спинозы о единой, вѣчносущей субстанціи, или объективной истинѣ, которая есть сама собою причина (causa sui), заключается полнѣйшее выраженіе того, что разумѣется само собою, какъ безусловный смыслъ объективно сущей истины. Если что есть, то несомнѣнно есть именно истина, а не что либо другое; но въ такомъ случаѣ, истина есть не иначе, какъ сама собою, т. е. она и есть самое саморазумѣніе, или субъективный смыслъ бытія.

Недѣлимость сужденія о томъ, что субъективный смыслъ саморазумѣнія и есть объективная сущая истина, разорвать невозможно: смыслъ, который бы не былъ смысломъ самой истины, былъ бы не смысломъ, а только безсмыслiемъ; точно также и истина, еслибъ она не была истиною самаго смысла, была бы не истиною, а ложью, или призракомъ безсмыслія.

А между тѣмъ, вслѣдствіе нѣкоторой недосказанности, Р. Декартъ, отправляясь въ своемъ ученіи отъ субъективной увѣренности смысла саморазумѣнія въ себѣ самомъ, или въ своей истинѣ, какъ будто не вѣдаетъ его объективно-сущей, вполнѣ достовѣрной истины и, дополняя свое невѣдѣніе абстрактнымъ *теоретизмомъ*, допускаетъ бытіе чего то-другаго, что не есть смыслъ, а только субстанціи протяженія, и обращаетъ чрезъ это самую жизнь и всю природу міра въ бездушную махинацію, въ механизмъ сплошнаго безсмыслія.

Съ своей стороны, Б. Спиноза, отправляясь отъ полнѣйшей достовѣрности несомнѣнно сущей, безусловной истины всего бытія, какъ будто не вѣдаетъ ей присущаго, въ себѣ самомъ и въ своей истинѣ безконечноувѣреннаго, субъективнаго смысла саморазумѣнія и, дополняя свое невѣдѣніе математически-непреклоннымъ *позитивизмомъ*, обращаетъ по необходимости самый смыслъ жизненнаго саморазумѣнія и міровую субъективность

самой истины въ пустой и лишь въ пустотѣ мелькающій призракъ мнимаго бытія.

Но уже изъ того, что субъективный смыслъ саморазумѣнія несетъ въ себѣ, въ своей глубинѣ затаенное значеніе объективно-сущей истины, которая съ своей стороны есть лишь явный знакъ, или образъ въ ней подразумѣваемаго, субъективнаго смысла саморазумѣнія, очевидно, что Р. Декартъ и Б. Спиноза идутъ въ своихъ ученіяхъ не другъ противъ друга, а на встрѣчу другъ другу; такъ что, еслибъ они довели свои ученія до конца, то первый, отправляясь отъ начала субъективной увѣренности въ себѣ самомъ, неминуемо бы дошелъ путемъ психологическимъ до утвержденія объективно-сущей субстанціи, или достовѣрной истины Б. Спинозы, который съ своей стороны, отправляясь отъ начала объективной достовѣрности того, что явно и несомнѣнно есть, столь же неминуемо дошелъ бы путемъ онтологическимъ до субъективнаго утвержденія Р. Декарта, выражаемаго въ формулѣ «разумѣю́сь — стало быть есмь».

Встрѣчаясь другъ съ другомъ въ всеобщей субъективно-объективной средѣ саморазумѣнія, они должны бы были обоюдно утверждать своими ученіями и единый смыслъ истины, и единую истину смысла; чрезъ это и осуществилось бы ученіе, которое впослѣдствіи обзывалось философіею тожества, т. е. тожества субъекта и объекта; и которое, поистинѣ, слѣдовало бы именовать философіею недѣлимости, философіею жизни, или смысла саморазумѣнія.

Еслибъ Р. Декартъ и Б. Спиноза довели свои ученія до конца, то ученіе перваго сказалось бы какъ знаніе, исходящее отъ субъективнаго начала вѣры, или увѣренности; а ученіе втораго — какъ вѣра, исходящая отъ начала знанія, или отъ объективной достовѣрности.

Но ихъ ученія остались недоконченными, а потому, между ними и вкралась смутная матерія недоразумѣнія, которая, препятствуя имъ совпасть другъ съ другомъ въ полноту единства, раздѣлила ихъ въ два противныя и

другъ съ другомъ несовмѣстныя ученія: вслѣдствіе чего въ сферѣ мышленія, вмѣсто ученія о единомъ смыслѣ истины и о единой истинѣ смысла, установилось двусмысліе и двусмысліемъ преисполненная несообразность ученія дуализма *).

Раздвоеніе смысла саморазумѣнія.

Какъ всякая аксіома, такъ и аксіома философіи о недѣлимомъ единствѣ субъективнаго смысла саморазумѣнія съ объективно-сущею истиною, представляется,—покуда она, пребывая въ своемъ сомкнутомъ видѣ, не развита въ слѣдующіе изъ ней выводы и заключенія,—до того тощею и бѣдною, по образу и содержанію, что можно легко подумать, будто изъ ней ровно ничего не слѣдуетъ, будто она не ведетъ ни къ чему.

Но, въ этомъ отношеніи, аксіома съ сомкнутымъ въ

---

*) Вслѣдъ за окказіоналистами, Лейбницъ не мало потрудился, чтобъ устранить изъ сферы мышленія столь явную несообразность дуализма. Пользуясь великою силою своего всеобъемлющаго, геніальнаго резонерства, онъ придумалъ для того на достаточномъ основаніи, хотя и не вполнѣ удачно, свою знаменитую предустановленную гармонію, которая, наравнѣ съ его другимъ представленіемъ о силѣ, оказывается лишь вполнѣ абстрактною комбинаціею совершенно абстрактныхъ резоновъ съ столь же абстрактнымъ механизмомъ какъ всего мышленія, такъ и всего существованія. Послѣ того, И. Кантъ, признавъ эту несообразность между природою субъекта и природою объекта, принялъ ее въ основаніе критики чистаго разума и, отправляясь отъ такого основанія, пришелъ по необходимости къ столь же несообразному заключенію о призрачности знанія. Уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія взлагалось съ большимъ блескомъ нынѣ едва ли не полузабытое ученіе о живой недѣлимости субъекта и объекта, или ученіе о жизни, провозвѣстное тогда же философіею тожества, надъ которою, какъ надъ разваливши всѣ сферы умозрѣнія, въ наше время во всеуслышаніе пропѣта всеобщая отходная философіи, имѣющей своимъ основнымъ началомъ истину саморазумѣнія; вслѣдствіе этого, и приходится съизнова повторять ея основныя начала, какъ будто они никѣмъ не были высказаны.

ней содержаніемъ очень подобна сѣмени растенія, которое такимъ же образомъ представляется совершенно безсильнымъ проростать и развиваться, пока оно не пришло въ общеніе съ стихіями земли и не различилось, не раздвоилось въ своемъ единствѣ чрезъ ихъ воздѣйствіе.

Матерія недоразумѣнія и есть для первоначальной аксіомы философіи,—основы вѣры и знанія,—та стихія, въ которой она, различаясь, раздваивается въ себѣ самой и сказывается прежде всего двусмысліемъ дуализма.

При несовмѣстности субъективнаго начала ученія Р. Декарта съ объективнымъ началомъ ученія Б. Спинозы, *смыслъ* истины сказывается не только несообразнымъ, но и несообразимымъ съ *истиною* смысла. Вслѣдствіе чего, начало увѣренности, отъ котораго исходитъ вѣра, и начало достовѣрности, изъ котораго исходитъ знаніе, сдаются до такой степени несовмѣстными другъ съ другомъ, что между вѣрою и знаніемъ воздвигается полнѣйшій антагонизмъ.

Въ дѣйствительности, безъ сомнѣнія, нѣтъ и не можетъ быть вѣры, которая бы не заключала въ себѣ достовѣрности, или начала знанія; какъ нѣтъ и не можетъ быть и дѣйствительнаго знанія, которое бы не держалось увѣренностью и не заключало въ себѣ начало вѣры: потому что, какъ невозможно вѣрить, ничего не зная, такъ невозможно и знать, ничему и ни во что не вѣря.

По существу своему, вѣра и знаніе—столь же нераздѣлимы другъ съ другомъ, какъ нераздѣлимы между собою субъективный смыслъ разумѣнія истины и объективная сущность разумѣемой истины смысла.

Но, по взаимному недоразумѣнію, вѣра отрицаетъ всякую самобытность знанія и не хочетъ знать ничего другаго,—ничего сверхъ того, что ей внушается ея внутреннею субъективною увѣренностью.

Знаніе, наоборотъ, отрицая всякаго рода субъективныя вѣрованія, полагается исключительно на достовѣрность объективно-сущей, отъ него нимало незави-

сящей истины, ради которой, не принимая ничего на вѣру, оно не допускаетъ ни единаго утвержденія, ни единаго положенія иначе, какъ по предъявленіи его неопровержимаго доказательства.

Увѣренность, какъ начало вѣры, и достовѣрность, какъ начало знанія, указываютъ на два порядка отношенія, изъ которыхъ исходятъ та и другая: увѣренность исходитъ непосредственно изъ отношенія къ себѣ самому, или изъ самаго смысла саморазумѣнія; достовѣрность исходитъ, наоборотъ, изъ отношенія къ другому, или изъ смысла разумѣнія всего другаго.

Смыслъ саморазумѣнія и смыслъ разумѣнія всего другаго не суть два различные смысла: по существу своему они—одинъ и тотъ же смыслъ; такъ какъ безъ смысла саморазумѣнія, т. е. безъ жизни, не могло бы быть и смысла разумѣнія чего либо другаго; какъ и наоборотъ, отсутствіе смысла разумѣнія другаго было бы лишь свидѣтельствомъ яснаго отсутствія всякаго смысла саморазумѣнія: и тѣмъ не менѣе, этотъ одинъ и тотъ же смыслъ, различаясь по отношенію къ себѣ, какъ субъективная увѣренность, и по отношенію къ другому, какъ объективная достовѣрность, представляется вслѣдствіе недоразумѣнія не только двумя различными, но и вполнѣ другъ съ другомъ несовмѣстными смыслами: такъ что вѣра исключаетъ своимъ смысломъ знаніе, а знаніе своимъ смысломъ исключаетъ вѣру, какъ нѣчто съ ними несообразное.

Вѣра, не выходя изъ субъективной сферы отношенія къ себѣ самому, опредѣляется въ цѣлости своимъ собственнымъ, внутреннимъ настроеніемъ; причемъ и ее одушевляющій смыслъ имѣетъ лишь чисто субъективное значеніе нѣкотораго образа мышленія. Знаніе, напротивъ, возникая лишь въ объективной сферѣ отношенія къ другому, опредѣляется вполнѣ природою другаго; вслѣдствіе чего, и его смыслъ получаетъ всю объективность значенія бытія, или существованія, которое познается, въ томъ или въ иномъ видѣ, не только неза-

внѣ самого отъ того, какъ оно мыслится, но нерѣдко и наперекоръ всякому образу мышленія.

Въ сферѣ вѣрованія, объективное значеніе существованія вещей и ихъ отношеній другъ къ другу подчиняются субъективному смыслу образа мышленія, который является въ ней ея опредѣляющимъ началомъ; въ сферѣ же знанія, совершенно наоборотъ, субъективный смыслъ всякихъ образовъ мышленія подчиняется ея опредѣляющему объективному началу, лежащему въ самомъ существованіи и въ реальномъ значеніи существующихъ вещей и ихъ отношеній.

Вслѣдствіе чего, субъективный смыслъ изъ себя опредѣляемаго образа мышленія сдается, по отсутствію въ немъ объективныхъ опредѣленій бытія, или существованія, лишь нѣкоторымъ призракомъ не дѣйствительнаго, а только мыслимаго, только мнимаго бытія; а познаваемое содержаніе самаго существованія, опредѣляемое не субъективнымъ смысломъ, а только разнородными значеніями находимыхъ въ нихъ внѣшнихъ вещей,—лишь нѣкоторымъ содержательнымъ безсмыслемъ, или вообще матеріею.

И хотя эта матерія есть лишь матерія, или стихія недоразумѣнія, разъединяющая между собою вѣру и знаніе, тѣмъ не менѣе и первая и второе не только по различію ихъ утвержденій, но и въ силу ихъ опредѣляющихъ началъ субъективной увѣренности и объективной достовѣрности, становятся другъ къ другу въ враждебное отношеніе: слѣдуя совершенно противнымъ направленіямъ, объ стороны расходятся, все болѣе удаляясь другъ отъ друга; причемъ вѣра, довольствуясь своимъ содержаніемъ, стоитъ на томъ, чтобы ничего не заимствовать изъ объективной сферы знанія; а знаніе, полагаясь исключительно на то, что оно достовѣрно знаетъ, обходится тѣмъ, что находитъ какъ существующее, и ничего не принимаетъ на вѣру.

Такое разнорѣчіе смысла саморазумѣнія и его же мнѣнія есть очевидно лишь ихъ взаимное недоразумѣніе.

какъ съ той, такъ и съ другой стороны; и для того, кто не смущается его смутною матеріею, должно быть вполнѣ понятно, что вѣра и знаніе, какъ выраженія одного и того же смысла разумѣнія истины,—не двѣ другъ друга отрицающія силы, но одна и та же сила единаго живаго самоутвержденія, — одно и то же дыханіе той же самой жизни.

Но, конечно, ихъ единство не есть абстрактное, — не есть формально-мертвое тожество, которымъ бы исключалась и самая содержательность саморазумѣнія, проступающая въ немъ лишь чрезъ различеніе того, что въ немъ сказывается какъ его субъективная вѣра и какъ его же объективное знаніе.

Вѣра и знаніе суть родныя сестры по духу своему: но вѣра, какъ евангельская Марія, избрала и имѣетъ въ виду одну благую часть, которую и находитъ въ себѣ самой, не нуждаясь въ другомъ; а знаніе, какъ евангельская Марѳа, печется и заботится о многомъ, которое и находитъ внѣ себя, во всемъ другомъ, — и въ своихъ заботахъ и попеченіяхъ о многомъ, нерѣдко забываетъ, что необходимо одно.

Въ дѣйствительности, одно не обходится безъ многаго, какъ и многое не обходится безъ одного; гдѣ есть одно, тамъ необходимо есть и другое. Но чрезъ это ихъ различіе не отмѣняется; такъ какъ съ его отмѣною отмѣнилось бы и ихъ содержаніе и осталась бы одна пустота.

3. Матерія.

По отношенію къ себѣ самому и въ себѣ самомъ жизненный смыслъ саморазумѣнія исполненъ вѣрою въ несомнѣнность истины, которую онъ въ себѣ непосредственно вѣдаетъ какъ всю дѣйствительность бытія: — разумѣю, стало быть есмь. И еслибъ не предстояло ничего другаго, еслибъ былъ только единый, ничѣмъ другимъ непрерываемый смыслъ саморазумѣнія, то вся

сфера его вѣдѣнія и была бы исполнена его единою, ничѣмъ непрерываемою вѣрою. Но внѣ сферы саморазумѣнія, есть еще и другое, которое вѣдается уже не вѣрою, а только знаніемъ: ибо въ истину другаго невозможно вѣрить; о ней можно только знать.

Другое только потому и сознается, какъ нѣчто другое, что оно не совпадаетъ, или не совмѣщается съ смысломъ саморазумѣнія; оно есть не то же самое, а другое чѣмъ смыслъ, — именно — не смыслъ, а только предѣлъ смысла; а потому, и знаніе о другомъ не совпадаетъ и не совмѣщается съ вѣрою; оно по необходимости расходится съ нею; и то, что познается и утверждается, какъ вполнѣ достовѣрное бытіе, не можетъ быть утверждаемо силою внутренней, субъективной увѣренности; какъ и наоборотъ, внутренняя, субъективная увѣренность въ истинѣ не даетъ въ то же время полнаго ручательства въ ея объективной достовѣрности.

Если разбить или расколоть цѣльный, прозрачный кристаллъ, то съ утратою своей цѣлости онъ утрачиваетъ и свою прозрачную ясность. Такимъ же образомъ утрачивается и прозрачная ясность смысла саморазумѣнія, когда его субъективная увѣренность и его объективная достовѣрность, его вѣра и его же знаніе, разъединяясь другъ съ другомъ, двоятся въ двѣ различныя и другъ съ другомъ несовмѣстныя истины, или въ два различныя утвержденія того, что выдается какъ субъективный образъ мышленія, и того, что выдается какъ объективное содержаніе бытія; причемъ, образы мышленія, лишенные значенія бытія, являются призрачными, а содержаніе бытія, находясь чуждымъ значенію смысла, познается какъ нѣчто данное извнѣ и существующее, но — безсмысленное.

Начало такого разъединенія, или такого двусмыслія, лежитъ очевидно въ той непонятной и непроницаемой матеріи, которая вносится въ ясную сферу саморазумѣнія насильственно въ нее вторгающимся *другимъ*: еслибъ не было другаго, увѣренность саморазумѣнія въ истинѣ

своего смысла пребывала бы въ себѣ ясною, ничѣмъ невозмутимою вѣрою. Но кромѣ смысла саморазумѣнія есть еще и другое, которое предстоитъ не какъ смыслъ, а какъ достовѣрное бытіе; и саморазумѣющійся смыслъ вынужденъ знать о немъ, хотя и не можетъ осмыслить оное.

Въ самомъ началѣ, при отсутствіи, или при невѣдѣніи смутной, непроницаемой матеріи другаго, въ вполнѣ ясномъ и прозрачномъ смыслѣ саморазумѣнія, нѣтъ никакого различія между его вѣрою и его знаніемъ: онъ вѣритъ съ полнотою увѣренности тому самому, что онъ же и знаетъ съ полнотою достовѣрности; вся сфера бытія, весь міръ лежитъ предъ нимъ вполнѣ прозрачною средою, исполненною его собственнымъ значеніемъ. Ребенокъ, нимало не сомнѣваясь, смѣло протягиваетъ свои ручонки за луною и хочетъ взять ее по своему произволенію, какъ свое; потому что, не вѣдая ничего другаго, онъ сознаетъ себя всюду и во всемъ полнымъ хозяиномъ, произволенію котораго нѣтъ границъ. Жизненный смыслъ саморазумѣнія судитъ весь міръ и все, что въ мірѣ находится, своимъ судомъ, съ полною увѣренностью въ непререкаемой правотѣ суда своего; такъ какъ во всей сферѣ существованія и распространенія онъ ни инаго суда, ни инаго права, ни иныхъ значеній, ни вообще ничего инаго сверхъ истины саморазумѣнія еще не знаетъ.

И если бъ первоначальная жизненная увѣренность въ себѣ и въ своей полноправности, распространяясь изъ своего средоточія въ себѣ въ безпредѣльную ширь и даль всей сознаваемой сферы существованія, не встрѣчала нигдѣ и ни въ чемъ препятствія, или предѣла, своему экстенсивному распространенію, то она и пребывала бы чистою, невозмутимою и ничѣмъ непрерываемою вѣрою, или безпредѣльнымъ самоутвержденіемъ себя и непреложной всеобъемлющей истины смысла своего саморазумѣнія.

Но субъективная самоувѣренность саморазумѣнія, не

можетъ распространяться безпрепятственно и безпредѣльно: такъ какъ, выходя изъ себя самой во внѣшность существованія, она по необходимости встрѣчаетъ въ ней преполы и предѣлы своему распространенію въ неподатливой упорности, съ какою ей предстоитъ все другое, которое, находясь съ нею въ общей сферѣ всего сознаваемаго, отъ нея однако нимало не зависитъ: какъ ребёнокъ ни тянетъ свои ручонки, какъ ни требуетъ луны, — она ему не дается. Неосмысленное другое пребываетъ вполнѣ независимымъ отъ всѣхъ значеній, отъ всякаго произволенія смысла саморазумѣнія, и уже при первомъ соприкосновеніи съ нимъ, сказывается ему не какъ тоже самое съ нимъ, а напротивъ, какъ совершенно другое.

Это другое находится въ сферѣ сознанія смысла саморазумѣнія, но не въ силу его самоувѣренности, не съ его согласія, не по его произволенію: оно ему навязывается насильственно, силою *необходимости*, какъ нѣчто существующее и опредѣляющее, которое нельзя не сознавать, которое нельзя ни устранить, ни отмѣнить, ни отдумать.

Все, что сознанію навязывается силою необходимости, все, что находится въ сферѣ его какъ неотмѣнимое и отъ произволенія независимое, есть по отношенію къ смыслу саморазумѣнія его другое. Оно своимъ неподатливымъ упорнымъ образомъ устанавливаетъ и опредѣляетъ предъ нимъ всю сферу имъ сознаваемаго, внѣшняго существованія, или его сферу внѣшности.

Произволящая самоувѣренность въ себѣ смысла саморазумѣнія, встрѣчаясь съ неподатливымъ упорствомъ неосмысленнаго другаго, обрывается на немъ; ея чистая, ничѣмъ доголѣ непрерываемая и невозмутимая субъективность бытія, сознавая другое, ломится о его упорство и вынуждается насильственно признать въ противоположность себѣ другую, различную, отъ нея вполнѣ независимую, объективную среду существованія, преисполненную иными значеніями, иными правами, инымъ судомъ, иными утвержденіями, иною истиною.

Среда другаго не можетъ быть предметомъ вѣры: такъ какъ вѣрить можно только въ себя, а никакъ не въ другое, для себя внѣшнее и чуждое; въ немъ невозможно быть увѣреннымъ силою субъективной увѣренности. Среда другаго и ея другое содержаніе, дѣлаясь болѣе или менѣе достовѣрными, становятся собственнымъ предметомъ знанія, и въ противоположность субъективному бытію въ себѣ самомъ, которое есть собственно сфера вѣдѣнія, или вообще мышленія и разумѣнія, получаютъ исключительное значеніе существованія, или объективнаго бытія.

Вслѣдствіе чего, всему, что только мыслится, или разумѣется, и приписываютъ значеніе образа мышленія,—нѣкоторой мысли, представленія, понятія, идеи, теоріи и т. п.,—который самъ по себѣ, какъ непричастнымъ бытію въ сферѣ всего другаго, не имѣетъ или можетъ не имѣть никакого реальнаго существованія, развѣ только въ области воображенія, умозрѣнія или мечтательности, опредѣляемой не необходимостью дѣйствительнаго бытія, а только произволеніемъ разумѣющаго субъекта. При незнаніи, въ силу субъективной увѣренности, можно приписывать существованіе тѣмъ родамъ абстракціямъ, мыслимымъ, или воображаемымъ сущностямъ; но вообразить что либо сущимъ, не значитъ доказать, что оно есть и въ самомъ дѣлѣ. И потому, для знанія, настоящимъ, или реальнымъ образомъ, существуетъ не то, что мыслится по произволенію такъ или иначе, но лишь то, что находится и сознается въ опредѣленіяхъ необходимости, въ полной независимости отъ субъективныхъ настроеній сознающаго субъекта.

Субъективность сознанія, сбираясь въ собою изъ всей безпредѣльности сознаваемаго существованія и сосредоточиваясь въ себѣ, выражается субъективною увѣренностью смысла саморазумѣнія, преисполненнаго всѣми значеніями своего безграничнаго произволенія. Съ другой стороны, и соотвѣтственнымъ образомъ, объективная сфера всего сознаваемаго другаго, внѣшняго существо-

ванія, сплачиваясь изъ безчисленнаго множества своихъ различій, частностей и опредѣленій въ свое общее и сплошное единство, предстоитъ смыслу саморазумѣнія какъ вполнѣ достовѣрное, другое бытіе, которое со всѣхъ сторонъ оковано и во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ направленіяхъ отъ края до края, насквозь проникнуто однимъ всеобщимъ значеніемъ непзмѣнной и неотмѣнимой необходимости.

Объективное, вполнѣ достовѣрное бытіе, заполняя собою весь міръ безъ остатка и не оставляя въ немъ ни единаго атома, ни единаго мгновенія, въ которыхъ бы было мѣсто для субъективной увѣренности и произволенія самобытнаго смысла, вытѣсняетъ ихъ за предѣлы существованія, въ область пустаго мышленія, или небытія; само же утверждается какъ ясное положеніе, какъ очевидное опредѣленіе, какъ безспорный фактъ, объективно-сущій уже не въ силу субъективной увѣренности въ себѣ, а только въ силу объективной достовѣрности и на основаніи всего другаго, которое вовсе не смыслъ и не его разумѣніе, а, напротивъ, его полнѣйшее неразумѣніе, или то именно, что ему въ противоположность именуется непроницаемою матеріею бытія.

4. Смыслъ и матерія.

Смыслу саморазумѣнія, который, какъ самая жизнь и какъ начало идеализма, разумѣется самъ собою, противополагается, какъ начало матеріализма, матерія, которая и есть именно то, что разумѣется не само собою, а только чрезъ что либо другое, другимъ, или посредствомъ другаго.

Матерія чувственна по самому существу своему: какъ нѣчто ощущаемое, или воспринимаемое чувственнымъ образомъ, она опредѣляется и имѣетъ значеніе бытія только чрезъ посредство чувственности; такъ что, еслибъ не было субъективной чувственности воспріятія, то не было бы и матеріи: внѣ сферы чувственности, она

не имѣетъ никакого бытія и, если и разумѣется нѣкоторымъ образомъ, то никакъ не сама собою, а именно только чувственностью.

Она и не можетъ разумѣться сама собою, потому что мнится, или полагается именно лишь такимъ бытіемъ, въ которомъ нѣтъ жизни, нѣтъ смысла саморазумѣнія, нѣтъ субъективности, т. е. нѣтъ ни въ малѣйшей степени никакого самоотношенія, а есть только отношеніе къ другому въ видѣ разнообразныхъ чувственныхъ качествъ.

То, въ чемъ нѣтъ смысла саморазумѣнія, въ чемъ нѣтъ субъективнаго жизненнаго самоотношенія, есть по существу своему нѣчто безсмысленное, нѣчто непонятное: такъ какъ въ немъ нѣтъ того именно, что̀ способно быть понимаемо, такъ какъ въ немъ нечего понимать.

Смыслъ, или жизнь, разумѣется, утверждается, опредѣляется, доказывается и есть только своею субъективностью, только смысломъ же, т. е. только самимъ собою, a priori, или собственно—только порядкомъ логическимъ, въ который ничто внѣшнее, чуждое, или постороннее самому смыслу, или самой жизни, ни вступать, ни вторгаться не можетъ.

Матерія, напротивъ, за отсутствіемъ въ ней смысла саморазумѣнія, или самоотношенія жизни, разумѣется, опредѣляется, полагается, утверждается, доказывается и есть только по отношенію къ другому, a posteriori, или собственно—только механическимъ порядкомъ, въ которомъ безусловно господствуетъ лишь значеніе всего другаго.

Это и высказывается въ извѣстномъ утвержденіи, что физическая природа вещей и міра, въ противоположность бытію, измышляемому умозрѣніемъ, познается не иначе, какъ чрезъ посредство опыта, который и открываетъ, какимъ образомъ, или порядкомъ то или другое матеріальное существованіе относится къ какому либо другому, тоже матеріальному существованію, или явленію.

О томъ, какъ нѣчто матеріально, или эмпирически существующее относится къ себѣ, какъ оно есть въ себѣ самомъ, или въ сущности, въ сферѣ эмпирическаго, или положительнаго знанія, не спрашиваютъ и не бываетъ рѣчи: именно потому, что въ матеріи нѣтъ и не предполагается никакого самоотношенія.

Разумѣясь не логическимъ, а только механическимъ порядкомъ, не a priori — сама собою, а только a posteriori — чрезъ все другое, матерія, по отсутствію въ ней субъективнаго смысла саморазумѣнія, представляется непроницаемымъ, темнымъ, непонятнымъ, или собственно вполнѣ безсмысленнымъ существованіемъ, чистѣйшимъ эмпиризмомъ положительнаго бытія: что въ себѣ самомъ и для себя не имѣетъ своего смысла, то, конечно, иначе и не можетъ представляться, какъ вполнѣ безсмысленнымъ и непонятнымъ: такъ какъ понимать возможно лишь то, что̀ само собою понятно, лишь то, что̀ для себя и въ себѣ самомъ исполнено смысломъ жизненнаго саморазумѣнія.

Понятны до нѣкоторой степени — не только люди и животныя, но и растенія: потому что въ нихъ сознается имъ присущій смыслъ жизни. Не живая же матерія, самая вещественность міра, протяженная въ пространствѣ и текущая во времени, лишенная всякаго признака жизни, или смысла саморазумѣнія, сдается для самаго субъекта мысли лишь явнымъ безсмысліемъ бытія, или именно обьектомъ и непроницаемою матеріею невѣдѣнія и непониманія.

Физика занимается, какъ извѣстно, не сущностью, а только явленіями, т. е. не тѣмъ, что матерія есть сама для себя, а только чѣмъ она оказывается по отношенію къ другому. И хотя, чтобъ быть чѣмъ нибудь по отношенію къ другому, необходимо быть чѣмъ нибудь по отношенію къ себѣ самому; хотя, чтобъ быть явленіемъ, необходимо быть и нѣкоторою сущностью: но такая необходимость, или такое требованіе исходятъ только отъ логики; а въ механическомъ порядкѣ суще-

сіванія все, что нѣкоторымъ условнымъ, научнымъ образомъ познается, или уже познано относительно матеріи, оказывается не ею самою, а только всѣмъ другимъ, только ея посторонним содержаніемъ, которымъ она наполнена.

Отсюда происходитъ неизъяснимое противорѣчіе, которымъ самое представленіе о матеріи, несмотря на свидѣтельство чувствъ, обращается въ явную невозможность.

Изъ опытовъ и изъ всего, что извѣстно о матеріи, оказывается, что въ ней не находится и нѣтъ ея самой: какъ бы и въ чемъ бы она ни проявлялась, она ни въ чемъ, нигдѣ и никогда не есть она сама и собою не бываетъ; она всегда, всюду и во всемъ только другое, т. е. не дѣйствительно самосущее, а только чрезъ что либо другое, только другимъ, только мнѣніемъ другаго полагаемое или мнимое бытіе.

Еслибъ ничто другое, еслибъ мнѣніе другаго не держало и не утверждало нѣкоторымъ механическимъ порядкомъ мнимаго бытія матеріи, то сама собою она не могла бы ни держаться, ни утверждаться, ни быть: потому что она только тѣмъ и есть матерія, что въ ней нѣтъ самой себя, т. е. нѣтъ субъективности, нѣтъ жизни, нѣтъ смысла своего собственнаго саморазумѣнія и самоутвержденія.

Упорно представляясь и насильственно навязываясь сознанію, матерія подобна дому, хозяина котораго никто никогда не видывалъ и не знаетъ. Не даромъ древніе олицетворили его подъ видомъ неуловимаго Протея, который, если и есть гдѣ, то развѣ только въ постоянной и въ безызвѣстной отлучкѣ, въ которой онъ однако не находится, а только теряется и безслѣдно пропадаетъ.

За его отсутствіемъ, его домъ преданъ во власть всего другаго и дотого переполненъ всякимъ посторонним содержаніемъ, что еслибы хозяинъ его нечаянно возвратился, то для него въ собственномъ домѣ его не

нашлось бы ни малѣйшаго уголка, гдѣ бы онъ могъ пріютиться.

Въ матеріи нѣтъ мѣста для самой матеріи; не находясь, не помѣщаясь въ себѣ, она оказывается самой себѣ постороннею, внѣшнею, или вовсе не самой собою, вовсе не матеріею, а чѣмъ-то другимъ, которое только мнится, только чудится, принимается и выдается за матерію, но въ самомъ дѣлѣ не есть матерія.

Если матерія не есть матерія, то слѣдуетъ выяснить, что же скрывается подъ ея смутнымъ и призрачнымъ обликомъ? и необходимо найти въ ней тотъ смыслъ, или ту жизнь, которые въ ней потеряны и не находятся.

Сливая представленіе о матеріи въ одно съ представленіемъ о пространствѣ и времени, Р. Декартъ называлъ ее субстанціею протяженія. что и подавало поводъ думать, что онъ приравниваетъ оную къ субстанціи смысла (la chose qui pense) и обвинять его ученіе въ дуализмѣ, утверждающемъ двѣ субстанціи, или двѣ другъ съ другомъ несовмѣстныя истины, истину души и истину тѣла, истину смысла и истину безсмыслія, истину логики и истину механики.

Пріискивая умственный modus vivendi, чтобъ какъ нибудь уладить несообразность такого дуализма, чтобъ спасти и душу, и тѣло, Лейбницъ, чрезъ сочетаніе наилучшихъ резоновъ мышленія съ вовсе нерезонною матерію, изобрѣлъ не то психическій, не то физическій терминъ *сила*, которая однакожъ, не будучи ни душою, ни тѣломъ и ровно ничего не разъясняя, оказывается за отсутствіемъ содержанія лишь абстрактно-мертвеннымъ продуктомъ пустаго резонерства.

Еслибъ современные мыслители не боялись метафизики и ея схоластическихъ терминовъ, то они могли бы назвать матерію субстанціею движенія. Но затѣмъ, имъ пришлось бы выяснять, кто же или что же именно въ ней протягается, длится, движется или эволируетъ? А такъ какъ выяснить это никто не можетъ, такъ какъ матерія и есть именно матерія только пока въ ней это

не выяснено, пока въ ней не найденъ ей присущій субъективный смыслъ ея, то она и пребываетъ по необходимости лишь совершенно непонятнымъ безсмыслiемъ, или только непроницаемымъ предѣломъ смысла саморазумѣнія.

Если и возможно разъяснить столь проблематически-непонятное существованіе матеріи, — которая есть лишь тѣмъ, что ея *нѣтъ*, и которой потому собственно и нѣтъ, что она *есть* матерія, — то ужъ, разумѣется, никакъ не какою либо другою и столь же темною матеріею, а единственно только самобытною ясностью и свѣтомъ самаго смысла.

Сущность ученія Р. Декарта, какъ и всей философіи, въ томъ и заключается, что жизненный смыслъ саморазумѣнія есть самобытный свѣтъ и самое начало всякой ясности. Разумѣясь самъ собою, онъ ничѣмъ не объясняется и не требуетъ никакихъ объясненій. Пытаться объяснять самой собою вполнѣ ясную и понятную сущность смысла саморазумѣнія какимъ либо безсмыслiемъ темной и непонятной матеріи, какою либо механикою физическихъ атомовъ или мозговаго вещества, все равно, что пытаться освѣтить солнце и самый источникъ міроваго свѣта какими либо, хотя бы и электрическими фонарями, какою либо, лишь солнцемъ же освѣщаемою теменью міра.

Всякое объясненіе исходитъ только отъ смысла; безъ него все пребывало бы лишь безпросвѣтною и непроглядною тьмою; и для человѣка — понятно лишь то, что осмыслено его смысломъ; то же, что имъ не осмыслено, пребываетъ для него непонятнымъ и сдается ему нѣкоторымъ безсмыслiемъ. А такъ какъ ему присущій смыслъ оказывается слишкомъ ограниченнымъ, или недостаточнымъ, чтобъ осмыслить матерію бытія, чтобъ объяснить темную и непроницаемую сущность матеріи, то она и предстоитъ ему какъ неотъемлимый предѣлъ его смысла, какъ лишній объектъ его невѣдѣнія и безсмыслія. Вторгаясь въ сферу его разумѣнія и разъединяя его вѣру и

его знаніе въ дѣ другъ съ другомъ несовмѣстныя области, матерія и не допускаетъ, чтобъ истина его вѣры стала съ тѣмъ вмѣстѣ и истиною его знанія, ни чтобъ истина его знанія стала съ тѣмъ вмѣстѣ и истиною его вѣры.

Истина смысла саморазумѣнія, утверждаемая вѣрою какъ непосредственное утвержденіе жизни, получаетъ въ виду объективности истины знанія, добываемой опытомъ во внѣшней средѣ всего другаго, значеніе исключительно субъективной истины, которая только мыслится, какъ нѣкоторая мечта жизни, но не имѣетъ всеобщаго значенія объективнаго бытія; потому что въ сферѣ знанія и въ средѣ всего другаго, ничто не можетъ быть принимаемо на вѣру, пока оно не доказано достовѣрнымъ свидѣтельствомъ чего либо другаго.

Истина смысла саморазумѣнія, о которомъ толкуетъ, о который опирается субъективная увѣренность, совершенно непонятна въ сферѣ знанія: въ ней познается только то, что есть чрезъ другое, или силою другаго, или въ ощущеніи другаго, а никакъ ни то, что есть само собою; только то, что есть нѣкоторое явленіе, а никакъ не сущность, которую познать невозможно.

Смыслъ саморазумѣнія, который по свидѣтельству вѣры непосредственно исполненъ безусловною истиною бытія и потому полагается въ начало всей философіи, какъ та несомнѣнная сущность, которая есть и разумѣется сама собою, дотого непонятенъ въ сферѣ положительнаго знанія, что въ ней вполнѣ неизвѣстно, о чемъ говорятъ, когда говорятъ о смыслѣ или о истинѣ смысла.

Для положительнаго знанія есть много различныхъ смысловъ, или значеній, въ которыхъ познается различное содержаніе существующаго міра; — есть много различныхъ истинъ, которыми выражается наблюдаемый порядокъ и постоянное взаимное отношеніе великаго множества его различныхъ явленій. Но никто, никогда и нигдѣ не видалъ и не знаетъ единаго, всеобщаго смысла; никто, никогда и нигдѣ не видалъ и не знаетъ единой, всеоб-

щей истины, утверждаемой вѣрою или философіею наперекоръ самымъ элементарнымъ началамъ положительнаго знанія. Говоря о такомъ смыслѣ, утверждая такую истину и приписывая имъ всеобъемлющее и всеобщее міровое значеніе, теологи и метафизики поставлены въ необходимость выйти изъ субъективно-замкнутой сферы своего жизненнаго саморазумѣнія и, обращая предметъ своей вѣры въ предметъ общаго знанія, доказать явнымъ, объективнымъ образомъ, что тотъ смыслъ саморазумѣнія и его истина, которые ими полагаются въ основу философіи, есть не ихъ ограниченный, субъективный смыслъ, не ими лишь субъективно, лишь условно-измышляемая истина, но дѣйствительно всеобщій, міровой смыслъ и дѣйствительно его всеобщая и безусловно-сущая истина, которую не только можно по субъективному произволенію, но и должно признать въ силу объективной необходимости; такъ какъ она, разумѣясь сама собою въ опредѣленіяхъ чистаго мышленія, есть сверхъ того и дѣйствительная сущность во всѣхъ опредѣленіяхъ бытія.

5. Сила доказательства.

Въ сферѣ положительнаго знанія, вѣдающаго не смыслъ, а только непонятную и непроницаемую матерію бытія, ничто не можетъ быть принимаемо на вѣру: въ ней рѣчь идетъ уже не о томъ, что непосредственно утверждается субъективною увѣренностью въ себѣ, а напротивъ, о томъ, что есть въ средѣ всего другаго объективнымъ образомъ бытія и вполнѣ независимо, какъ отъ увѣренности, такъ и отъ сомнѣній субъекта.

Чтобъ признать такое бытіе, оно должно быть доказано, или утверждено достовѣрнымъ свидѣтельствомъ другаго, какъ о другомъ.

Требуемое доказательство можетъ быть затруднительнымъ: такъ какъ оно зависитъ, какъ отъ смысла того, кто доказываетъ, такъ и отъ смысла того, кому дока-

зываютъ; но за то такимъ образомъ доказанное, нимало не утрачивая своего первоначальнаго, чисто субъективнаго значенія мыслимаго, или разумѣемаго, пріобрѣтаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и все значеніе дѣйствительнаго объективнаго бытія.

Такъ какъ матерія есть не сама собою, а только въ силу чего либо другаго, то и всякая достовѣрность въ ея внѣшней матерьяльной средѣ проистекаетъ не изъ себя, а только изъ того доказательства, которымъ ею удостовѣряемое бытіе утверждается.

Отсюда и вытекаетъ требованіе, чтобъ все утверждаемое не принималось на вѣру, а было предварительно доказано.

Но между множествомъ всякаго рода доказательствъ, какія предъявляются въ подтвержденіе того или другаго положенія, не всякое одинаково доказательно, не всякое обладаетъ силою доказательности.

Чтобъ быть не мнимо, но дѣйствительно доказательнымъ, предъявляемое доказательство должно предварительно быть и само уже доказаннымъ или оправданнымъ какимъ либо достаточнымъ доказательствомъ; такъ какъ правда предъявляемаго доказательства заключается не въ немъ самомъ, а опять же въ чемъ либо другомъ, которымъ оно оправдывается, или подтверждается.

За отсутствіемъ вѣры, не только никакое утвержденіе, но и никакое доказательство не могутъ быть принимаемы на вѣру: потому что самымъ безвѣріемъ, требующимъ доказательства, чтобъ повѣрить, уже впередъ предрѣшено, что ничто въ себѣ самомъ не заключаетъ своей правды; изъ такого предрѣшенія вытекаетъ необходимость ссылаться на что либо другое для своего оправданія.

Второе доказательство, которымъ подтверждается первое, должно равнымъ образомъ имѣть подъ собою свое твердое основаніе: не имѣя подъ собою основанія, на которомъ оно могло бы твердо стоять и держаться, оно было бы лишь недоказательнымъ, или неосновательнымъ

доказательствомъ и, шатаясь само, ужъ, конечно, не могло бы ни держать, ни утверждать, ни доказывать что либо другое своею шаткостью и неосновательностью.

Но далѣе, и то основаніе, на которомъ покоится и твердо держится основательное доказательство, не можетъ быть признаваемо за незыблемо-твердое бездоказательно, на вѣру: вѣрить нельзя ничему; не имѣя въ себѣ самомъ своей правды, все должно находить свое оправданіе въ другомъ. Поэтому, и твердость представляемаго основанія должна быть оправдана какимъ либо новымъ доказательствомъ; иначе, самое основаніе основательности утверждаемаго будетъ не прочнымъ, но шаткимъ и зыбкимъ, или мнимымъ основаніемъ, на которомъ ничему невозможно основываться.

Такимъ образомъ требованіе ничего не принимать на вѣру, а только въ силу доказательства,—и притомъ, твердо обоснованнаго доказательства, — нисходитъ отъ всякаго предъявляемаго доказательства къ тому, что ему служитъ основаніемъ, а отъ этого основанія къ тому, что сообщаетъ ему его твердость, или основательность; и, слѣдуя все въ томъ же направленіи, углубляется все глубже и не можетъ остановиться до тѣхъ поръ, пока не найдется, или не усмотрится послѣднее основаніе, для всего процесса доказыванія, или самое начало его.

То послѣднее основаніе, или то первое начало, на которомъ зиждется вся цѣлость и весь строй всего ряда доказательствъ, не можетъ ни мыслиться, ни быть иначе, какъ незыблемою твердью, сообщающею отъ себя твердость, каждому изъ исходящихъ отъ нея утвержденій; или—не иначе, какъ первоначальною акеіомою, откуда всѣ слѣдующія отъ нея доказательства заимствуютъ свою силу доказательности;—не иначе, какъ дѣйствительно-сущею основою, безъ которой весь рядъ доказательныхъ утвержденій и построеній былъ бы лишенъ всякой основательности. Эта незыблемая твердь, эта дѣйствительно-сущая основа и первоначальная акеіома всего мышленія и всего существованія собственно и есть та без-

условно-сущая и несомнѣнная истина, безъ которой не могло бы быть ничего твердаго, ничего доказательнаго, ничего основательнаго, и не было бы самой возможности ни что либо утверждать, ни что либо доказывать основательнымъ образомъ.

Она служитъ основаніемъ для всякаго доказательства; но, будучи основою и первоначальною аксіомою всего мышленія и незыблемою твердью для всякаго утвержденія, для всякаго существованія, сама ничѣмъ не доказывается и не можетъ доказываться: а потому очевидно, что не только требованіе, но и всякое предъявленіе доказательства само собою свидѣтельствуетъ о вѣрѣ въ несомнѣнную дѣйствительность безусловно-сущей истины; такъ какъ иначе какъ на ея основаніи ничего доказывать невозможно.

Доказать истинность безусловной истины того рода доказательствами, какими доказываются разныя положенія, когда уже имѣется основаніе для ихъ доказательства, конечно, невозможно. Но въ нее не только можно, но и необходимо вѣрить въ точномъ смыслѣ вѣры: потому что, безъ субъективной увѣренности въ дѣйствительность безусловной истины, ни въ чемъ не могло бы находиться и объективной достовѣрности, и никакое доказательство, никакое утвержденіе, никакое основаніе, никакая истина не представляли бы собою и не имѣли бы въ себѣ ни малѣйшей доказательности, ни малѣйшей твердости, ни малѣйшей основательности, ни малѣйшей истинности.

Такъ называемыя относительныя, или научныя истины подобны окнамъ, чрезъ которыя въ домъ льется дневной свѣтъ: но еслибъ не было дальняго свѣта, еслибъ на дворѣ стояла ночь, то, разумѣется, и чрезъ самыя свѣтлыя окна въ домъ вливались бы ночь и тьма, а никакъ не свѣтъ. Такъ точно, если въ умственный міръ и проходитъ нѣкоторый свѣтъ путемъ относительныхъ истинъ, то только потому, что въ нихъ просвѣчиваетъ вѣчный свѣтъ безусловной истины; а безъ него, въ нихъ бы про-

глядывала лишь безпросвѣтная темень лжи и ея лживыхъ призраковъ.

Иначе, какъ на основаніи безусловной истины, невозможно не только что либо доказывать и утверждать, но и что либо отрицать и въ чемъ либо сомнѣваться; потому что, какъ всякое утвержденіе, такъ и всякое отрицаніе и всякое сомнѣніе — тогда только основательны и не лишены смысла, когда они заявляются отъ лица и на основаніи истины противъ тѣхъ ошибочныхъ или лживыхъ утвержденій, которыми искажается ея вѣчный образъ.

Такъ называемая большая посылка, на которой зиждется все строеніе силлогизма, не есть пустое абстрактное обобщеніе, какъ полагается формальною логикою, унаслѣдованною отъ средневѣковаго схоластизма, — не есть пустое толченіе воды, какъ это утверждалось съ эпохи возрожденія и утверждается еще и нынѣ противниками формализма и представителями современной научности.

По точному смыслу ученія Аристотеля, основаніемъ силлогизма, или его большею посылкою, служитъ именно только та всеобщая и безусловная истина, которая выражена субъективнымъ образомъ въ формулѣ Р. Декарта, — разумѣю, стало быть есмь, — и есть съ тѣмъ вмѣстѣ вполнѣ достовѣрная, объективная истина и единственная незыблемая твердь, или основа для всякаго утвержденія, для всякаго доказательства.

Аподиктическое значеніе силлогизма выступаетъ во всей силѣ своей, когда что либо доказывается не какъ нѣчто возможное или вѣроятное, а какъ категорически-необходимое.

Существо доказательства состоитъ въ томъ, что его окончательный выводъ связывается съ его начальнымъ основаніемъ болѣе или менѣе длинною цѣпью посредствующихъ звѣньевъ, или соображеній, но такъ органически крѣпко, или связно, что то самое, что уже признано за истину въ началѣ, проходя чрезъ всѣ посредствующіе члены доказательства, выступаетъ во всей не-

обходимости и во всей опредѣлительности и въ его заключительномъ выводѣ.

Сколько бы ни было посредствующихъ соображеній въ цѣломъ порядкѣ доказательства, каждое изъ нихъ, исходя отъ истины, должно быть проникнуто и соображено образомъ истины, если въ виду имѣется прійти къ истинному, а не къ ложному выводу, или заключенію.

Поэтому, понятно само собою, что для доказательства истины требуется, чтобъ начальное основаніе, или соображающій образъ всего доказательства, какъ и каждое изъ его особыхъ, посредствующихъ соображеній, были сообразны съ истиною. Такъ какъ не истиною,— ложью доказать истину невозможно.

Истина доказывается только самою же истиною; это значитъ, что она собственно ничѣмъ не доказывается, что она, какъ первоначальная аксіома всего мышленія и всего существованія, разумѣется сама собою и всегда, вездѣ и во всемъ, какъ субъективно, такъ и объективно уже вполнѣ доказана своимъ безусловнымъ образомъ.

Въ этомъ ученіи Платонъ, Аристотель, Св. Августинъ, Ансельмъ Кентеберійскій, Ооома Аквинатъ, Р. Декартъ, Б. Спиноза сходятся другъ съ другомъ и исключаютъ всякую возможность сомнѣнія въ томъ, что истина — именно и есть истина. Потому что вполнѣ очевидно, что кромѣ самой истины, ничто другое, ничто, что не есть истина, не можетъ быть истиннымъ.

Если это и сдается пустою, ничего несказывающею тавтологіею, то только потому, что подъ словомъ истина обыкновенно разумѣютъ то, что мыслится лишь какъ нѣкоторый образъ мышленія, какъ нѣкоторое представленіе, а не то, что разумѣясь само собою, исполнено бытіемъ и есть дѣйствительная сущность.

На знаменитый вопросъ: что есть истина? нельзя отвѣчать иначе, какъ сказавъ, что истина — именно и есть самая истина; а это значитъ, что она опредѣляется не чѣмъ либо другимъ, не какимъ либо мышленіемъ или разумѣніемъ другаго, а существенно только сама собою.

Опредѣляться, разумѣться, утверждаться или быть самимъ собою есть по самому смыслу совершенно личное выраженіе, или полное выраженіе самой личности того, кто самъ себя разумѣетъ сущимъ.

Формулою Р. Декарта: — я мыслю, или разумѣюсь, стало быть есмь, — и выражается собственно, что дѣйствительное бытіе, или истина, заключается вполнѣ въ субъектѣ, или въ личности саморазумѣнія. Тому, кто есть, кто живетъ, кто разумѣется самъ собою, нечего и невозможно доказывать, что онъ есть, что онъ живетъ, что онъ разумѣется самъ собою; онъ это знаетъ въ себѣ самомъ непосредственно, безъ всякихъ доказательствъ, какъ несомнѣнную истину; и его знаніе этой истины есть въ немъ его незыблемая вѣра, которую никакія доказательства ни усилить, ни умалить не въ состояніи. Такъ какъ въ его непосредственной, субъективной увѣренности въ себѣ самомъ тонутъ, пропадая безслѣдно, всѣ со стороны приходящія завѣренія и свидѣтельства объективной достовѣрности.

Нѣчто другое можетъ быть или стать достовѣрнымъ для субъекта лишь потому, что онъ исполненъ увѣренностью въ себѣ самомъ, или незыблемою вѣрою въ истину, которая, какъ сущій смыслъ, разумѣясь сама собою, есть единственное оправданіе и утвержденіе всего другаго.

Быть дѣйствительнымъ образомъ, или жить собственно и значитъ разумѣться самимъ собою, т. е. жить истиною и вѣрить въ истину, которою живешь.

Вѣрить собственно и значитъ жить истиною; и сущность вѣры въ томъ только и заключается, что жизнь въ себѣ самой непосредственно знаетъ и утверждаетъ всѣмъ существомъ несомнѣнную дѣйствительность безусловной истины, или безусловной жизни саморазумѣнія, которая безъ всякихъ доказательствъ разумѣется сама собою, какъ безусловное основаніе всѣхъ доказательствъ.

Всякое доказательство, всякое свидѣтельство, всякое утвержденіе, какъ и всякое отрицаніе и сомнѣніе, бываютъ не прежде, но послѣ жизни, вслѣдъ за жизнью и

притомъ, не для кого другаго, какъ только для самой же жизни, для ея смысла, который или оправдываетъ своимъ образомъ — что съ нимъ сообразно, или отрицаетъ — что съ нимъ несообразно.

Составляя самую сущность вѣры и жизни, истина саморазумѣнія, какъ личный смыслъ бытія, знаемо дотого тѣсно съ самымъ существомъ мышленія, что о ней всего чаще забываютъ, когда рѣчь идетъ о доказательствѣ чего либо другаго, и она теряется изъ вида въ виду всякаго иного посторонняго содержанія; подобно тому, какъ и при счетѣ числа присутствующихъ, нерѣдко случается забывать о себѣ самомъ, вслѣдствіе чего, за недостаткомъ одного, такой счетъ и оказывается невѣрнымъ.

Совершенно также и при предъявляемыхъ доказательствахъ можно усмотрѣть всякаго рода соображенія о всемъ другомъ, но въ нихъ всего чаще недостаетъ одного и притомъ самаго существеннаго: недостаетъ именно соображенія о соображающемъ образѣ самаго субъекта, которымъ, соображая и доказывая, собственно самъ и есть начальное основаніе и всеобщая большая посылка, на которой зиждется весь строй доказательства.

Какъ нѣкоторою ограниченностью самимъ собою не только можно, но и должно пренебрегать въ цѣломъ ходѣ предъявляемыхъ соображеній и доказательствъ; но пренебрегать субъективностью разумѣнія вообще, — значитъ лишать соображеніе и доказательство всякаго объективнаго смысла, значитъ соображать и доказывать не тѣмъ, что разумѣется само собою и есть дѣйствительно сущее бытіе, а только тѣмъ, что само собою не разумѣется и есть лишь мнимое бытіе.

5. Истина саморазумѣнія въ спорѣ, или въ средѣ другаго.

Кто, никогда не бывая далѣе дома своего, видѣлъ каждый день, какъ солнце высится надъ его кровлею, легко можетъ вообразить, что высота солнца надъ землею

измѣряется высотою его дома. Но стоитъ ему удалиться отъ дома и увидать, что это же солнце, въ то же время, одинаково высится и также свѣтитъ надъ всею далью и шириью земли,—надъ ея морями, долами и горами,— и онъ тотчасъ познаетъ его дѣйствительную высоту, предъ которою высота его дома обращается въ исчезающую величину.

Каждый твердо убѣжденъ ему присущимъ жизненнымъ образомъ въ несомнѣнности его исполняющей субъективной истины: но онъ измѣряетъ ее въ себѣ лишь своею мѣрою, которая однако не есть ея дѣйствительная мѣра: онъ убѣжденъ внутренно, или субъективно, но еще не знаетъ того, что даетъ силу и правду его убѣжденію. А потому, ему надлежитъ выйти изъ себя, чтобъ, вступая въ споръ съ другими убѣжденіями и утвержденіями, познать въ нихъ другія, различныя мѣры той же самой истины, и убѣдиться, что она есть не только его истина, но всеобщая, объективная истина всего міра.

О чемъ бы ни шелъ споръ, онъ всегда имѣетъ въ виду истину, хотя и завязывается лишь по поводу какого нибудь частнаго содержанія, при которомъ спорящіе выступаютъ другъ противъ друга съ взаимно несовмѣстными утвержденіями.

Все утверждаемое въ себѣ самомъ, или кѣмъ либо однимъ безъ участія другаго, находясь въ опредѣленіи субъективности, можетъ быть лишь исключительно субъективнымъ содержаніемъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго значенія объективности; но все, что, являясь спорнымъ, вступаетъ въ сферу другаго, получаетъ въ ней чрезъ участіе другаго и все значеніе объективности: потому что возможно спорить никакъ не о себѣ самомъ, никакъ не о исключительно своемъ, субъективномъ содержаніи, а только о томъ, что уже различено отъ себя, какъ нѣчто другое, независимо отъ себя сущее.

Для возможности спора, спорящія стороны вынуждены необходимостью предварительно сойтись другъ съ другомъ на какомъ либо для нихъ общемъ основаніи,

которое признается обѣими за безспорную истину, или за то, что разумѣется само собою и не требуетъ ни дальнѣйшихъ разъясненій, ни иныхъ доказательствъ. При одномъ расхожденіи другъ съ другомъ, безъ малѣйшаго въ чемъ бы то ни было схожденія на общей почвѣ, споръ былъ бы совершенною невозможностью.

Найдя свое общее основаніе и утвердясь на немъ, спорящіе получаютъ возможность основательно сообщать другъ другу свои различныя утвержденія и согласоваться взаимно въ признаніи вѣрнымъ того, что оказывается сообразнымъ съ признаннымъ общимъ основаніемъ, и невѣрнымъ того, что оказывается съ нимъ несообразнымъ.

Но, если во время спора къ нему приступаютъ со стороны, изъ среды всего другаго, и новые участники, и новыя условія и обстоятельства, которые прежде не имѣлись въ виду, то этими новыми элементами спора предъявляются и новыя требованія, которымъ первое основаніе, признанное общимъ лишь для прежнихъ элементовъ, уже не можетъ ни соотвѣтствовать, ни удовлетворять: и тогда приходится по необходимости вникнуть въ спорный предметъ основательнѣе, шире и глубже съ тѣмъ, чтобъ сойтись на болѣе общемъ и болѣе глубокомъ основаніи, или на такой истинѣ, которая разумѣлась бы сама собою, какъ несомнѣнная и безспорная, не только для первыхъ, но и для вновь вошедшихъ элементовъ и участниковъ въ споръ.

Затѣмъ, когда къ тому же спору прибываютъ и еще новые участники и вводятъ съ собою еще новыя условія и обстоятельства, долгого въ споръ не входившія, тогда въ соотвѣтствіе съ новыми требованіями его новыхъ участниковъ и элементовъ, или, какъ говорятъ, его новыхъ факторовъ, приходится по необходимости вновь покинуть предъ симъ установленное основаніе и сойти на другое, еще болѣе основательное, болѣе широкое и болѣе глубокое; безъ чего споръ, за невозможностью ни развиваться, ни продолжаться, долженъ былъ

бы неминуемо прекратиться, не достигнувъ своего разрѣшенія.

Но чѣмъ больше сторонъ принимаютъ участіе въ спорѣ, чѣмъ больше различныхъ обстоятельствъ, элементовъ или факторовъ, подлежащихъ соображенію, входятъ въ него, тѣмъ споръ сильнѣе разгорается, и въ возникающей при немъ смутѣ, уже не всякій — въ состояніи слѣдить за ходомъ его и развитіемъ: вслѣдствіе чего, множество изъ спорившихъ отступаются отъ спора и, оставляя его неконченнымъ и неразрѣшеннымъ, сами остаются въ полнѣйшемъ недоумѣніи — сказать ли имъ да, или нѣтъ.

Но для тѣхъ, кто, не смущаясь, сохраняетъ спокойствіе духа и ясность ума среди смуты, очевидно, что споръ долженъ по необходимости разрастаться и въ ширь, и въ глубь все тѣмъ же порядкомъ,—что чѣмъ шире расходятся всеобщій разладъ, разъединеніе и несогласіе спорящихъ другъ съ другомъ элементовъ снаружи и на поверхности спорнаго содержанія, тѣмъ глубже они сходятся и взаимно соглашаются въ томъ всеобщемъ основаніи ихъ спора, которое для каждаго изъ нихъ разумѣется само собою, какъ ихъ всеобщая и безспорная истина: ибо, еслибъ они не соглашались въ ней, то они не имѣли бы ни силы, ни возможности такъ упорно спорить, такъ твердо держаться того, на чемъ они стоятъ; и ихъ жестокій споръ не могъ бы продолжаться, но долженъ былъ бы, по безсилію и по недостатку твердости, умолкнуть и прекратиться въ мертвенномъ затишьи.

Смирные люди обыкновенно протестуютъ противъ всякаго *спора; имъ непонятно*, къ чему такая ревность и *что за охота спорить?* Но *смирные люди*, опасаясь всякаго *волненія*, всего менѣе понимаютъ, что всякій споръ есть свидѣтельство о согласіи, и что чѣмъ онъ ревностнѣе, чѣмъ больше участвующихъ въ немъ, разнородныхъ элементовъ, чѣмъ сильнѣе наружное волненіе и смута отъ явнаго несогласія,—тѣмъ только явственнѣе и полнѣе его

свидѣтельство о невозмутимомъ согласіи всѣхъ спорящихъ элементовъ въ томъ глубокомъ и безспорномъ основаніи, изъ котораго исходитъ ихъ споръ и ихъ разъединеніе.

Потому онъ и не прекращается: отъ него отступаютъ слабые и утомленные; но онъ тѣмъ не менѣе разгарается все больше и захватываетъ собою все большую площадь; къ нему приливаютъ постоянно и новыя силы, и новые элементы; такъ что наконецъ, въ немъ принимаетъ участіе весь міръ, и онъ становится міровымъ споромъ. Міровой споръ, какъ нескончаемый споръ всѣхъ обстоятельствъ, всѣхъ условій, всѣхъ стихій и элементовъ міра, какъ всеобщая борьба за существованіе, какъ жестокая война за правду, за вѣру, за справедливость, за истину, ведется уже не на какомъ либо частномъ, или исключительномъ, но на всеобщемъ основаніи всего міра, или на основаніи той всеобщей міровой истины, которая, не требуя ни объясненій, ни доказательствъ, будучи внутреннею, субъективною увѣренностью и твердостью всякаго бытія и всего бытія, всѣмъ ясна и понятна своимъ безспорнымъ объективнымъ образомъ, потому что она есть именно то самое, что разумѣется само собою для всего міра и для всего сущаго въ мірѣ.

Міровой споръ во всѣхъ видахъ и аспектахъ его былъ бы совершенною невозможностью, еслибъ онъ не имѣлъ своего основанія въ дѣйствительно сущей, безусловной истинѣ, или въ той безконечной всеобъемлющей сущности, которою держится весь міръ и безъ которой ни одно изъ его существованій не могло бы выдержать той страшной напряженности, съ какою міровой споръ ведется, ни на мигъ не задерживаясь ни жизнью, ни смертью, ни радостью, ни горемъ, ни наслажденіемъ, ни страданіемъ, ни какими либо частными значеніями, желаніями или стремленіями, ни даже волею всѣхъ другъ съ другомъ спорящихъ элементовъ и участниковъ жизненнаго спорнаго бытія.

Теоретики и сторонники научнаго міровоззрѣнія сы-

лаются въ объясненіе этого спора, или этой эволюціи всего міроваго содержанія, на міровую необходимость; но необходимость теоріи есть лишь абстрактная, лишь совершенно пустая необходимость, которая, не имѣя сама никакого опредѣленія въ себѣ, не въ состояніи опредѣлять что либо другое, такъ какъ совершенно немыслимо, чтобъ что нибудь опредѣлялось сущею неопредѣленностью.

А потому, если и можно говорить о всеобщей необходимости, то развѣ только о необходимости безъусловной истины, кромѣ которой и помимо которой ничто другое не можетъ быть необходимымъ.

Небеса и земля повѣствуютъ о безусловной истинѣ, которая всюду и вездѣ разумѣется сама собою. Смысломъ ея саморазумѣнія, или ея вѣчнымъ образомъ, преисполненъ весь міръ; затаивъ ее въ себѣ, какъ глубокую, неисповѣдимую тайну своего бытія, онъ однако же съ наивностью ребенка и въ самомъ молчаніи невольно высказываетъ оную и не можетъ скрыть отъ вниманія то, что въ немъ таится.

То самое, что тайнымъ, субъективнымъ образомъ мыслится въ себѣ самомъ, мыслится и *есть* явнымъ объективнымъ образомъ всѣмъ другимъ, всѣмъ существующимъ міромъ, всѣми его доказательствами и утвержденіями; о томъ свидѣтельствуютъ какъ его нескончаемый, міровой споръ, такъ и особенно его глубокое, невозмутимое спокойствіе, его міровое согласіе и гармонія.

Истина смысла саморазумѣнія, присущая субъективному образу жизни и выражаемая въ формулѣ: «разумѣюсь, стало быть есмь,» — признается и въ объективномъ содержаніи бытія всего другаго не только въ силу проявленія, но и въ силу необходимости, какъ та сущность и незыблемая основа всякаго существованія, какъ та безусловная и безспорная истина, которая безъ всякихъ доказательствъ и въ спорѣ, и въ согласіи разумѣется сама собою чрезъ всю необозримую даль и необъятную безпредѣльность всего міроздавія.

Отличая сущность мышленія, или самый смыслъ са-

моразумѣнія, который мыслитъ и есть бытіе субъективное, отъ объективнаго бытія, которое мыслится какъ нѣчто другое, какъ предметъ, содержаніе, или матерія мысли, Р. Декартъ называлъ первую — субстанціею мышленія (la chose qui pense), а второе — субстанціею протяженія; что и подало поводъ, вслѣдствіе нѣкоторой недосказанности, упрекать его ученіе въ двойственности, или въ двусмысліи дуализма, которымъ утверждается съ одной стороны субстанціальная истина смысла саморазумѣнія, а съ другой — столь же субстанціальная истина неразумѣнія, безсмыслія, или вообще механически протяженной матеріи.

Дѣйствительно, очень многое въ пріемахъ и выраженіяхъ, которыми Р. Декартъ излагаетъ свое новое ученіе философіи, почти вынуждаетъ думать, что онъ былъ не вполнѣ свободенъ отъ дуалистическаго возрѣнія; но, вдумываясь глубже въ дѣйствительный смыслъ его ученія и особенно въ тотъ образъ, въ какомъ оно было воспринято и возсоздано изъ него ученіемъ Б. Спинозы, всякій мыслящій долженъ убѣдиться, что упрекъ Р. Декарту въ его дуализмѣ исходитъ изъ яснаго недоразумѣнія, и что его ученіе столь же чуждо дуализма, какъ и ученіе Б. Спинозы.

Установивъ своею формулою, — cogito, ergo sum, — безспорную, субъективно-объективную аксіому всего мышленія и всего существованія (intelligentiae et essentiae) Р. Декартъ выводитъ изъ ней, какъ необходимую теорему, всеобщее правило, въ силу котораго безспорнымъ или доказаннымъ слѣдуетъ признавать все, что мыслится столь же ясно и понятно, какъ самая формула; а это значитъ, что истиннымъ необходимо признавать лишь то, что вполнѣ сообразно съ истиною самаго смысла саморазумѣнія, что ему не противорѣчитъ; такъ какъ, что съ нею несообразно, что ей противорѣчитъ, то не можетъ ни быть осмыслено, ни быть яснымъ и понятнымъ.

А изъ этого слѣдуетъ далѣе, что никакого безсмыслія, какъ нѣкоей сущности, или субстанціи, въ дѣй-

ствительности нѣтъ и не можетъ быть; что все, что дѣйствительно есть, исполнено по необходимости смысломъ или разумомъ. (Die Wirklichkeit ist Wahrheit).

Но, если и нѣтъ безсмыслія, какъ особой отъ смысла субстанціи, то все же безспорно, что смыслу человѣческаго саморазумѣнія предстоитъ цѣлый міръ, преисполненный матеріею бытія, которая имъ неосмыслена и потому представляется ему только чувственнымъ, т. е. вполнѣ смутнымъ, неяснымъ, или непонятнымъ образомъ.

Смутная и непонятная матерія безсмыслія, которая усматривается человѣческимъ смысломъ саморазумѣнія лишь по его ограниченности и недостаточности, имѣетъ не утвердительное, не положительное, а только отрицательное и недостаточное, или такъ называемое привативное значеніе, которое и служитъ поводомъ лишь къ всеобщему несогласію и міровому спору; такъ какъ съ такимъ значеніемъ никто и ничто согласиться не можетъ, и все дѣйствительно сущее не признаетъ, а только отрицаетъ его дѣйствительность.

Бытіе, по поводу котораго идетъ споръ, или спорное бытіе, въ сферѣ котораго нѣтъ согласія, уже ради своей спорности не есть бытіе дѣйствительное и, очевидно, не можетъ быть дѣйствительнымъ бытіемъ: ибо самый споръ о немъ и по поводу его свидѣтельствуетъ вполнѣ объективнымъ образомъ, что въ немъ нѣтъ самой истины.

А потому, понятно до полной очевидности, что истина смысла саморазумѣнія есть дѣйствительнымъ и безспорнымъ образомъ лишь за предѣлами спора, лишь въ той глубинѣ, или высотѣ разумѣнія и пониманія, гдѣ всякій споръ прекращается не по недостатку спорящихъ, но по отсутствію матеріи недоразумѣнія, безсмыслія, или спорнаго, не дѣйствительнаго, а только мнимаго бытія.

Сущая истина, разумѣясь сама собою, ясна и понятна для всего и для всѣхъ, конечно, не въ спорной матеріи безсмыслія, а только въ безусловномъ и безначальномъ смыслѣ, о которомъ нѣтъ и не можетъ быть никакого спора; такъ какъ весь міръ зиждется и стоитъ

твердо своимъ незыблемымымъ образомъ никакъ не на томъ, что подлежитъ спору и о чемъ возможно спорить, но лишь на одномъ и томъ же безспорномъ основаніи, которое при малѣйшемъ соображеніи одного съ другимъ и выступаетъ какъ полнота согласія и гармоніи.

Этой міровой гармоніи, этой музыки сферъ, этой несказанной красоты съ самимъ собою безусловно сообразнаго космоса, невозможно ни слышать, ни видѣть за шумомъ, за нескончаемымъ споромъ, за неумолкаемыми пререканіями въ міровой борьбѣ за существованіе. Но чуть наступаетъ затишье, чуть душа возвышается или углубляется за предѣлы ея смущающаго разногласія и убійственнаго спора между всѣми различными взглядами и значеніями въ мірѣ, изъза противорѣчивости ихъ другъ съ другомъ несовмѣстныхъ утвержденій сама собою выступаетъ та незыблемая твердь, или та безусловная истина, на которой они утверждаются, отъ которой они заимствуютъ свою силу и твердость, безъ которой имъ было бы невозможно ни входить въ споръ другъ съ другомъ, ни что либо отрицать, ни что либо утверждать собою.

Какъ въ субъективномъ образѣ выраженія, въ сферѣ чистаго мышленія, съ значеніемъ безусловнаго самопроизволенія, такъ и въ субстанціально-объективномъ образѣ выраженія, въ сферѣ существованія всего другаго, съ значеніемъ безусловно сущей необходимости бытія, истина есть одна и та же безусловная истина: разумѣясь сама собою, она сказывается безспорнымъ образомъ и въ каждомъ изъ единичныхъ существованій, какъ его оправданіе и неотъемлемое право быть; — и въ объективной сущности всей совокупности необъятнаго міра, какъ его сущая необходимость и разумъ всего сущаго, который одинъ обладаетъ правомъ вопрошать и отвѣчать, — зачѣмъ и почему было, есть и будетъ все то, что было есть и будетъ. Такъ какъ безъ разума никто, ни о чемъ вопрошать и никто ни на что отвѣчать не можетъ и права не имѣетъ.

Безусловно-сущая истина есть субъективный смыслъ

и объективный разумъ, — или самая сущность всего существующаго: она безконечно близка къ каждому изъ существъ, живущихъ въ мірѣ, и есть одно съ нимъ; такъ какъ каждое изъ нихъ въ самой особности своей лишь ею дышетъ, живетъ и утверждается. И вмѣстѣ съ тѣмъ, она же — безконечно далека отъ каждаго изъ нихъ: потому что, усматриваясь не иначе какъ чрезъ отрѣшеніе отъ всего спорнаго и ограниченнаго, отъ всѣхъ разногласій и разнорѣчій, состязающихся въ мірѣ, — не только въ жизни, но и за предѣлами жизни, за рубежемъ смерти, чрезъ безпредѣльную даль всего другаго, она по отношенію ко всему существующему есть безусловно-другое и вовсе не то, что находится и утверждается въ безчисленныхъ образахъ конечнаго существованія.

Все существующее существуетъ только истиною; но вѣдаетъ объ этомъ только человѣкъ; потому что, будучи въ себѣ самомъ не только фактомъ, но и смысломъ своего существованія, онъ въ силу ему присущаго смысла не можетъ не знать и не утверждать изъ глубины существа своего, что тамъ, чрезъ всю даль, всю ширь, всю высь и всю глубь непонятнаго міра, за предѣлами всѣхъ его различій, разногласій, споровъ и состязаній, за экстенсивною безпредѣльностью распространенія всего другаго, есть единое, въ безконечной интенсивности сущее одно, которое, разумѣясь само собою, какъ въ субъективномъ смыслѣ всякаго единичнаго разумѣнія, такъ и въ объективномъ разумѣ всего міроваго существованія, именно и утверждается какъ всѣми безспорно разумѣемая и несомнѣнно все разумѣющая безусловная истина.

Слову — истина придается всего обыкновеннѣе лишь очень частное и совершенно формальное значеніе вѣрной, или оправданной мысли по отношенію къ различному содержанію: такъ говорятся о научныхъ, о математическихъ относительныхъ истинахъ. Но въ философіи, подъ словомъ — истина разумѣется не та и не другая, болѣе или менѣе оправданная мысль

или теорія, но то самое, чѣмъ каждая мысль и каждая теорія должны быть оправданы, чтобы быть истинными; или та самая сущность, которая независимо отъ всякихъ мыслей о ней, отъ всякихъ на нее воззрѣній, разумѣется сама собою, какъ безусловная истина своимъ безусловнымъ образомъ.

Разумѣться и быть самимъ собою — значитъ жить, быть живымъ, быть саморазумѣющимся смысломъ: лишь то, что живетъ и исполнено субъективнымъ образомъ жизни, разумѣется само собою; — не живое не имѣетъ въ себѣ и не можетъ имѣть никакого смысла саморазумѣнія: оно можетъ быть разумѣемо, или предетавляемо другимъ, но никакъ не самимъ собою: а потому, безусловная истина, на которую всякое существованіе ссылается какъ на правду свою и какъ на то, что не требуя никакихъ доказательствъ, непосредственно, всюду и всегда разумѣется само собою и притомъ, — разумѣется не только субъективно, въ мышленіи, но вполнѣ объективнымъ образомъ, чрезъ всѣ различія, всѣ разногласія, всѣ противорѣчія, — чрезъ всю смуту и матерію міроваго бытія, — есть по необходимости и безъ возможности какого либо сомнѣнія, живой предвѣчно-сущій, безусловный смыслъ, которымъ весь міръ и все сущее въ мірѣ оправдывается въ своемъ существованіи и не есть безсмысліе.

Высказываясь всеобщею формулою самосознанія, — разумѣюсь, — стало быть есмь, — человѣкъ свидѣтельствуетъ ею, что онъ уже въ себѣ самомъ, въ самой субъективности своего эмпирическаго бытія, есть смыслъ, и безъ сомнѣнія, — живой смыслъ истины, — такъ какъ иного смысла, смысла не истины, — нѣтъ и быть не можетъ. Истина — одна; въ ней нѣтъ двухъ смысловъ, — нѣтъ двусмыслія: и тотъ смыслъ, который человѣкъ сознаетъ субъективно въ себѣ самомъ, какъ смыслъ своего саморазумѣнія, есть тотъ же самый смыслъ или разумъ, который онъ усматриваетъ и объективно въ сферѣ бытія, чрезъ всю необъятную даль другихъ, міровыхъ существованій.

Въ себѣ самомъ, смыслъ истины имѣетъ лишь субъективное значеніе разумѣнія; въ сферѣ другаго и чрезъ все другое, онъ сказывается и объективно съ полнымъ значеніемъ бытія, или того, что не только разумѣется, но и есть, и существуетъ дѣйствительнымъ образомъ существованія.

И такъ, тотъ же смыслъ, который, во первыхъ, уже въ самомъ началѣ непосредственно сказывается человѣку въ безконечной къ нему близости, какъ одно сущее съ нимъ,—такъ какъ онъ въ своей субъективности самъ и есть живой смыслъ саморазумѣнія,—сказывается ему, во вторыхъ, и объективнымъ образомъ, въ безконечной дали отъ него, какъ то, что—вовсе не онъ,—никакъ не это эмпирическое, ограниченное существо, а безусловно другое и недосягаемо далекое,—которое въ своемъ безконечномъ и безначальномъ образѣ разумѣется само собою—не для него одного, но и для всего другаго.

Въ сферѣ своего эмпирическаго, или конечнаго существованія, самъ себя знающій человѣкъ есть, какъ сущій субъектъ,—безспорно,—субъектъ міроваго существованія; потому онъ и именуется Я,—т. е. Я—разумѣющимся и разумѣющимъ. Но то, что онъ есть въ себѣ лишь по назначенію отъ природы, или въ силу рожденія, онъ есть лишь въ своемъ понятіи или только въ возможности—in potentia,—но еще не чрезъ себя самаго, не въ немъ самимъ завершенной дѣйствительности, не in actu,—еще не есть исполненіе; потому что матерія бытія, въ которую онъ погруженъ своимъ эмпирическимъ существованіемъ, дѣлая его несообразнымъ съ самимъ собою, или на себя непохожимъ, отдѣляетъ его существо отъ его сущности,—его эмпирически-существующій, ограниченный смыслъ отъ его безконечнаго, безусловно сущаго смысла.

Какъ все остальное, такъ и онъ, въ матеріальномъ опредѣленіи бытія, есть не онъ самъ, а нѣчто другое, чуждое и посторонее себѣ самому, или тому, что онъ дѣйствительно есть въ своей сущности.

А потому, человѣкъ и взираетъ и въ ограниченномъ

тѣсноты своего эмпирическаго существованія, чрезъ всю даль необъятнаго міроваго бытія, чрезъ жизнь и чрезъ смерть къ своей истинной и безконечной сущности;—къ своему дѣйствительному смыслу, который не здѣсь, не въ чувственной и проходящей матеріи, но тамъ, въ вѣчномъ эфирѣ непреходящаго, надзвѣзднаго міра, гдѣ отъ него сокрыта ему еще невѣдомая безусловная истина его существа.

Этимъ неизбѣжнымъ раздвоеніемъ своего здѣсь и своего же тамъ, своего эмпирическаго существованія и своей духовной сущности, своего чувственно-мнимаго бытія, въ опредѣленіяхъ внѣшности, и своего дѣйствительнаго бытія въ истинѣ, человѣкъ развиваетъ все содержаніе своего саморазумѣющагося смысла изъ его, на подобіе сѣмени, въ себѣ самомъ замкнутаго и въ образѣ понятія затаеннаго состоянія, въ открытое или явное *сужденіе*, въ которомъ его внутренняя, тайная вѣра, или инстинктъ человѣческаго бытія, такъ сказать, разсуждается въ положительную религію.

Живой, предвѣчный смыслъ и разумъ безусловно-сущей истины, безконечно близкій и непосредственно понятный человѣку, какъ его собственная сущность, какъ самое начало его разумѣнія и пониманія,—и безконечно отъ него далекій и непостижимый его ограниченности,—такъ какъ онъ постигается не иначе какъ чрезъ всю безпредѣльность необъятнаго міра, есть по существу своему и безусловный субъектъ, и безусловный объектъ,—тотъ, кто все собою разумѣетъ, и тотъ, кто всѣмъ всюду и всегда разумѣется: онъ именуется Богомъ и исповѣдывается всѣми образами существованія, всякимъ сознаніемъ, всякимъ разумѣніемъ и всякимъ дыханіемъ жизни, какъ то, кто былъ, есть и будетъ въ вѣчности.

Безспорнымъ и несомнѣннымъ образомъ,—безъ доказательствъ, безъ объясненій,—какъ самобытная ясность, сама собою разумѣется только жизнь: она заключаетъ въ себѣ весь смыслъ саморазумѣнія: такъ какъ жизнь—и

значитъ быть смысломъ, — а мыслить, или быть смысломъ и значитъ именно жить.

Въ чемъ нѣтъ жизни, въ томъ нѣтъ и смысла, то есть лишь безсмысліе; въ чемъ нѣтъ смысла, въ томъ нѣтъ и жизни, то есть лишь безжизненная, пустая абстракція.

Какъ безусловный смыслъ, Богъ есть безусловная жизнь, вѣчный субъектъ и источникъ жизни не только для себя, но и для всего другаго, которое для него не есть другое, такъ какъ оно лишь имъ разумѣется и утверждается какъ это другое, — т. е. какъ свободно-сущее; все, что есть и какъ одно въ себѣ, и какъ нѣчто другое внѣшнее, лишь имъ есть; все, что живетъ, лишь имъ живетъ; все, что разумѣетъ и разумѣется, лишь имъ разумѣетъ и разумѣется; потому что онъ есть единый, живой, предвѣчно-сущій смыслъ безусловной истины и безъ него ни быть, ни жить, ни разумѣть, ни мыслить невозможно.

Матерія недоразумѣній и предразсудковъ, за которою скрывается дѣйствительный смыслъ истины.

1) Смѣшеніе конкретныхъ образовъ понятія съ отвлеченными образами представленія.

Мыслить дѣйствительнымъ, или истиннымъ образомъ, не въ противность, не на перекоръ, а въ согласіи съ смысломъ, значитъ сообразять свое мышленіе съ образомъ безусловной истины, — значитъ вѣрить въ Бога; потому что, не вѣрить въ Бога, или отрицать дѣйствительность существованія Бога, не впадая въ безсмысліе, невозможно.

Начиная съ простѣйшихъ и первичныхъ образовъ чувственныхъ воспріятій и ощущеній, чрезъ необозримый рядъ болѣе или менѣе сложныхъ представленій съ ихъ безчисленными формами въ видѣ простыхъ замѣчаній,

припоминаній, сравненій, опытовъ, наблюденій, сужденій, выводовъ, заключеній, міровоззрѣній, и до высшихъ конкретныхъ, или дѣйствительныхъ понятій, дѣятельность мышленія, въ какой бы степени, или въ какомъ бы образѣ она ни проявлялась, имѣетъ точкою опоры, изъ которой она исходитъ, и основаніемъ, на которомъ она стоитъ и безъ котораго она не могла бы и состояться, увѣренность живаго существа въ себѣ самомъ.

Безъ увѣренности въ себѣ самомъ, мыслить было бы невозможно. Еслибъ глазъ могъ усомниться въ вѣрности своего зрѣнія, ухо — въ вѣрности своего слуха, органъ осязанія — въ вѣрности чувства осязанія, они бы перестали видѣть, слышать, осязать; но они не способны къ такого рода сомнѣнію. Разумъ, напротивъ, подвергается нерѣдко сомнѣнію въ собственной разумности, и тогда на него находитъ смута, при которой онъ перестаетъ разумѣть.

Но, если въ человѣкѣ есть, и можетъ быть какая либо увѣренность, то именно и прежде всего, прежде всякаго ощущенія и прежде всякаго представленія о чемъ либо другомъ, только незыблемая увѣренность въ непреложной истинѣ смысла, которымъ онъ живетъ, ощущаетъ, представляетъ, понимаетъ и мыслитъ.

Ранѣе смысла жизни, не можетъ быть никакихъ ощущеній, никакихъ представленій, никакихъ понятій, никакого образа мысли.

Истина своего смысла есть первое, о чемъ человѣкъ вѣдаетъ, ничего другаго не зная. Онъ лишь ею утверждаетъ то, что утверждаетъ; лишь ею отрицаетъ то, что отрицаетъ; и лишь на ея основаніи сомнѣвается въ томъ, въ чемъ сомнѣвается; такъ какъ ни утверждать, ни отрицать, ни даже сомнѣваться на основаніи безсмыслія невозможно.

Въ конечномъ, эмпирическомъ существованіи нѣтъ ничего совершеннаго и все совершается лишь въ послѣдовательной постепенности времени. А потому, увѣренность въ несомнѣнной истинѣ того, что утверждается смысломъ,

имѣетъ сначала лишь субъективное значеніе увѣренности въ себѣ самомъ, которое, пока оно не подтверждено и не оправдано въ другомъ и чрезъ другое, можетъ быть въ силу невѣжества принимаемо и видимо или за чувственную полноту сущѣрія, или за отвлеченную пустоту невѣрія.

Но, когда чисто субъективная увѣренность въ себѣ самомъ оказывается столь же несомнѣнною увѣренностью и во всемъ другомъ и чрезъ все другое, тогда, подтверждаясь всѣмъ другимъ, она сверхъ субъективнаго значенія получаетъ и все объективное значеніе полной достовѣрности въ средѣ всего другаго. Вслѣдствіе чего, истина субъективной увѣренности въ сферѣ саморазумѣнія сказывается и вполнѣ достовѣрною, объективною истиною въ сферѣ бытія.

Эта субъективно-объективная истина, познаваемая во первыхъ въ себѣ самомъ,—въ субъективныхъ опредѣленіяхъ разумѣнія,—и во вторыхъ—въ средѣ всего другаго, въ цѣлости всего міра и въ опредѣленіяхъ бытія, есть безусловная истина Бога, или живаго пресущественно-сущаго смысла, которымъ утверждается и вся субъективность мышленія и вся объективность существованія.

Сомнѣваться въ истинѣ, утверждаемой свидѣтельствомъ двухъ свидѣтелей—субъективною увѣренностью и объективною достовѣрностью, само по себѣ совершенно немыслимо; но самое немысліе, являясь нѣкоторою пустотою, легко наполняется всякаго рода сомнѣніями. Для утвержденія требуется сила жизни; для сомнѣнія достаточно слабости и безсилія.

Сила, или тяжесть нарастающихъ предразсудковъ такъ велика, что за ними и увѣренность и достовѣрность становятся спутными; — вслѣдствіе чего, несомнѣнная истина существованія Бога является современнымъ умамъ не только сомнительною, но и совершенно невѣроятною.

Вѣрить въ Бога собственно ничего иного не значитъ, какъ утверждать всѣмъ существомъ истину своего смысла и смысла всего существующаго міра; — и въ то же

время. отрицать всякое безсмысліе — и безсмысліе суевѣрія, и безсмысліе невѣрія, какъ пустые призраки мнимаго бытія.

Всякая жизнь есть вѣра, утверждающая тотъ смыслъ, которымъ она исполнена.

Въ животныхъ не бываетъ и не можетъ быть ни суевѣрія, ни невѣрія; каждое изъ нихъ исполнено своимъ жизненнымъ смысломъ, или тѣмъ инстинктомъ самосохраненія и отношенія къ другому, которымъ оно живетъ, мыслитъ и утверждаетъ истинность своего образа бытія въ полной сообразности со всѣми значеніями внѣшней, его окружающей среды. О каждомъ животномъ можно съ полнымъ правомъ сказать, что оно, ни мало не сомнѣваясь, несознанно вѣритъ въ истину природы. И еслибы въ немъ не было ему присущей вѣры въ смыслъ своей жизни, еслибъ въ немъ пропалъ инстинктъ его, оно бы неизбѣжно погибло: потому что безъ инстинкта, или наперекоръ инстинкту, жизнь его была бы немыслимою и невозможною.

Тому, что въ животномъ есть инстинктъ, въ человѣкѣ соотвѣтствуетъ его вѣра, которая и есть инстинктъ разумной человѣческой природы. Безъ своей вѣры въ истину смысла, человѣкъ не можетъ жить человѣческимъ образомъ; безъ вѣры въ вѣчность безусловной истины, его человѣчество неминуемо пропадаетъ, и если, за тѣмъ, онъ еще и продолжаетъ жить, то только животною жизнью и ея низшимъ, животнымъ смысломъ.

Но дѣйствительно вѣрить человѣкъ можетъ только тому, что утверждается человѣческимъ смысломъ, какъ его безусловная истина: въ противность своему смыслу, или несообразно со смысломъ, онъ ничему не можетъ вѣрить.

А потому, когда исторически развивающееся содержаніе его вѣры или его вѣрованія, застывая въ мертвенныхъ образахъ формальнаго догматизма, обращается въ несообразность, противную смыслу, и въ отъявленное безсмысліе, — въ теченіе противъ мысли, противъ знанія,

въ болѣзнь науки, въ насиліе совѣсти или въ костры инквизиціи,—тогда вѣра, присущая человѣку, какъ его человѣческій инстинктъ, отвращается отъ такой личины вѣры и, возвращаясь къ своему живому источнику, — къ логикѣ смысла.— исходитъ изъ него уже какъ страстное отрицаніе противъ всего, что со смысломъ несообразно, противъ всего, что ему извнѣ навязывается насиліемъ безсмыслія.

Но, если въ историческомъ развитіи, положительное содержаніе вѣры и вѣрованій нерѣдко обращается въ мертвенное ученіе безсмыслія, то съ другой стороны, въ томъ же историческомъ развитіи, очень нерѣдко и отрицаніе во имя смысла, застывая въ абстрактно-пустомъ образѣ формальной отрицательности, обращается точно также въ обратное безсмысліе невѣрія, при которомъ отрицается самая сущность смысла и его безапелляціонное право утверждать, что съ нимъ сообразно и отрицать, что съ нимъ несообразно.

Помимо парадоксальнаго, въ духѣ Прудона, изреченія, — credo quia absurdum est, — мнѣніе, будто предметомъ и содержаніемъ вѣры есть и можетъ быть только нѣчто непонятное, безсмысленное и съ смысломъ несообразное, находитъ, если не оправданіе, то достаточную поддержку въ томъ, что подъ именемъ вѣры предъявляется обыкновенно только омертвѣлый матеріалъ когда-то бывшей вѣры, — только ея искаженіе, только ея отсутствіе, только сохранившаяся буквальная формула, или обрядовая форма ея, которая наполнена ея посторонимъ содержаніемъ, на подобіе тому, какъ нѣкогда живыя, нынѣ окаменѣлыя раковины наполнены известью или кремнеземомъ въ замѣнъ въ нихъ прежде бывшей жизни.

Субъективно, въ себѣ самомъ, и объективно, въ цѣлости всего міра, — въ средѣ всего другаго, — сама собою разумѣется только безусловная истина смысла, которой есть не только понятное по существу, но и самое начало всякой понятности, такъ какъ безъ смысла или въ противность смыслу ничего понимать невозможно.

А такъ какъ, Богъ есть духъ, или живая сущность безусловнаго, предвѣчнаго смысла, безъ котораго нѣтъ никакого иного смысла, то очевидно, что разумѣть, или понимать дѣйствительнымъ истиннымъ образомъ, именно и значитъ — вѣрить въ Бога, или понимать и разумѣть въ Богѣ и чрезъ Бога.

Безъ Бога нѣтъ самаго понятія, — нѣтъ самаго начала понятности; а потому, ничто не можетъ быть понятнымъ.

Чтобъ сдѣлать какой либо предметъ доступнымъ понятію, стараются обыкновенно объяснить его содержаніе; но очевидно, что для возможности его объясненія должно быть нѣчто само собою ясное и понятное, не требующее никакихъ объясненій.

Само собою ясное и понятное и есть именно смыслъ, который освѣщаетъ свѣтомъ своимъ всякаго живущаго человѣка и объясняетъ ему всякое другое содержаніе міра.

Еслибы смыслъ жизни не объяснялъ самъ собою, какъ самобытная ясность, всего содержанія міра, то, разумѣется, ничто другое, никакое безсмысліе не могло бы ни объяснить, ни сдѣлать оное понятнымъ. И еслибъ смыслъ самъ въ себѣ не былъ достаточнымъ смысломъ, то, разумѣется, нигдѣ, никогда, ни въ чемъ не нашлось бы ничего, чѣмъ бы можно было его осмыслить.

Солнце озаряетъ свѣтомъ своимъ всю темень земли и дѣлаетъ видимыми и ясными всѣ находящіеся на ней предметы, которые безъ него не могли бы быть видны. Но хотя они и видны при солнечномъ свѣтѣ, ихъ отъ солнца заимствованный свѣтъ, конечно, не въ состояніи ни освѣтить, ни прояснить сущности самаго солнца: онъ гаснетъ въ лучахъ его и является темнью. И притязаніе темени *освѣтить и объяснить воспринятымъ ею отъ* солнца *свѣтомъ самое солнце, — лучезарный источникъ* всякаго свѣта и всякаго *объясненія*, — есть несомнѣнно лишь пустое притязаніе безсмыслія.

Научная теорія, при ея современномъ направленіи,

мялась объяснить и смыслъ, и жизнь механикою мозговаго вещества, исполнено такого рода притязаніемъ. Но, прежде чѣмъ говорить о притязаніяхъ и предразсудкахъ такъ называемой научности, слѣдуетъ обратить вниманіе на предразсудки рутиннаго благочестія, которое не менѣе препятствуетъ уразумѣнію истины существованія Бога.

Изъ благочестиваго желанія сильнѣе выразить величіе Божіе, благочестивые люди охотно толкуютъ о непостижимости Бога, о невозможности понять разумомъ существо Его.

Но съ такимъ выраженіемъ благочестія очень охотно соглашаются и далеко неблагочестивые умы, которые, указывая на такую непонятность, находятъ въ ней вполнѣ достаточное основаніе, чтобъ отрицать существованіе Бога: потому что, непонятно по существу своему — только безсмысліе, и утверждать истину непонятнаго — значитъ утверждать истину безсмыслія.

Все, что есть, или въ чемъ есть смыслъ, не можетъ быть непонятнымъ для смысла. И недоразумѣніе, въ которое одни впадаютъ изъ благочестія и ревности не по разуму, которымъ другіе пользуются уже вовсе не въ видахъ благочестія, происходитъ только отъ обычнаго смѣшенія абстрактныхъ образовъ представленія съ конкретнымъ образомъ дѣйствительнаго понятія.

Выразить существованіе Бога въ терминахъ какого-либо представленія, или въ чувственныхъ образахъ чего-либо знаемаго, разумѣется, невозможно; потому что, въ Богѣ, какъ въ чистомъ и безусловномъ понятіи, нѣтъ непроницаемой или непонятной матеріи, лежащей въ основаніи всякаго представленія.

Но по этому самому, Богъ именно и есть безусловно понятное, и нѣтъ ничего, что было бы понятнѣе существа его; только потому, онъ и есть предметъ вѣры, — а не предметъ научнаго знанія. На безусловной понятности Бога основана вѣра въ Него, находящая въ самомъ существѣ Его и всѣ объясненія, и всѣ доказательства не

только въ его существованіи, но и въ существованіи всего другаго.

Богъ есть самый свѣтъ, освѣщающій и дѣлающій понятнымъ всю темень міра; а всё другое, само собою болѣе или менѣе тёмное и непонятное, хотя и очень знакомое, объясняется и становится понятнымъ лишь его безконечнымъ образомъ, лишь его безусловнымъ смысломъ.

Предразсудокъ о непонятности существа и существованія Бога происходитъ, какъ уже сказано, лишь отъ постояннаго смѣшенія, какъ въ обыденной, такъ и въ научной сферѣ того, что легко и удобно представляется, съ тѣмъ, что — понятно и ясно само собою.

А потому, и приходится неустанно повторять, что представленіе, и въ послѣдней степени обобщенія, не есть понятіе; — что понятіе не есть представленіе; — что понятное по существу рѣдко находитъ и чаще не находитъ вовсе себѣ соотвѣтствующихъ (адекватныхъ) терминовъ выраженія въ образахъ представленія; — что, наоборотъ, очень-удобно представляемое не есть потому и понятное.

Напримѣръ, физическій атомъ вещества представляется очень удобно, и есть тѣмъ не менѣе нѣчто совершенно темное и непонятное. И напротивъ, нѣтъ ничего понятнѣе самой жизни, но выразить существо жизни въ терминахъ представленія — невозможно; потому что она есть нѣчто одно, — субъективность, душа, смыслъ, — и въ то же время — нѣчто совершенно другое, — объективность, тѣло, матерія, — или вообще такое противорѣчіе, которымъ всякій образъ представленія немедленно разрывается.

Понятно только то, что сообразно со смысломъ, которымъ и есть самое понятіе, или субъектъ и самое начало всякой понятности.

Удобно и легко представляется все, что удобно и легко приравнивается къ какому либо эмпирическому, часто попадавшемуся и потому очень знакомому явленію

или отношенію, которое однакожъ бываетъ притомъ, очень нерѣдко, совершенно непонятнымъ.

О понятномъ всегда можно сказать, что оно такъ есть и такъ должно быть. О представляемомъ можно сказать только, что оно, сколько то извѣстно, такъ есть, такъ бываетъ; но должно ли оно такъ быть, и не можетъ ли оно быть иначе, этого ни рѣшить, ни сказать невозможно; это остается въ непроницаемой темнотѣ, которая разрѣшится и разъяснится развѣ только въ будущемъ.

Система міроваго тяготѣнія очень удобно приурочивается къ обще-извѣстному явленію паденія камня на землѣ: камень падаетъ, — это такъ, — но — непонятно, почему онъ падаетъ, и притомъ именно такимъ образомъ, такою эмпирическою мѣрою, или ритмомъ паденія, а не иначе. Фактъ паденія, какъ фактъ, не подлежитъ сомнѣнію; такъ какъ онъ удостовѣряется опытомъ и наблюденіемъ; но его смыслъ, или разумъ, — почему и зачѣмъ онъ проявляется такимъ образомъ, почему есть паденіе вообще, — крайне сомнителенъ и непонятенъ въ сферѣ отвлеченныхъ, или научныхъ представленій.

Если бы Секи, или кто другой, объяснилъ это паденіе и мѣру его изъ свойства атомовъ эфира или другаго чего, то для дѣйствительнаго понятія все бы еще оставалось непонятною матерію, почему это другое имѣетъ такое свойство.

Потому что, объясняющее другое для того, чтобъ имѣть силу объясненія, должно быть само собою яснымъ и понятнымъ, — или смысломъ, которымъ есть свѣтъ. А темная матерія, какова бы она ни была, не въ силахъ объяснить другую, столь же темную матерію; и никому даже въ умъ не придетъ — объяснять темноту темнотою.

Въ счисленіяхъ высшей математики нельзя обойтись безъ знаковъ предѣльныхъ величинъ — безконечно малаго или безконечно великаго; но значеніе этихъ знаковъ невозможно выразить въ терминахъ легко представляемыхъ, опредѣленныхъ, или конечныхъ величинъ; такъ какъ между знаками предѣльныхъ величинъ и между опредѣленными

величинами нѣтъ и по самому существу ихъ не можетъ быть ни сравненія, ни отношенія.

Но тѣмъ не менѣе, какъ въ сферѣ обычныхъ, такъ и въ сферѣ научныхъ представленій, всякое обще-извѣстное или нѣсколько знакомое, эмпирическое содержаніе, хотя бы оно было по существу непонятно, выдается обыкновенно за понятное. А вслѣдствіе такого извращенія терминовъ понятія и представленія, необходимо, чтобъ и наоборотъ, все дѣйствительно понятное, хотя и не представляемое, или и выдавалось за непонятное.

Если считать понятнымъ физическій атомъ вещества, если считать понятною приписываемыя ему вѣчность и неизмѣнность, — атрибуты божества, — то существо Бога ни въ какомъ случаѣ и ни коимъ образомъ не можетъ, да и не должно считаться понятнымъ.

Въ этомъ отношеніи, научное знаніе въ его цѣлости обращается въ громадный предразсудокъ, которымъ, становясь на пути дѣйствительнаго пониманія, монополизируетъ все значеніе понятности въ свою пользу и въ ущербъ всему, что понятно само-собою. Такимъ образомъ, жизнь, смыслъ, истина и особенно существо и существованіе Бога пріобрѣтаютъ печальную привилегію считаться совершенно непонятными и съ тѣмъ вмѣстѣ пустыми и призрачными измышленіями.

А затѣмъ, разумѣется, когда понятная дѣйствительность идетъ за призракъ, то самымъ пустымъ призракамъ и самымъ диким навожденіямъ приходится по необходимости приписывать все значеніе дѣйствительности: кому непонятна истина жизни, смысла и Бога, для того должны быть вполнѣ понятны и дѣйствительны всякое безсмысліе и всякая мертвечина.

2) Чувственный опытъ, какъ основаніе эмпирически теоретическаго знанія.

Человѣку вполнѣ естественно, т. е. сообразно съ его природою, довѣрять свидѣтельству своихъ чувствъ, — зрѣ-

нію, слуху, осязанію и другимъ, — на сколько они служатъ ему указаніемъ къ обезпеченію его существованія во внѣшнемъ мірѣ.

Наука, съ своей стороны, находя такое довѣріе вполнѣ основательнымъ, принимаетъ его въ основу своихъ изслѣдованій и, пребывая вполнѣ эмпирическою, для бо̀льшей достовѣрности данныхъ, получаемыхъ непосредственнымъ опытомъ и наблюденіемъ, возводитъ въ строгую систему образы и пріемы, какъ должно провѣрять указанія чувствъ, чтобъ, пользуясь ихъ указаніями, не впадать въ обманъ, вслѣдствіе естественныхъ ошибокъ, погрѣшностей, а иногда и галлюцинацій, которымъ чувства или о̀рганы чувствъ, нерѣдко подвергаются.

Для этого устанавливаются нѣкоторыя правила, при которыхъ указаніе одного чувства провѣряется указаніемъ другаго, и притомъ многими лицами, въ различной обстановкѣ, въ разныхъ случахъ, въ разныхъ обстоятельствахъ.

Что такимъ образомъ провѣрено и удостовѣрено какъ точное данное, съ исключеніемъ всякой возможности или же всякой вѣроятности какого либо обмана, то признается за дознанный, за безспорный, или за научный фактъ, въ истинѣ, или собственно въ вѣрности котораго уже нельзя сомнѣваться.

Инымъ путемъ, инымъ образомъ положительное эмпирическое знаніе и не могло бы развиваться: въ его основаніи должны находиться точные опыты и наблюденія, производимые съ тою осторожностью, съ тѣми пріемами и правилами, какіе опредѣляются теоріею, или такъ называемымъ научнымъ методомъ.

Но, поборники эмпиризма, или опытнаго знанія, нѣсколько преувеличивая значеніе указаній различныхъ о̀рганов чувствъ — зрѣнія, слуха, осязанія и др., въ то же время, какъ будто умаляютъ значеніе жизненнаго вниманія, которое проявляется въ этихъ о̀рганахъ, и безъ котораго они, видя, слыша, осязая и ощущая — фактически, ничего бы не видѣли, не слышали, не осязали

и не ощущали — сознательно, т. е. на пользу и къ преуспѣванію знанія.

Жизнь, по существу своему, есть вниманіе, — вниманіе отъ себя къ другому, и вниманіе же отъ другаго къ себѣ; и всѣ органы чувствъ суть не болѣе какъ спеціализація или развѣтвленіе этого самаго вниманія. Поэтому, было бы правильнѣе говорить, что видитъ, слышитъ, осязаетъ и вообще ощущаетъ только сама жизнь, только ея жизненное вниманіе чрезъ посредство органовъ чувствъ, которые сами собою, безъ ихъ одушевляющей жизни, ни видѣть, ни слышать, ни осязать, ни ощущать вообще — не способны.

Къ тому же, должно замѣтить, что въ матеріи существованія, сверхъ непосредственно ощущаемаго есть многое другое и очень существенное, которое однако не воспринимается ощущеніемъ ни одного изъ спеціальныхъ органовъ чувствъ.

Въ настоящее время, уже не мало ученыхъ, которые склонны думать, что вся матерія, или вещество, есть не болѣе какъ движеніе и различныя видоизмѣненія движенія. И такъ какъ о самой матеріи, какъ о предполагаемомъ субстратѣ движенія, сказать почти нечего, то это мнѣніе пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все большую и большую вѣроятность: потому что о чемъ нечего сказать, о томъ бы и говорить не слѣдовало.

Но движеніе простирается во времени, такъ что одна его часть уже прошла, когда другая еще не начиналась: а что съ одной стороны прошло, а съ другой еще не начиналось, того ощущать невозможно, если не допустить, что ощущеніе слѣдитъ за движеніемъ, какъ въ его уже прошедшую, такъ и въ его еще будущую часть, т. е. туда, гдѣ его уже нѣтъ и туда, гдѣ его еще нѣтъ. А потому, должно думать, что если движеніе и ощущается, то въ такомъ случаѣ — собственно не глазомъ, и не ухомъ, и не осязаніемъ, а только памятью, или воспоминаніемъ о томъ, что было и чего уже нѣтъ, и только ожиданіемъ того, что еще будетъ и чего еще нѣтъ.

А воспоминаніе и ожиданіе, какъ нѣкоторые образы представленія, о томъ чего непосредственно не находится, вмѣстѣ со всѣми другими представленіями, составляютъ содержаніе всей цѣлости жизненнаго вниманія, а никакъ не собственное содержаніе того или другаго спеціальнаго чувства.

Только въ силу общаго вниманія, при неравненно высшей степени внимательности, сосредоточившей въ себѣ очень далекое воспоминаніе о томъ, что было, и столь же далекое ожиданіе того, что будетъ, возможно было наконецъ удостовѣриться, что солнце и звѣзды пребываютъ на мѣстѣ, а земля обращается на оси своей и ходитъ вокругъ солнца, которое въ свою очередь, обращаясь на себѣ, по всей вѣроятности, ходитъ вокругъ другой звѣзды, тоже летящей въ пространствѣ.

Какъ бы ни были зорки глаза, какимъ бы ни пользовались телескопомъ, они этого не увидали бы безъ вниманія; а безъ всеобщаго смысла самой жизни, никакого вниманія не бываетъ и не можетъ быть.

Но кромѣ движенія въ мірѣ, въ самой средѣ его чувственнаго, матерьяльнаго существованія, усматриваются порядки и порядокъ, отношенія, соотношенія, связи, сообразность и сообразности, гармонія, жизнь и, конечно,— усматриваются не глазами, а только вниманіемъ.

Поборники чистаго эмпиризма указываютъ, что безъ спеціальныхъ органовъ чувствъ, одно жизненное вниманіе было бы не въ состояніи различить не только болѣе сложное, но и самое простое, самое элементарное содержаніе существующаго міра.

Но во-первыхъ, если безсильно вниманіе безъ своихъ, спеціальныхъ органовъ чувствъ, то еще болѣе безсильны всѣ органы чувствъ, если ихъ не одушевляетъ жизненное вниманіе, которое, во-вторыхъ, въ мірѣ растительномъ проявляется и безъ посредства спеціальныхъ органовъ чувствъ; ибо растеніе живетъ и очень чутко различаетъ своимъ растительнымъ вниманіемъ все, что ему требуется

различать для соблюденія своего растительнаго образа бытія въ средѣ всего другаго.

По отношенію къ научному знанію, было бы непростительно не только не признавать, но и умалять важность и великое значеніе данныхъ, получаемыхъ чрезъ посредство спеціальныхъ органовъ чувствъ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ способность жизненнаго вниманія и сфера его вѣдѣнія были ограничены предѣлами чистаго эмпиризма, чтобы оно не могло видѣть того, что невидимо для глаза, — не могло слышать того, что неслышно для слуха, — не могло осязать того, что неосязаемо и не имѣетъ никакихъ измѣреній.

С. Милль утверждаетъ въ своей логикѣ, что математическіе предметы, плоскости, линіи, окружности круговъ, точки суть лишь гипотетическіе предметы, безъ всякой реальности; потому что они — не вещи и не имѣютъ трехъ измѣреній. Такое утвержденіе довольно странно при міровозрѣніи, въ которомъ физическіе атомы вещества пользуются всѣмъ значеніемъ реальности. Если реальны атомы, то невозможно, чтобъ ихъ взаимныя отношенія, выражаемыя чрезъ всякаго рода прямыя и кривыя линіи, были нереальны; или же, чтобъ быть послѣдовательнымъ, слѣдовало бы отрицать заразъ и всю реальность самаго вещества.

Вообще, если есть основаніе довѣрять указаніямъ спеціальнаго вниманія, проявляющагося въ зрѣніи, въ слухѣ, въ осязаніи и во всякаго рода другихъ чувствахъ, то тѣмъ болѣе есть основаніе довѣрять свидѣтельству не спеціальнаго, но всеобщаго, жизненнаго вниманія, или вниманія разума, которое способно внимать и тому, что недоступно для чувственнаго зрѣнія, слуха, осязанія, но что вполнѣ доступно для умозрѣнія.

Математическое инфинитезимальное счисленіе руководится не эмпиризмомъ, но чистымъ умозрѣніемъ; а между тѣмъ, его данныя до того вѣрны и точны, что и самый упорный эмпиризмъ вынужденъ провѣрять ими свои собственныя выкладки и опредѣленія.

Міровое существованіе въ его цѣлости, какъ драматическое представленіе въ театрѣ, имѣетъ свою закулисную обстановку, технику, съ ея машинами, персоналомъ и прочими принадлежностями, которая, въ видѣ физики, механики, химіи, геологіи, біологіи и другихъ предметовъ положительнаго знанія, изучается и обсуждается эмпирически на основаніи непосредственныхъ опытовъ и наблюденій: въ этомъ дѣлѣ, свидѣтельство спеціальныхъ органовъ чувствъ есть безъ сомнѣнія самое лучшее свидѣтельство, такъ какъ оно даетъ именно тѣ указанія, какія требуются для познанія этой обстановки. Но, если техникъ или машинистъ достаточно способны, чтобы вѣрно судить о качествахъ, достоинствахъ и недостаткахъ закулисной обстановки, то это еще не значитъ, чтобъ они были столь же способны судить и о самомъ смыслѣ даваемой драмы; потому что для такого сужденія требуется уже не одна техника, но жизненный смыслъ и его всеобщее вниманіе.

Непосредственныя воспріятія, или ощущенія, воспринимаемыя чрезъ посредство спеціальныхъ органовъ чувствъ, очень достаточны, и потому, — правоспособны къ сужденію, или къ оцѣнкѣ всякаго эмпирическаго содержанія въ его чувственномъ значеніи.

Разсудочность ума очень достаточна и потому, — правоспособна къ обсужденію и къ соображенію всякаго теоретическаго содержанія въ его отвлеченномъ значеніи.

Но, что касается до самой дѣйствительности, или до истины жизни и смысла, то судить о ней — правоспособенъ только разумъ, или самый смыслъ истины саморазумѣнія, такъ какъ только онъ одинъ знаетъ себя и о себѣ, только онъ одинъ имѣетъ о себѣ дѣйствительное понятіе, свободное какъ отъ матеріи чувственныхъ ощущеній, такъ и отъ матеріи теоретическихъ, отвлеченныхъ представленій.

Оправдывая и находя вполнѣ сообразнымъ съ природою вещей довѣряться какъ свидѣтельству своихъ спеціальныхъ чувствъ — въ чувственной сферѣ, такъ и свидѣтельству своего теоретическаго разсудка — въ отвлеченной сферѣ всякаго рода разсудочныхъ представленій,

разумъ, или самый смыслъ истины, довѣряетъ только разуму, или только самому смыслу и его живому умозрѣнію и полагается только на самого себя, когда рѣчь идетъ о его истинѣ, или о самой дѣйствительности; потому что, ни чувственныя ощущенія, ни отвлеченныя представленія, какъ двѣ противуположныя абстракціи отъ самой дѣйствительности, не въ состояніи дать о ней ни малѣйшаго понятія.

Вопросъ о истинѣ существеннымъ образомъ опредѣляется тѣмъ, кто судитъ и кто рѣшаетъ, кто имѣетъ власть и право суда и рѣшенія.

Какъ чувственныя ощущенія и воспріятія, такъ и отвлеченные выводы и научныя представленія опытнаго знанія могутъ констатировать, устанавливать факты, или фактическую сторону дѣла, но не обладаютъ ни властностью, ни правоспособностью судить и рѣшать о томъ, что есть истина. Въ ихъ эмпирической сферѣ, вопросъ о истинѣ не поставленъ и даже не подразумѣвается.

Какъ свидѣтельскія показанія на судѣ, ихъ данныя, ихъ показанія имѣютъ лишь фактическое значеніе; окончательно же судитъ и рѣшаетъ судья, который, зная качество свидѣтелей, цѣнитъ ихъ показанія по достоинству и, разумѣя сущность дѣла, судитъ о немъ по совѣсти и рѣшаетъ по смыслу закона.

Въ дѣлѣ о истинѣ, каковы бы ни были свидѣтельскія, фактическія показанія и непосредственныхъ, чувственныхъ воспріятій, и отвлеченныхъ, научныхъ представленій, единственный правоспособный судья есть безъ сомнѣнія только разумъ, или смыслъ, исполненный самобытнымъ свѣтомъ саморазумѣнія.

Научныя, теоретическія представленія, даже и въ высшихъ степеняхъ обобщенія и въ образѣ всеобъемлющихъ міровоззрѣній, никогда не достигаютъ до дѣйствительности конкретнаго понятія; возносясь на чрезвычайную высоту въ сферахъ отвлеченности, они все же крѣпко-на-крѣпко связаны съ непроницаемою и непонятною матеріею, и подобны тѣмъ бумажнымъ змѣямъ, которые высоко взле-

тають и держатся въ высотѣ, пока остаются на привязи, но тотчасъ же падаютъ, какъ только ихъ сдерживающая привязь оборвана.

3) Элементы эмпирически-теоретическаго знанія, или двойственность и противорѣчивость представленія.

Опытное, или научное знаніе есть по существу своему абстрактное знаніе, которое никогда не въ состояніи коснуться дѣйствительности; оно складывается изъ двухъ элементовъ, — изъ чисто-эмпирическаго, доставляемаго дѣятельностью непосредственнаго *наблюденія*, и изъ собственно-теоретическаго, сообщаемаго дѣятельностью *соображенія*.

Что, гдѣ и когда нибудь находится, какъ непосредственно существующее, составляетъ данныя наблюденія и именуется вообще явленіемъ. А тотъ окончательный образъ бытія, въ какомъ то или иное содержаніе, то или иное явленіе мыслится, или соображается, тотъ образъ, которымъ это содержаніе сдерживается въ представленіи и безъ котораго оно бы не могло удержаться и должно бы было разсѣяться и растеряться, именуется вообще закономъ.

Явленіе имѣетъ своею существенною, опредѣлительною чертою всѣ значенія единичности и случайности; такъ какъ для вѣрности, для точности и для безпристрастія, какія требуются при наблюденіи, оно не должно быть связано никакими предвзятыми мыслями, оно должно быть вполнѣ свободнымъ отъ вліянія какихъ бы то ни было теоріи, или представленія: а потому, какъ данное наблюденія, оно и должно являться не иначе какъ именно только этимъ, совершенно единичнымъ и совершенно случайнымъ явленіемъ, безъ всякаго отношенія и связи съ какими либо другими явленіями.

Основною, опредѣлительною чертою образа, которымъ мыслится, или соображается какъ законъ или какъ порядокъ бытія найденнаго содержанія, полагается, напротивъ,

опредѣленіе, совмѣщающее въ себѣ всѣ значенія всеобщности и необходимости. Гдѣ бы, когда бы и въ чемъ бы ни выражался законъ, малѣйшая особность, малѣйшая частность его выраженія должны быть въ точности соображены и строго оформены теоретическимъ образомъ его опредѣленія; малѣйшая несообразность, малѣйшее исключеніе лишали бы его всей силы и всего значенія законности.

Такимъ образомъ, все достоинство данныхъ наблюденія заключается собственно въ томъ, чтобъ они подъ видомъ явленія представлялись въ ихъ непосредственной нетронутости мыслью, или теоріею, чисто чувственнымъ содержаніемъ: это самое и придаетъ имъ значеніе совершенной единичности и случайности, или исключительности и безсвязности съ другимъ.

Достоинство того, что, какъ выводъ соображенія, представляется въ видѣ закона, какъ опредѣленный образъ, или порядокъ бытія, состоитъ, напротивъ, въ совершенной опредѣлительности и въ полнотѣ обобщенія мыслью; что, исключая всякую игру единичнаго и случайнаго, и придаетъ ему его существенное значеніе всеобщности и необходимости.

Э. Кантъ, въ критикѣ чистаго разума, усматривая противорѣчивыя опредѣленія того, что подъ видомъ чувственныхъ воспріятій, находится a posteriori, какъ нѣкоторое эмпирическое содержаніе, или непосредственно-существующее явленіе, и того, что въ видѣ отвлеченной формы мышленія, соображается a priori, какъ нѣкоторый теоретическій образъ и порядокъ бытія, — или законъ, указывалъ на совершенную невозможность сомкнуть къ взаимному единству все значеніе единичности и случайности чувственно даннаго содержанія со всѣмъ значеніемъ всеобщности и необходимости отвлеченно-мыслимаго закона; вслѣдствіе чего, онъ и пришелъ къ заключенію о невозможности познать сущность вещей, что — равносильно съ невозможностью дѣйствительнаго знанія, или же съ невозможностью знанія дѣйствительности.

Имѣя въ виду только эмпирическое знаніе, Э. Кантъ къ иному выводу и не могъ прійти, такъ какъ единичность и случайность всякаго чувственнаго содержанія, или явленія уже по самому опредѣленію — несовмѣстны съ всеобщностью и необходимостью всякаго теоретически-отвлеченнаго образа, или закона; а взятые въ отдѣльности, сами по себѣ, — образъ безъ своего содержанія, законъ безъ своего явленія, представляютъ лишь пустой образъ, лишь пустой законъ; — содержаніе безъ своего отвлеченнаго образа, явленіе безъ своего теоретическаго закона — лишь ничѣмъ несдерживаемую и совершенно неуловимую, безъимянную матерію. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ — только отвлеченную, или же только чувственную абстракцію, но — не дѣйствительность.

Въ самой дѣйствительности, безъ сомнѣнія, нигдѣ нѣтъ и никогда не бываетъ незаконныхъ явленій; въ ней каждое явленіе преисполнено до края своею законностью. Въ дѣйствительности, равнымъ образомъ, хотя и много толкуется о всеобщихъ законахъ необходимости, но никто, никогда не видывалъ, да нигдѣ никогда и не могъ видѣть теоретически-воображенныхъ законовъ, которые бы, какъ нѣкія сущности сами по себѣ, витали въ мантіяхъ и коронахъ къ пустыхъ, безпредѣльныхъ пространствахъ. Если законы и усматриваются, то именно только въ самой явности тѣхъ единичныхъ и случайныхъ явленій, по отношенію къ которымъ они имѣютъ значеніе законовъ.

Въ самой дѣйствительности, очевидно, нѣтъ ни отдѣльно существующихъ законовъ безъ явленія, ни отдѣльно существующихъ явленій безъ закона; а есть только ихъ неразрывное единство, только ихъ живая недѣлимость другъ съ другомъ. Эта недѣлимость (индивидуальность) этихъ двухъ терминовъ, именуемыхъ съ одной стороны, въ значеніи чувственности, содержаніемъ, явленіемъ бытія, а съ другой, въ значеніи отвлеченности, — образомъ, порядкомъ, закономъ бытія, и есть собственно самая сущность, или самая дѣйствительность; а ея тер-

мины, какъ чувственный, такъ и отвлеченный, суть только абстракціи, только термины выраженія.

Но въ сферѣ теоріи, въ области научнаго знанія или абстрактнаго представленія, чисто эмпирическое содержаніе наблюдаемаго явленія съ его опредѣленіемъ единичнаго и случайнаго бытія, и чисто теоретическій образъ соображеннаго закона съ его опредѣленіемъ всеобщаго и необходимаго бытія, по самой противорѣчивости такихъ опредѣленій, ни подъ какимъ видомъ не могутъ слиться другъ съ другомъ въ единство ихъ живой недѣлимости; они — несовмѣстны и не вяжутся между собою, а только взаимно исключаютъ другъ друга. Теорія знаетъ прежде всего, что единичное не можетъ быть всеобщимъ, что случайное не можетъ быть необходимымъ; а потому, въ ея сферѣ, недѣлимость столь противорѣчивыхъ терминовъ сказывается лишь несообразностью, которую теорія не въ силахъ сообразить никакимъ образомъ представленія: это значитъ, что она своими эмпирически-теоретическими пріемами не можетъ сообразить самой дѣйствительности бытія и пребываетъ при его абстракціяхъ.

Термины дѣйствительности — явленіе и законъ, содержаніе и образъ остаются въ теоріи и въ каждомъ теоретическомъ представленіи разъединенными между собою, и теорія оказывается вполнѣ неспособною познать дѣйствительность, или самую сущность вещей.

Принципъ, по которому складываются всѣ отвлеченныя представленія и всѣ исходящія изъ нихъ теоріи, есть принципъ тожества, или правило тавтологическаго сужденія, по которому одно и есть именно одно, а другое — только другое.

Никакой образъ представленія, никакая теорія не въ состояніи далеко отойти отъ такого тожества. Если между ихъ терминами и допускается нѣкоторое различіе, то только конечное, или чисто-формальное различіе, въ которомъ формально различаемое содержаніе столь же

формальнымъ образомъ сводится къ единству чрезъ обобщеніе.

Пребывая при своей формальности, теорія научнаго знанія усматриваетъ всякій разъ или только явленіе, только содержаніе, или же только законъ, только образъ бытія, т. е. всегда лишь одинъ терминъ, лишь одну абстракцію. По ея ученію, міръ есть матерія, которая во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ остается все тою же матеріею; при чемъ ея тожество мыслится какъ навѣки застывшая сущность въ образѣ неизмѣнныхъ, вѣчныхъ атомовъ вещества.

Что бы ни дѣлалось съ этою матеріею, какъ бы она ни видоизмѣнялась, она никогда, нигдѣ и ни въ чемъ не бываетъ и не можетъ быть чѣмъ либо другимъ, чѣмъ либо, что не есть матерія.

На-глухо заколоченная въ мертвенномъ образѣ столь абстрактнаго тожества, такая матерія исключаетъ изъ себя, по необходимости, всякую возможность какой либо нематерьяльной субъективности жизни и смысла: а потому, и жизнь, и смыслъ не могутъ быть допускаемы въ научной теоріи иначе, какъ подъ видомъ какого либо особаго механическаго сочетанія той же матеріи.

Теорія и теоретическія представленія никогда и ни въ чемъ не могутъ отступиться отъ господствующаго надъ ними принципа тожества и потому, — вынуждены пребывать при формализмѣ чистой абстракціи, при которой, если выигрывается содержаніе, то утрачивается образъ, а если выигрывается образъ, то утрачивается содержаніе бытія.

Отсутствіе содержанія выражается чрезъ безразличіе терминовъ тautологическаго сужденія; нѣкоторое содержаніе выражается сужденіемъ, въ которомъ термины подлежащаго и сказуемаго различны; чѣмъ больше и полнѣе выражаемое содержаніе, тѣмъ больше становится и различіе между терминами его выражающаго сужденія; потому что, въ чемъ нечего различить, въ томъ и нѣтъ ничего; въ чемъ многое различается, въ томъ мно-

ное и находится; въ чемъ находится наибольшее содержаніе, то и выражается наибольшимъ различіемъ.

Наконецъ, міровое, или безконечно великое содержаніе, сказывается лишь безконечно-великимъ различіемъ; а потому, дѣйствительность, какъ сущая безконечность, выражается не иначе, какъ въ терминахъ противорѣчія.

Въ слѣдствіе чего, единичное и всеобщее, случайное и необходимое, содержаніе и образъ, явленіе и законъ, и сказываются противорѣчивыми терминами: такъ какъ они суть термины выраженія самой безконечности и, какъ два полюса міра, вмѣщаютъ между собою его безконечно великое содержаніе, его необъятную міровую безконечность со всѣмъ, что въ ней сличается и различается ея же безконечно-великимъ образомъ.

Но то самое, что въ дѣйствительности безконечнымъ образомъ связано такъ, что образуетъ одно живое недѣлимое, въ теоріи, напротивъ, лишь безконечнымъ образомъ разъединено такъ, что обращается въ абстрактные и въ несовмѣстные другъ съ другомъ термины бытія.

Свидѣтельствомъ тому можетъ служить нескончаемый и понынѣ еще нерѣшенный споръ между средневѣковыми реалистами и номиналистами о сущности вещей, которую первые полагали въ идеѣ, т. е. въ образѣ, въ законѣ, въ обобщеніи, или въ самомъ значеніи бытія; а вторые, напротивъ, — только въ его матеріи, въ содержаніи, въ явленіи, или въ чувственныхъ и единичныхъ знакахъ всякаго эмпирически-случайнаго существованія.

Въ сферахъ теоретическаго знанія, этотъ споръ не можетъ найти и не находитъ своего разрѣшенія; такъ какъ во-первыхъ, теоретическіе термины бытія, въ силу ихъ противурѣчивости другъ съ другомъ, несовмѣстны: а во-вторыхъ, все, что есть обобщенный образъ, законъ, или значенія бытія безъ своего единичнаго содержанія и яснаго знака, есть лишь пустой образъ, лишь отвлеченное значеніе, или только имя бытія; а всякое единичное содержаніе, всякій непосредственно-видимый или чувственный знакъ бытія безъ своего обобщающаго образа, закона, значенія,

или имени, есть лишь безъименная матерія, которая, ни чѣмъ не сдерживаясь и ни чѣмъ не обозначаясь, разсѣевается въ безпредѣльность, и пропадаетъ безслѣдно.

Подъ другими наименованіями, это самое противорѣчіе между терминами бытія, между образомъ и содержаніемъ, между закономъ и явленіемъ, между значеніемъ и знакомъ, воспроизводится со всею силою и въ тѣхъ давно извѣстныхъ вопросахъ о связи души и тѣла, Бога и міра, свободы и необходимости, вѣчности и преходимости, которые въ разсудочной сферѣ чувственно-отвлеченной теоріи предъявляются подъ именемъ неразрѣшимыхъ антиномій разума и заключаютъ въ себѣ загадочный узелъ самой сущности бытія и постоянную проблему какъ всей философіи древности, такъ и всѣхъ умозрѣній новѣйшаго времени.

Современные мыслители, отказываясь отъ всей области умозрѣнія и имѣя въ виду вмѣсто живаго, конкретнаго понятія только абстрактные, или вполнѣ матерьяльные, или чисто отвлеченные, образы представленія, изъ страха предъ метафизикою и по безнадежности найти разрѣшеніе, не вдаются въ столь загадочные и темные вопросы и, оставляя самую сущность, а съ нею и всю дѣйствительность въ сторонѣ, толкуютъ до пресыщенія о клѣточкахъ, о молекулахъ, о первахъ, о рефлексахъ, о мозговомъ веществѣ, о чувственныхъ воспріятіяхъ, и указываютъ, что все это есть лишь матерія, о которой однако никому неизвѣстно, что она такое?

Для современнаго мышленія рѣшено окончательно, что сущность бытія непостижима и недоступна для знанія; что, быть можетъ, такой сущности и вовсе нѣтъ; что она лишь пустое мечтаніе праздная ума; что помышлять слѣдуетъ не о ней, а только о видимомъ явленіи въ его чувственной феноменальности: такъ какъ, несущественная и пустая призрачность преходящаго существованія и есть настоящая дѣйствительность міра и человѣка: такъ какъ міровая матерія бытія, при всемъ безсмысліи и при всей несообразности ея, и есть единственная сообразность и единственный смыслъ всего существо-

ванія, которымъ здравомыслящіе люди, проникаясь духомъ научности, и должны довольствоваться, не доискиваясь и не требуя ничего другаго.

Искать другаго, помышлять и мечтать о другомъ, — о томъ, что не есть ни матерія, ни ея механика, для умовъ, пропитанныхъ современною научностью, оказывается совершенно пустымъ и напраснымъ дѣломъ. Потому что, отъ конечныхъ, опредѣленныхъ величинъ, отъ конечныхъ, ограниченныхъ существованій реальнымъ образомъ невозможно ни досчитаться, ни дознаться до дѣйствительности безконечнаго бытія.

Чтобы досчитаться до ней реальнымъ счетомъ, чтобъ до нея дознаться реальнымъ знаніемъ, требовалось бы и считать, и познавать съ безконечно-великою скоростью, каковой во времени не дается. Такъ какъ въ конечной сферѣ абстрактно-чувственно или абстрактно-отвлеченно представляемаго бытія, все совершается лишь во времени и нѣтъ ничего совершеннаго.

Но дѣйствительность, которой теоретическое знаніе не постигаетъ и не охватываетъ ни чувственными, ни отвлеченными представленіями, тѣмъ именно и отличается отъ абстрактной теоріи, тѣмъ только и есть дѣйствительность, что въ ней все, что представляется несбыточнымъ и непостижимымъ, уже отъ самаго начала сбылось, исполнено, совершено, сочтено, дознано и постигнуто, конечно, не абстрактными образами теоретическаго мышленія, но тѣмъ самымъ дѣйствительнымъ и безконечнымъ образомъ истины, которыя для абстрактнаго мышленія сказывается лишь какъ несообразимое противорѣчіе.

Данныя наблюденія и данныя соображенія, которыя должны сомкнуться въ взаимное единство другъ съ другомъ, чтобъ стать эмпирически-теоретическимъ, или научнымъ знаніемъ, разъединены между собою и несовмѣстны въ силу взаимной противурѣчивости ихъ опредѣленій. Вслѣдствіе чего, въ сферѣ познаванія, отлагаются съ одной стороны, нескончаемый рядъ содержательныхъ явле-

ній, которыя въ своемъ сплошномъ эмпиризмѣ, какъ явленія чувственной матеріи, находятся внѣ всякаго отношенія къ тѣмъ теоретическимъ образамъ, или законамъ, которыми они по теоріи должны соображаться; а съ другой, — столь же нескончаемый рядъ теоретическихъ образовъ, или законовъ бытія, которые въ своемъ безсодержательномъ теоретизмѣ, какъ законы отвлеченной теоріи, какъ пустыя схемы представленія, соображаются своимъ особымъ порядкомъ чрезъ отрѣшеніе отъ того содержанія, которое хотя и составляетъ ихъ наполненіе, но считается при нихъ совершенно единичнымъ, случайнымъ, а потому и несущественнымъ.

Вслѣдствіе такой несовмѣстности, или такого раздвоенія между рядомъ сплошнаго, содержательнаго эмпиризма и рядомъ формальнаго, пустаго теоретизма и ихъ совершенно внѣшняго, механическаго отношенія другъ къ другу, можно съ одной стороны, съ полнымъ правомъ утверждать въ смыслѣ дедукціи, что всѣ единичныя явленія внѣшняго, случайнаго существованія управляются всеобщими законами непреложной необходимости, а съ другой —, по неопредѣленности представленія о непреложной необходимости и по невѣдѣнію содержанія ея непреложныхъ законовъ, которые всегда прилагаются къ эмпирическимъ фактамъ и даннымъ наблюденіямъ, можно съ тѣмъ же правомъ утверждать и наоборотъ, въ смыслѣ индукціи, что всеобщіе законы непреложной необходимости строго управляются чувственнымъ содержаніемъ тѣхъ внѣшнихъ неопредѣленныхъ, единичныхъ и совершенно случайныхъ явленій, которыя находятся лишь потому, что находятся.

Такимъ образомъ, оба ряда, изъ которыхъ слагается эмпирически-теоретическое, или научное знаніе, — рядъ явленій и рядъ законовъ, — развиваясь другъ возлѣ друга, приправливаясь другъ къ другу, слѣдя другъ за другомъ, какъ берегъ за рѣкою или какъ рѣка за берегомъ, никогда и нигдѣ не могутъ слиться и соитись другъ съ другомъ, чтобъ стать дѣйствительнымъ знаніемъ,

или, если и сходятся, то только, какъ параллельныя линіи, — только въ безконечности, т. е. только за предѣлами эмпирически-чувственныхъ и теоретически отвлеченныхъ представленій, — только въ конкретной сферѣ живаго, дѣйствительнаго понятія.

Въ современныхъ міровоззрѣніяхъ такъ называемаго научнаго позитивизма, по самому существу ихъ, нѣтъ и не можетъ быть ничего дѣйствительнаго, ничего понятнаго; такъ какъ элементы, изъ которыхъ они слагаются, — ихъ чувственное содержаніе и ихъ отвлеченный образъ, — за отсутствіемъ между ними ихъ живой связи, связываются взаимно лишь чрезъ насиліе теоретическаго детерминизма совершенно внѣшнимъ, механическимъ порядкомъ, при которомъ свобода саморазумѣнія немыслима, и нѣтъ ни жизни, ни ея жизненнаго, или логическаго порядка соотношенія, т. е. нѣтъ понятія, нѣтъ самаго принципа всей понятности.

Образъ научныхъ міровоззрѣній, исключая изъ себя самую возможность живаго понятія о безконечности, которую оно заключаетъ въ себѣ, какъ жизнь и какъ смыслъ жизни, остается по необходимости въ сторонѣ отъ жизни и отъ дѣйствительности; а потому, вполнѣ понятно, что ожидать отъ научнаго знанія, или находить въ научномъ знаніи подтвержденіе или отрицаніе истины существованія Бога, есть величайшій предразсудокъ и есть положительное недоразумѣніе.

Никакой опытъ, никакая теорія не могутъ дать ни малѣйшаго представленія ни о Богѣ, ни о дѣйствительности его существованія; потому что, не постигая ни дѣйствительности, ни жизни, они вѣдаютъ въ своей сферѣ только мертвенную абстракцію матеріи и ея механизма.

Но Богъ не есть абстракція; а потому, ни эмпиризмъ чувственности, ни теоретизмъ отвлеченности не касаются существа его: онъ разумѣется самъ собою, какъ безусловная истина или жизнь всей дѣйствительности и какъ сущность и дѣйствительность всякой жизни.

Религіозное міровоззрѣніе.

Въ инстинктѣ животныхъ прежде всякаго опыта есть присущее имъ вѣдѣніе о тѣхъ предметахъ, съ которыми ихъ существованіе связано столь существеннымъ образомъ, что безъ нихъ оно оказывается невозможнымъ.

Травоядныя не могли бы ни существовать, ни развиваться, ни плодиться, еслибъ не было травы, которою они живутъ и питаются.

Для всякаго животнаго есть предметы, существа, отношенія, — есть вообще другое, которымъ оно живетъ и безъ котораго оно бы не могло жить и не существовало бы въ своемъ образѣ жизни.

Эта-то связь между существующимъ животнымъ и тѣмъ другимъ содержаніемъ, которымъ оно живетъ и питается, и есть предметъ его инстинктивнаго вѣдѣнія. Въ томъ же порядкѣ, и человѣкъ, обозрѣвая все содержаніе вокругъ него существующаго внѣшняго міра, вѣдаетъ въ себѣ и утверждаетъ внутреннимъ образомъ ему присущаго, человѣческаго смысла не то, что непосредственно подпадаетъ его чувствамъ или его опытамъ, не то, что на основаніи тѣхъ же чувственныхъ воспріятій и опытовъ соображается имъ въ образъ теоріи или науки, но безусловно другое, сущее за предѣлами его чувственныхъ воспріятій и отвлеченныхъ теорій, то, чѣмъ онъ, какъ человѣкъ, живетъ и питается и безъ котораго его человѣческое существованіе было бы невозможно и немыслимо.

Но потому именно, что имъ такъ вѣдомое и инстинктивно утверждаемое содержаніе есть совсѣмъ не то, что вѣдается чувственно или отвлеченно, а безусловно другое, не опытное и не научное, оно и полагается, какъ съ точки зрѣнія научнаго эмпиризма, такъ и съ точки зрѣнія научнаго теоретизма, не имѣющимъ подъ собою никакого основанія, никакой объективности, совершенно пустымъ и произвольнымъ измышле-

ніемъ, которое выдается за истину только въ силу невѣжества и предразсудковъ; такъ что съ исчезновеніемъ этихъ предразсудковъ и этого невѣжества немнуемо должна исчезнуть и ихъ мнимая истина. Потому что, развитіе положительнаго знанія даетъ возможность различать пустыя измышленія субъективизма отъ объективной реальности дѣйствительнаго существованія.

Одинъ изъ тѣхъ ученыхъ, слова которыхъ переходятъ въ исторію, давно уже выразился, что наука можетъ, ничего не теряя, обойтись безъ всякаго предположенія о Богѣ.

Съ тѣхъ поръ, научное знаніе, проникая въ самыя заповѣдныя сферы міроваго существованія, развивалось съ неимовѣрнымъ успѣхомъ во всѣхъ направленіяхъ, и не только не нашло въ объективномъ содержаніи міра ни малѣйшаго основанія, которое давало бы право предполагать существованіе Бога, но положительно указываетъ, что въ предѣлахъ того, что уже дознано, для Бога въ мірѣ не находится мѣста.

Не касаясь самой дѣйствительности, научное знаніе, конечно, не касается и Бога, и вовсе не призвано говорить о немъ ни въ утвердительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Да къ тому же, за исключеніемъ развѣ исторіи и историческихъ наукъ, собственно въ положительной сферѣ научнаго знанія нѣтъ и повода говорить о Богѣ; такъ какъ собственно научный интересъ лежитъ совершенно въ сторонѣ отъ всякаго о немъ помышленія.

Но надъ наукою и на ея основаніи образуется нѣчто въ родѣ научной атмосферы, или научности, которая, какъ нѣкоторое мнѣніе, складывается въ своего рода научную, или положительную философію, утверждающую и отрицающую не иначе, какъ именемъ и на основаніи науки. Это то мнѣніе въ образѣ особаго научнаго міровоззрѣнія и отрицаетъ истину существованія Бога, потому что не имѣетъ понятія о дѣйствительности.

Не говоря ничего ни о невѣдомомъ, ни о непозна-

касмомъ, т. е. не говоря ничего о самой дѣйствительности, такъ какъ о ней на основаніи научности ничего опредѣлительнаго сказать невозможно, научное міровоззрѣніе тѣмъ не менѣе указываетъ, что въ предѣлахъ точнаго и опредѣленнаго знанія не только можно, но и должно сказать, что по всей вѣроятности въ дѣйствительномъ мірѣ никакого Бога не существуетъ, такъ какъ его ничѣмъ неподтверждаемое существованіе положительно отвергается всѣми дознанными и хорошо изслѣдованными фактами.

Когда абстракція представляется дѣйствительностію, то, наоборотъ, самая дѣйствительность должна по необходимости представляться абстракціею, или пустою мечтою: и какъ она ни будь дѣйствительна по существу и сама собою, но, дѣло рѣшенное, всѣмъ стоящимъ подъ предразсудкомъ такого міровоззрѣнія, она все же будетъ представляться мечтою, измышленіемъ, или призракомъ субъективнаго воображенія.

Въ этомъ отношеніи дѣйствительность, или истина, раздѣляетъ одну участь съ прекраснымъ, которое равнымъ образомъ усматривается и понимается не въ силу какого либо научнаго міровоззрѣнія, или теоріи, способныхъ усмотрѣть лишь все другое, — именно лишь то, что не есть ни дѣйствительность, ни прекрасное: ибо ничего не можетъ быть призрачнѣе мнимой дѣйствительности, построенной силою теоріи, и ничего не можетъ быть безобразнѣе дѣланнаго, мнимо-прекраснаго, воспроизводимаго въ силу какого либо научнаго міровоззрѣнія.

Истина, дѣйствительность и прекрасное преисполнены безконечностью жизни и постигаются только смысломъ самой жизни; безъ ея же смысла, понятною представляется только механическая мертвенность безсмыслія.

Какъ водяная пыль и брызги водопада, отражая въ себѣ лучи солнца, сверкаютъ во всѣхъ направленіяхъ безчисленными радугами, и лишь блеска и свѣта, такъ и безостановочно текущее содержаніе и постоянный

разъ существующаго міра, складываются при его созерцаніи въ безчисленныя соображенія, изъ коихъ каждое можетъ сказаться живымъ свидѣтельствомъ несомнѣнной и повсюду явной истины существованія Бога: ибо каждый атомъ и каждый мигъ существующаго міра несутъ въ своемъ дыханіи ея безконечность, которая собственно и есть ея полное доказательство.

Но изъ многихъ доказательствъ одно яснѣе видно и достунпѣе съ точки зрѣнія одного, другое — съ точки зрѣнія другаго ума, и каждое — съ каждой точки зрѣнія, какъ лучи свѣта,—лишь бы видѣть ихъ свѣтъ, — одинаково и неминуемо ведутъ къ одному и тому же источнику свѣта, къ одному и тому же смыслу и пониманію безусловной истины.

Изъ безчисленнаго множества различныхъ точекъ зрѣнія, нѣкоторыя, находясь на самой границѣ между областью знакомыхъ представленій и между сферою дѣйствительнаго понятія, даютъ возможность къ нѣкоторымъ соображеніямъ, которыя представляютъ и болѣе общее, и болѣе широкое основаніе для такъ называемыхъ доказательствъ истины существованія Бога.

Истина доказывается только истиною, т. е. только сама собою, или самымъ смысломъ саморазумѣнія, по формулѣ Р. Декарта: — «разумѣюсь стало быть есмь Я» есть конечное, и тѣмъ болѣе Богъ, безконечное существо; такъ какъ безъ его безконечности, смыслъ существа конечнаго былъ бы только безсмысліемъ. Но нѣкоторыя особыя соображенія, сосредоточивая весь свѣтъ вниманія на тѣхъ сторонахъ и проявленіяхъ бытія, которыя хотя и извѣстны, но при обычной разсѣянности недостаточно замѣчаются и неточно обсуждаются, могутъ до нѣкоторой степени облегчить путь, ведущій изъ безпредѣльно-протяженной сферы сознанія о внѣшнемъ и видимомъ содержаніи міра, въ безконечно-интенсивную сферу самосознанія, въ которой безусловная истина стала уже разумѣется сама собою и съ тѣмъ вмѣстѣ объяснялся и явно какъ несомнѣнная и очевидная истина.

Въ этомъ смыслѣ, доказательства существованія Бога представляются въ видѣ соображеній:

1) о дѣйствительномъ образѣ міра,

2) о метафизической сущности бытія,

3) о сущности научнаго знанія,

4) о различныхъ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ усматривается истина,

5) о завершенной системѣ знанія.

1. Дѣйствительный образъ міра.

Все, что есть, все, что существуетъ, есть въ себѣ самомъ и по отношенію къ себѣ — вѣдѣніе, знаніе, разумѣніе себя и другаго. Самое знаніе, или разумѣніе, пребывая внутри, какъ субъективность, не имѣетъ своего видимаго, чувственнаго образа и есть невидимый духъ, или смыслъ. Но все другое, о чемъ вѣдѣніе вѣдаетъ, знаніе знаетъ, разумѣніе разумѣетъ, предстоитъ смыслу въ нѣкоторомъ образѣ бытія, причемъ предстоящій образъ, въ мѣру вѣдѣнія, знанія или разумѣнія, бываетъ или поверхностнѣе, или глубже, т. е. или дальше отъ сущности, или ближе къ сущности предмета вѣдѣнія, знанія или разумѣнія.

Объемъ и глубина знанія и разумѣнія всегда соотвѣтствуютъ силѣ вниманія, присущаго познающему субъекту — человѣку или другому существу, способному знать. — Никакое вѣдѣніе, никакое знаніе не можетъ состояться безъ вниманія, которое собственно и есть самое разумѣніе (понѣмецки внимать выражается словомъ Vernehmen, отъ котораго произошло и Vernunft — разумъ).

Соотвѣтственно силѣ и силою вниманія, присущаго субъекту, въ немъ складывается его опредѣленный взглядъ на міръ, содержаніе котораго, въ зависимости отъ такого взгляда, и предстоитъ субъекту въ нѣкоторомъ образѣ, съ нѣкоторою опредѣленностью, въ нѣкоторой связности или сообразности, по степени и силѣ вниманія, которымъ оно воспринимается и соображается.

Нѣкоторымъ образомъ, до нѣкоторой степени сообра-

женное міровое содержаніе именуется людьми реальностью, дѣйствительностью, природою или вообще міромъ.

Сила вниманія, какъ и всякая иная сила, измѣняясь по схемѣ количества, можетъ быть и больше, и меньше. При нисхожденіи отъ бо̀льшей степени вниманія къ меньшей, когда данная сила вниманія и съ тѣмъ вмѣстѣ и обладаемое чрезъ него знаніе убываютъ, очевидно, что и взглядъ на міръ, или міровоззрѣніе, и самый образъ, въ какомъ міровое содержаніе предстояло такому міровоззрѣнію, не могутъ пребывать такими же, какъ они до того были, но необходимо должны измѣниться въ точномъ соотвѣтствіи съ убылью въ силѣ вниманія, при которомъ они первоначально сложились.

На сколько убываетъ сила вниманія, на столько же прибываетъ стихійная сила разсѣянности; вслѣдствіе чего, при меньшей степени вниманія и самый образъ міра необходимо долженъ оказаться болѣе разсѣяннымъ и менѣе сообразнымъ; такъ какъ множество, при высшемъ взглядѣ, усматриваемыхъ связей, соотношеній и сообразностей, будетъ въ немъ оборвано, вслѣдствіе чего, обнимаемое имъ содержаніе должно будетъ представляться и болѣе матерьяльнымъ, и менѣе понятнымъ.

Даже небольшаго наблюденія — вполнѣ достаточно, чтобъ удостовѣриться, что сила вниманія осуществляется въ мірѣ въ безчисленныхъ степеняхъ; каждой изъ такихъ степеней вниманія соотвѣтствуетъ и его особое міровоззрѣніе съ ему предстоящимъ особымъ образомъ міра.

Уже и люди, при великомъ различіи ихъ способностей, ихъ развитія, ихъ эпохъ, ихъ родины, ихъ пола, ихъ возраста, ихъ среды и всѣхъ другихъ особенностей ихъ окружающей обстановки, усматриваютъ міръ, или то, что имъ представляется самою реальностью міра, далеко не одинаковымъ образомъ. Ихъ взгляды на міровое содержаніе, ихъ міровоззрѣнія—различны во всѣхъ отношеніяхъ, и по отношенію къ ихъ ширинѣ и глубинѣ, и по отношенію къ ихъ опредѣленности, ясности или смутности.

А если къ тому же, принять къ соображенію еще и безпредѣльно-различныя міровоззрѣнія, присущія всякаго рода животнымъ; а затѣмъ — еще и міровоззрѣнія, свойственныя растеніямъ, по роду и виду ихъ; такъ какъ несомнѣнно, что они живутъ и стоятъ къ міру, къ внѣшнѣй ихъ окружающей средѣ, какъ субъекты жизни, въ особыхъ, только имъ и свойственныхъ отношеніяхъ, а потому, и вѣдаютъ въ себѣ свое собственное, растительное міровоззрѣніе; если же затѣмъ, — за областью растеній, — припоминая ученіе Лейбница о монадахъ, принять къ соображенію еще и то стихійное основаніе, на которомъ возникаетъ жизнь, какъ растеній, такъ и животныхъ, или ту непроглядную темень такъ называемаго не живаго, или неорганическаго вещества, во всѣхъ его сочетаніяхъ, разложеніяхъ и различіяхъ, которыя, хотя и считаются только механизмомъ или химизмомъ, но безспорно тоже являютъ свое своеобразное отношеніе къ внѣшнему міру, въ которомъ находятся; — что и давало Лейбницу основаніе утверждать, что каждая монада существованія имѣетъ о мірѣ свое особое представленіе, или свое міровоззрѣніе; — если принять къ соображенію съ начала до конца весь безконечно-великій рядъ этихъ умаляющихся степеней міроваго вниманія, то въ соотвѣтствіе ему, самъ собою обозначится столь же безконечно-великій рядъ различныхъ взглядовъ на міръ, или міровоззрѣній, и имъ предстоящихъ различныхъ образовъ, въ которыхъ міръ представляется каждому изъ такихъ взглядовъ, съ постепенно умаляющеюся ясностью и столь же постепенно возрастающею смутностью его міровыхъ очертаній.

Въ послѣднемъ, въ крайнемъ предѣлѣ убывающей силы вниманія, когда оно становится безконечно-малымъ, а разсѣянность, напротивъ, - безконечно-великою, самый взглядъ на міръ, или міровоззрѣніе, теряется или разсѣевается по необходимости въ безпредѣльной смутѣ; причемъ и послѣдній образъ, въ какомъ міръ представляется столь разсѣянному взгляду, долженъ неминуемо и окончательно разсѣяться и обратиться въ

безпредѣльный, уже ничѣмъ не сдерживаемый, безобразный хаосъ.

Такой хаосъ собственно и есть самая стихія матеріи въ ея первопачальномъ, чистомъ видѣ, или, пожалуй,— безусловная объективность бытія, отрѣшеннаго вполнѣ отъ малѣйшаго признака и слѣда смысла и его субъективности.

Эта матерія, въ ея чистомъ видѣ, или самая стихія хаоса, которая мерещится при совершенной разсѣянности мысли, какъ самый объектъ полнѣйшаго безсмыслія, предполагается обыкновенно естественнымъ началомъ міра, и есть уже ни полусвѣтъ, ни полутьма, но безусловно-непроглядная темень, въ которой ровно ничего не видать, потому что въ ней нѣтъ ничего и нечего видѣть.

Мысленно отрѣшаясь отъ всякой субъективности, т. е. отъ всякаго образа, отъ всякой формы мышленія, Э. Кантъ пришелъ къ представленію о чистой объективности, о чистой сущности, или о чистомъ бытіи, котораго никто не мыслитъ и не можетъ мыслить, которое есть лишь про себя сущее, безусловно-немыслимое бытіе, и приписалъ ему все значеніе объективно сущей истины.

Усматривая, что такая истина есть лишь крайній предѣлъ абстракціи, Гегель, принявъ оную за точку отправленія своей логики, — или за тотъ предѣлъ, въ которомъ мышленіе начинается, соприкасаясь съ стихіею безсмыслія, указываетъ, что сущность столь стихійнаго бытія, — чистая матерія, или чистая абстракція, — и есть лишь объектъ полнѣйшаго безсмыслія, совершенная пустота и полнѣйшее отсутствіе какъ дѣйствительной мысли, такъ и дѣйствительнаго бытія; или лишь такое мышленіе, при которомъ ничего иного не остается, какъ сказать: Sein ist Nichts.

Въ самомъ дѣлѣ, безусловное отсутствіе всякаго образа мышленія есть именно стихійный хаосъ бытія, который находится и существуетъ только въ сферѣ пустаго мнѣнія, какъ ему присущая смута, какъ его безсмысліе, полагающее своимъ объектомъ ни съ чѣмъ несообразное,

мнимое бытіе, котораго вовсе нѣтъ въ дѣйствительности.

Между безобразіемъ хаоса и тѣмъ образомъ міра, какъ оный представляется человѣку, находится безконечный рядъ всѣхъ другихъ посредствующихъ взглядовъ, или міровоззрѣній, какъ и столь же безконечный рядъ каждому изъ нихъ предстоящихъ и каждымъ изъ нихъ различаемыхъ образовъ міра; въ этомъ ряду находится мѣсто и для чистаго эмпиризма вещества, и для пантеизма растеній, и для чувственнаго матеріализма животныхъ и наконецъ, и для высшаго идеализма человѣка.

Изъ общаго соображенія съ одной стороны, безконечнаго ряда всѣхъ существующихъ, субъективныхъ взглядовъ на міръ, а съ другой —, безконечнаго ряда имъ соотвѣтствующихъ, объективныхъ образовъ, въ какихъ міръ представляется каждому изъ этихъ взглядовъ, вытекаетъ, какъ необходимое заключеніе, что міръ взираетъ самъ на себя безчисленными милліонами своихъ взглядовъ и самъ же и усматриваетъ себя въ безчисленныхъ милліонахъ образовъ.

Каждый изъ существующихъ въ мірѣ взглядовъ осуществляется присущею силою его наличнаго вниманія, при участіи той стихійной разсѣянности, въ которую онъ погруженъ самымъ эмпиризмомъ своего существованія.

А такъ какъ объектъ, предстоящій разсѣянности, есть лишь мнимое бытіе, или матерія безсмыслія, то совершенно понятно, что и каждый изъ образовъ міра, предстоящихъ существующимъ взглядамъ, или міровоззрѣніямъ, долженъ быть по необходимости матерьяльнымъ, или преисполненнымъ матеріею мнимаго, стихійнаго бытія; вслѣдствіе чего, каждому изъ существующихъ взглядовъ, при всемъ ихъ различіи, содержаніе міра всегда представляется въ бо́льшей или меньшей степени естественно-чувственнаго или теоретически-отвлеченнаго матеріализма, соотвѣтственно съ тою низшею или высшею

степенью, на которой данный взглядъ, или данное міровоззрѣніе, находятся въ ряду всѣхъ прочихъ взглядовъ, или міровоззрѣній.

Степень матерьялизма, въ какой представляется образъ міра тому или другому взгляду, состоитъ въ прямой зависимости отъ степени вниманія и степени разсѣянности, при которыхъ взглядъ на міръ складывается.

Сила вниманія и стихія разсѣянности стоятъ другъ къ другу и развиваются въ обратномъ отношеніи, и если первая возрастаетъ на счетъ второй, то и наоборотъ, при всякой убыли первой, выигрываетъ и возрастаетъ вторая.

А такъ какъ объектъ, усматриваемый при вниманіи, есть всегда нѣкоторый смыслъ, нѣкоторая сообразность, или нѣкоторое соотношеніе одного съ другимъ; и напротивъ, объектъ, усматриваемый при разсѣянности, есть нѣкоторое безсмысліе, — нѣкоторая несообразность одного съ другимъ, или вообще — нѣкоторая матерія, то и понятно, что чѣмъ слабѣе вниманіе, чѣмъ больше разсѣянность, участвовавшія при сложеніи даннаго взгляда, или міровоззрѣнія, тѣмъ матерьяльнѣе, т. е. тѣмъ несообразнѣе и непонятнѣе, тѣмъ ближе къ хаосу долженъ представляться и образъ имъ усматриваемаго міра; и, наоборотъ, чѣмъ больше сила вниманія, чѣмъ слабѣе стихія разсѣянности, участвовавшія при сложеніи даннаго взгляда, или міровоззрѣнія, тѣмъ идеальнѣе, тѣмъ исполненнѣе смысломъ, т. е. тѣмъ сообразнѣе и понятнѣе, тѣмъ далѣе отъ хаоса, тѣмъ ближе къ дѣйствительности и истинѣ долженъ представляться и образъ имъ усматриваемаго міра.

Изъ всѣхъ существъ конечнаго существованія, человѣкъ обладаетъ высшею силою вниманія; но и человѣческое вниманіе есть высшее только относительно и не есть еще безконечно-великое вниманіе; такъ какъ оно и въ своемъ высшемъ проявленіи, все еще не избавлено и не свободно отъ стихіи разсѣянности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что человѣческое

знаніе и по объему, и по глубинѣ, и по ясной опредѣленности, и по многосторонности—несравненно выше и положительнѣе знанія, достигаемаго на землѣ другими существами; но при всемъ томъ, оно еще далеко—не всезнаніе, а только нѣкоторое знаніе, при большомъ невѣжествѣ.

А потому, и образъ міра, предстоящій человѣку, какъ міровая дѣйствительность, которую онъ знаетъ, слагаясь не только силою его вниманія, но и всѣмъ безпредѣломъ его разсѣянности и будучи не только объектомъ его дѣйствительнаго знанія, но также и объектомъ его мнимаго знанія, или его невѣжества, если съ одной стороны, и представляется во всемъ благообразіи стройнаго космоса, какъ небесная гармонія сферъ, какъ прекрасный Божій міръ, исполненный жизнью и красотою, то съ другой — , долженъ по необходимости представляться и совершенно смутнымъ образомъ, исполненнымъ самымъ несообразнымъ, вовсе не стройнымъ, вполнѣ непонятнымъ и непроницаемымъ содержаніемъ матеріи безсмыслія, разсѣянности и невѣжества, — этой первоначальной стихіи хаоса, мнимаго бытія, или небытія.

Это другая сторона міра, съ которой онъ предстоитъ человѣку, какъ непомѣрная тягость жизни, какъ страданіе, горе, болѣзнь, какъ смерть и обманъ всѣхъ жизненныхъ надеждъ его, какъ вполнѣ достаточное основаніе для развитія всякаго рода пессимизма, являясь яснымъ безсмыслісмъ и отрицаніемъ всего, что въ немъ само собою разумѣется, какъ несомнѣнная истина, не можетъ представляться ему иначе, какъ совершенно непонятною міровою несообразностью и неразрѣшимымъ міровымъ противорѣчіемъ; такъ какъ, по смыслу и на основаніи смысла и истины, вполнѣ — несообразно, чтобъ въ дѣйствительномъ мірѣ было дѣйствительное безсмысліе; согласно съ значеніемъ смысла, сущность, или дѣйствительность безсмыслія есть химера, которой не можетъ быть. А между тѣмъ, на взглядъ человѣка, это самая химера царитъ въ мірѣ и, убивая человѣка, убиваетъ съ

нимъ и его человѣческій смыслъ, утверждающій, что химеры не можетъ быть, что она лишь призракъ пустой.

Это противорѣчіе и является человѣку явнымъ и неразрѣшимымъ противорѣчіемъ міра.

Но, вся сила и все значеніе человѣческаго знанія заключаются не столько въ его содержаніи, сколько въ критической способности, которою человѣкъ въ состояніи судить о самой природѣ и ограниченности своего знанія. Зная очень многое, человѣкъ съ тѣмъ вмѣстѣ знаетъ о себѣ, что присущее ему вниманіе еще далеко — не высшій предѣлъ всей полноты вниманія, — что при болѣе полномъ вниманіи, должны необходимо осуществляться и болѣе полное знаніе, и высшіе взгляды на міръ; при чемъ міровое содержаніе, или самая дѣйствительность существующаго міра, должны необходимо представиться въ иномъ образѣ, болѣе близкомъ къ истинѣ: такъ что, если-бъ человѣкъ могъ поднятся умомъ съ той точки зрѣнія, съ которой онъ нынѣ взираетъ на міръ, на высшую —, то съ ней, безъ сомнѣнія, очень многое, что нынѣ смущаетъ его какъ безсмысліе, разъяснилось бы ему и оказалось согласнымъ съ его смысломъ.

Малыя дѣти усматриваютъ міръ и обсуждаютъ его содержаніе своимъ дѣтскимъ и ребяческимъ образомъ; но того, что они усматриваютъ, никто не принимаетъ за дѣйствительную истину; потому что, кто же не знаетъ, что въ дѣтяхъ нѣтъ ни достаточнаго вниманія, ни достаточнаго знанія для того, чтобъ увидѣть и познать истину.

Но въ этомъ отношеніи, взрослые, совершенно какъ дѣти, усматриваютъ не то, что дѣйствительно есть и не такъ, какъ оно дѣйствительно есть, а лишь что и какъ они способны усмотрѣть, по силѣ имъ присущаго вниманія. И разумѣется, то, что усматривается при слабомъ вниманіи, при ограниченномъ знаніи, никакъ не слѣдуетъ, да и невозможно прини-

мать за истинную дѣйствительность, или за дѣйствительную истину.

Сила и глубина знанія, которымъ обладаетъ человѣкъ, вовсе не въ объемѣ того, что онъ знаетъ, а существенно—въ его критическомъ смыслѣ, которымъ онъ измѣряетъ и судитъ самую способность своего знанія: усматривая его относительность, условность и ограниченность, человѣкъ, въ силу своего критическаго смысла, знаетъ также, что имъ усматриваемое въ мірѣ несообразное содержаніе, безобразіе, зло и безсмысліе, которыя такъ смущаютъ его, не есть дѣйствительное, а только мнимое бытіе, которое, какъ объектъ его невѣжества, необходимо должно ему мерещиться въ видѣ дѣйствительно-существующей матеріи міра до тѣхъ поръ, пока его невѣжество не пройдетъ окончательно и не замѣнится всезнаніемъ; потому что, дѣйствительная истина, или истинная дѣйствительность открывается въ своемъ образѣ только при безконечно-великомъ вниманіи, только предъ лицемъ всезнанія.

Начиная съ низшаго и достигая своего высшаго проявленія на землѣ, міровая жизнь представляется въ видѣ постепеннаго, довольно медленно, шагъ за шагомъ наступающаго пробужденія отъ глубокаго, стихійнаго сна разсѣянности къ вниманію. По сравненію съ веществомъ неорганическимъ, которое какъ будто еще спитъ непробуднымъ сномъ, слѣды такого пробужденія, уже замѣтные въ растеніи, явно видны въ животномъ; но къ полнотѣ своего самосознанія изъ всѣхъ существъ на землѣ, проснулся только человѣкъ; однако и онъ еще едва лишь очнулся и, не успѣвъ придти въ себя вполнѣ, все еще объятъ туманами стихійнаго сна и спитъ на яву. Грёзы, призраки и кошмары первобытнаго стихійнаго бытія, въ видѣ непроницаемой матеріи безсмыслія, обступая его, какъ бываетъ во снѣ, все еще смущаютъ и наполняютъ душу его невыразимою смутою; но и въ этой смутѣ своей чувственной стихійности, онъ сознаетъ уже, что это не — дѣйствительность, а только сонъ.— что ему

нечего бояться ни этихъ призраковъ, ни этихъ кошмаровъ; они ему мерещатся, но на самомъ дѣлѣ, на яву, ихъ нѣтъ; ему стоитъ лишь проснуться вполнѣ, и они мгновенно исчезнутъ и пропадутъ, какъ пропадаютъ ночныя наважденія, когда восходитъ солнце и наступаетъ день.

Зная о себѣ, что онъ не обладаетъ ни всею полнотой вниманія, ни всезнаніемъ, человѣкъ не можетъ не знать, что и предстоящій ему міръ вовсе не такой въ дѣйствительности и по истинѣ, какимъ онъ ему мерещится сквозь смуту его стихійной разсѣянности и непроницаемой матеріи его невѣжества.

Но большинство людей, совершенно какъ дѣти, не въ состояніи ни видѣть, ни познать истину въ ея собственномъ образѣ; потому что они не обладаютъ для того ни достаточнымъ вниманіемъ, ни достаточнымъ знаніемъ.

Какъ съ одной стороны, вся несообразность хаоса — доступна только полнѣйшему отсутствію вниманія, только безконечно великой разсѣянности, какою даже и неорганическое вещество похвалиться не можетъ, такъ съ другой — , самая истина, или дѣйствительно сущій образъ міра, — понятны и доступны только для наличио-присущаго, безконечно-великаго вниманія.

Поэты и великіе художники способны усматривать истину и отчасти передавать ея дѣйствительный образъ въ своихъ произведеніяхъ, именно потому, что они одарены особою силою вниманія и могутъ видѣть дѣйствительность въ ея истинномъ образѣ, который ускользаетъ незамѣтнымъ отъ разсѣяннаго взора людей, не обладающихъ имъ даромъ. Поэтому, произведенія поэтовъ и художниковъ, въ которыхъ они переводятъ самую дѣйствительность на языкъ, или въ образы, понятные и доступные всѣмъ людямъ, могутъ, по всей справедливости, быть признаны за дѣйствительное откровеніе истины.

Но большинству представляется напротивъ, что въ произведеніяхъ поэзіи и художества высказывается вовсе

не истина, а только мечта, только идеалы, которые въ дѣйствительности не находятся. Пользуясь такимъ заблужденіемъ, мнимые поэты и художники, не усматривая и будучи неспособны усмотрѣть въ дѣйствительности ничего кромѣ банальной пошлости существованія, идеализируютъ ее своимъ воображеніемъ, облекаютъ въ стихи и образы, и выдаютъ за поэзію и художество.

И хотя пошлость никогда не бываетъ и не можетъ быть поэзіею, какъ бы ее ни поэтизировали, и хотя поэзія не есть ни идеализація, ни пустая мечта столь же пустаго воображенія, однако большинство людей, не замѣчая ни своей разсѣянности, ни своего невѣжества, очень легко смѣшиваетъ то, что они способны видѣть и замѣчать съ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ есть истина; и когда изрѣдка, поэтъ, художникъ или природа представляютъ имъ истину въ ея дѣйствительномъ образѣ, они не распознаютъ черты ея, и принимая призраки своей разсѣянности и матерію своего невѣжества за настоящую дѣйствительность, вынуждены по необходимости самую истину считать пустымъ призракомъ, несуществующимъ идеаломъ, мечтою воображенія поэтовъ и художниковъ.

Но какъ бы ни было темно и смутно вверху, невозможно отрицать, что, скрываясь за туманами и облаками, кроется ясное, голубое небо и въ небесахъ горитъ его озаряющее солнце: и также точно, невозможно отрицать, что за всѣми призраками разсѣянности, за всею теменью и матеріею невѣжества, есть дѣйствительно сущая, безусловная истина и предвѣчный живой смыслъ ея саморазумѣнія, именуемый Богомъ.

Отрицать дѣйствительность истины *возможно* только силою лжи; отрицать дѣйствительность смысла саморазумѣющейся истины *возможно* только при безсмыслiи; но *во имя* и *на основаніи* лжи и безсмыслія ничего ни отрицать, ни утверждать *невозможно*.

Мертвые ничего не утверждаютъ и не отрицаютъ;

живые же, отрицая всякую ложь и всякое безсмысліе, утверждаютъ всѣмъ существомъ только истину и смыслъ ея.

И потому, несомнѣнно, что въ дѣйствительности, какъ бы она ни мерещилась сквозь смуту разсѣянности и матерію невѣжества, есть лишь безусловная истина и лишь безусловный смыслъ ея саморазумѣнія.

Все преходящее есть лишь подобіе того, что есть дѣйствительно. Ужъ и существующій міръ въ томъ образѣ, какъ онъ предстоитъ человѣку, не есть химера безобразія: исполненный субъективностью саморазумѣнія, онъ самъ внимаетъ себѣ и самъ взираетъ на себя безчисленными милліонами своихъ образовъ бытія, своихъ особенныхъ взглядовъ, и каждый изъ его существующихъ взглядовъ, а въ томъ числѣ и взглядъ человѣка, усматриваютъ сущую истину міра, но только своимъ особымъ, ограниченнымъ, а не ея собственнымъ, безусловнымъ образомъ; а потому, всѣ они, вмѣсто ея дѣйствительнаго образа, усматриваютъ и уразумѣваютъ лишь то, что каждый изъ нихъ способенъ усмотрѣть, уразумѣть и вмѣстить въ себѣ, — только особый образъ своего усмотрѣнія и разумѣнія.

Въ ея дѣйствительномъ образѣ безусловно-сущая истина усматривается и уразумѣвается только безусловнымъ же образомъ ея безконечно-великаго вниманія и саморазумѣнія, — только Богомъ.

И притомъ, если уразумѣніе каждаго изъ существующихъ взглядовъ на міръ, по степени его одушевляющаго вниманія, совершается лишь во времени, — медленнѣе или скорѣе, -то уразумѣніе безусловнаго взгляда на міръ, одушевленнаго силою безконечно-великаго вниманія, совершается съ безконечно-великою скоростью, т. е. уже не совершается, но вполнѣ совершилось и уже было отъ вѣчности внѣ всякаго времени.

Потому что, совершаться съ безконечно-великою скоростью именно и значитъ — быть безусловно-совершеннымъ въ вѣчности, внѣ опредѣленія времени и простран-

ства, и тѣхъ значеній, какія они имѣютъ въ конечномъ существованіи.

Вѣчный объектъ, или безусловная истина всего міра, просвѣчиваетъ сквозь безпредѣльную тьму міровой разсѣянности лучомъ жизни каждому изъ существующихъ, конечныхъ взглядовъ, какъ его собственная, особая истина, которую онъ въ себѣ самомъ вѣдаетъ, которою онъ утверждается, живетъ и дышетъ, но которую онъ обнять собою въ ея безусловности не можетъ; такъ какъ она, по ея необъятности для всего конечнаго, объемлется только безконечно-великимъ вниманіемъ, только безусловнымъ взглядомъ вѣчнаго субъекта, предъ которымъ и время и пространство — уже не расторгающая стихія, какою они являются въ конечномъ существованіи, а только—тотъ вѣчный ритмъ и—та вѣчная мѣра бытія, которая дышетъ, какъ жизненный пульсъ, въ твореніяхъ поэтовъ и художниковъ, не разрывая, но связывая ихъ содержаніе къ единству вѣчной жизни и гармоніи.

Своимъ безусловнымъ образомъ бытія, безконечный субъектъ и предвѣчный смыслъ истины, именуемый Богомъ, живетъ внѣ конечныхъ условій времени и пространства. Онъ былъ безусловно прежде, чѣмъ что либо сталось, и предупреждая собою весь міръ, есть его безусловное прошедшее. Онъ будетъ безусловно и послѣ всего, что еще имѣетъ быть и, заключая собою все предстоящее развитіе и всѣ наступающіе процессы, или эволюціи міра, есть его безусловное будущее. Какъ вѣчное соотношеніе, какъ живая подвижность (индивидуальность) безконечнаго смысла всего прошедшаго съ безконечнымъ бытіемъ всего будущаго, какъ живой ритмъ ихъ самосознанія другъ въ другѣ, онъ же есть и безусловное настоящее, и вѣчно-сущая истина всего разумѣнія и всего существованія.

Сомнѣваться въ томъ, что есть Богъ, возможно только чрезъ сомнѣніе въ истинѣ самой истины; но сомнѣваться въ томъ, что истина есть истина, и предпола-

гать истину лжи или лживость истины, возможно только при безсмыслiи, при которомъ вся дѣйствительность міра обращается въ дикую химеру лжи и безобразiя.

Но такой химеры нѣтъ и быть не можетъ; она питается и живетъ только безсмысленъ, отрицающимъ истину смысла; а истина смысла въ томъ и состоитъ, что есть Богъ надъ землею и надъ небесами, который спасаетъ міръ отъ всякой лжи, отъ всякихъ химеръ предѣчнымъ смысломъ своего безусловнаго саморазумѣнiя.

2. Онтологiя, метафизика бытiя.

По поводу выраженiй — *есть* или *нѣтъ*, слѣдуетъ прежде всего различать ихъ грамматикальное употребленiе отъ ихъ логическаго значенiя: грамматически, о многомъ говорится, что оно есть, когда логически, его нѣтъ и не можетъ быть, или, — что его нѣтъ, когда логически, оно есть и существуетъ въ какомъ нибудь образѣ существованiя.

Грамматически можно сказать, что въ мірѣ есть много заблужденiй, много нелѣпостей, много лжи, т. е. есть много того, что логически именно и не имѣетъ никакого бытiя, о чемъ бы слѣдовало говорить, что его нѣтъ и не можетъ быть. Съ другой стороны, грамматически, очень нерѣдко выражаются, что нѣтъ никакой возможности, никакого основанiя, никакой причины полагать, допускать, думать и т. п., но логически, если ужъ такъ полагается, допускается, думается, то очевидно, что для того есть не только возможность, но и основанiе, и причина, и даже необходимость.

Затѣмъ, и въ логическомъ употребленiи слова *есть*, нельзя не различать того, что есть только мнимымъ образомъ, только въ мнѣнiи, отъ того, что есть и именѣ дѣйствительнымъ образомъ, какъ существующее и сущее не только въ мнѣнiи, но и въ самой дѣйствительности.

Мнѣнiе о чемъ либо есть нѣкоторый болѣе или менѣе опредѣленный знакъ бытiя, отлагаемый въ сознанiи;

того, о чемъ въ сознаніи не имѣется никакого мнѣнія, никакого знака, ни говорить, ни мыслить — невозможно. Но могутъ быть мнѣнія, или знаки бытія, которые, какъ пустые знаки, не имѣютъ себѣ соотвѣтствующаго значенія въ дѣйствительности, и суть лишь совершенно пустыя мнѣнія, при которыхъ нѣчто мнится, какъ будто оно есть, хотя на самомъ дѣлѣ, или дѣйствительно онаго вовсе нѣтъ.

Несуществующее содержаніе, которое однако мнится существующимъ, и которому въ мнѣніи приписываютъ все значеніе дѣйствительнаго бытія, есть собственно мнимое, или призрачное бытіе, которое мерещится, чудится, сдается, или представляется, какъ нѣчто сущее, но исчезаетъ, какъ пустой призракъ, какъ скоро исчезаетъ мнѣніе, которымъ оно держалось въ сознаніи.

Вѣрующіе въ Бога и не сомнѣвающіеся въ истинѣ его существованія, признаютъ его особою сущностью и приписываютъ ему въ высшей степени всю дѣйствительность бытія. Невѣрующіе и отрицающіе существованіе Бога, считаютъ его сущность мнимою сущностью, исполненною лишь мнимымъ призрачнымъ бытіемъ, не заключающимъ въ себѣ ни малѣйшаго признака дѣйствительности.

Человѣкъ не можетъ ничего ни утверждать, ни отрицать иначе, какъ нѣкоторымъ образомъ своего мышленія; а такъ какъ и всякаго рода мнѣніе есть, безъ сомнѣнія, тоже нѣкоторый образъ мышленія, то представляется самъ собою вопросъ, какъ же различить то, что есть лишь пустое мнѣніе, имѣющее своимъ объектомъ лишь мнимое, призрачное бытіе, отъ другихъ образовъ мышленія, которые имѣютъ своимъ объектомъ дѣйствительное бытіе? — или, можно спросить и такъ, — между двумя образами мышленія, изъ коихъ однимъ утверждается, а другимъ отрицается бытіе Божіе, какъ и на какомъ основаніи опредѣлить, который есть лишь пустое мнѣніе и который — истинная, правдивая мысль, выражающая

не то, что только мнится въ сознаніи, а что въ самомъ дѣлѣ есть въ дѣйствительности?

Можно бы было отвѣчать на этотъ вопросъ, что правдивый образъ мышленія, имѣющій своимъ объектомъ самую дѣйствительность, высится въ сознаніи, какъ неизмѣнныя и постоянныя небеса — надъ землею и надъ ея измѣнчивыми, появляющимися и исчезающими туманами, и отличается тѣмъ же неизмѣннымъ постоянствомъ отъ быстро возникающихъ и столь же быстро исчезающихъ мнѣній; но это было бы лишь сравненіемъ, которое, никого не вразумляя, можетъ, при современномъ знаніи о сущности голубаго неба, подать поводъ ко всякаго рода возраженіямъ и выводамъ, которые бы только затемнили, а не разъяснили вопросъ.

А потому, всего лучше оставить сравненія въ сторонѣ, и сойти на скользкую почву, на которой знаніе и невѣжество, встрѣчаясь другъ съ другомъ, по-своему различаютъ и согласаютъ субъективные образы сознанія съ объективнымъ содержаніемъ существованія.

Все содержаніе существованія воспринимается сознаніемъ или въ образѣ непосредственнаго воспріятія, какъ ощущаемая матерія, или въ эмпирически-отвлеченномъ образѣ соображенія, какъ представляемое содержаніе, или же наконецъ, въ идеальномъ образѣ понятія, какъ живая и понятная дѣйствительность.

Соотвѣтственно симъ образамъ воспріятія, и самая мысль сознающаго субъекта осуществляется или въ сферѣ чувственныхъ ощущеній, или въ сферѣ отвлеченныхъ представленій, или въ конкретной сферѣ жизненныхъ понятій.

Въ болѣе знакомыхъ терминахъ, это самое выражается выраженіемъ, что сознающій субъектъ воспринимаетъ все ощущаемую, или чувственную матерію бытія непосредственно своими органами ощущенія, или поверхностною эпидермою существа своего, все представляемое эмпирически-отвлеченное содержаніе бытія — своею разсудочною способностью, или тѣмъ, что преимуще-

ственно называется его сообразительностью, его умомъ; и наконецъ, всю понятную сущность, или дѣйствительность бытія не иначе, какъ самымъ нутромъ, или всею цѣлостью существа своего, не только тѣмъ, чрезъ что онъ мыслитъ, но и существенно тѣмъ, чрезъ что онъ живетъ.

Можно очень многое и разнородное ощущать и представлять, ни мало при томъ неизмѣняясь въ существѣ своемъ; потому что, какъ ощущаемая матерія, такъ и представляемое содержаніе пребываютъ и по ихъ восприятіи внѣшними самому существу и касаются до него лишь совершенно поверхностнымъ, или же только отвлеченно-формальнымъ образомъ. Напротивъ то, что субъектъ *понялъ*, что стало его понятіемъ, то входитъ въ его плоть и кровь, вслѣдствіе чего, онъ находитъ въ своемъ существѣ нѣчто новое, чего онъ въ себѣ и не подозрѣвалъ прежде; тогда онъ сознаетъ себя самого совершенно другимъ, новымъ или обновленнымъ и переродившимся существомъ.

На этомъ собственно и основано извѣстное ученіе о второрожденіи.

Если бъ сознаніе субъекта было полнотою познанія, то и ощущаемая матерія, и представляемое содержаніе, и понимаемая сущность вещей были бы лишь различными образами воспріятія самой дѣйствительности, или дѣйствительнаго бытія. Но такъ какъ ни одинъ изъ эмпирически-существующихъ субъектовъ не обладаетъ всезнаніемъ, такъ какъ его наличное знаніе ограничено и объято со всѣхъ сторонъ его невѣжествомъ, то въ каждыми изъ его образовъ мышленія входитъ необходимымъ элементомъ и пустое нетѣлесственное мнѣніе, которому и въ сферѣ чистаго ощущенія, и въ сферѣ отвлеченнаго представленія, и въ жизненной сферѣ самаго понятія, очень нерѣдко и легко мнится вполнѣ дѣйствительнымъ вовсе не дѣйствительное, а только мнимое и совершенно призрачное бытіе.

Всѣмъ извѣстна возможность мнимыхъ ощущеній,

обманчивыхъ впечатлѣній и разнаго рода галлюцинацій, которыя нерѣдко случаются не только при болѣзни, но и при такомъ состояніи, которое трудно отличается отъ совершенно нормальнаго состоянія.

Въ области отвлеченнаго представленія, всѣ ложныя, или невѣрныя теоріи, принимая мнимо-научныя истины за дѣйствительныя — , показываютъ, какимъ образомъ мнѣніе заступаетъ мѣсто знанія, даже и въ отвлеченныхъ сферахъ науки.

По отсутствію или по недостатку дѣйствительнаго знанія, мнѣніе держится очень нерѣдко и въ собственной сферѣ дѣйствительнаго понятія, и пріемля изъ нея, если не самую сущность, то по крайней мѣрѣ весь внѣшній обликъ ея жизненныхъ проявленій, вступаетъ съ страстною силою и горячностью фанатизма, изувѣрства и всякаго рода лже-ученія, при которыхъ мнимая истина, воспринимаясь и выдаваясь за дѣйствительную, вторгается въ самую жизнь и извращаетъ ея содержаніе своими нестерпимыми требованіями и съ ней несообразными значеніями.

Если мнѣніе съ ея мнимымъ объективнымъ содержаніемъ, — непріятно уже и въ поверхностной сферѣ чувственныхъ ощущеній, если оно служитъ основаніемъ къ немаловажнымъ ошибкамъ и заблужденіямъ въ теоретической сферѣ отвлеченныхъ представленій, то оно ведетъ за собою фатальныя, бѣдственныя послѣдствія въ конкретной сферѣ дѣйствительныхъ понятій; потому что въ ней оно обладаетъ силою охватывать и волновать жизнь и ея дѣйствительность въ самой глубинѣ ея.

Чѣмъ глубже сфера, въ которой властвуетъ мнѣніе, тѣмъ упорнѣе оно держится въ ней и тѣмъ труднѣе оно исправляется, тѣмъ большаго требуется напряженія для устраненія его и тѣхъ нежелательныхъ или бѣдственныхъ послѣдствій, которыми оно сопровождается. Сознавая это, человѣкъ, послѣ многихъ опытовъ тѣхъ ошибокъ, тѣхъ горькихъ заблужденій и тѣхъ бѣдствій, въ которыя онъ повергается въ силу господства мнѣ-

нія, не только въ сферахъ конкретнаго понятія, но и въ сферахъ отвлеченнаго представленія, сталъ изъ предосторожности относиться съ большимъ недовѣріемъ ко всякаго рода теоретическимъ утвержденіямъ и въ особенности — къ утвержденіямъ умозрительнаго, или философскаго содержанія. Такъ что, при изложеніи какихъ либо научныхъ истинъ, вмѣсто всякаго возраженія достаточно сказать — это теорія, чтобы вызвать сомнѣніе въ дѣйствительности того, что излагается. Что же касается до ученія этики, эстетики или умозрительной истины, то стоитъ лишь обозвать оное — философіею, или метафизикою, чтобъ произнесть полный приговоръ въ его несостоятельности.

Изъ за страха подпасть подъ власть мнѣнія и принять его мнимые объекты, его призраки за самую дѣйствительность,—такъ какъ ни теоретическая сфера представленія, ни конкретная сфера понятій не обезпечены отъ ошибокъ и заблужденій мнѣнія, — современные умы, въ видѣ реакціи противъ прежнихъ увлеченій, стали относиться съ крайнимъ недовѣріемъ къ объектамъ теоретическихъ представленій и умозрительныхъ понятій и полагаться, если не исключительно, то всего болѣе на непосредственное свидѣтельство своихъ чувственныхъ воспріятій и ощущеній.

Что я вижу, слышу или осязаю, то меня не обманываетъ или, если и обманываетъ, то очень рѣдко и лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и притомъ, такой обманъ легко исправляется.

Что я соображаю — уже не такъ вѣрно и, представляя большую возможность всякаго рода неправильныхъ и невѣрныхъ заключеній, въ случаѣ ошибки или погрѣшности, исправляется гораздо труднѣе.

Что я понимаю умозрительно, то всего чаще оказывается сплошною ошибкою, сплошнымъ заблужденіемъ, которыя, если когда и исправляются, то развѣ только съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ силъ ума и жизни; ни такого рода ошибки, ни ихъ исправленія никогда

не обходятся даромъ, но нерѣдко оплачиваются всей цѣлостью жизни.

Въ силу такого недовѣрія къ данному теоріи и чистаго умозрѣнія, приходится, возложивъ всю вѣру свою исключительно на данныя непосредственнаго ощущенія, утверждать, что дѣйствительно *есть*, — что существуетъ не мнимымъ, но дѣйствительнымъ и несомнѣннымъ бытіемъ — только чувственно ощущаемое вещество, или вообще — только ощущаемая матерія, которая и служитъ основаніемъ для воззрѣнія матеріализма во всѣхъ видахъ его.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ мыслителей, излагая свое ученіе о логикѣ, нашелъ возможность усумниться даже въ реальности разстоянія, на томъ основаніи, что математическая прямая линія, не имѣя трехъ измѣреній, имѣетъ не реальное, а только гипотетическое бытіе. Отсюда, на томъ же основаніи и еще основательнѣе слѣдуетъ, что и предвѣчному смыслу всего бытія, который, какъ и жизнь, не имѣетъ никакихъ измѣреній и отнюдь не есть матерія, во всякомъ случаѣ, — не матерія чувственныхъ ощущеній, не должно приписывать реальное бытіе; такъ какъ онъ есть очевидно лишь продуктъ пустыхъ измышленій, безъ малѣйшей вещественной подкладки.

Увѣренность въ подлинной дѣйствительности всего, что ощущается, какъ вещество, какъ матеріальное бытіе, обращаясь въ твердую привычку, отзывается, во всей сферѣ мышленія, какъ его полная неспособность, и наконецъ, какъ совершенная невозможность признать за дѣйствительность истину умозрительнаго порядка.

Но, при нѣкоторомъ размышленіи, не смотря на привычку полагаться на непосредственное свидѣтельство чувствъ, оказывается, что бытіе и ощущаемая чувственная матерія — не тожественны и могутъ представляться врозь и независимо другъ отъ друга.

Такъ, для примѣра, можно указать, что вещи изъ прошедшаго, которыхъ уже нѣтъ, а также и вещи изъ будущаго, которыхъ еще нѣтъ, тѣмъ не менѣе, при

живомъ воспоминаніи или при горячей надеждѣ бываютъ, случается, до того ощутительны, что изъ-за нихъ совершенно забываются вещи настоящаго, которыя тутъ — на лицо, но не даютъ никакого ощущенія.

Затѣмъ, съ недавняго времени, такъ успѣшно изслѣдываемое состояніе гипноза даетъ возможность утверждать, что ощущаемая матеріи, при нѣкоторыхъ условіяхъ нервнаго аппарата и подъ вліяніемъ преобладающаго представленія, можетъ и вовсе не соотвѣтствовать реальной матеріи бытія; иначе было бы невозможно, чтобы гипнотикъ, напившись чернилами или какою, ощущалъ, что онъ пьетъ шампанское или кофе.

Это приводитъ на память и оживляетъ старинныя возраженія противъ достовѣрности ощущаемаго, почерпаемыя изъ того, что во снѣ, какъ всѣмъ извѣстно, ощущается — и иногда съ чрезвычайною ясностью и отчетливостью — предметы, обстоятельства и ихъ отношенія, которыхъ вовсе нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

А изъ этого очевидно слѣдуетъ, что, если съ одной стороны, можно видѣть, слышать и осязать вещи, которыхъ вовсе нѣтъ, если съ другой — , можно не видѣть, не слышать, не осязать вещей, которыя находятся на лицо, то ощущаемая матеріи и реальное бытіе вовсе не — одно и то же; — что какъ первое, такъ и второе могутъ обходиться другъ безъ друга, — что ощущаемое можетъ *не быть*, и вовсе неощущаемое можетъ *быть*.

Изъ тѣхъ пріемовъ и методовъ, къ которымъ люди прибѣгаютъ, чтобъ различить правдивыя ощущенія, имѣющія объектомъ нѣкоторое дѣйствительное бытіе, отъ ложныхъ ощущеній, имѣющихъ объектомъ лишь мнимое, несуществующее бытіе, можно увидѣть, что они состоятъ въ удостовѣреніи всеобщности и необходимости, или въ полной независимости даннаго ощущенія отъ субъективности ощущающаго и его частныхъ, особыхъ настроеній и расположеній.

Въ самомъ дѣлѣ, если данное ощущеніе — такого рода, что оно въ опредѣленной средѣ, при опредѣленныхъ

внѣшнихъ обстоятельствахъ и, какъ говорится, при полной памяти и въ здравомъ умѣ провѣряющихъ и свидѣтельствующихъ лицъ, непремѣнно и постоянно въ томъ же порядкѣ повторяется и, такъ сказать, насильственно каждому индивиду навязывается, безъ малѣйшаго съ его стороны на то произволенія, то нѣтъ никакого повода сомнѣваться, что это ощущеніе есть вѣрное указаніе и правдивое свидѣтельство о присутствіи нѣкотораго дѣйствительнаго бытія, которымъ оно производится, какъ его причиною.

Ощущать способно только живое существо; безъ жизни не можетъ быть никакого ощущенія. Въ себѣ самой, жизнь преисполнена своимъ произволеніемъ, которымъ въ ней и держится ея особое, ей присущее жизненное настроеніе. Если-бъ настроеніе жизни могло распространяться безпредѣльно, никогда, нигдѣ и ни въ чемъ не встрѣчая границъ, или предѣла своему распространенію, оно и пребывало бы въ немъ непрерывно само собою, — чистою безпредѣльностью своего самосознанія, и не вѣдало бы ничего другаго, никакого внѣшняго бытія.

Но, находя предѣлы свои, особое настроеніе жизни прерывается ими, и измѣняясь независимо отъ ея произволенія, становится ощущеніемъ другаго, отъ нея самой независимаго бытія, которое навязывается ея ощущенію не по ея произволу, но по необходимости, такъ-что она изъ себя ни произвесть, ни отмѣнить его не можетъ.

Вслѣдствіе сего, все, что находится или ощущается жизнью, внѣ сферы ея произволимаго самосознанія, какъ нѣчто другое, существующее и безъ нея, связывается въ ней съ сознаніемъ о его неотмѣнности, или о его необходимости.

А потому, если для жизни, въ сферѣ ея чувственныхъ ощущеній, ея ощущаемая матерія имѣетъ значеніе бытія, то только чрезъ сознаніе или чрезъ удостовѣреніе о его необходимости; и *есть* тѣлесительно,

какъ нѣкоторое, отъ самой жизни независимое отдѣльное, или вообще другое существованіе, не то, что ею какъ нибудь, но только то, что ею необходимымъ образомъ ощущается.

Изъ чего слѣдуетъ, что дѣйствительное значеніе бытія заключается не въ чувственности ощущаемой матеріи, не въ томъ, что она красная или бѣлая, звучная или беззвучная, горячая или холодная, пріятная или непріятная, а только въ томъ, что, не завися отъ произвола ощущающаго субъекта, представляется въ опредѣленіяхъ необходимости.

И такъ, необходимость оказывается не только признакомъ, но самымъ существомъ того, что есть бытіе, имѣющее реальное существованіе.

Въ сферѣ непосредственныхъ ощущеній, многое можетъ мерещиться, чудиться, имѣть чувственный обликъ бытія, но оно не можетъ быть признано за дѣйствительное бытіе, пока оно не засвидѣтельствовано какъ такое— его необходимостью.

Какъ указаніе на существованіе чего либо другаго, необходимость можетъ сказываться такою необходимостью только для какого либо единичнаго, особаго или исключительнаго случая; какъ напримѣръ, при желтухѣ, больному всѣ предметы сдаются желтыми, хотя они вовсе не желты для другихъ:—такая необходимость, какъ единичное исключеніе, какъ частный случай, и сама еще — случайна, и потому, еще не есть полная необходимость и не можетъ служить полнымъ ручательствомъ за дѣйствительность ею удостовѣряемаго бытія. Чтобъ быть полнымъ и во всякомъ случаѣ вполнѣ несомнѣннымъ ручательствомъ, она сверхъ того должна заключать въ себѣ и значеніе всеобщности, — т. е. являться необходимостью не только въ этомъ единичномъ случаѣ, но для всего, для всѣхъ, вездѣ и всегда.

Только то, что есть необходимымъ и всеобщимъ образомъ, есть безспорно и одинаково для всѣхъ—реальное, или дѣйствительное бытіе.

Такимъ образомъ, истинный критеріумъ бытія, по которому можно судить, есть ли ощущаемая матерія—дѣйствительное, или только мнимое бытіе, заключается вовсе не въ его чувственности, которая нерѣдко ощущается и при мнимомъ бытіи, а только въ его необходимости и всеобщности, которыми означается лишь дѣйствительно-сущее бытіе.

Но необходимое и всеобщее непосредственно не ощущается, а только познается; а потому, вступая въ сферу необходимаго и всеобщаго, сознаніе переходитъ изъ непосредственной сферы чувственнаго ощущенія въ сферу знанія, или въ сферу общихъ отвлеченныхъ представленій.

Только малолѣтнія дѣти или совсѣмъ несмышленые люди, не наученные опытомъ, полагаютъ дѣйствительность въ чувственно-ощущаемой поверхности, или внѣшней оболочкѣ существованія; люди, опытные и научившіеся отличать мнимое бытіе отъ бытія дѣйствительнаго, знаютъ, что дѣйствительность сокрыта отъ чувственныхъ взоровъ и таится въ глубинѣ существованія, въ которой она и познается только теоретически, при посредствѣ опыта и наблюденія.

Теоретически познаваемое бытіе есть теоретическое бытіе, очищенное отъ его ощущаемой чувственной оболочки; а потому, оно уже не ощущается, но представляется, какъ сущее всеобщее и необходимое, отличное отъ того, что непосредственно воспринималось ощущеніемъ.

Необходимое и всеобщее бытіе, въ силу самаго значенія своей необходимости и всеобщности, отдѣлясь отъ чувственной матеріи, или отъ самаго содержанія безчисленнаго множества случайныхъ и единичныхъ явленій, существованій или предметовъ, хотя и представляется какъ единый образъ, какъ неизмѣнный порядокъ, которому это чувственное содержаніе подчинено какъ своему закону, но никогда не совпадаетъ, а напротивъ, все болѣе и болѣе разъединяется съ нимъ; такъ какъ одно и многое, необходимое и случайное, всеобщее и единичное, по самому значенію своему, другъ съ другомъ - несов-

мѣстами и не могутъ слиться въ одномъ образѣ представленія.

Поэтому бытіе, воспринимаемое образомъ представленія, должно по необходимости двоиться и представляться или эмпирически, какъ содержаніе безъ образа, какъ случайное бытіе, или теоретически, какъ образъ безъ содержанія, какъ необходимое и всеобщее бытіе. Совершаясь постепенно, по мѣрѣ прибывающаго опыта и разстающаго знанія, это раздвоеніе представляемаго бытія выражается отложеніемъ съ одной стороны, всего, что непосредственно находится, какъ чувственная матерія, или какъ самое содержаніе безчисленнаго множества различныхъ явленій, а съ другой —, всего, что мыслится, какъ теоретически-отвлеченный образъ, непзмѣнный порядокъ, или законъ бытія. Чрезъ дальнѣйшія наблюденія и дальнѣйшія обобщенія, постоянно возрастая и увеличиваясь, это раздвоеніе достигаетъ наконецъ безпредѣльности и, отдѣляя, какъ непереходимая бездна, все чувственное содержаніе отъ мыслимаго образа бытія, не оставляетъ между ними ни малѣйшей возможности ни соприкосновенія, ни сближенія; такъ что обѣ стороны дѣлаются совершенно чуждыми и безотносительными другъ къ другу. Тутъ — идетъ эволюція, непостижимая толкотня ко всему безучастныхъ атомовъ, безполезная и въ концѣ концовъ никому ненужная борьба за существованіе, и представляется весь эмпиризмъ чувственно-ощущаемой матеріи, которая за безмѣрнымъ удаленіемъ, за полнымъ отсутствіемъ образа, сдается, по ея безобразности, лишь полнотою безобразія, лишь безотвѣтною матеріею пессимизма. Тамъ, — переходя отъ обобщенія къ обобщенію, отъ отвлеченности низшаго — къ отвлеченности высшаго порядка, чрезъ всѣ виды, роды, классы, чрезъ всѣ образы и системы природы, устанавливается во всей силѣ теоретизмъ высшаго, краснаго міровоззрѣнія, при которомъ всеобщій образъ міроваго бытія, за удаленіемъ изъ него всякой матеріи и всякаго содержанія, по его совершенной безсодержательности и отвлеченности,

сдается лишь безусловною пустотою и необъятнымъ призракомъ пустой, ничего не опредѣляющей, всеобщей необходимости; при чемъ и самый міръ, и вся дѣйствительность міроваго бытія оказываются, въ ихъ раздвоеніи на сплошную полноту матерьяльнаго безобразія и на чистую пустоту отвлеченной призрачности, лишь ни съ чѣмъ несообразною, дикою химерою хаоса и небытія.

Но, пока въ человѣкѣ не угасла послѣдняя искра его человѣческаго смысла, который въ немъ, разумѣясь самъ собою, разумѣетъ и самую дѣйствительность, онъ знаетъ, что бытіе не есть небытіе и не можетъ увѣровать ни въ дѣйствительность безобразія, ни въ дѣйствительность призрака, ни въ дѣйствительность столь двусмысленной и дикой химеры бытія; и потому, усматривая и сплошное безсмысліе чувственно ощущаемаго, и пустую призрачность отвлеченно-мыслимаго бытія, онъ обращается отъ нихъ къ дѣйствительности понятія, или къ понятной дѣйствительности, которая постигается не чрезъ раздвоеніе этихъ абстрактныхъ элементовъ или терминовъ бытія, а напротивъ, только въ ихъ живой нерѣлимости другъ съ другомъ, только въ жизни и въ смыслѣ ихъ взаимнаго, ихъ индивидуальнаго саморазумѣнія.

Абстрактное мышленіе, или разсудочная способность человѣка, какъ умственный ферментъ разложенія, разлагая дѣйствительное бытіе въ его абстрактные элементы, получаетъ съ одной стороны, чувственную матерію, какъ самое содержаніе существующаго міра съ безчисленнымъ множествомъ его разнородныхъ явленій; а съ другой —, отвлеченную теорію, какъ единый образъ, всеобщій порядокъ и необходимый законъ всего существованія: но и чувственная матерія и отвлеченная теорія суть именно только абстрактные продукты разложенія; въ дѣйствительности ихъ не существуетъ, ихъ нѣтъ, или же они въ ней вовсе не то, чѣмъ они представляются въ сферѣ эмпирически-теоретическаго представленія; они представляются разъединенными, а въ самой дѣйствительности,

они связаны жизненнымъ вниманіемъ въ нелѣлимое единство жизни, или смысла саморазумѣнія, въ которомъ то, что въ абстрактной сферѣ называлось явленіемъ, само разумѣетъ и понимаетъ себя въ присущемъ ему разумѣ; а этотъ самый разумъ, представляемый въ той же сферѣ лишь какъ абстрактный законъ, самъ же и осуществляется въ своемъ жизненномъ и вполнѣ разумномъ проявленіи.

Какъ дѣйствительное саморазумѣніе, какъ дѣйствительный синтезъ обоихъ терминовъ бытія, — и его ощущаемой чувственности и его мыслимой отвлеченности, — жизнь есть, въ одно и то же время и въ томъ же отношеніи, и свое реальное явленіе, и свой идеальный законъ, и все произволеніе единичности, и вся необходимость всеобщности бытія.

Связывая дѣйствительнымъ синтезомъ въ живую нелѣлимость (индивидуальность) тѣ термины бытія, которые распадаются, представляясь взаимно несовмѣстными для всѣхъ образовъ эмпирически-теоретическаго мышленія, жизнь тѣмъ самымъ и свидѣтельствуетъ, что она есть дѣйствительный, міровой образъ бытія, исполненный всею полнотою его міроваго, дѣйствительнаго содержанія.

А потому, въ сферѣ конкретнаго понятія, дѣйствительное, а умѣстѣ съ тѣмъ и единственно-понятное, смысломъ исполненное бытіе, приписывается только жизни, которая и есть самая дѣйствительность и весь смыслъ, и все бытіе дѣйствительности.

Жить собственно и значитъ — быть; о томъ же, что не имѣетъ, что лишено жизни, или что показается безжизненнымъ, хотя бы оно и мерещилось, ощущалось или представлялось сущимъ, нельзя по истинѣ говорить, что оно *есть*, а слѣдуетъ говорить, что его нѣтъ; потому что, и какъ абстракція чувственности, и какъ абстракція отвлеченности, оно есть лишь пустой призракъ, который мерещится по недоразумѣнію.

Весь міръ живетъ, весь міръ преисполненъ жизнью; но міровая жизнь, объятая чувственною стихіею разъе-

дѣнія, или разсѣянности, собираясь съ собою изъ безпредѣльности разсѣяннаго существованія къ вниманію и проявляясь въ условіяхъ времени и пространства, осуществляется въ безчисленномъ множествѣ различныхъ особыхъ существованій.

Каждое изъ этихъ существованій, по степени въ немъ осуществленнаго, или ему присущаго, наличнаго жизненнаго вниманія, осуществляетъ собою дѣйствительность бытія, или истину жизни, насколько она вмѣщается въ его особой природѣ, или въ томъ назначеніи, которымъ оно живетъ, которое и есть его особая, ему присущая жизнь. Какъ дѣйствительное существованіе оно, безъ сомнѣнія, въ силу самой необходимости, причастно своимъ существованіемъ и всему тому, что по тѣснотѣ его особаго жизненнаго назначенія не вмѣщается въ немъ; но этимъ другимъ въ немъ невмѣщаемымъ бытіемъ оно не живетъ, а только умираетъ и его смерть есть другая, имъ еще не обнимаемая сторона жизни, которая и сказывается ему, въ противуположность его жизненнаго, ему понятнаго назначенія, какъ темная и ему самому непонятная судьба его.

Начиная отъ низшаго и проходя чрезъ всѣ средніе до послѣдняго высшаго эмпирическаго существованія на землѣ, степень наличнаго вниманія каждаго изъ существъ постоянно возрастаетъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ расширяется и ихъ природа, или то особое опредѣленіе, то назначеніе, которымъ они живутъ. Каждое изъ выше стоящихъ существъ вмѣщаетъ въ себѣ и осуществляетъ собою и самую дѣйствительность, или истину бытія въ низшей мѣрѣ и въ высшемъ порядкѣ.

Эти различныя существованія осуществляемой, міровой дѣйствительности можно сравнить съ различными теоремами математики: каждая изъ нихъ, и при своей особенности, есть полная математическая истина и несомнѣнное выраженіе ея всеобщности и необходимости; но чрезъ это не отмѣняется различіе, въ силу котораго есть теоремы низшихъ — и есть теоремы высшихъ по-

рядковъ; каждая изъ нихъ, выражая собою одну и ту же математическую истину, выражаетъ опую не въ равной мѣрѣ; и хотя есть безспорно то, что можно назвать математическимъ смысломъ, или живою душою, одушевляющею каждую изъ теоремъ,—вслѣдствіе чего каждая изъ нихъ и есть математическое выраженіе,—но ни одна изъ нихъ не вмѣщаетъ въ себѣ всю цѣлость математики, ни одна изъ нихъ не есть вся дѣйствительность, — вся жизнь ея.

Изъ всѣхъ существъ на землѣ, человѣкъ осуществляетъ собою дѣйствительность міроваго бытія и міровой жизни въ ея высшей мѣрѣ; онъ есть въ ней какъ бы высшая ея теорема, и однако же, еще не послѣдняя и не та, за которою иныхъ теоремъ уже не можетъ быть.

Онъ *есть*, онъ живетъ болѣе, дѣйствительнѣе, полнѣе чѣмъ моря, чѣмъ горы, чѣмъ камни, чѣмъ растенія, чѣмъ животныя; потому что онъ въ себѣ самомъ разумѣетъ и знаетъ, что значитъ быть и жить дѣйствительнымъ образомъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ же самъ и знаетъ и разумѣетъ, что онъ въ себѣ не осуществляетъ этого образа во всей полнотѣ его, что и онъ, какъ все остальное и несовершенное въ мірѣ, умираетъ и имѣетъ судьбу свою, которая, хотя онъ уже считается съ нею, безбоязненно вматриваясь въ черты и въ очи ея, все же обступаетъ его, какъ нѣчто невѣдомое, непроницаемое и неизбѣжное.

А если дѣйствительность, или истина жизни еще и въ человѣкѣ осуществляется не въ полной мѣрѣ, если и онъ, который есть болѣе и дѣйствительнѣе чѣмъ все другое, что есть въ мірѣ, еще не вполнѣ *есть*, и при всей дѣйствительности своего бытія, еще объятъ, какъ и все другое, стихіею небытія и долженъ умирать; то, еслибъ человѣка считать крайнимъ предѣломъ дѣйствительнаго бытія и жизни, слѣдовало бы заключить, что самая дѣйствительность — дѣйствительна не вполнѣ, что сама истина — не вполнѣ истина; т. е. — что дѣй-

ствительность не есть дѣйствительность, что истина не есть истина.

Но, какъ говорилось въ старыхъ учебникахъ математики, сего допустить невозможно, понеже сіе есть нелѣпо; т. е. потому, что это несообразно со смысломъ, который разумѣется самъ собою въ человѣкѣ, какъ ему присущая и безспорная аксіома всего существованія и мышленія, отъ котораго онъ потому, пока мыслитъ и на сколько мыслитъ, отступиться не можетъ.

А такъ какъ, не отрѣшаясь отъ смысла, сообразности смысла съ истиною и истины съ смысломъ отрицать невозможно, то необходимо признать, что дѣйствительность, или истина есть вполнѣ истина и дѣйствительность, что она вмѣщаетъ въ себѣ жизнь во всей мѣрѣ ея, потому что вполнѣ дѣйствительное и истинное бытіе, не допускаетъ въ себѣ небытія ни въ малѣйшей мѣрѣ его.

Не впадая въ безсмысліе, человѣкъ не можетъ отступиться отъ смысла своего; а его смыслъ есть непосредственное утвержденіе несомнѣнности истины бытія Бога, такъ какъ вполнѣ согласно съ тѣмъ, чему учили Р. Декартъ, Ѳома Аквинатъ, Анселмъ Кентерберійскій, Августинъ, Аристотель, Платонъ, есть, разумѣется, никакъ не ложь, не заблужденіе, а только самая истина; но истина, которая *есть*, не можетъ быть иначе, какъ вполнѣ истиною, вполнѣ дѣйствительностью, вполнѣ жизнію; такъ какъ ея смысломъ, которымъ она разумѣется сама собою, изъ нея исключается всякій образъ небытія и всякое безобразіе безсмыслія. А потому, очевидно, она есть безусловный, предвѣчно-живой смыслъ, которымъ именуется Богомъ, и безъ котораго, если бы не было его, который именно и есть тотъ, кто есть, разумѣется, ни какимъ образомъ не могло бы быть никакого инаго конечнаго бытія, которое есть только не въ полной мѣрѣ и не всею полнотою истины.

Безъ совершенной дѣйствительности, ничто бы не совершалось и не было бы нигдѣ и ни въ чемъ никакой дѣйствительности, ни въ малѣйшей мѣрѣ ея.

Безусловная дѣйствительность, исполненная жизнью, или самою сущностью бытія, которою есть все, что сколько нибудь, что въ нѣкоторой мѣрѣ — дѣйствительно, и безъ которой ничто не могло бы быть, есть Богъ; онъ невидимъ, не ощущаемъ чувственнымъ, не представляемъ отвлеченнымъ, или теоретическимъ образомъ, но до того присущъ дѣйствительному мышленію, или конкретному понятію, что мыслить — значитъ вѣрить въ Бога, или утверждать его безусловную истинность всѣмъ существомъ своимъ; такъ какъ безъ Бога, безъ утвержденія его истины въ себѣ и собою, ни что либо понимать, ни что либо мыслить — невозможно.

Въ такъ называемомъ онтологическомъ или собственно въ космологическомъ доказательствѣ существованія Бога, онъ представляется, какъ сущая причина всего существующаго міра, или какъ то безусловное бытіе, безъ котораго не было бы никакого бытія.

Смыслъ этого доказательства заключается въ томъ, что, хотя безконечное бытіе не имѣетъ себѣ адекватнаго образа представленія, — такъ какъ ни одно изъ представленій его въ себѣ не вмѣщаетъ, а пытаясь вмѣстить утрачиваетъ ясность и впадаетъ въ безпредѣльную смуту, — тѣмъ не менѣе, мысль о безконечномъ бытіи, хотя и не въ образѣ представленія, навязывается мышленію не его произволеніемъ, но необходимостью, свидѣтельствующею, что эта мысль вызывается въ мыслящемъ субъектѣ отъ него независимо сущимъ бытіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если предположить, что не ощущаемаго и не представляемаго безконечнаго бытія вовсе нѣтъ, — не существуетъ, что оно лишь мерещится, какъ пустой призракъ субъективнаго помышленія, то изъ такого предположенія необходимо слѣдуетъ, что есть только конечное, только ограниченное существованіе, за предѣлами котораго нѣтъ ничего, или есть только ничто. Но ничто, ничего не опредѣляя, не можетъ ни быть, ни служить опредѣленіемъ, ни полагать чему нибудь предѣлы.

Если же, за эмпирическимъ существованіемъ міра, и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего другаго, или есть только ничто, то по очевидной невозможности находить предѣлы въ такомъ ничто, или въ томъ, чего нѣтъ, слѣдуетъ признать, что существующій міръ не есть предѣльный, или конечный, но совершенно безпредѣльный и безконечный міръ; а чрезъ это, безконечное бытіе, которое отвергалось, какъ внѣшнее, внѣ-міровое и всему существованію міра противорѣчащее представленіе, вторгается въ самое существо міра, какъ ему присущее и внутреннее опредѣленіе: такъ что, если не признавать дѣйствительность безконечности внѣ конечности, то опую приходится признавать въ самой конечности, которая потому, должна по необходимости сама собою и въ себѣ сказаться безконечнымъ бытіемъ.

Это сдается совершенно немыслимымъ и противорѣчивымъ со всѣми опредѣленіями и самымъ существомъ конечности. Но, хотя столь явная конечность міра конечнаго и не можетъ быть выдаваема за сущую безконечность, однако же — несомнѣнно, что онъ, изъ самой конечности своей, есть ничѣмъ неомрачаемая и никогда несмолкаемая посылка на то безконечное бытіе, которое есть и безконечно-близкое ему, даже одно съ нимъ, и безконечно далекое отъ него, безусловно другое, которое онъ ни какимъ образомъ ни ощутить, ни представить, ни усвоить себѣ не можетъ, но безъ котораго онъ не могъ бы быть и тѣмъ, что онъ есть.

Все, что въ мірѣ существуетъ, исполнено въ себѣ образомъ своего бытія, которымъ заложенъ въ немъ, какъ его особая природа, какъ его назначеніе, или опредѣленіе, осуществляемое имъ во всей цѣлости его существованія.

Этотъ опредѣляющій образъ бытія, собственная природа, или назначеніе каждаго существа, полагаются въ немъ тѣмъ прошедшимъ, изъ котораго оно и сталось именно этимъ опредѣленнымъ существомъ, съ такою, а не иною природою, и безъ котораго, не имѣя ника-

кого опредѣленія, оно бы не могло быть чѣмъ нибудь, — его бы не было вовсе.

Какъ каждое изъ особыхъ существъ, такъ точно и весь міръ, взятый въ своей міровой цѣлости, имѣетъ свое назначеніе, свой опредѣленный образъ бытія, или свою міровую природу. Природа міра есть предметъ изученія не только естествовѣденія, но и вообще всякой науки. И люди науки, — ученые знаютъ, что опредѣленія природы неизмѣнны и постоянны, что она, какъ въ цѣлости, такъ и въ малѣйшемъ изъ своихъ проявленій, всегда — вѣрна самой себѣ и, какъ была въ началѣ, такъ пребудетъ и до конца — всеобщимъ міровымъ правиломъ, недопускающимъ изъ себя никакого исключенія.

Исповѣдывая непреложность и неизмѣнность природы, какъ самое основаніе, на которомъ зиждется весь смыслъ научнаго знанія, ученые тѣмъ самымъ отвергаютъ всякое помышленіе о сверхъ-естественномъ и не допускаютъ въ сферѣ реальнаго существованія ни малѣйшей возможности для сбыточности чудесъ; потому что, все сверхестественное и всякое чудо были бы лишь отрицаніемъ той опредѣленной природы, которою міръ и есть то, что онъ есть.

Но за тѣмъ, такъ какъ природа, присущая міру какъ его назначеніе, или опредѣленіе, была отъ самаго начала міра, тою же самою неизмѣнною и опредѣленною природою, какова она и нынѣ есть и всегда пребудетъ, то именемъ же самой природы возникаетъ вопросъ, — откуда она взялась и что наложило на міръ ея неизмѣнное опредѣленіе?

Если бъ предъ міромъ, прежде чѣмъ прошло первое мгновеніе его существованія, прежде чѣмъ сложилось единое мгновеніе его нескончаемой будущности, несущей въ лонѣ своемъ всю судьбу его, было только ничто, то опредѣленная природа міра не могла бы статься; такъ какъ ничто, ничего не опредѣляя, не могло бы вложить въ міръ опредѣленія, котораго само не имѣетъ.

А потому, согласно съ наблюденіемъ, изъ котораго видно, что все существующее почерпаетъ природу свою,

или свое опредѣленіе, только изъ того прошедшаго, изъ котораго оно возникло, и безъ котораго оно бы не имѣло своего опредѣленія, необходимо заключить, что и предъ міромъ и предъ временемъ міра, или прежде всякаго времени, уже было безусловное прошедшее, которое не проходило, не совершалось, не становилось, — ибо не было никакого времени, — но своимъ безусловнымъ и мистическимъ образомъ сталось, прошло, свершилось въ вѣчности. Это вѣчно свершившееся и совершенное бытіе и есть Богъ, сущій и прежде и послѣ всякаго времени, который въ первѣйшій мигъ міроваго существованія исполнилъ оное ему присущимъ опредѣленіемъ, или его природою.

Поэтому, сомнѣваться въ существованіи Бога, значитъ — не вѣрить въ неизмѣнный образъ природы міра, которая есть единственный предметъ изученія для всей цѣлости науки и единственное основаніе, почему научное знаніе такъ упорно отвергаетъ не только сбыточность, но и самую возможность чудесъ и всего сверхъестественнаго.

Отвергать сверхъестественное, или чудеса, возможно только при несомнѣнности утвержденія, что Богъ своею божественною силою держитъ порядокъ міроваго бытія и не допускаетъ ни его нарушенія, ни его измѣненія.

Такимъ образомъ, какъ все конечное бытіе, такъ и все конечное знаніе есть, неизбѣжно себѣ самому, лишь непрерывная ссылка и указаніе на несомнѣнную истину безконечнаго бытія и вѣчнаго смысла его безусловнаго саморазумѣнія; и потому, если вообще есть что-либо дѣйствительно-сущее, истинное, твердое и несомнѣнное, то — единственно только вѣчное бытіе Бога, безусловный образъ котораго просвѣчиваетъ сквозь всѣ туманы разсѣянности, невѣжества, сомнѣній и недоразумѣній.

3. Наука и научное знаніе.

Отличительная черта современнаго направленія умовъ, выражаясь практически -общимъ расположеніемъ къ де-

мократизаціи, или къ всесторонпему устраненію всякаго рода общественныхъ особенностей и различій, отмѣчено сверхъ того и теоретически-преобладающею склонностью къ великимъ обобщеніямъ, изъ-за которыхъ всѣ вновь возникающія ученія и міровоззрѣнія, въ виду имѣющаго наступить всеобщаго объединенія, ревнуютъ другъ предъ другомъ не столько различеніемъ того, что смѣшивалось, сколько смѣшеніемъ того, что различалось. Вслѣдствіе чего, изъ міроваго содержанія вычеркиваются всѣ его отличительныя особенности и оно представляется лишь отвлеченнымъ, вполнѣ безразличнымъ, а потому, и вполнѣ безсодержательнымъ, пустымъ существованіемъ. Такъ какъ, гдѣ ничего не различается, тамъ ничего и не находится, тамъ — пустота.

Такимъ образомъ, въ силу установившагося ученія о происхожденіи родовъ и видовъ и о происхожденіи человѣка, поборники его настоятельно повторяютъ, что человѣкъ, происходя отъ животныхъ, имѣетъ съ ними одно общее начало; что все, чѣмъ онъ отъ нихъ до сихъ поръ отличался, — его разумность, его общественность, его знаніе, его религія, его вкусъ къ прекрасному, его нравственность, — не только не разъединяетъ его, какъ неотмѣнимая грань различія, но, напротивъ, соединяетъ и ставитъ его въ одинъ общій зоологическій рядъ съ ними; такъ какъ тщательно производимыя наблюденія и изслѣдованія показываютъ, что и у нихъ, какъ у него, находится и разумность, и общественность, и знаніе, и вкусъ, и несомнѣнные зачатки религіи, нравственности и даже институтовъ юриспруденціи.

А изъ сего слѣдуетъ, что человѣкъ есть животное, одаренное только лучшими средствами къ борьбѣ за существованіе; и соціологія, имѣющая своимъ предметомъ жизнь человѣческую въ ея интеллектуальныхъ и общественныхъ проявленіяхъ, есть не болѣе, какъ особый отдѣлъ одной, общей зоологіи.

Путемъ такихъ обобщеній можно прійти къ самымъ неожиданнымъ выводамъ. Какой бы высоты и глубины

ни достигало знаніе, не трудно показать, что оно начинается отъ невѣжества, отъ котораго оно, вначалѣ, не отличается ничѣмъ; а такъ какъ всякій конецъ есть лишь завершающее заключеніе своего начала, то разсуждая на этомъ основаніи, можно прійти къ заключенію, что полнота невѣжества и полнота знанія—совершенно тожественны и не представляютъ никакого существеннаго различія въ своемъ содержаніи.

Отвлеченныя обобщенія, которыми такъ превозносятся современныя теоріи, какъ уже давно извѣстно, производятся все тѣмъ же путемъ отрѣшенія отъ всякихъ различій и отъ всякаго содержанія; вслѣдствіе чего, они и достигаютъ полнаго единства всеобщей пустоты, при которой, разумѣется, и проявленіе самаго грубаго механизма, и проявленіе самаго глубокаго умозрѣнія должны оказаться вполнѣ тожественнымъ проявленіемъ той же самой силы; такъ какъ, за отсутствіемъ различаемаго содержанія, ни въ томъ, ни въ другомъ нечего различать и оба представляются лишь въ ихъ совершенной безразличности.

И безъ сомнѣнія, какъ крайнее невѣжество, такъ и высшее знаніе представляютъ собою одинаково лишь образы субъективности; какъ проявленіе механизма, такъ и проявленіе умозрѣнія суть одинаково лишь проявленія бытія, и при обобщеніи, конечно, всѣ различные образы субъективности суть выраженія одной и той же субъективности, всѣ различныя проявленія бытія — лишь проявленія той же самой сферы бытія; въ абстрактной общности, всѣ различія исчезаютъ сами собою, какъ не имѣющія въ себѣ никакого существеннаго значенія, и все представляется лишь одною и тою же безсодержательностью чистѣйшей пустоты.

Но, не слѣдовало бы забывать, что самыя сферы, какъ субъективности, такъ и бытія, суть безконечно-великія сферы; вслѣдствіе чего, ихъ крайнія выраженія или проявленія, какими являются съ одной стороны, невѣжество и механизмъ, а съ другой—, знаніе и умо-

зрѣніе, раздѣлены другъ отъ друга всею безконечностью и потому, представляютъ собою величайшее различіе, какое возможно помыслить.

Можно думать, конечно, что въ безконечно великомъ ряду всѣхъ образовъ субъективности или всѣхъ проявленій бытія, низшіе и высшіе образы, низшія и высшія проявленія непрерывно связаны другъ съ другомъ безчисленными, посредствующими членами; но такъ какъ ихъ безчисленности реальнымъ счетомъ никогда сосчитать невозможно, то низшіе и высшіе члены такого ряда должны по необходимости представляться не иначе, какъ раздѣленными другъ съ другомъ непроходимою бездною, или безконечно-великимъ различіемъ.

Не замѣчая безконечно великаго различія, которымъ вся цѣлость міроваго существованія раздѣлена во всѣхъ направленіяхъ въ необъятно-великій міръ, и останавливаясь тѣмъ охотнѣе на мелочахъ и подробностяхъ всякаго рода единичныхъ проявленій, люди ученые доходятъ нерѣдко до такой наивности, что изъ того, что слоны оказываютъ особое оживленіе и припадаютъ на колѣни при восходѣ солнца, которое, какъ извѣстно, радостно привѣтствуется не только слонами, но и большинствомъ дневныхъ животныхъ,— птицами, утками, курами; — изъ того, что животныя и птицы изукрашаются періодически, а бабочки и всякаго рода жуки (какъ и вареные раки) щеголяютъ постоянно различными придатками, наростами, рогами, перьями и особенно яркими цвѣтами, они заключаютъ со всею серьезностью научнаго, индуктивнаго метода, что животныя не лишены задатковъ религіи, что въ особенности религіозны — слоны, что они не лишены и эстетическаго вкуса, что въ особенности птицы отличаются своею эстетичностью.

Приписывая за тѣмъ животнымъ и задатки общественности и нравственности и, на основаніи нѣкоторыхъ ходячихъ анекдотовъ, даже вмѣняемость и отвѣтственность, эти самые ученые признаютъ, разумѣется, только количественное различіе между знаніемъ, обла-

даемымъ животными и человѣкомъ, и не видятъ, — во всякомъ случаѣ не признаютъ, — что между знаніемъ первыхъ и знаніемъ человѣка лежитъ неизгладимое, безконечно-великое различіе, въ силу котораго то и другое не имѣютъ между собою ничего общаго.

Всякая жизнь есть собственно двоиственный актъ вниманія, — во первыхъ, отъ себя ко всему другому, а во вторыхъ, изъ среды всего другаго къ себѣ. Поэтому, жизненная внимательность каждаго существа и выражается, проявляясь въ существованіи, какъ его жизненное сужденіе, въ которомъ оно изъ себя, или собою, судитъ все другое, и изъ среды всего другаго, или образами всего другаго, судитъ себя самое.

Различіе между своею природою и природою другаго, или между терминами жизненнаго сужденія каждаго существа, по степени его развитія, бываетъ и меньше и больше: величиною этого различія опредѣляется амплитуда, или розмахъ жизненнаго сужденія, и измѣряется объемъ, или ширина существованія каждаго существа: потому что, каждое существо живетъ лишь настолько, насколько хватаетъ его сужденіе, и лишь тѣмъ образомъ, какимъ оно судитъ въ состояніи.

Знаніе о другомъ и о себѣ, какимъ каждое изъ существъ обладаетъ, или можетъ обладать, заключается всегда въ предѣлахъ его жизненнаго сужденія и ни въ какомъ случаѣ не можетъ переступать его данную амплитуду: каждое изъ существъ можетъ знать лишь о томъ, что въ ней заключается и лишено всякой возможности знать, или судить о томъ, чего она собою не обнимаетъ.

Термины жизненнаго сужденія, въ предѣлахъ котораго каждое изъ существъ живетъ и обладаетъ знаніемъ, состоятъ другъ къ другу въ отношеніи *одного и другаго*, при чемъ самое существо, съ его особою природою, или особымъ образомъ бытія, и есть одно, т. е. одинъ терминъ сужденія, а второй его терминъ, или вообще другое, полагается тѣмъ другимъ, — тѣмъ веществомъ или тѣми существами, которыми это одно существо питается

и живетъ, которыя необходимы для его жизни и безъ которыхъ оно не могло бы жить.

Это другое, большимъ или меньшимъ различіемъ своей природы отъ природы самаго существа, опредѣляетъ амплитуду его жизненнаго сужденія, которая вслѣдствіе того, начиная отъ *безконечно малой*, — когда одно и другое, или оба термина сужденія, почти совпадаютъ другъ съ другомъ по ихъ безразличности, — переходитъ, постепенно возрастая и разширяясь, чрезъ всѣ опредѣленныя величины, соотвѣтственно съ возрастающимъ различіемъ между обоими терминами, и достигаетъ крайняго предѣла, обращаясь въ безконечно великую амплитуду, при которой оба термина сужденія, — *одно и другое* различаются уже безконечно-великимъ различіемъ такъ, что заключаютъ между собою безконечность; а то другое, о которомъ существо судитъ, и которымъ оно само судится, есть, по отношенію къ нему, уже не конечнымъ эмпирическимъ образомъ, не отчасти только, но безконечнымъ образомъ и безотносительно — его безусловно другое.

То другое, которымъ животныя питаются и живутъ, которымъ опредѣляется амплитуда или размахъ, достигаемые ихъ жизненнымъ сужденіемъ, есть, и при наибольшемъ различіи его природы отъ природы животнаго, лишь эмпирически опредѣленное другое; вслѣдствіе чего и самое сужденіе остается эмпирическимъ сужденіемъ, и его амплитуда измѣряется эмпирически, — конечною мѣрою.

А потому, и знаніе, возможное въ предѣлахъ такого сужденія, есть, по существу своему и по необходимости, только эмпирическое знаніе.

Зоологическія особенности, которыми различныя животныя, а въ томъ числѣ и человѣкъ, различаются, составляя ихъ видовыя и родовыя различія, заключаются существеннымъ образомъ въ эмпирическихъ опредѣленіяхъ ихъ организма и тѣхъ тѣлесныхъ, физическихъ

условій, при которыхъ они живутъ и могутъ жить, съ которыми ихъ существованіе связано необходимостью.

Этими же эмпирическими опредѣленіями опредѣлены и измѣрены цѣлость, объемъ, содержательность или самая амплитуда ихъ жизненнаго сужденія, — ихъ отношенія ко всему другому. Въ его предѣлахъ и на основаніи его эмпирическихъ, зоологически-опредѣляемыхъ данныхъ, развивается и то эмпирическое знаніе, какимъ и животныя, и люди вѣдаютъ о другомъ, соображая оное, — каждое по своему, — своимъ особымъ образомъ, имъ присущимъ смысломъ, или инстинктомъ ихъ индивидуальнаго, или родоваго самосохраненія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и животныя, и тѣмъ болѣе люди вполнѣ способны обладать очень обширнымъ, значительнымъ и чрезвычайно разнообразнымъ эмпирическимъ знаніемъ, которое, нерѣдко оказываясь притомъ и безошибочно вѣрнымъ, никогда однако ни на шагъ не переступаетъ за предѣлы того, что эмпирически касается до органическихъ потребностей животной жизни, по отношенію къ пищѣ, жилищу, размноженію и безопасности животнаго.

Все, что животному потребно для сохраненія, для развитія или для размноженія своего организма, оно знаетъ, а если не знаетъ, то — способно познать. Но, познавая все имъ познаваемое содержаніе единственно только по соображенію онаго съ своими органическими потребностями, оно вовсе не вѣдаетъ ни его другихъ отношеній, ни его другихъ значеній, — вообще ничего другаго, которое, не касаясь до его потребностей, для него какъ бы вовсе не существуетъ.

При соображеніи познаваемаго содержанія только съ тою или иною органическою потребностью познающаго, оно познается не по существу его, не въ его собственной природѣ, а, такъ сказать, только со стороны; вслѣдствіе чего, оно и получаетъ только сторонніе значенія и опредѣленія его пригодности и непригодности, пріятности или непріятности для того, кто такимъ сторон-

имъ образомъ познаетъ оное. Такъ кролик или курица познаются лисицею, какъ добыча, какъ очень пріятная пища; хотя ни кролик, ни курица сами отнюдь не считаютъ себя ни добычею, ни пищею и въ томъ, чтобъ быть имъ, не находятъ ни пригодности, ни пріятности.

Имѣя въ виду лишь удовлетвореніе органическихъ потребностей существа, и только ближайшее, чувственное содержаніе единичныхъ предметовъ, эмпирическое знаніе, хотя и различается по объему и содержанію своему, сообразно съ природою и степенью развитія познающаго существа, но, пребывая все тѣмъ же эмпирическимъ, строго практическимъ и всегда корыстнымъ знаніемъ, никогда не относится къ самой природѣ, къ самому разуму бытія, или къ сущности имъ познаваемаго содержанія; и, познавая оное исключительно съ одной стороны совершенно односторонним образомъ, не можетъ возвыситься до значенія теоретическаго и тѣмъ менѣе до значенія научнаго знанія.

Вслѣдствіе чего, ни одно изъ животныхъ не въ состояніи заглянуть въ глубь, за внѣшнюю, чувственную оболочку имъ познаваемаго содержанія и познать его другія, за нею скрытыя стороны и значенія.

Въ противоположность тѣсной ограниченности эмпирическаго знанія животныхъ, столь же эмпирическое знаніе человѣка отличается своею многосторонностью, которой съ сферъ существующаго, понимому, не положено никакихъ предѣловъ.

Человѣку доступны не только какая либо особая сторона, какой либо особый видъ, но вообще всѣ стороны, всѣ виды эмпирическаго знанія и, пользуясь имъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ какое либо изъ животныхъ, онъ, какъ будто, сосредоточиваетъ, въ своемъ человѣческомъ взглядѣ, всѣ ихъ разсѣянные взгляды на предметы, вещи, существа и все содержаніе существующаго міра.

Ничего изъ того, что видитъ, или знаютъ животныя,

не ускользаетъ отъ знанія человѣка, но сверхъ того онъ видитъ и знаетъ и то, что ни одно изъ животныхъ ни видѣть, ни знать не можетъ.

Изъ безчисленнаго множества различныхъ видовъ животной жизни, каждый особый видъ животнаго, внемлющій и воспринявъ въ свое назначеніе лишь одинъ особый, частный мотивъ изъ всеобщей гармоніи безпредѣльнаго, міроваго бытія, пребываетъ ему вѣрнымъ въ своемъ существованіи, но другихъ мотивовъ того же бытія не слышитъ и не вѣдаетъ.

Человѣкъ же, внемлющій изъ той же міровой гармоніи бытія, и воспринявъ въ свое человѣческое назначеніе не одинъ, а всѣ мотивы ея, и не только единичные мотивы въ ихъ особенности, но и самую цѣлость ихъ всеобщей гармоніи, слышитъ ее въ себѣ самомъ, какъ свой собственный — и какъ всеобщій міровой мотивъ бытія, который и сказывается ему, какъ его человѣческій инстинктъ, какъ смыслъ его саморазумѣнія.

Соединяя въ себѣ опредѣленія и физическаго вещества, и растенія, и животнаго, человѣкъ живетъ и физическою, и растительною, и животною жизнью; ему не чужды ни одно изъ ихъ жизненныхъ сужденій: но въ качествѣ человѣка, онъ питается и живетъ уже не эмпирическимъ содержаніемъ, уже не матеріею тѣхъ или другихъ эмпирическихъ существъ и предметовъ; его другое, съ которымъ онъ неразрывно связанъ своимъ жизненнымъ, человѣческимъ сужденіемъ, находится за предѣлами эмпирически-конечнаго существованія, и есть вовсе не то, что — видимо или осязаемо, но безусловно другое.

Какъ объективно сущая дѣйствительность субъективнаго смысла человѣческаго саморазумѣнія, какъ то, чѣмъ человѣкъ, въ качествѣ человѣка, живетъ и питается, чѣмъ онъ есть именно человѣкъ, а не животное это другое именуется истиною и не только — его истиною, но истиною всего міра, которая отъ его эмпирическаго существованія удалена въ безконечность; но по-

тому, и амплитуда, или размахъ его жизненнаго сужденія, которымъ онъ связанъ съ истиною, измѣряется только безконечностью.

А потому, человѣкъ не можетъ удовольствоваться имъ, на ряду съ животными, обладаемымъ эмпирическимъ знаніемъ: не довольствуясь знать всякое другое содержаніе существующаго міра, по его отношенію къ своимъ органическимъ потребностямъ, онъ стремится узнать оное по сущей правдѣ, по существу его, совершенно безкорыстнымъ образомъ, по соображенію онаго съ безусловною истиною, съ которою онъ соображаетъ и самого себя.

Изъ такого стремленія знать вещи, предметы, существо, всякое существующее содержаніе міра и себя самого не иначе, какъ по соображенію съ истиною, въ предѣлахъ безконечно-великаго человѣческаго сужденія, зачинается, образуется и развивается теоретическое знаніе, которое, переходя въ научное, впослѣдствіи и складывается въ науку.

Иначе, какъ въ предѣлахъ безконечно-великаго сужденія, которымъ человѣкъ неразрывно связанъ съ истиною, ни научное знаніе, ни наука и не могли бы сложиться.

Жизненное сужденіе, которымъ измѣряется существованіе животныхъ, и жизненное сужденіе, которымъ измѣряется существованіе человѣка, — одинаковы въ томъ отношеніи, что они стоятъ въ томъ же безконечно-великомъ ряду всѣхъ сужденій необъятно-великаго міра; но первое есть лишь эмпирически-конечное, зоологически-измѣряемое, а второе — безконечно-великое, зоологически-неизмѣряемое сужденіе; что и полагаетъ между тѣмъ и другимъ безконечное и несоизмѣримое различіе.

Въ предѣлахъ перваго, — возможно только эмпирическое, въ предѣлахъ втораго, — также и научное знаніе. И хотя знаніе эмпирическое и знаніе научное имѣютъ одно и то же общее значеніе знанія, однако между первымъ и вторымъ есть несоизмѣримое, безконечно-великое различіе, не допускающее между ними ни-

какого смѣшенія. Если же на такое различіе, именно по тому, что оно — безконечно, если на самую безконечность, которая есть дѣйствительное выраженіе жизни и самая сущность бытія, систематически не обращать никакого вниманія, то все содержаніе міра смѣшается въ общую безразличность отвлеченнаго, мертваго единства, и тогда придется по необходимости признать, и что слоны — религіозны, и что научное знаніе доступно, какъ людямъ, такъ и животнымъ.

Въ предѣлахъ жизненнаго безконечно-великаго сужденія человѣка, или въ сферѣ его неразрывнаго отношенія не къ тому, что онъ видитъ, слышитъ и осязаетъ, но именно къ тому, чего онъ не видитъ, не слышитъ и не осязаетъ, — къ тому, что есть безусловно другое, научное знаніе, въ самомъ началѣ, за недостаткомъ опыта и наблюденія, еще не имѣя своего положительнаго содержанія, проявляется, конечно, не въ научномъ образѣ, но въ образахъ почти безпредѣльнаго невѣжества, которые, подобно первичнымъ, семяпочкольнымъ листкамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ настоящими листьями растенія, выражаются лишь несвязнымъ лепетомъ и несообразнымъ строемъ совершенно ребяческаго воображенія. Но это воображеніе, уже отъ начала, — безмѣрно; ни чѣмъ не затрудняясь и объясняя по своему непонимую сущность міра, оно творитъ изъ себя самыя несообразныя теогоніи и космогоніи и, намѣчая ими только крайній предѣлъ безконечно-великаго человѣческаго сужденія, развертываетъ лишь канву, безъ которой не могла бы возникнуть дѣйствительность настоящаго научнаго и положительнаго знанія.

Ни съ чѣмъ несообразный, ребяческій бредъ о мірѣ и о его содержаніи предшествуетъ дѣйствительному знанію, которое бы не развилось и вовсе, если бы предварительно не было такого бреда.

Впослѣдствіи, съ возрастающею силою вниманія, съ уменьшеніемъ дѣтской разсѣянности, съ накопленіемъ опыта и тѣснаго рода наблюденія, ребяческій бредъ и

ленность человѣка съ его удивительными и причудливыми несообразностями, къ какимъ ни одно животное — неспособно, замѣняются знаками, болѣе соотвѣтствующими значенію тѣхъ вещей, предметовъ, отношеній и того содержанія, которое ими означается.

Этими первыми и вначалѣ еще очень рѣдкими знаками дѣйствительнаго знанія, человѣкъ, выступая изъ тьмы невѣжества, дорожитъ до того, что видитъ въ нихъ нѣчто чудесное; такъ какъ чрезъ нихъ онъ обладаетъ не только вещами и содержаніемъ, но и самою сущностью тѣхъ вещей и того содержанія, которыя они обозначаютъ: отсюда, при наивности первобытнаго ума, очень естественно имѣетъ съ первыми зачатками знанія, развиваются представленія и повѣрія о сверхъестественной силѣ, присущей знакамъ, о колдовствѣ, о чарахъ и магизмѣ, о безпредѣльномъ могуществѣ того, кто обладаетъ знаками знанія.

Но самый смыслъ такого суевѣрія, вызывая своимъ ребячествомъ улыбку серьезныхъ людей, находитъ у нихъ же и свое полное оправданіе, когда, отрѣшаясь отъ наивныхъ выраженій ребячества, обращается къ полноту сознанія о томъ, что знаніе есть дѣйствительная сила и могущество, которыми человѣкъ, подчиняя себѣ природу, дѣйствительно обладаетъ ея содержаніемъ и, пожалуй, — ея сущностью.

Постепенно и, смотря по обстоятельствамъ, благопріятствующимъ или не благопріятствующимъ развитію человѣческой жизни, то раньше, то позднѣе, изъ первыхъ знаковъ, признаковъ и призраковъ знанія складывается, какъ нѣкоторое ученіе, законченная система теоретическаго, или научнаго знанія, при которомъ человѣкъ, научаясь отличать свои заблужденія отъ истины, относится къ нимъ критически и, отклоняя ихъ, имѣетъ въ виду лишь дознаться до того критеріума, который бы далъ ему возможность всегда распознавать, что есть заблужденіе и что есть истина.

Въ раннюю эпоху развитія критическаго ума, кото-

римъ собственно и устанавливается наука, глубокое и невыразимое значеніе самой истины преобладаетъ въ сферѣ научнаго знанія, надъ имъ уже установленными, немногими и еще очень несовершенными знаками; означая собою лишь нѣкоторыя частныя и относительныя значенія существующаго содержанія, научные знаки знанія представляются важными и значительными не сами собою, а лишь по скольку ими указывается путь къ познанію того безконечнаго знака, которымъ бы выразилось все невыразимое значеніе самой истины.

Вслѣдствіе чего, научное знаніе отъ начальныхъ азовъ до его послѣдняго, въ недосягаемой высотѣ теряющагося заключенія, имѣло видъ нескончаемой, мистической лѣстницы, которая, воздымаясь снизу отъ земли, уходила вверхъ въ самыя небеса и, утопая въ ихъ бездонной глубинѣ, вела къ познанію безусловной истины: и прозрѣвающему уму казалось, ясно видѣлось, чутко слышалось, какъ по ступенямъ ея, обвѣваемымъ изъ самой безконечности мистическимъ духомъ жизни, восходили и нисходили ангелы, передавая другъ другу изъ рукъ въ руки залогъ вѣчной истины, которымъ доходилъ вплоть до послѣдняго дыханія на землѣ, и восходилъ вверхъ до предвѣчнаго смысла въ небесахъ.

Научаясь, подымаясь вверхъ со ступени на ступень, человѣкъ восходилъ по этой лѣстницѣ: неотразимая надежда — познать непознаваемое, обнять необъятное, манила его. Исполненный въ себѣ самомъ глубокимъ, субъективнымъ значеніемъ истины, онъ надѣялся силою постоянно возростающаго знанія познать и уразумѣть и ея объективно-сущій, безконечный знакъ, чрезъ который, освобождаясь отъ стихійной смуты невѣжества и призраковъ заблужденія, онъ будетъ обладать всею дѣйствительностію и непреходящею сущностью бытія.

Но за тѣмъ, первоначальное преобладаніе значенія научнаго знанія надъ его знаками измѣнилось въ обратное преобладаніе его знаковъ надъ его значеніемъ.

Количество, опредѣленность, точность, качество и со-

держательность положительныхъ знаковъ научнаго знанія, во всѣхъ сферахъ его, возрасли и умножились до такой степени, что за ихъ обиліемъ, за ихъ собственною значительностью, самое значеніе знанія, ради котораго и требовались его знаки, умалилось и стало какъ будто совсѣмъ забываться.

Какъ въ самую раннюю пору, при первомъ зарожденіи научнаго знанія, когда его начальнымъ знакомъ приписывалась чудесная, магическая сила, когда письмо и грамота считались волшебствомъ, такъ и нынѣ, въ позднѣйшее время, какъ будто съизнова воспроизводится старинное повѣрье или суевѣріе, въ силу котораго полагается, что научные знаки, научныя обобщенія и формулы—значительны сами собою и способны дать полное обладаніе всѣмъ дѣйствительнымъ содержаніемъ міра, ни мало не нуждаясь въ глубокомъ значеніи какой-то безусловной и никому невѣдомой истины.

Но, отрываясь отъ истины, которая есть самый смыслъ всей цѣлости научнаго знанія, оно обращается по необходимости въ нѣчто подобное довольно связной текущей рѣчи, обильной всякаго рода словами, предложеніями, сужденіями, выводами и заключеніями, которая однакожъ за отсутствіемъ и начала и конца ея, заключая собою всякаго рода содержаніе, не заключаетъ въ себѣ только самаго смысла.

Безъ своего дѣйствительнаго и существеннаго мотива, не бываетъ, да и не можетъ быть никакого движенія, никакого развитія, никакой жизни. — Такъ, еслибъ не стало солнца, ни тепла, ни свѣта его, то неминуемо бы прекратились всякое движеніе, всякое развитіе, всякій ростъ, и не стало бы ни растительной, ни животной жизни,—все бы замерло въ мертвенномъ оцѣпенѣніи.

Равнымъ образомъ не было бы и не могло бы быть и развитія научнаго знанія, еслибъ оно не двигалось его существующимъ мотивомъ, состоящимъ въ томъ, что человѣкъ, въ качествѣ человѣка, живя и питаясь только истиною, вынужденъ ему присущею необходимостью обра-

гить оную въ предметъ своего знанія. — т. е. выразить оную въ знакахъ науки.

Но такъ какъ научные знаки, происходя изъ опыта и наблюденія, по самому существу — только конечные знаки, то они и не въ состояніи выразить ея безконечное значеніе иначе, какъ нескончаемымъ и непрерывнымъ рядомъ, въ которомъ каждый конечный знакъ необходимо пополняется другимъ слѣдующимъ, а этотъ — опять другимъ; при чемъ научное знаніе не можетъ остановиться ни на одномъ изъ нихъ, но должно стремиться далѣе, чтобъ познавать другое, а за тѣмъ еще и еще другое, и такъ безъ конца, пока не дознается до того безусловнаго другаго, которое оно вездѣ ищетъ, но нигдѣ не находитъ.

Всякаго рода движеніе есть собственно переходъ отъ одного къ другому, отъ прежняго къ слѣдующему, отъ стараго извѣданнаго къ еще неизвѣданному новому.

Но, подобно тому, какъ въ обычномъ теченіи людской жизни, вмѣсто ожидаемаго другаго, новаго, постоянно находится лишь давно извѣданное старое и до тошноты утомительное, всѣмъ прискучившее одно и то же; такъ точно и въ поступательномъ развитіи положительнаго, научнаго знанія, въ его отрѣшеніи отъ его одушевившей истины, все вновь познаваемое содержаніе, хотя и кажется на первый взглядъ чѣмъ-то новымъ и другимъ, но, при нѣкоторомъ вниманіи и по существу, оказывается все тою же нескончаемою капителью одного и того же содержанія, — тою же матеріею, — тою же силою, или все тѣмъ же недоразумѣніемъ, которое уже давно извѣстно, къ которому ничего новаго, ничего другаго не прибавилось, которое все тѣмъ же порядкомъ, повторяясь въ безконечность, обманываетъ по прежнему всѣ ожиданія и наполняетъ тоску и скуку своимъ смертельнымъ однообразіемъ.

Какъ бы въ подтвержденіе скептицизма старческой мудрости, изрекшей возвѣстившей, что нѣтъ ничего новаго подъ луною, научное знаніе, утративъ свою вѣру въ без-

условную истину и не отважившись взглянуть прямо въ лицо ему предстоящаго противорѣчія, которое есть лишь формула самой безконечности міра, имѣющей въ одномъ изъ своихъ полюсовъ — матерію, механику и необходимость, а въ другомъ — весь смыслъ, жизнь и свободу бытія, не пытается сомкнуть эти термины міроваго, безконечнаго сужденія, не смѣетъ произнесть имя Бога, и потому толчется безъисходно на одномъ мѣстѣ и не выходитъ ни на шагъ изъ пустой безразличности однообразной и смертельно-скучной таутологіи: одно есть одно, другое есть другое, матерія есть матерія, сила есть сила, безсмысліе есть безсмысліе.

Изъ страха предъ умозрѣніемъ метафизики, изъ страха предъ знакомъ безконечности, который, отзываясь мистицизмомъ, представляется непримиримымъ противорѣчіемъ, возникло и развилось современное ученіе позитивизма, который, облекаясь въ достоинство философіи, учитъ во имя истины, что научное знаніе должно оторваться отъ значенія безусловной истины, что вмѣсто ней есть очень много относительныхъ истинъ, заслуживающихъ полнаго вниманія трезво размышляющаго человѣка. Въ духѣ позитивной философіи, онъ знаетъ очень положительно, что въ цѣломъ мірѣ, нигдѣ и ни въ чемъ не находится ни значенія, ни знака единой, безусловной истины, — что первое только напрасно измышляется, — что второй столь же напрасно ищется; - что самое вѣрное — и только, чтобы, не измышляя того, что нельзя найти, пребывать твердо на почвѣ положительнаго знанія и безъ всякихъ пустыхъ надеждъ, довольствоваться тѣмъ, что оно въ состояніи дать, — хотя бы и тѣмъ, что матерія есть матерія и больше ничего.

Невѣжество всего менѣе знаетъ о своей невѣжественности; ограниченность всего менѣе подозрѣваетъ о своей ограниченности, и тѣмъ болѣе склонна, обращаясь къ философіи, именемъ ея ставить геркулесовы столбы не только знанію, но и всей сферѣ мышленія; такъ какъ она вполнѣ убѣждена, что тамъ, за ея предѣлами, за

предѣлами ограниченности, начинается сфера непознаваемаго, которое ни до чего здѣсь не касается и не имѣетъ ни въ чемъ ни участія, ни дѣла: а потому и до него никто не долженъ ни касаться, ни имѣть какое либо дѣло.

При столь трезвомъ, яко бы философскомъ міровоззрѣніи, та безконечно-высокая лѣстница научнаго знанія, которая отъ земли возносилась въ небеса такъ, что ангелы сверху нисходили, а человѣкъ снизу восходилъ по ступенямъ ея, связывая небо и землю въ одну непрерывную жизнь, утративъ свою опору вверху, уже не могла держаться, но обрывалась, и сперва, только поникнулась, а потомъ, падая, пала на землю, и уже ни къ чему и ни куда не ведетъ: научному знанію не къ чему восходить, не куда возноситься: оно должно очень положительно оставаться все при томъ же, — при тѣхъ же знакахъ безъ ихъ значенія, — при той же матеріи безъ смысла.

Похваляясь великимъ богатствомъ, реализованнымъ въ знакахъ современнаго, научнаго знанія, позитивизмъ довольствуется имъ, вѣритъ въ его значительность и не вопрошаетъ о его значеніи; по его мнѣнію, задаваться вопросами — отчего, зачѣмъ, къ чему самое знаніе? есть лишь пустое, ни къ чему не ведущее, совершенно праздное любопытство.

При этомъ невольно вспоминается о скупцѣ, который, накопивъ несмѣтное богатство и не задавшись вопросомъ - къ чему и зачѣмъ оно? умираетъ при немъ съ голода, отъ истощенія.

Въ дѣйствительности, не смотря на чрезвычайную популярность и распространеніе позитивизма, онъ не есть однако самая наука, а только состоитъ при ней съ притязаніями наслѣдника вотъ умирающаго родственника, который, по его мнѣнію, обязанъ завѣщать ему свои богатства: но ихъ родство — дѣло сомнительное; да и къ тому же мнимо-умирающій, хотя и хандритъ, но вовсе

не думаетъ умирать и, по всему видно, хочетъ пережить своего мнимаго наслѣдника и его мнимыя притязанія.

Наука и научное знаніе — живы своею собственною, имъ присущею жизнью, а никакъ не мнѣніемъ и не ученіемъ позитивизма, который, облекаясь въ достоинство философіи, напрасно пытается отрѣшить науку и научное знаніе отъ самой истины, отъ жизни и смысла ея.

Еслибъ научное знаніе могло и въ самомъ дѣлѣ отрѣшиться отъ его одушевляющей безусловной истины и, не помышляя о ея безконечномъ знакѣ, довольствоваться лишь конечными знаками эмпирическихъ наукъ, какъ того требуетъ позитивизмъ, то оно бы неминуемо замерло: его движеніе и дальнѣйшее развитіе должны бы были прекратиться; и въ этой мертвенной недвижности, въ наслѣдіе позитивизму остались бы, какъ мертвыя останки и нѣмые свидѣтели его угасшей жизни, лишь разрозненныя, безсвязныя, чисто практическія свѣдѣнія, наставленія, или невѣдомо откуда взятые рецепты и правила для руководства въ безсмысленно-рутинномъ существованіи.

Очень практическое и полезное, какъ нѣкоторая дисциплина для соблюденія при научныхъ занятіяхъ, ученіе позитивизма, не касаясь ни единаго вопроса и не вѣдая дѣйствительнаго смысла философіи, не только не есть философія, но не представляетъ собою ничего, что бы давало ему право считаться какимъ либо особымъ міровоззрѣніемъ.

Такимъ же образомъ, и полицейскіе чины и служители, приставляемые для соблюденія и охраненія порядка, могутъ быть очень исправными въ дѣлѣ своемъ, и не имѣть ни малѣйшаго понятія, — зачѣмъ и къ чему требуется такой порядокъ. Но ихъ полезное служеніе тогда же часъ обращается въ невыносимый гнетъ, какъ скоро они возмечтаютъ въ своемъ невѣжествѣ, что самая жизнь должна служить цѣлямъ ими соблюдаемаго полицейскаго порядка, а не наоборотъ.

Нельзя не признать, что и жить въ обществѣ, безъ твердо охраняемаго порядка общежитія, и согласно-

вать развитію научнаго знанія, безъ строго же теперь соблюдаемой дисциплины занятій, — невозможно. Но еще невозможнѣе жить въ обществѣ единственно ради утвержденія полицейскаго порядка, или — познавать съ единственною цѣлью установленія научной дисциплины.

Какъ жизнь не можетъ умѣститься въ уставѣ благочинія, которымъ скорѣе ея отрицаніе, чѣмъ ея утвержденіе, такъ точно и научное знаніе не можетъ сузиться въ ограниченную мѣру дисциплинарныхъ правилъ позитивизма; потому что, не смотря на его очень положительныя требованія и очень практическія побужденія, научное знаніе, доколѣ оно живо, не можетъ отрѣшиться отъ смысла истины, а отрѣшаясь, оно необходимо замираетъ и уже не нуждается ни въ какой дисциплинѣ: для мертвыхъ не требуется никакой полиціи.

Знать научнымъ образомъ вовсе не значитъ знать положительнымъ, практическимъ или полезнымъ образомъ; такимъ образомъ знаютъ также и животныя, обладающіе не научнымъ, а только эмпирическимъ знаніемъ. Знать человѣческимъ, или научнымъ образомъ, значитъ знать истиннымъ образомъ, т. е. не по соображенію предмета, или познаваемаго содержанія, съ какими либо частными эмпирическими потребностями, цѣлями или пользами, не по соображенію съ какими либо случайными, условно-относительными образами бытія, а единственно по соображенію съ безусловнымъ образомъ сущей истины, безъ объективнаго бытія и безъ субъективнаго признанія которой не было бы и не могло бы быть научнаго знанія.

Научное знаніе, осуществляемое какъ наука, не есть философія, но касаясь философіи, какъ неодолимое и неутолимое стремленіе — познать истину, оно живетъ и дышетъ ея атмосферою, лишь въ предѣлахъ ея безконечно-великаго сужденія, и неминуемо бы задохнулось въ эмпирической тѣснотѣ конечныхъ сужденій позитивизма, строго воспрещающаго вдаваться въ метафизику и дышать въ области ея спекулативнаго мышленія, дыханіемъ самой жизни и безконечности.

Послѣдуя и изучая все, что ему представляется, какъ нѣчто другое, научное знаніе не можетъ остановиться ни на одномъ изъ его эмпирическихъ образовъ, находимыхъ имъ въ безпредѣльной экстенсивности разсѣяннаго мірового существованія, и неудержимо стремится къ познанію того безконечно-интенсивнаго образа, который какъ безусловно-другое, какъ безконечный знакъ всѣхъ значеній бытія и жизни, какъ послѣдній предѣлъ всѣхъ сужденій и всего знанія, и есть предѣльный смыслъ всего сущаго, именуемый Богомъ.

Какъ безъ солнца, не было бы никакого движенія, такъ безъ Бога, не было бы и не могло бы быть ни научнаго знанія, ни науки, ни ея развитія. Но научное знаніе, наука, съ ихъ движеніемъ и развитіемъ, являются безспорнымъ фактомъ, который проникаетъ и опредѣляетъ собою всю исторію человѣка. А потому, въ самой дѣйствительности научнаго знанія, имѣется фактическое, безспорное доказательство несомнѣнной истины и полной дѣйствительности существованія Бога.

4. Сравненіе различныхъ взглядовъ или точекъ зрѣнія научнаго знанія.

При спорахъ, какіе случаются по поводу различныхъ предметовъ, между лицами взирающими на нихъ не одинаковымъ образомъ, особенно замѣтно проявляется великое различіе между тѣмъ, какъ каждый изъ спорящихъ взираетъ на себя самого и на свои взгляды и тѣмъ, какъ онъ же взираетъ вообще на всякаго другого и на его взгляды.

О себѣ самомъ и о своемъ собственномъ взглядѣ каждый судитъ иначе, — вовсе не такъ, какъ онъ судитъ о другихъ лицахъ или предметахъ и о другихъ для него постороннихъ взглядахъ.

Взирая на себя самого, всякій находится въ сферѣ самосознанія и видитъ свое бытіе изъ его центра, — изъ истиннаго значенія, или смысла бытія; поэтому его

взглядъ на себя есть прямой, непосредственный взглядъ, при которомъ имъ усматриваемое, свое содержаніе не подлежитъ никакому извращенію перспективности: то, что въ немъ есть и какъ оно въ немъ есть, то самое и именно такъ, какъ оно есть, а не иначе, онъ безъобманно и видитъ. Въ глубокомъ тайникѣ субъективности, или самоотношенія, гдѣ самосознаніе находится непосредственно съ самимъ собою, нѣтъ ни мѣста, ни возможности для обмана, на подобіе тому, какъ и въ самомъ источникѣ свѣта нѣтъ ни мѣста, ни возможности для тѣни, которая бываетъ не въ томъ, что свѣтитъ, но лишь отъ того, что освѣщается.

Ежели не будетъ справедливо полагать, что сумасшествіе существеннымъ образомъ связано съ возможностью обманывать себя самого; потому что въ нормальномъ состояніи, обманывать себя въ себѣ самомъ — невозможно. Такъ какъ въ себѣ самомъ, разумѣясь самъ собою, какъ непосредственно сущая истина, великій есть непосредственное разоблаченіе всякаго обмана.

Правда, до нѣкоторой степени, своимъ произволеніемъ можно угасить въ себѣ самомъ присущій свѣтъ истины, и черезъ это—затемнить, омрачить себя; но тогда, начинается раздвоеніе въ себѣ существа своего, и въ немъ неминуемо возникаетъ сознаніе, что оно невѣрно самому себѣ и отходитъ отъ правды, по недостатку свѣта, въ силу напускной темноты; и тотчасъ является потребность вновь вернуться къ свѣту жизни, къ истинѣ саморазумѣнія, потерпѣвши въ себѣ никакого — и тѣмъ менѣе произвольнаго и напускнаго обмана.

Такимъ образомъ, по отношенію къ себѣ, безъ собственнаго произволенія, обманываться нельзя; всякій, если не хочетъ самъ себя обманывать, видитъ или можетъ видѣть въ себѣ самомъ, свою безобманную правду; потому что, взирая на самого себя, всякій видитъ себя въ свѣтѣ истины, подъ прямымъ лучомъ самой правды, которая, при этомъ, ни мало не зависитъ отъ высоты точки зрѣнія; она можетъ быть и ниже, и выше,

по лучь зрѣнія остается все тѣмъ же прямымъ лучомъ, и усматриваемая при немъ правда — все тою же неизмѣнною правдою.

Но все другое, все, что не онъ самъ, все стоящее въ сторонѣ и въ отдаленіи отъ взирающаго субъекта, усматривается имъ лишь въ сферѣ сознанія и ужъ не изъ самаго средоточія бытія, для котораго нѣтъ условій перспективности, но только съ внѣшней поверхности бытія и притомъ, въ полной зависимости отъ высоты его точки зрѣнія, въ болѣе или менѣе косвенныхъ лучахъ его воззрѣнія; вслѣдствіе чего, и усматриваемое имъ другое содержаніе представляется ему не прямо, не какъ оно есть въ себѣ и для себя, не такъ, какъ оно само собою разумѣется въ свѣтѣ и въ истинѣ своего бытія, не какъ сущій смыслъ, а только, какъ разумѣемое и соображаемое воззрѣніемъ на него другаго, только, какъ нѣкоторая матерія, только подъ условіями нѣкоторой перспективности, подъ косвенными лучами, отклоненными въ сторону того соображенія, или того воззрѣнія, которымъ оно соображается.

Рѣзкое различіе между воззрѣніемъ, взирающимъ на себя и тѣмъ же воззрѣніемъ, взирающимъ на другое, очень наглядно проявляется при сравненіи, какъ взаимно злобствующіе представляются изъ себя самимъ себѣ и какъ они же представляются со стороны, для другихъ. Для самихъ себя, они исполнены полною дѣйствительностью и высшимъ упоеніемъ бытія, для другихъ, они — лишь непростительно смѣшны.

Одно и то же содержаніе представляется до неузнаваемости различнымъ, подъ прямымъ лучомъ самосознанія, какъ свое содержаніе и усматриваемое въ косвенныхъ, нерѣдко надломанныхъ лучахъ сознанія, какъ постороннее, болѣе или менѣе далекое содержаніе.

За исключеніемъ себя самого, все другое, всякое иное содержаніе, соображаемое со стороны, соображается, какъ говорятъ, только односторонним образомъ, только съ нѣкоторой точки зрѣнія, которая, какъ она — ни

права въ самой себѣ, или по отношенію къ себѣ, — не достаточно права, по отношенію ко всему другому и нуждается въ высшемъ оправданіи.

Въ сферѣ самосознанія, по отношенію объективной вѣрности воззрѣнія на себя самого, высота точки зрѣнія не представляетъ существенной важности; отъ нея можетъ зависѣть степень смутности или ясности, съ какою усматривается правда, или истина своего саморазумѣнія; но самая правда, или истина его пребываетъ все тою же правдою, все тою же истиною, съ какой бы высоты она ни усматривалась, и исказиться ни чѣмъ не можетъ. Въ сферѣ самосознанія, въ которой бытіе усматривается непосредственно прямо, изъ самаго центра его, нѣтъ и не можетъ быть условій перспективности, или уклоненія лучей зрѣнія въ сторону: въ ней соображающій и соображаемое — одно и то же.

Въ сферѣ сознанія, напротивъ, въ отношеніи къ объективной вѣрности воззрѣнія на другое, высота точки зрѣнія есть дѣло чрезвычайной важности; такъ какъ въ зависимости отъ нея измѣняются условія перспективности, отчего объектъ воззрѣнія получаетъ иной видъ, иной образъ.

Хотя перспективность, о которой здѣсь говорится, есть, какъ сравнительный терминъ, только умственная перспективность представляемаго содержанія, а не оптическая — видимыхъ предметовъ; но между первою и второю, какъ и между воззрѣніемъ и зрѣніемъ, существуетъ столь полная аналогія, что выраженія, имѣющія въ виду только оптическую сферу зрѣнія, вполнѣ пригодны для обозначенія, или для объясненія условій, имѣющихъ мѣсто въ умственной сферѣ воззрѣнія, и потому, могутъ быть къ ней примѣняемы безъ опасенія какихъ либо недоразумѣній.

Съ увеличеніемъ круга сознанія и по мѣрѣ соотвѣтственнаго возвышенія точки зрѣнія соображающаго взгляда, косвенность лучей его воззрѣнія уменьшается, а съ тѣмъ вмѣстѣ и усматриваемые съ нея различные предметы,

усматриваясь прямѣе, выпрямляются предъ взглядомъ и кажутся не въ столь наклонномъ, не въ столь надломанномъ образѣ, — менѣе зависимыми отъ того другаго образа, которымъ они соображаются и болѣе близкими къ тому дѣйствительному образу, въ которомъ они являются для самихъ себя.

А потому, по мѣрѣ того, какъ предметъ воззрѣнія, въ силу возвышенія точки зрѣнія, съ которой на него взираютъ, освобождается отъ стороняго элемента, который ему приписывается взглядомъ на него со стороны, при условіяхъ перспективности, онъ становится все болѣе похожимъ на самого себя и болѣе близкимъ къ тому, что онъ есть дѣйствительно.

Но за тѣмъ, какой бы высоты ни достигала точка зрѣнія даннаго взгляда, изъ нея усматриваемые предметы усматриваются все же не иначе, какъ въ условіяхъ перспективности косвенныхъ лучей, которая, хотя и уменьшается, но вполнѣ не уничтожается; а потому, и усматриваемые при ея условіяхъ предметы усматриваются не прямо, а только со стороны,—не такъ, какъ усматривающій усматриваетъ самого себя, а только, какъ онъ усматриваетъ нѣчто другое, болѣе или менѣе отъ него удаленное, для него постороннимъ, лишь косвенно на него падающимъ лучомъ воззрѣнія или соображенія; въ силу чего, это усматриваемое нѣчто, - какой либо предметъ, какое либо содержаніе, – соотвѣтственно съ высотою данной точки зрѣнія, а также и съ удаленіемъ его отъ того, кто смотритъ, усматривается имъ не такъ, какъ оно есть, а только болѣе или менѣе наклоненнымъ въ сторону соображенія, болѣе или менѣе сломаннымъ, или искаженнымъ въ косвенномъ лучѣ стороняго представленія.

Этимъ собственно и объясняется, почему содержаніе міра представляется большинству людей только нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ все той же матеріи; — почему матерьялизмъ, не смотря на всѣ ученія и философіи, является все же господствующимъ міровоззрѣніемъ.

Если на все существующее содержаніе міра смотрѣть только со стороны, хотя бы и самымъ научнымъ и современнымъ образомъ, то кромѣ матеріи въ немъ трудно и едва ли возможно увидѣть что другое.

Въ критикѣ чистаго разума, Э. Кантъ могъ съ полнымъ правомъ утверждать, что мы познаемъ нами познаваемые предметы, не какъ они суть сами для себя, а только, какъ они намъ представляются сквозь призму нашего представленія, — болѣе или менѣе сломанными тѣмъ посторонним соображеніемъ, которымъ мы соображаемъ ихъ.

Но преломленіе лучей познанія имѣетъ мѣсто лишь въ сферѣ сознанія, или только въ средѣ другаго; въ сферѣ же самосознанія, или отношенія къ себѣ самому, такого преломленія нѣтъ и не можетъ быть. Не-косвенные, прямые лучи, въ какую бы среду они ни входили, не ломятся, но пребываютъ прямыми.

Помимо того, что въ сферѣ самосознанія, нѣтъ преломляющей другой среды для познающаго субъекта, онъ въ ней относится къ себѣ не косвенно, со стороны, но непосредственно прямо, не какъ къ постороннему предмету, а какъ къ самому смыслу своего саморазумѣнія, который, какъ самобытная ясность, объясняетъ, судитъ и познаетъ все сущее въ мірѣ, и есть единственный критеріумъ всякаго содержанія.

Обобщая свое ученіе о призрачности знанія и философіи и утверждая, что субъектъ, по несообразности его природы съ природою объекта, не имѣетъ дѣйствительнаго знанія, не только въ внѣшней сферѣ сознанія о сущности другаго, но также и въ внутренней сферѣ самосознанія о сущности своего смысла, о томъ, что онъ есть самъ въ себѣ самомъ, Э. Кантъ тѣмъ самымъ отрицаетъ самый смыслъ знанія и самъ лишаетъ себя всякаго права и всякой возможности судить о томъ, что субъектъ можетъ и что не можетъ знать; такъ какъ, за отрицаніемъ самаго смысла саморазумѣнія, сужденія и

знанія, приходится судить лишь на основаніи безсмыслія; а такое сужденіе — не убѣдительно и не обязательно.

То, что здѣсь, сравнительно или образно именуется косвенностью лучей, или перспективностью воззрѣнія, выражается въ научно-философствующей сферѣ чрезъ терминъ субъективности, который противополагается объективности и отъ котораго научнымъ міровоззрѣніемъ требуется возможно полное отрѣшеніе для того, чтобъ предметъ воззрѣнія представлялся познанію въ наибольшей объективности.

Но въ противоположность старинымъ схоластическидогматическимъ ученіямъ, при которыхъ подъ объективностью разумѣлась наибольшая отвлеченность предмета, выражаемая, какъ его сущность, причинность, какъ его родовое понятіе или какъ законъ и общій порядокъ бытія, въ современныхъ ученіяхъ, подъ вліяніемъ позитивизма, то, что разумѣется подъ объективностью предмета, совпадаетъ почти вполнѣ съ тѣмъ, какъ онъ непосредственно находится, или ощущается въ его чувственномъ воспріятіи.

Давая преимущество чувственному воспріятію предъ воспріятіемъ въ отвлеченныхъ образахъ представленія, современные мыслители, какъ бы намѣренно, не видятъ, что первое, по природѣ своей, — субъективно, если не болѣе, то ужъ никакъ не менѣе втораго, которое ужъ въ силу своей общности, хотя бы отвлеченной, все же ближе къ объекту и къ природѣ его, чѣмъ наиполнѣйшее чувственное ощущеніе.

Во всякомъ случаѣ, мысль современныхъ позитивистовъ и продолжателей ученія О. Конта и нео-кантіанцевъ, вращаясь безплодно отъ отвлеченности къ чувственности предмета и обратно — отъ его чувственности къ его отвлеченности, хватаетъ и тутъ и тамъ лишь абстрактныя тѣни его и не въ состояніи усвоить себѣ его конкретнаго понятія, или его дѣйствительности, которая остается неуловимою и недоступною, какъ для абстракціи нео-реалистовъ, сторонниковъ пустой отвлеченности

ности, такъ и для абстракціи нео-номиналистовъ, сторонниковъ **силошной чувственности.**

Съ очень высокой точки зрѣнія, ближайшіе къ субъекту предметы усматриваются имъ, если и не вполнѣ, то приблизительно прямо, почти какъ они сами себя усматриваютъ или какъ они суть сами въ себѣ.

Но, чѣмъ выше точка зрѣнія, тѣмъ шире и видимый горизонтъ поля зрѣнія; и дальнѣйшіе, на немъ усматриваемые предметы усматриваются, очень замѣтнымъ образомъ, лишь въ косвенныхъ лучахъ для нихъ совершенно посторонняго воззрѣнія. И чѣмъ предметы стоятъ дальше, тѣмъ и эта косвенность и зависящая отъ нея перспективность, или субъективность, какъ бы сказали представители научности, становятся и больше, и сильнѣе.

Съ возвышеніемъ точки зрѣнія, съ которой взираютъ на содержаніе міра, безъ сомнѣнія, и косвенность лучей, и перспективность воззрѣнія, съ происходящими отъ того неправильностями, искаженіями и заблужденіями, уменьшаются. Но, какъ бы ни была высока точка зрѣнія, пока высота ея есть лишь опредѣленная, измѣримая, или конечная высота, она не можетъ избавиться отъ ей присущей погрѣшности непрямаго, а только косвеннаго и стороннаго взгляда.

И между наиболѣе возвышенными точками зрѣнія, при ихъ конечной, эмпирически-измѣримой высотѣ, нѣтъ и не можетъ быть такой, съ которой бы міровое содержаніе могло усматриваться во всей его истинѣ, не такъ какъ оно представляется, а какъ оно есть само въ себѣ.

Для того же, чтобы всѣ предметы, наполняющіе міръ и составляющіе его необъятное міровое содержаніе, усматривались не наклонно къ какому либо, хотя и очень возвышенному, но все же лишь частному и конечному соображенію, а совершенно прямо, какъ они стоятъ сами для себя, или предъ собою, во всей ихъ дѣйствительности, или истинѣ, точка зрѣнія, изъ которой они усматриваются, должна быть не безконечно-великой, эмпирически неизмѣримой высотѣ, съ которой всѣ лучи воз-

зрѣнія, исходя параллельно, падаютъ на всѣ предметы, въ каждой точкѣ необозримаго міроваго горизонта, одинаково прямо и именно такъ, какъ каждый отдѣльный атомъ, или мигъ бытія и существованія самъ въ себѣ знаетъ себя и взираетъ на себя, безобманно, въ совершенной независимости отъ всякаго рода косвенныхъ и сторонніхъ соображеній, отъ всякой ломки и извращенія со стороны перспективности, или субъективности частныхъ, сторонніхъ воззрѣній, въ свободной атмосферѣ безусловной всеобщности, въ себѣ самомъ, или въ самомъ смыслѣ своего саморазумѣнія — sub specie aeternitatis.

Существующихъ различныхъ взглядовъ на содержаніе міра — въ мірѣ безчисленное множество; и каждый изъ такихъ взглядовъ есть одинъ изъ существующихъ образовъ міроваго бытія; міръ преисполненъ и самъ взираетъ на себя, на свое содержаніе безчисленными милліонами своихъ взглядовъ, а потому, и предстоитъ, являясь себѣ самому, въ безчисленныхъ милліонахъ своихъ образовъ бытія. И если бы въ мірѣ не существовало ни единаго изъ существующихъ взглядовъ на себя, то онъ не имѣлъ бы ни единаго изъ своихъ образовъ бытія, то его бы не было ни какимъ образомъ, онъ не имѣлъ бы ни какого существованія.

Но міръ существуетъ и, хотя между безчисленными милліонами въ немъ существующихъ, различныхъ взглядовъ въ немъ есть также и тотъ, при которомъ все его содержаніе усматривается лишь въ образѣ нескончаемой борьбы за существованіе, которая неизбѣжнымъ порядкомъ, въ силу господствующей въ мірѣ роковой необходимости, неослабно ведется всѣми, противъ всѣхъ, и при неумолкаемомъ кликѣ, — горе слабымъ и побѣжденнымъ! — лишаетъ ихъ мѣста, свѣта, воздуха и всякой возможности жить; однако этимъ однимъ изъ безчисленнаго множества всѣхъ прочихъ конечныхъ взглядовъ никакъ не исключается и тотъ, при которомъ, напротивъ, рисуется очевидно, что весь міръ, какъ до края,

какъ черезъ край полная чаша, преисполнень жизнью, что небеса и земля объяты ея жизненнымъ дыханіемъ и, какъ многострунная арфа, отзываются ея безконечностью, при которой нѣтъ никакой тѣсноты и не можетъ быть недостатка въ мѣстѣ: такъ какъ въ ней и самое необъятное содержаніе можетъ безъ усилія, безъ малѣйшаго стѣсненія развиваться вполнѣ свободнымъ порядкомъ; — такъ какъ въ ней безбрежныя океанъ и моря съ ихъ водною глубиною, и воздушныя пространства атмосферы, и сушь земная съ ея пустынями, равнинами, горами, лѣсами, съ ихъ наполняющими безчисленными обитателями живутъ въ безграничномъ просторѣ, ни чѣмъ не стѣсняясь, въ полную мѣру имъ присущей жизни; — такъ какъ въ ней живутъ не только ея крупные и сильные представители, но наравнѣ съ сильнѣйшими и наиболѣе приспособленными изъ нихъ, — и самые слабые, и самые ничтожные; — живетъ равноправно и малѣйшая былинка міроваго бытія, живетъ во всю душу свою, какъ сама знаетъ и хочетъ, ничего не вѣдая о той необходимости, которую ей навязываютъ научные взгляды мыслителей, взирающихъ на эту былинку, какъ и на весь міръ съ высоты своей научной точки зрѣнія. Они усматриваютъ необходимость, или эту тѣсноту міроваго существованія именно потому, что она стѣсняетъ ихъ сознаніе однимъ изъ тѣхъ частныхъ и конечныхъ соображеній, каковыхъ въ мірѣ есть безчисленное множество.

Но ни одинъ изъ сихъ взглядовъ не въ силахъ ни связать, ни стѣснить самой дѣйствительности тѣсною своего частнаго соображенія; потому что надъ всѣми частностями такихъ соображеній и ихъ тѣснотою, есть высшее, безусловно всеобщее соображеніе: своимъ безконечнымъ образомъ, который разумѣется самъ собою какъ истина безусловная, оно полагаетъ и творитъ въ мірѣ не необходимость и не тѣсноту, но свободу и безграничный просторъ бытія.

Весь міръ, въ малѣйшей единичности и во всей всеобщности своего необъятнаго бытія, есть, живетъ и ды-

иметъ дыханіемъ безконечности и безусловно свободенъ въ каждомъ изъ своихъ проявленій; потому что изъ высоты безконечной, Богъ взираетъ на него—не частнымъ, конечнымъ соображеніемъ, но предвѣчнымъ смысломъ своего божественнаго саморазумѣнія.

5. Религія, какъ заключительный синтезъ познавательнаго сужденія, по ученію О. Конта.

Позитивная философія О. Конта, излагая систематически въ іерархическомъ порядкѣ послѣдовательное развитіе наукъ, или научнаго знанія, хотя и не доводитъ это развитіе до его логически-необходимаго заключенія, представляетъ тѣмъ не менѣе въ сферѣ философіи, вполнѣ осмысленное основаніе для правильнаго пониманія, какимъ образомъ научное знаніе, постепенно осуществляясь, обращается въ науки, не только въ историческомъ, но и въ логическомъ порядкѣ ихъ развитія и зависимости другъ отъ друга.

Что либо знать — значитъ нѣкоторымъ образомъ о чемъ либо судить; поэтому, всякаго рода знаніе, — правильное или неправильное, — полное или неполное, предполагаетъ собою нѣкоторое сужденіе. То, о чемъ судится, находится, или различается ощущеніемъ (чувственнымъ воспріятіемъ) какъ нѣкоторое содержаніе, выдѣленное имъ изъ всего другаго, какъ нѣчто ощущаемое, или нѣчто существующее, различаемое имъ изъ внѣшней среды общаго бытія. Тотъ образъ, или та отмѣтка, какими это выдѣленное и различенное содержаніе бытія воспринимается, или отмѣчается въ сознаніи, есть вообще нѣкоторый образъ мышленія, или нѣкоторая мысль.

Изъ всего, что есть, что существуетъ, нѣчто находится сперва какъ нѣчто ощущаемое, въ ощущеніи; потомъ оно мыслится, какъ нѣчто мыслимое, въ мышленіи; образъ мышленія предваряется содержаніемъ, или матеріею ощущенія; а потому, и говорятъ: nihil est in mente

quod non fuerit in sensu, т. е., что въ сознаніи, въ мышленіи нѣтъ ничего, что не было прежде въ ощущеніи.

Но, говоря это, обыкновенно забываютъ, что ощущеніе, или чувственное воспріятіе, есть лишь первѣйшее соприкосновеніе мышленія къ тому, что оно же само различаетъ отъ себя и полагаетъ внѣшнимъ, какъ свое другое. При отсутствіи мышленія, все бы оставалось безразличнымъ и не могло бы состояться никакого ощущенія; такъ какъ самое мышленіе и есть то дѣйствующее начало, которое во первыхъ, различаетъ одно отъ другого, мыслимое отъ ощущаемаго, и потомъ, сличаетъ ихъ другъ съ другомъ, соображаетъ ощущаемое содержаніе къ единству съ его мыслимымъ образомъ.

Различеніемъ одного отъ другого дается самая канва для образованія сужденія: ихъ сличеніе, или соображеніе другъ съ другомъ есть путь къ знанію, или самый процессъ познаванія; а ихъ сличенное или соображенное единство, ихъ состоявшійся синтезъ есть состоявшееся знаніе.

Въ образъ, которымъ одно и другое соображаются другъ съ другомъ, по недостатку критики, могутъ входить и элементы невѣжества, — всякаго рода несообразности, предразсудки, суевѣрія и проч. — вслѣдствіе чего, и сложившееся знаніе, хотя и есть уже знаніе по формѣ, но по существу, можетъ оказаться чистѣйшимъ предразсудкомъ или полнѣйшимъ невѣжествомъ.

Но, какъ скоро критика, принимая участіе въ самомъ образѣ соображенія одного съ другимъ, устраняетъ изъ него, или стремится устранить, всѣ ему посторонніе элементы и очищаетъ оное отъ естественной примѣси всякаго рода несообразностей, то изъ критически-очищеннаго соображенія образуется научное знаніе, изъ котораго постепенно складывается наука.

Элементарное сужденіе, безъ котораго не могло бы быть знанія, развивается изъ вниманія, присущаго всякой жизни, есть вообще лишь отношеніе одного къ другому, которыя сначала, въ сферахъ, гдѣ разсѣянность еще пре-

обладаетъ надъ силою вниманія, не только не различаются, но скорѣе сливаются другъ съ другомъ въ безразлично-стихійномъ единствѣ: въ безразличномъ, чисто стихійномъ сліяніи одного съ другимъ, если между ними и есть какое сужденіе, то развѣ только совершенно стихійное, — механическое, химическое и много что растительное, или безпредметное, которымъ растеніе, вѣдаясь съ древними стихіями міра,—съ огнемъ (тепломъ и свѣтомъ), съ водою, съ воздухомъ и землею,—еще не способно ни собраться съ собою изъ неопредѣленности бытія къ какому либо ощущенію, ни выдѣлить какой либо предметъ изъ разсѣянной среды всего другого.

И если такого рода стихійныя отношенія одного къ другому и можно признать, чрезъ широкое обобщеніе, за первичный образъ, или за первоначальную стихію сужденія, то во всякомъ случаѣ, въ немъ еще отсутствуютъ его опредѣленные термины, именуемые подлежащимъ и сказуемымъ.

Въ этомъ стихійно-разсѣянномъ бытіи, они только имѣютъ быть, но въ наличности ихъ еще нѣтъ; такъ какъ въ немъ еще не опредѣлилось и не выразилось различеніе, или самое сужденіе между средою существованія и средою мышленія: и то и другое въ немъ еще не нашлись, а пребываютъ лишь разсѣянными и растерянными другъ въ другѣ.

Первое состоявшееся ощущеніе есть съ тѣмъ вмѣстѣ и первый признакъ, что бытіе вышло изъ своей стихійности, что вниманіе его очнулось къ сознанію и, ставъ сужденіемъ, уже различило одно отъ другого, при чемъ первое, являясь какъ существованіе, становится его подлежащимъ, а второе, сказываясь какъ мышленіе,— его сказуемымъ.

То, что находится какъ нѣчто ощущаемое, или чувственно-воспринимаемое, неразрывно связано съ мѣстомъ, въ которомъ, и съ временемъ, въ которое оно ощущается; а такъ какъ въ силу всеобщаго прехожденія, или теченія всего, что есть, ни этого мѣста, ни этого вре-

мени закрѣпить невозможно, то съ ними исчезаетъ и нѣчто ощущаемое, которое потому и оказывается лишь неудержимо-мелькающимъ, совершенно единичнымъ и вполнѣ случайнымъ содержаніемъ: здѣсь и теперь — оно на лицѣ, а тамъ и тогда—его уже нѣтъ; оно ушло и исчезло съ тѣмъ мѣстомъ, съ тѣмъ мгновеніемъ, или съ тѣми обстоятельствами, которыя его держали.

Въ началѣ, какъ можно судить по дѣтямъ, оно такимъ образомъ и исчезаетъ, не оставляя по себѣ никакого замѣтнаго слѣда, ни малѣйшаго воспоминанія; и, вѣроятно, проходитъ не мало времени, пока оно наконецъ чрезъ частое повтореніе не закрѣпится въ памяти и не станетъ въ ней образомъ мышленія.

Какъ образъ мышленія, то, что ощущалось и было чувственнымъ воспріятіемъ, уже не ощущается, а только помнится, мыслится, или представляется какъ нѣчто, что тамъ-то, тогда-то и при такихъ обстоятельствахъ было; такъ что живое воспоминаніе о немъ возбуждается снова всякій разъ, какъ что либо съ нимъ связанное, или близкое къ нему, или подобное, или совершенно противное ему о немъ напоминаетъ, вызывая въ сознаніи уже не матерію, не содержаніе бывшаго, а только образъ его, только представленіе о немъ.

Этотъ представляемый образъ уже не связанъ съ тою случайною средою, или обстановкою существованія, въ которой онъ впервые находился, какъ нѣчто ощущаемое; онъ мыслится, или можетъ мыслиться, живѣе или слабѣе, какъ нѣчто общее и постоянное; не только тамъ или тогда, но совершенно независимо и во всякомъ другомъ мѣстѣ, во всякое другое время, при всякихъ обстоятельствахъ.

Такимъ образомъ, въ естественномъ порядкѣ сужденія, терминомъ его подлежащаго служитъ самое содержаніе, или матерія ощущенія, которымъ отмѣтилось нѣчто случайное и единичное изъ общей, еще вполнѣ неопредѣленной среды всякаго существованія; а терминомъ

ею сказуемаго — тотъ общій и постоянный образъ, въ какомъ это отмѣченное, или ощущаемое содержаніе бытія представляется, или мыслится.

Самая необходимость всей цѣлости сужденія заключается единственно въ необходимости, чтобъ все, что непосредственно находится, или ощущается, какъ чувственно воспринимаемое, единичное и случайное значеніе бытія, было осмыслено значеніемъ, или собственно знакомъ мысли, и предстояло сознанію въ общемъ и постоянномъ образѣ мышленія; а также и обратно, — какъ это бываетъ въ сужденіяхъ, складываемыхъ въ обратномъ порядкѣ,—чтобъ все значеніе общихъ образовъ мышленія находило свои чувственно-ощущаемые знаки, или свое наличное значеніе, въ непосредственной средѣ бытія, или существованія: иначе же,—чувственное содержаніе, лишенное своего смысла, было бы лишь впѣшнимъ знакомъ безъ внутренняго значенія, или сущимъ безсмысліемъ; а отвлеченные общіе образы мышленія безъ содержанія бытія, какъ значеніе безъ знака, или какъ знаки безъ значенія, были бы лишь пустыми и призрачными образами.

А потому, чтобъ не растеряться ни въ сплошномъ безсмысліи, ни въ пустой призрачности, чтобъ находиться въ дѣйствительности, совершенно необходимо, всѣ единичные, случайные знаки преходящаго бытія переложить въ значеніе общихъ и постоянныхъ образовъ мышленія, и наоборотъ, — всякое значеніе общихъ и постоянныхъ образовъ мышленія перевесть въ ощущаемые, въ видимые, т. е. въ единичные знаки впѣшняго бытія.

Въ своемъ глубокомъ значеніи, или по существу вся значительность термина бытія, или подлежащаго заключается именно въ его полной особности, въ его исключительной единичности, въ силу которой оно именно и есть — исключительно это, а не что либо общее, которое, не имѣя въ себѣ ничего своего, безпрепятственно смѣшивается со всѣмъ другимъ: такое смѣшеніе противно и ненавистно всему дѣйствительно-сущему.

Въ столь же глубокомъ значеніи, или по существу, и вся значительность термина мышленія, или сказуемаго заключается именно въ его объединяющей всеобщности, въ сферѣ которой и все другое объемлется или разумѣется ею какъ единымъ смысломъ проникнутое и въ себѣ самомъ оправданное бытіе.

Въ самомъ началѣ, термины сужденія—его подлежащее и сказуемое, выступая и обозначаясь изъ неопредѣленной общности полнаго безразличія между бытіемъ и мышленіемъ, едва различаются, и то лишь самымъ поверхностнымъ образомъ: такъ какъ между ними несравненно больше матеріи смутнаго смѣшенія, нежели ясности различенія.

Различаясь другъ отъ друга лишь поверхностно, или формально, термины первоначальнаго сужденія за отсутствіемъ между ними различающей, ясной опредѣленности, непосредственно соприкасаясь, совпадаютъ сами собою и безъ малѣйшаго усилія въ ихъ взаимную сообразность другъ съ другомъ, которая и есть начало знанія.

Имѣя въ виду физическое положеніе, по которому во всякой средѣ сперва совершается то, что наименѣе встрѣчаетъ препятствій къ своему совершенію, такъ какъ дѣйствіе всякой силы оказывается прежде всего въ самыхъ слабыхъ мѣстахъ, представляющихъ ей наименьшее сопротивленіе, О. Контъ заключаетъ, что началомъ знанія должны оказаться наименѣе сложныя, самыя простыя и самыя общія положенія, которыя, по его мнѣнію, и представляютъ положеніями математическими.

Но, при всей простотѣ и общности математическаго сужденія и математическихъ положеній, ихъ однако нельзя признать ни за простѣйшія, ни за самыя общія; предъ ними есть основное, первоначальное сужденіе съ исходящимъ изъ него заключеніемъ, которое по своей безусловной простотѣ и общности, складываясь какъ бы само собою, сказывается дѣйствительно самымъ простымъ и общимъ знаніемъ гораздо ранѣе чѣмъ, когда сознаніе успѣло очнуться къ полнотѣ сознательности и когда еще не

могло быть и рѣчи о какихъ либо математическихъ положеніяхъ.

Чѣмъ поверхностнѣе, чѣмъ общнѣе, въ смыслѣ безразличія и неопредѣленности, термины бытія и мышленія, тѣмъ они — ближе другъ къ другу и тѣмъ удобнѣе и легче приходятъ какъ къ взаимному различенію, такъ и къ взаимному сличенію другъ съ другомъ.

Терминъ бытія есть сначала — только самый общій знакъ объективности; терминъ мышленія, во сколько оно уже отличается отъ бытія, — только самое общее значеніе субъективности.

Въ самомъ началѣ, при совершенной поверхности ихъ отношенія другъ къ другу, когда еще ни одно изъ нихъ не проникаетъ въ глубину другаго, а только прикасается къ нему совершенно внѣшнимъ прикосновеніемъ, ихъ различіе другъ отъ друга, въ смыслѣ знака и значенія, есть скорѣе ихъ безразличіе: потому что, вначалѣ знакъ и значеніе, по недостатку между ними ихъ различающей матеріи, оказываются простымъ, вполнѣ общимъ и безразличнымъ тожествомъ *или безсодержательною тautологіею.*

Повторенымъ ощущеніемъ, какъ нѣкоторымъ чувственнымъ знакомъ, нѣчто существующее и ощущаемое выдѣляется, или отмѣчается, какъ это нѣчто, изъ неопредѣленной, общей среды всякаго другого существованія, и становится вообще нѣкоторымъ предметомъ, потому что получаетъ свое общее, мыслимое, или субъективное значеніе въ томъ названіи или имени, которое ему дается.

Заключеніе, или синтезъ такого сужденія, именно и состоитъ лишь въ обозначеніи чего нибудь существующаго его именемъ. Такое сужденіе складывается непосредственно формальнымъ образомъ, и хотя оно, по формѣ, и есть самое вѣрное и безспорное, но, по отсутствію между его терминами какой либо обсуждаемой матеріи, какого либо содержанія съ его различіями, выражается

лишь вполнѣ безразличною и безсодержательною тауто-логіею.

А есть А; это — несомнѣнно, такъ какъ противъ этого — сказать ничего нельзя; это есть то безспорное положеніе, которое въ формальной логикѣ именно и называется закономъ тожества.

Впрочемъ, при этомъ тожествѣ, не слѣдуетъ забывать, что первое А, какъ подлежащее, заключаетъ въ себѣ все значеніе этого единичнаго, преходящаго бытія;—второе же А, какъ сказуемое, исполнено всѣмъ значеніемъ общаго, постояннаго образа мышленія: первое есть только внѣшній знакъ или матерія, а второе — уже внутреннее значеніе или смыслъ бытія.

Въ тауталогическомъ заключеніи, которымъ полагается основаніе первѣйшей изъ всѣхъ наукъ — ономатологіи и сродной съ нею — терминологіи, всякому подлежащему, какъ предмету, выдѣленному изъ среды всего другого, приписывается, какъ его мыслимое сказуемое, ему соотвѣтствующее наименованіе: это видимое есть луна, это — солнце, это — гора, это — лошадь: т. е. луна есть луна, солнце есть солнце, гора есть гора, лошадь есть лошадь.

Хотя и нынѣ еще, не такъ-то легко, какъ это полагаютъ, назвать каждый предметъ по имени, хотя еще не закончилъ средневѣковой споръ между реалистами и номиналистами, касавшійся именно вопроса о различіи и тожествѣ существующаго содержанія и его мыслимаго образа, который и есть его имя, но, тѣмъ не менѣе, въ наше время, тауталогическое сужденіе утратило всякое значеніе и ономатологія не считается за особую науку.

Но, въ самомъ началѣ, когда только что зачиналось познаваніе, умѣнье называть вещи и предметы по имени, возбуждая удивленіе первобытнаго человѣка, представлялось ему чуднымъ и магическимъ дѣломъ; потому что тогда невольно думалось, что тотъ, кто знаетъ имена вещей и предметовъ, обладаетъ и ихъ сущностью.

И думалось это не безъ основанія: такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что человѣкъ не могъ бы ни обладать, ни стремиться къ обладанію силами природы, еслибъ онъ не умѣлъ говорить и называть вещи по имени.

Въ тавтологическомъ сужденіи.—А есть А, повидимому, нѣтъ ни малѣйшаго различія между его терминами; что собственно и дѣлаетъ оное началомъ всего ряда дальнѣйшихъ познавательныхъ сужденій. Но при нѣкоторомъ вниманіи, не трудно видѣть, что его подлежащее означаетъ собою лишь непосредственно находимое, или чувственно-ощущаемое содержаніе какого либо единичнаго предмета; а его сказуемое выражаетъ, какъ это самое содержаніе мыслится въ обобщающемъ образѣ его нарицательнаго имени.

Не останавливаясь на формальной поверхности бытія и не довольствуясь столь же формальнымъ наименованіемъ вещей и предметовъ, или объектовъ мышленія по имени, познавательное сужденіе развивается и, углубляясь, проникаетъ затѣмъ и въ самую матерію ихъ содержанія; вслѣдствіе чего, выходя изъ своей первоначальной тавтологической безразличности, оно и становится содержательнымъ.

Содержательность сужденія, по мѣрѣ его развитія прибываетъ, какъ и всякое количество, непрерывнымъ порядкомъ, чрезъ безконечно-малыя наращенія; но непрерывность его развитія, какъ и непрерывность наращенія количества выражаемая въ усѣченныхъ числахъ, представляется лишь въ усѣченномъ порядкѣ другъ за другомъ слѣдующихъ, отдѣльныхъ наукъ, изъ коихъ каждая имѣетъ своимъ опредѣленіемъ и своею областью свое особое отъ другихъ, по качеству и количеству, различное и исключительно ей принадлежащее сужденіе.

Въ усѣченномъ порядкѣ развитія и послѣдовательности, ближайшимъ къ тавтологическому сужденію сказывается сужденіе о равенствѣ и неравенствѣ, или вообще о количественномъ опредѣленіи существующаго содержанія, которое какъ многое и немногое, какъ большое и

малое и выражается въ числахъ, мѣрахъ и въ ихъ между собою различныхъ отношеніяхъ.

А потому, первое таутологическое сужденіе, научившее называть и различать предметы и вещи по имени, раздается и развивается въ непосредственно за нимъ слѣдующее — математическое сужденіе, которымъ опредѣляется область математики. Такимъ образомъ, въ ряду развитія познавательнаго сужденія, математика складывается не первою, но уже второю наукою.

Въ математическомъ сужденіи, его подлежащее дается эмпирически существующими величинами, чувственными ощущеніями равенства или неравенства, а его сказуемое выражая ихъ взаимныя отношенія другъ къ другу, высказываетъ оныя, какъ необходимыя аксіомы, опредѣленія и теоремы.

По сравненію съ формальнымъ таутологическимъ сужденіемъ, составляющимъ лишь исходную точку познаванія, при которой еще нечего знать, математическое сужденіе представляется уже содержательнымъ: оно исполнено количествомъ, числомъ, мѣрою и ихъ отношеніями, что собственно и составляетъ эмпирически данную матерію величины.

Подлежащее его уже не есть всякій предметъ, или всякое содержаніе вообще; но именно — только предметъ, только содержаніе величины. Его сказуемое тоже не есть только общее и формальное наименованіе подлежащаго предмета или содержанія; а уже — существенное опредѣленіе и всеобщее правило тѣхъ отношеній, въ какихъ различныя величины, необходимымъ образомъ ихъ бытія, связаны другъ съ другомъ.

Математическое сужденіе обнимаетъ своими терминами всю цѣлость таутологическаго сужденія, какъ свою, имъ обсуждаемую матерію, которую необходимо проникнуть, которою необходимо овладѣть, для того, чтобы было возможно вопервыхъ, различить сужденіемъ и во вторыхъ, связать къ заключенію математическое подлежа-

щее съ математическимъ сказуемымъ; чрезъ что и складывается математическое знаніе.

Чтобъ исчислять и измѣрять какое бы то ни было содержаніе, чтобъ опредѣлять оное въ количественномъ отношеніи, оно необходимо должно быть уже предварительно-поименованнымъ содержаніемъ; еслибъ оно не было поименовано, т. е. еслибъ оно не было отмѣчено общимъ образомъ мышленія и не стало его предметомъ или объектомъ, то не было бы никакой возможности— ни счислять, ни измѣрять оное: ибо, не было бы именно того, что, именуясь величиною, потому только и способно быть счисляемо или измѣряемо.

Чтобъ обнимать собою, какъ свою матерію, все содержаніе тавтологическаго сужденія, или значеніе тожества одпаго съ другимъ, амплитуда математическаго сужденія должна необходимо раздаться; вслѣдствіе чего, термины его, разступаясь въ два противоположныя направленія, раздвигаются и, удаляясь другъ отъ друга, дають мѣсто содержанію, которое имъ предстоитъ заключить собою. На сколько подлежащее отходитъ въ одну сторону и, какъ терминъ бытія, становится обособленнѣе, являясь уже не бытіемъ вообще, не всякимъ бытіемъ, но именно опредѣленнымъ, количественнымъ бытіемъ, на столько же сказуемое отходитъ въ другую, противоположную сторону и, какъ терминъ мышленія, становится всеобщнѣе, сказываясь теоремою постояннаго отношенія, неизмѣннаго порядка и самой необходимости всякаго количественнаго бытія.

Выступая изъ неопредѣленной среды безразличной общности и смѣшенія одного съ другимъ, термины математическаго сужденія различаютъ первоначальное тожество бытія и мышленія и, удаляясь отъ него, направляются — одинъ въ сторону обособленія, а другой — въ сторону обобщенія; раздвигаясь такимъ образомъ въ противныя стороны, они чрезъ это удаляются другъ отъ друга; ихъ взаимное разстояніе, ихъ разъединеніе между собою, или ихъ различіе другъ отъ друга возрастаетъ, ста-

новится бо́льшимъ и болѣе содержательнымъ; вслѣдствіе чего, и самое сужденіе, какъ болѣе содержательное, представляетъ болѣе интереса, болѣе значенія.

Но за то, термины его,—его обособленное подлежащее и его на столько же обобщенное сказуемое, — въ силу ихъ разъединяющаго различія, уже не совпадаютъ сами собою въ ихъ непосредственное, другъ съ другомъ сообразное единство; чтобъ ихъ связать и сообразить другъ съ другомъ, чтобъ чрезъ ихъ синтезъ прійти къ заключенію, или къ состоявшемуся знанію, требуется усиліе и трудъ, способные преодолѣть то упорство, какое представляетъ собою ихъ разъединяющая, непроницаемая матерія, которая, различая ихъ, препятствуетъ ихъ взаимному совпаденію, или соображенію другъ съ другомъ.

Прежде, въ сферѣ тожества, при тавтологическомъ сужденіи, достаточно было взглянуть, чтобъ заключить, что гора и есть именно гора, лошадь — лошадь, большое—большое, а малое—малое; и рѣшеніе было вполнѣ удовлетворительнымъ. А въ сужденіи математическомъ, и особенно при болѣе сложныхъ отношеніяхъ одной величины съ другою или съ другими, за большимъ разстояніемъ, сквозь непроницаемость матеріи разъединенія и различія, отъ одного термина до другаго — не видно, и рѣшить на взглядъ, или на глазъ о ихъ единствѣ — невозможно; а потому, — необходимы напряженное вниманіе и вся сила доводовъ, которые, преодолѣвая упорство непроницаемой матеріи и дѣлая ея непроницаемость прозрачною, давали бы возможность соединить разъединенное, сличить различное, сообразить эмпирически данное содержаніе подлежащаго съ необходимымъ образомъ сказуемаго, и тѣмъ самымъ прійти къ надлежащему заключенію сужденія, которое и будетъ состоявшимся математическимъ знаніемъ.

Развиваясь далѣе и раздаваясь еще шире, познавательное сужденіе обращается въ сужденіе механиче-

ское. которое прежде всего складывается въ небесной сферѣ астрономіи.

Небеса представляютъ собою, какъ бы нарочно заготовленную, исполинско-великую доску, которую тѣла небесныя исчерчиваютъ во всѣхъ направленіяхъ математическими знаками, линіями, выкладками и формулами; при чемъ однако, ихъ чисто математическая матерія — величина, число и мѣры, - дополняются еще движеніемъ, которое собственно и есть матерія механики.

Охватывая собою необъятное содержаніе всѣхъ явленій небеснаго міра, астрономо-механическое сужденіе не можетъ прійти ни къ какому заключенію, пока неустанными, непрерывными и многолѣтними наблюденіями не преодолѣетъ упорство и не проникнетъ непроницаемость матеріи, разъединяющей его термины, которые притомъ, раздвинулись, различились и удалились еще болѣе другъ отъ друга.

Раздаваясь еще шире и уходя еще глубже, какъ въ сторону еще болѣе обособленнаго бытія, такъ и въ сторону еще болѣе обобщеннаго мышленія, термины астрономо-механическаго сужденія увеличиваютъ его амплитуду на столько, чтобъ заключить между собою, какъ въ немъ обсуждаемую матерію, всю совокупность тавтологическаго и математическаго сужденій. Его подлежащимъ служитъ ему данное, наблюдаемое движеніе небесныхъ тѣлъ, а его сказуемое сказывается, какъ всеобщая система, строеніе или гармонія міра.

Не останавливаясь на небесной механикѣ, не довольствуясь астрономическимъ знаніемъ, познавательное сужденіе развивается еще далѣе и, вникая глубже въ самую природу вещей и образовъ ихъ бытія, переходитъ чрезъ посредство механически-физическаго и физически-химическаго сужденій, къ физіологическому, или біологическому сужденію, въ которомъ терминъ подлежащаго дается въ явленіяхъ и безчисленныхъ отправленіяхъ растительной и животной жизни, а терминъ сказуемаго, если и не высказывается вполнѣ, за недостаткомъ самаго по-

нятія, то по крайней мѣрѣ представляется въ всеобщемъ, субъективномъ образѣ или въ самомъ смыслѣ жизни.

Вслѣдъ за біологіею, которая включаетъ въ себѣ, какъ свою часть и психологію.—если она не выдѣляется въ особую науку. — О. Контъ излагаетъ, какъ содержаніе и заключеніе особаго научнаго сужденія, соціологію, которая, по его предположенію, должна быть крайнимъ предѣломъ научнаго знанія и завершать собою цѣлость развитія всего познавательнаго процесса.

Но такое предположеніе вмѣстѣ съ соціологіею, которую едва ли есть достаточное основаніе считать уже установившеюся наукою, есть очевидно ни на чемъ не основанное и совершенно произвольное предположеніе.

Потому что, когда подлежащимъ сужденія полагается не то что жизнь общества, не то что жизнь человѣка, но вообще жизнь, хотя бы въ ея самомъ простомъ проявленіи, то его сказуемое не находится, а скорѣе теряется и пропадаетъ въ неказанной неопредѣленности. Ибо, хотя эмпирически, какъ явленіе, которое въ отличіе отъ всего другого обозначается именованіемъ жизни, она есть нѣчто очень извѣстное, но сказать, что она такое, и связать объективность ея явленія съ ея субъективнымъ значеніемъ, до сихъ поръ еще не удавалось; сказуемое того, что есть жизнь, обвѣвается еще неразрѣшимымъ туманомъ мистицизма.

Въ этомъ туманѣ, безъ всякаго сомнѣнія, таятся сокрытымъ образомъ великое множество еще не состоявшихся наукъ, которыя нынѣ и по имени — не извѣстны и потому, еще не входятъ въ область состоявшагося знанія.

Уже изъ самаго хода развитія первыхъ, извѣстныхъ членовъ познавательнаго сужденія — очевидна невозможность, чтобъ оно оборвалось на такой неопредѣленности, въ какой предъявляется такъ называемая соціологія. При незнаніи, что такое жизнь,—и въ особенности, что такое жизнь человѣка,—нѣтъ ни малѣйшей возможности судить о томъ, что такое человѣческое общество, ни тѣмъ менѣе

рѣшать, какимъ путемъ осуществится его дальнѣйшее развитіе.

При современномъ уровнѣ знанія, кромѣ уже отмѣченныхъ вопросовъ о измѣненіи родовъ и видовъ, о трансформизмѣ, о морфологіи и эмбріологіи, относящихся вообще къ общей сферѣ зоологіи и антропологіи и по необходимости подчиненныхъ рѣшенію существеннаго вопроса о томъ, что такое жизнь, едва ли возможно догматически предначертать, какія новыя науки еще разовьются и сложатся въ особые члены познавательнаго сужденія, чтобы слѣдовать въ общей системѣ уже состоявшихся наукъ и завершить собою едва намѣченный рядъ наукъ біологическихъ.

Законы движенія планетъ, открытые Кеплеромъ, вмѣстѣ съ теоріею всеобщаго тяготѣнія Ньютона, можно сказать, дали астрономіи ея полное, конкретное значеніе и, вложивъ въ нее ея душу, завершили ее, какъ вполнѣ состоятельную науку; потому что до того, она представлялась лишь обширнымъ собраніемъ фактовъ и свѣденій, но, по отсутствію ихъ одушевляющаго принципа, не была и не могла быть дѣйствительною наукою.

Въ сферѣ физіологіи, обнимающей между терминами своего сужденія, какъ свое собственное, особое содержаніе, всю матерію фитологіи, зоологіи и антропологіи, и, какъ общее содержаніе—всю физическую матерію механики и химіи, усматривается, равнымъ образомъ, громадное накопленіе излагаемыхъ въ условномъ порядкѣ наблюденій, фактовъ, свѣденій; но, между ними, какъ въ лѣсу, гораздо легче теряться, чѣмъ находиться; потому что, вся физика неорганическаго вещества, со всѣми пособіями механики и химіи, не объясняя начала жизни, оказывается лишь недостаточнымъ руководствомъ для уясненія ея необъятнаго содержанія. И пока не будетъ высказано, — что такое самая жизнь, до тѣхъ поръ физіологическому сужденію будетъ не доставать его ясно опредѣленное сказуемое, и при всемъ богатствѣ уже на-

копленнаго въ его сферѣ матерьяла, оно не можетъ считаться сложившеюся, а тѣмъ менѣе—завершенною наукою.

Подобно тому, какъ въ математическихъ формулахъ недостающіе члены незакончennаго, или безконечнаго ряда обозначаются въ соотвѣтственномъ мѣстѣ точками, слѣдуетъ и въ незаконченномъ ряду другъ за другомъ слѣдующихъ членовъ ризвивающагося познавательнаго сужденія, ничего не предрѣшая, обозначить лишь точками мѣста которыя будутъ постепенно заполняться еще впослѣдствіи имѣющими сложиться науками, которыя нынѣ предстаавляются еще лишь преждевременными, а потому и пустыми предположеніями.

Въ научной сферѣ, очень позволительно пользоваться и гипотезами, но лишь при условіи — не забывать, что гипотеза не есть дѣйствительное основаніе, дающее право утверждать или отрицать истину.

Но, если невозможно безъ достаточнаго основанія измышлять новыя науки, то это не значитъ, что дѣйствительный порядокъ развитія познавательнаго сужденія остается гадательнымъ и неопредѣленнымъ. Траекторіи, или пути едва явившихся и до того невиданныхъ небесныхъ тѣлъ могутъ быть точно опредѣляемы на основаніи элементовъ ихъ движенія, выясненныхъ въ краткій срокъ ихъ появленія и видимости въ небесахъ. Такимъ же образомъ и дальнѣйшій ходъ, или порядокъ развитія познавательнаго сужденія опредѣляется вполнѣ точнымъ образомъ съ обозначеніемъ предѣловъ его, на основаніи тѣхъ элементовъ, которые уже выяснились изъ имъ совершеннаго пути.

Изъ того, какъ познавательное сужденіе до сихъ поръ развивалось, вполнѣ ясно видно, что его термины — съ одной стороны, его подлежащія и съ другой —, его сказуемыя, — которые въ началѣ, при исходной точкѣ всего знанія, совпадали другъ съ другомъ въ неопредѣленной общности и безразличности тautологіи, удаляясь отъ ней, постепенно расходятся и, охватывая собою все бо̀льшее и бо̀льшее содержаніе, все больше и больше раз-

личій, должны по необходимости, развиваясь и впередъ все тѣмъ же порядкомъ, расходиться и далѣе, до тѣхъ поръ, пока они не обнимутъ собою все содержаніе, всѣ существующія различія, всю даль и всю ширь безконечно-великаго міра.

Такимъ образомъ, познавательное сужденіе въ цѣлости его развитія опредѣляется двумя рядами,—съ одной стороны, рядомъ всѣхъ другъ за другомъ слѣдующихъ подлежащихъ, и съ другой—, соотвѣтствующимъ рядомъ всѣхъ другъ за другомъ слѣдующихъ сказуемыхъ. Подобно двумъ пересѣкающимся прямымъ, которыя, исходя отъ точки сѣченія, постоянно расходятся, эти два ряда терминовъ сужденія, равнымъ образомъ, совпадаютъ другъ съ другомъ только въ ихъ исходной точкѣ, въ которой они безразличны и безсодержательны, а за тѣмъ,—по мѣрѣ того, какъ между ними прибываетъ ихъ разъединяющая матерія и возрастаютъ какъ содержаніе, такъ и различія, обсуждаемыя сужденіемъ, — расходятся, удаляясь другъ отъ друга; причемъ рядъ подлежащихъ уклоняется въ сторону обособленія, а рядъ сказуемыхъ на столько же — въ сторону обобщенія.

Опредѣленіемъ порядка развитія познавательнаго сужденія, опредѣляются и предѣлы, между которыми оно осуществляется, — откуда оно начинается и чѣмъ завершается.

Исходя отъ тавтологіи, или отъ безразличія тожества, знаніе разширяется постепенно прибывающимъ содержаніемъ и различіемъ, и не можетъ завершиться прежде чѣмъ, перейдя всѣ различія отъ наименьшаго до наибольшаго и охвативъ всякое содержаніе отъ самаго простаго до самаго сложнаго, не дойдетъ до безконечно-великаго различія, которое, сказываясь, какъ противорѣчіе, тѣмъ самымъ указываетъ, что термины познавательнаго сужденія достигли послѣдняго предѣла своего различенія и, раздвинувшись въ безконечность, уже обнимаютъ собою необъятное содержаніе безконечно великаго міра.

Такимъ образомъ, предѣлами, въ которыхъ заклю-

чается развитіе знанія, оказываются въ его началѣ, — тожество, а въ его концѣ, — противорѣчіе, которое однако есть лишь формула самой безконечности.

Все научное знаніе, въ лицѣ своихъ первыхъ представителей, неуклонно и стремилось къ безконечности, или къ познанію ея безконечной истины; но впослѣдствіи, когда безконечная, всеобъемлющая истина предстала и отчасти сказалась ему формулою противорѣчія, его новѣйшіе представители, въ лицѣ современныхъ мыслителей, не уразумѣвъ смысла ея формулы и памятуя лишь о первоначальномъ законѣ тожества, испугались ея противорѣчивости и, обратясь спиною къ истинѣ, пошли обратнымъ ходомъ, стремясь назадъ по направленію къ первоначальной тавтологіи, изъ которой научное знаніе вышло.

Въ этомъ обратномъ стремленіи, — отъ высшаго умозрѣнія назадъ, къ первичному и самому непосредственному чувственному воспріятію, — и заключается самая сущность современнаго ученія позитивизма. Его громкій кличъ выражается въ призывѣ, — ступайте вонять, назадъ, домой, — лишь бы скорѣе удалиться и не вѣдаться съ тѣмъ противорѣчіемъ, къ которому ведетъ знаніе и предъ которымъ смущаются и физика, и механика, и химія, — смущаются потому, что въ немъ таится самое начало и самый смыслъ жизни и міра.

Но было бы недостаточно — ограничиться указаніемъ, что въ своей цѣлости все развитіе знанія движется между предѣлами тожества и противорѣчія: для того, чтобъ это противорѣчіе, не смущая привычекъ мышленія, еще связаннаго отвлеченнымъ началомъ тожества, стало и дѣйствительно понятнымъ, необходимо выразить и то предѣльное значеніе, какое термины познавательнаго сужденія получаютъ, когда, заключая между собою все содержаніе міровой безконечности, съ одной стороны, подлежащее дѣйствительно достигаетъ крайняго предѣла своего обособленія, а съ другой —, ска-

зуемое столь же дѣйствительно достигаетъ крайняго предѣла своего обобщенія.

За предѣлъ безконечнаго обособленія можетъ быть признано ничто иное, какъ только *безусловная единичность вполнѣ самобытнаго атома*, или дѣйствительносущаго индивида бытія.

За предѣлъ безконечнаго обобщенія можетъ быть признано, равнымъ или соотвѣтственнымъ образомъ, ничто иное, какъ только безусловная всеобщность безконечнаго, все собою обнимающаго, живаго смысла саморазумѣнія.

Весь рядъ подлежащихъ познаванія начиная отъ тожества, въ которомъ первое подлежащее еще смѣшано въ безразличіи съ своимъ сказуемымъ, до крайняго предѣла, въ которомъ послѣднее подлежащее разъединено съ своимъ сказуемымъ всею безконечностью міра, какъ и весь рядъ его сказуемыхъ, начиная отъ тожества, въ которомъ первое сказуемое еще смѣшано въ безразличіи съ своимъ подлежащимъ, до крайняго предѣла, въ которомъ послѣднее сказуемое сказывается въ противорѣчіи съ своимъ подлежащимъ, перечислить въ точности — невозможно; такъ какъ оба — безконечно велики; каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ безчисленное множество членовъ и, считая ихъ съ начала, нѣтъ возможности досчитаться до конца, какъ и считая ихъ съ конца, нѣтъ возможности досчитаться до начала.

А потому, для конечнаго знанія, осуществляемаго лишь во времени, и тотъ и другой рядъ должны, по необходимости, представляться прерванными непереходимою бездною, недопускающею никакой связи между ихъ первыми и послѣдними членами. Однако, между ними есть дѣйствительная и неразрывная связь; и хотя до ней нельзя ни досчитаться, ни дознаться реальнымъ образомъ положительнаго знанія; но, о ея необходимости свидѣтельствуетъ логика мышленія и смысла такъ, что не признавать ея дѣйствительности — значило бы признавать дѣйствительность безсмыслія.

Безъ малѣйшаго сомнѣнія, самое низшее изъ проявленій эмпирической сферы механизма и самое высшее изъ вѣрованій идеальнаго умозрѣнія состоятъ другъ съ другомъ въ непрерывной послѣдовательности членовъ одного и того же ряда всѣхъ существованій безконечно великаго міра; но, тѣмъ не менѣе, положительное знаніе никогда не будетъ въ состояніи переступить изъ эмпирической области перваго въ идеальную область второго: такъ какъ онѣ раздѣлены другъ отъ друга безконечностью, выражаемою не иначе, какъ чрезъ противорѣчіе.

Но противорѣчіе сказывается не переступаемымъ предѣломъ мышленія, только въ сферѣ чувственно-отвлеченныхъ образовъ представленія, для которыхъ и жизнь также представляется чѣмъ-то непонятнымъ. Для понятія же, противорѣчіе, какъ формальный знакъ безконечности, есть лишь свидѣтельство истины и ея дѣйствительности.

Крайнимъ предѣломъ обособленія, котораго достигаетъ послѣднее подлежащее послѣдняго сужденія, и терминомъ всей дѣйствительности *безусловно-единичнаго атома*, или индивида бытія, очевидно разумѣется ничто другое, какъ самъ человѣкъ, — и не человѣкъ вообще, но именно—этотъ единичный человѣкъ, или самое сердце его, исполненное страстнымъ желаніемъ, неутолимою жаждою жизни и трепетнымъ ожиданіемъ своего будущаго совершенія, которое наступаетъ, но еще не совершилось; почему человѣкъ и есть—лишь несовершенное, надеждою и сомнѣніемъ томимое существо.

Крайнимъ предѣломъ обобщенія, къ которому сводится послѣднее сказуемое послѣдняго, безконечно-великаго сужденія, и терминомъ безусловной всеобщности безконечнаго смысла всего разумѣнія и всего бытія, всей истины и всей жизни, очевидно разумѣется ничто иное, какъ предвѣчно-сущій Логосъ, или живой, безначальный и безконечный Богъ, въ которомъ все прошло, все совершилось безконечнымъ и безусловнымъ образомъ; ко-

торыи потому, есть безусловное прошедшее и совершенное; все другое, все еще несовершенное стремится къ нему и, проходя, лишь въ него проходить.

Все будущее, именуемое матерію, веществомъ, конечнымъ существованіемъ, тѣломъ, жизнью, душою, человѣкомъ,— все преходящее не имѣетъ другаго смысла, какъ проходить въ прошедшее, т. е. въ совершенное, которое есть живой, неизсякаемый родникъ настоящей, дѣйствительной жизни.

Поэтому, въ послѣднемъ, безконечно-великомъ сужденіи, которымъ завершается процессъ познаванія, терминъ подлежащаго есть преходящее мгновеніе бытія — этотъ человѣкъ; а терминъ сказуемаго есть вѣчность, есть Богъ.

Но, соображеніе этихъ двухъ терминовъ къ ихъ конкретному единству другъ съ другомъ, или ихъ заключеніе, совершаясь чрезъ всю безконечность, или чрезъ всю матерію ихъ разъединяющаго противорѣчія, уже не представляется въ образѣ какой либо положительной науки и не можетъ быть наукою, а разумѣется, въ смыслѣ знанія,— какъ философія, а въ смыслѣ вѣры,— какъ религія.

Затѣмъ, въ безконечно великой амплитудѣ сужденія философіи или религіи, которое есть жизненное сужденіе человѣка, всѣ науки и особыя дисциплины человѣческаго знанія заключаются лишь какъ частности и частныя сужденія, которыя не имѣли бы никакого смысла, если бы онѣ не сообщался имъ безконечно-великимъ сужденіемъ философіи или религіи, которое держитъ ихъ въ себѣ и осмысливаетъ своимъ безусловнымъ смысломъ.

II. Жизнь человѣка.

Всѣ доказательства, которыми доказывается истина существованія Бога, собственно говоря, вовсе — не доказательства, а только — разъясненія того смысла, который, какъ самое основаніе всѣхъ доказательствъ, разумѣется самъ собою единственно своимъ вѣчно-сущимъ образомъ, и не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ ни дѣйствительность смысла, ни истину истины невозможно доказывать силою безсмыслія, или силою лжи, то очевидно, что смыслъ доказывается только самимъ же смысломъ, — что истина доказывается только самою истиною: т. е., — что она вовсе не доказывается, а только сама собою разумѣется, какъ безспорная истина смысла и какъ несомнѣнный смыслъ истины.

Такимъ же образомъ, и существованіе Бога ничѣмъ не доказывается, какъ только самимъ-же Богомъ: Богъ и есть та безусловная истина, которая какъ твердь всякаго утвержденія, какъ акеіома всякаго доказательства, какъ смыслъ всякаго мышленія, всюду и всегда разумѣется самъ собою и есть то самое, съ чѣмъ всѣ согласны, противъ чего никто, нигдѣ и никогда не споритъ и не можетъ спорить.

Мыслить, уже по самому существу своему, значитъ утверждать существованіе Бога; отрицать Его существованіе возможно было бы лишь чрезъ отрицаніе смысла мышленія, или лишь такимъ образомъ мышленія, который вмѣсто смысла принимаетъ въ свое основаніе безсмысліе.

Смысломъ своимъ, или вниманіемъ своего жизненнаго инстинкта, животныя состоятъ въ неразрывномъ отношеніи къ тому эмпирически опредѣленному другому, которое составляетъ необходимое условіе ихъ жизни и безъ котораго они потому, не могли бы существовать.

Животныя никогда, ни единымъ помышленіемъ и не отрываются отъ того другого содержанія, къ которому они эмпирически пріурочены самымъ существомъ жизни своей.

Они вѣрятъ въ него и вѣра ихъ не смущается и не ослабляется никакими сомнѣніями, никакими колебаніями; потому что эмпиризмъ ихъ существованія и теоретизмъ ихъ мышленія—вполнѣ адэкватны и такъ тѣсно совпадаютъ другъ съ другомъ, что между ними не остается ни малѣйшаго мѣста для какихъ либо сторонихъ мнѣній или сомнѣній.

Своимъ смысломъ, или вниманіемъ ему присущаго, человѣческаго инстинкта, — своею вѣрою, человѣкъ относится изъ конечности своего эмпирическаго существованія къ тому безусловному другому, которое, пребывая въ безконечности, сказывается ему изъ неи, какъ его безусловная истина, какъ его предвѣчно-сущій смыслъ, которымъ онъ живетъ и есть дѣйствительно человѣкъ.

Но эмпиризмъ существованія и теоретизмъ мышленія человѣка — не адэкватны взаимно и, не совпадая другъ съ другомъ по ихъ несоизмѣримости, оставляютъ между собою безграничный просторъ для всякаго рода сторонихъ помышленій, мнѣній, сомнѣній и всякаго рода чувственныхъ или отвлеченныхъ представленій, за которыми смыслъ скрывается, какъ солнце за облаками; вслѣдствіе чего и самое отношеніе къ смыслу или вѣра въ истину прерывается.

Пока человѣкъ пребываетъ вѣрнымъ своему человѣческому инстинкту, или смыслу, которымъ его конечное существованіе связано съ безконечностью вѣчно-сущей, безусловной истины, — пока онъ вѣритъ въ Бога, пока онъ всѣмъ существомъ своимъ и каждымъ помысломъ

связываетъ и сближаетъ съ вѣчностью. все преходящее содержаніе бытія и малѣйшее, мимолетное дыханіе конечнаго міра, пока онъ держитъ неослабнымъ, какъ натянутыя струны, высокій строй своего разумѣнія истины; до тѣхъ поръ и его человѣческое существованіе въ мірѣ, и его жизнь отзываются, по необходимости, во всемъ существѣ его, какъ могучимъ аккордомъ, какъ таинственнымъ созвучіемъ, всѣми значеніями и всѣмъ смысломъ самой вѣчности, и человѣкъ живетъ дѣйствительно безконечнымъ образомъ, всею полнотою дѣйствительной жизни и дѣйствительнаго смысла.

Когда же эти струны ослабли или порваны, и уже ничего, ни съ чѣмъ не связывая, не держатъ строя своего, а лишь, болтаясь, дребезжатъ въ безпредѣльной пустотѣ всякаго рода мнѣній, недоумѣній и сомнѣній, — когда изъ-за нихъ человѣкъ утрачиваетъ вѣру свою, тогда онъ, по необходимости, утрачиваетъ съ нею и свой жизненный инстинктъ, связывающій его съ истиною, и его жизнь и вся цѣлость его существованія неминуемо обращаются въ пустой призракъ, въ дикій кошмаръ, въ жалкое игралище всякаго рода наваждений, лжи, безобразія и безсмыслія, въ которыхъ и проступаетъ какъ первородный, такъ и производный грѣхъ человѣка.

1. Вѣра въ ея сужденія. Міровое противорѣчіе.

Кто-то изъ представителей современнаго матеріализма, пользуясь и играя вовсе не случайнымъ, но всѣмъ языкамъ арійскаго происхожденія общимъ созвучіемъ словъ — *есть* и *пъсть*, выразился въ шутку и въ видѣ протеста противъ идеализма, что каждое существо *есть* именно то, что оно *пъсть*, чѣмъ оно питается, (ist was es isst) — и, самъ того не подозрѣвая, высказалъ этою шуткою сущую правду, которая, при всей наивности ея выраженія, есть безспорная правда не только въ смыслѣ матеріалистовъ, но еще болѣе въ смыслѣ идеализма.

Въ самомъ дѣлѣ, всякое существо живетъ именно тѣмъ, чѣмъ оно питается: а природа того, чѣмъ оно питается, состоитъ въ ближайшей, въ неразрывной связи съ его природою и служитъ ей ея опредѣленіемъ.

Вотъ почему, пища животныхъ и вообще природа того другаго, — тѣхъ другихъ веществъ, растеній или животныхъ, которыя служатъ имъ пищею, — считаются въ зоологіи существенными признаками при опредѣленіи родовъ, видовъ и мѣста, занимаемаго каждымъ изъ нихъ, въ порядкѣ зоологической классификаціи.

Для пониманія дѣйствительнаго порядка существованія, всего важнѣе отрѣшиться отъ обычныхъ погрѣшностей абстрактнаго представленія о существѣ, взятомъ въ его отдѣльности, и обратить полное вниманіе на своеобразное отношеніе одного къ другому.

Въ себѣ, или по отношенію къ себѣ самому, всякое существо (*одно*) исполнено своимъ внутреннимъ значеніемъ, которое и сказывается только ему одному, какъ нѣкоторый субъективный образъ его самоотношенія къ себѣ, — какъ нѣкоторое *вѣдѣніе* въ себѣ, сознаніе или самосознаніе, — вообще какъ то, что оно въ себѣ самомъ знаетъ (находитъ, ощущаетъ, представляетъ или понимаетъ).

А по отношенію къ другому и въ особенности къ тому другому, которымъ оно живетъ и питается, оно, какъ живой знакъ полезительнаго, внѣшняго существованія, имѣетъ свое опредѣленіе *бытія*, которое исполнено какимъ либо видимымъ опредѣленнымъ содержаніемъ съ нѣкоторыми качествами, — какъ нѣчто большое или малое, сильное или слабое, полезное или вредное, и т. п.

Въ абстрактномъ представленіи о томъ, что существуетъ и есть существо, оно имѣется въ виду, какъ нѣчто одно, обособленное въ своемъ одиночествѣ и выхваченное изъ его существеннаго и неразрывнаго отношенія къ другому; причемъ, обыкновенно забывается, что столь обособленное одно есть именно только отвлеченіе, —

что внѣ связи съ другимъ, одного нигдѣ нѣтъ и никогда не бывало.

Отдѣльно, или отвлеченно взятыхъ нѣтъ ни одного, ни другого; ихъ дѣйствительность, внѣ которой они были бы лишь пустыми призраками, заключается вся только въ ихъ неразрывной связи, только въ ихъ существенномъ отношеніи другъ къ другу. Такъ что, если разорвать эту связь и разрушить это отношеніе, то и одно, и другое уже не могутъ *быть* и неминуемо пропадаютъ, или, если и сохраняются въ отвлеченномъ представленіи, то развѣ только въ видѣ мумій, утратившихъ всякое значеніе живаго существа.

Все, что въ абстракціи представленія разсматривается, какъ старинные учебники ариѳметики поучаютъ о единицѣ, — какъ нѣчто одно въ своемъ родѣ, — безъ всякаго отношенія къ другому, есть лишь пустой призракъ пустаго измышленія, безъ всякаго бытія; такъ какъ все опредѣленіе и самое значеніе бытія даются исключительно только чрезъ другое и при другомъ.

Такимъ же образомъ, и то, что въ абстракціи представленія разсматривается только какъ другое,—внѣ его отношенія къ одному, — представляется лишь какъ матерія бытія, безъ всякой мысли, безъ всякаго смысла,— какъ другое, которому нѣтъ никакого резона быть другимъ; такъ какъ нѣтъ именно того, по отношенію къ чему оно есть другое, которое поэтому есть даже и не другое вовсе, а лишь — сплошное безсмысліе.

Быть другимъ не имѣетъ иного значенія, какъ быть различнымъ отъ одного, по отношенію къ которому оно и есть не вообще другое, — а именно его другое, именно — то другое, въ которомъ одно находитъ и получаетъ объективное опредѣленіе своего бытія и безъ котораго оно не могло бы быть. Но, опредѣляя бытіе одного, другое является лишь въ качествѣ его предѣла, или его границы.

Какъ предѣлъ и граница бытія одного, которое имъ опредѣляется и безъ его опредѣленія было бы лишь не-

опредѣленнымъ, субъективнымъ значеніемъ, безъ своего объективнаго знака, — мыслью безъ слова и безъ бытія, пустымъ призракомъ измышленія, — опредѣляющее другое есть съ тѣмъ вмѣстѣ и ограниченіе или отрицаніе одного: такъ какъ всякое бытіе кончается, перестаетъ быть именно въ предѣлѣ своемъ, именно тамъ, гдѣ начинается бытіе другого.

И такъ, все существующее, какъ нѣчто одно, встрѣчаясь съ своимъ другимъ, находитъ въ немъ, во-первыхъ, свое опредѣленіе, а во-вторыхъ, — и отрицаніе своего бытія; и чѣмъ его другое — есть болѣе другое, чѣмъ оно отъ него различнѣе по природѣ, тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе и его отрицаніе того бытія, которое имъ же и опредѣляется, какъ бытіе, и по отношенію къ которому оно только и есть другое.

Уже Б. Спиноза училъ, что всякое опредѣленіе есть отрицаніе; но безъ опредѣленія чрезъ другое, не было бы объективно-опредѣленнаго бытія, — не было бы его явныхъ знаковъ, и все оставалось бы лишь призракомъ субъективной неопредѣленности.

Но затѣмъ, всякое живое существо исполнено субъективнымъ смысломъ своего самоутвержденія и, воспринимая отъ другого опредѣленіе своего яснаго бытія, оно только тѣмъ и свидѣтельствуетъ о дѣйствительности своего бытія и жизни, что оно не терпитъ другого въ его непосредственно-отрицательномъ различіи отъ себя, — какъ свой предѣлъ, или какъ отрицаніе своего бытія, но, преодолѣвая различіе его природы отъ своей природы, усвоиваетъ его себѣ и обращаетъ его въ свое существо: оно пожираетъ его, питается и живетъ имъ.

Все живущее живетъ не иначе, какъ питаясь другимъ, которое отъ него различно. Чтобъ питаться различнымъ другимъ, необходимо обладать способностью и силою преодолѣвать его различіе съ собою и усваивать (ассимилировать) его себѣ.

И чѣмъ больше, чѣмъ значительнѣе различіе природы другаго, чѣмъ оно самобытнѣе и независимѣе

отъ существа, которое имъ питается, тѣмъ больше и тѣмъ значительнѣе должны быть сила и способность усвоенія, обладаемыя этимъ существомъ.

Но за то, тѣмъ значительнѣе, тѣмъ содержательнѣе и полнѣе — и та дѣйствительность бытія, существованія и всей цѣлости жизни, которая осуществляется при наибольшемъ напряженіи, наибольшею силою и способностію усвоенія себѣ другого.

Величиною различія между природою другого и природою существа, которое имъ питается и живетъ, измѣряется въ точности объемъ, амплитуда существованія, или размахъ жизни, какихъ достигаетъ это существо. Оно живетъ тѣмъ меньше, тѣмъ слабѣе и недостаточнѣе, чѣмъ менѣе различіе, — и тѣмъ болѣе, тѣмъ сильнѣе и содержательнѣе, чѣмъ болѣе различіе его природы отъ природы того другого, которое ему необходимо для его питанія и жизни.

Это различіе потому, и можетъ служить своимъ объемомъ, или мѣрою вѣрнымъ указаніемъ порядка, въ какомъ менѣе или болѣе развитыя существа, возвышаясь другъ надъ другомъ въ силу ихъ меньшихъ или большихъ способностей, или приспособленій къ борьбѣ за существованіе, представляютъ собою какъ бы живую лѣстницу восхожденія жизни изъ низшей сферы дѣйствительнаго бытія въ высшую.

Начинаясь съ безконечно-малаго различія, или съ самой безразличности, при которой безконечно-малая амплитуда жизни равняется ея полному отсутствію, различіе природы существа съ природою того, чѣмъ оно живетъ, возрастаетъ; соотвѣтственно съ чѣмъ возрастаетъ и амплитуда, или объемъ жизни и, переходя одну за другою всѣ степени различія, достигаетъ, наконецъ, въ крайнемъ предѣлѣ своего возрастанія, безконечно-великаго различія, или полнаго противорѣчія между существомъ и тѣмъ другимъ, которымъ оно живетъ и питается.

Уже и то другое, которымъ питаются и живутъ жи-

вотныя, представляясь по природѣ своей въ разнородныхъ образахъ и видахъ, въ очень значительныхъ степеняхъ различія отъ природы тѣхъ животныхъ, которыя имъ питаются, требуетъ отъ нихъ для возможности его усвоенія очень значительныхъ способностей,— много вниманія, ума, памяти, наблюдательности, силы соображенія, знанія: безъ чего дѣйствительность ихъ жизни не могла бы осуществиться во внѣшней средѣ ихъ существованія.

Обладая въ полной мѣрѣ способностями, какія имъ потребны для ихъ существованія, животныя живутъ всею полнотою дѣйствительности: ихъ никогда и не въ чемъ не смущаютъ никакіе призраки мнимаго бытія. Не имѣя въ себѣ никакихъ задатковъ мечтательности, они и не предаются мечтамъ; но имѣютъ въ виду лишь совершенно реальное содержаніе міра и, не будучи позитивистами, практически, тѣмъ не менѣе никогда не теряются своими помышленіями въ безпредѣльности имъ невѣдомаго и недоступнаго и ни на мигъ не покидаютъ положительной почвы ихъ реальнаго и точно опредѣленнаго существованія.

Чуждая всякихъ мечтаній и строго опредѣленная положительность животныхъ обусловливается тѣмъ, что самые предметы ихъ помышленія, или то другое, которымъ они живутъ и питаются, даже и при наибольшемъ различіи ихъ природы отъ природы животнаго, остаются все же очень положительно-чувственными и вполнѣ эмпирическими предметами. Раздвигая сферу животнаго существованія на всю ширь и на весь объемъ того различія, или того разстоянія, на какое они удалены отъ животнаго, они все же, пребывая съ нимъ въ одной и той же эмпирической сферѣ, не выходятъ за предѣлы ея, но находятся въ ней вполнѣ доступными предметами, которые, при соотвѣтствующемъ усиліи со стороны животнаго, удобно имъ достигаются и усвоиваются.

Въ силу естественнаго происхожденія и эмпирическаго существованія, человѣкъ, въ качествѣ животнаго,

движется одинаковыми побужденіями и потребностями и исполнен общими всѣмъ животнымъ помышленіями о вполнѣ положительныхъ предметахъ, необходимыхъ ему для возможности его существованія: не менѣе животныхъ, хотя съ большею способностью и дальновидностью, онъ промышляетъ себѣ пищу, заботится о своемъ жилищѣ, убѣжищѣ или логовищѣ, остерегается враговъ и предохраняетъ себя отъ всякаго рода опасностей. Въ этомъ отношеніи, человѣкъ оказывается самымъ умнымъ, способнымъ, лукавымъ и врядъ ли и не самымъ жестокимъ и кровожаднымъ изъ всѣхъ животныхъ.

Но какъ ни обширно, какъ ни разнообразно содержаніе его эмпирическаго существованія, оно, въ смыслѣ его человѣческаго назначенія, является ему никакъ не послѣднею цѣлью, а только условіемъ и средствомъ, — только нѣкоторою частностью его жизни, за которою ему открывается и манитъ его своею необозримою далью иная, уже вовсе не положительная перспектива бытія.

То другое, которымъ человѣкъ живетъ и питается, не въ качествѣ животнаго, а въ собственномъ качествѣ человѣка, какъ существо разумное, — то другое, которое ему предстоитъ усвоить себѣ для осуществленія своей человѣческой дѣйствительности, уже не есть эмпирическое другое: различаясь отъ естественной природы человѣка не какимъ либо частнымъ, эмпирическимъ, или конечнымъ —, но безконечно-великимъ различіемъ, оно предстоитъ ему, какъ *вовсе не то*, какъ безусловно другое, которое во всей эмпирической сферѣ всего другого нигдѣ, никогда не находится.

Безусловно другое, которымъ человѣкъ живетъ и питается, чтобы, исполнивъ свое назначеніе, жить по-человѣчески, есть безусловная истина; и человѣческая жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ, движется, развивается и опредѣляется лишь опредѣленіемъ того, что ему именно и предстоитъ въ безконечномъ образѣ безусловной истины.

Не хлѣбомъ единымъ человѣкъ живетъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ (Матѳ. IV, 4).

Слово исходящее изъ устъ Божіихъ есть безусловная истина, или то безусловное другое, которое, по различію своей природы, отстоитъ отъ эмпирической, конечной природы человѣка на всю безконечность.

И тѣмъ не менѣе, человѣкъ, въ качествѣ человѣка, и чрезъ всю безконечность неразрывно связанъ съ безусловною истиною своимъ жизненнымъ, человѣческимъ сужденіемъ, которое исходитъ изъ самаго смысла его саморазумѣнія, въ силу котораго онъ и есть существо разумное. Если бы его сужденіе не касалось безконечности и не связывало съ нею всего его существованія, онъ бы не выходилъ изъ ряда животныхъ, и его существованіе на землѣ, не выходя изъ предѣловъ зоологіи, не было бы исторіею.

Его жизнь развивается, какъ міровая исторія, именно потому, что она связана неразрывно съ безусловною истиною; ею—онъ живетъ и питается; ею—онъ есть человѣкъ и творитъ свою человѣческую дѣйствительность.

Сказавъ, что человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ, — der Mensch ist was er isst, — тотъ представитель матеріализма сказалъ сущую правду.

Кромѣ того непосредственнаго, грубо-наивнаго и всѣмъ животнымъ извѣстнаго значенія, какое питье и ѣда имѣютъ, какъ средство утоленія жажды и голода, имъ—присуще еще и другое болѣе глубокое и мистическое значеніе.

Чтобы жить, необходимо пить и ѣсть; это есть существенный, жизненный актъ, которымъ творится и воспроизводится жизнь и чрезъ который открывается, что ея сущность заключается не въ ея обособленіи отъ другого, но напротивъ, именно — въ ея полномъ общеніи съ другимъ,— въ ея общеніи со всѣмъ содержаніемъ необъятнаго міра, — въ ея общеніи съ безусловною истиною, безъ которой нѣтъ и не можетъ быть никакой дѣйствительности.

Вся дѣйствительность заключается лишь въ живомъ общеніи, — лишь въ недѣлимости одного и другого. Внѣ

такого общенія, все другое, какъ предѣлъ, есть лишь отрицаніе бытія, — отрицаніе свободы жизни; а потому, никакая жизнь и не терпитъ другого въ его обособленіи. Но пожирать другое, чтобы, не встрѣчая въ немъ своего предѣла, быть безпредѣльно свободнымъ, есть, въ своей естественности, самый наивный, самый грубый актъ общенія одного съ другимъ; потому что, разрушая свое другое, одно теряетъ свое опредѣленное бытіе и, охватываясь спомъ, впадаетъ въ разсѣянность небытія.

Можно, не разрушая другое, сдѣлать его своимъ — чрезъ присвоеніе его себѣ, какъ своей вещи, — чрезъ порабощеніе его въ рабство; присвоенное другое, порабощенные рабы, какъ свои вещи, уже не могутъ быть предѣломъ господской власти и господскаго своеволія. Но и этотъ актъ общенія одного съ другимъ — и грубъ, и недостаточенъ: обращая все другое въ рабовъ и вещи, которыми онъ обладаетъ, господинъ рабовъ и вещей самъ обращается въ раба и въ вещь тѣхъ рабовъ и вещей, которыми онъ лишь мнимо обладаетъ.

Третій актъ общенія одного съ другимъ заключается въ усвоеніи его себѣ чрезъ теоретическое познаніе его природы; вслѣдствіе чего, оно уже не разрушается и не искажается, но, оставаясь какъ оно есть, только перестаетъ быть чужимъ, а потому, и является уже не столько предѣломъ, сколько продолженіемъ, помощью, орудіемъ и средствомъ жизни. Но все познать теоретическимъ разумомъ — невозможно.

Наконецъ, послѣдній и высшій актъ общенія одного съ другимъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣмъ существомъ своимъ — словомъ, дѣломъ и всякимъ помышленіемъ возлюбить безусловную истину, а въ ней и все другое; такъ какъ она есть самая сущность какъ одного, такъ и другого. Любовью все другое проникается вполнѣ, его чуждость устраняется ею, такъ, что все, что было отрицательнаго въ отношеніи одного къ другому, обращается съ обѣихъ сторонъ въ ихъ взаимное утвержденіе другъ другомъ, — въ ихъ безусловную свободу другъ въ другѣ.

Мистически, въ сомкнутомъ единствѣ, какъ цѣлость растенія въ сѣмени, всѣ значенія каждаго изъ этихъ образовъ общенія одного съ другимъ, заключаются непосредственно въ значеніи первѣйшаго и самаго наивнаго акта питья и ѣды; связывая жизнь одного съ жизнью другого, онъ символически предвозвѣщаетъ собою и высшій актъ общенія, въ которомъ жизнь человѣка и жизнь всего міра, достигая полной дѣйствительности и полной сообразности, приходитъ къ своему послѣднему заключенію.

Вотъ почему, не только въ христіанствѣ, но уже и у древнихъ, — на ихъ великихъ элевзиніяхъ, принятіе хлѣба и вина, какъ символическое утоленіе духовнаго голода и духовной жажды человѣка, были великимъ таинствомъ, знаменовавшимъ, что онъ живетъ и питается не эмпирическою пищею, послѣ которой вновь наступаютъ и голодъ, и жажда, не феноменальностью чувственныхъ, преходящихъ явленій, которыя мелькаютъ и пропадаютъ; но — Божественною сущностью и безусловною жизнью предвѣчнаго смысла, который есть дѣйствительная пища, дѣйствительная жизнь и дѣйствительный свѣтъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ.

Никто, никогда не видѣлъ Бога; Его безусловная истина не есть видимый, чувственный эмпирическій предметъ; недоступная чувственному взору, она есть, по отношенію ко всему, что видимо, безусловно другое, безконечно далекое отъ всякаго эмпирическаго существованія и отъ чувственной конечной природы человѣка, который поэтому, и видитъ ее не иначе, какъ чрезъ всю безконечность необъятно-великаго міра.

Съ другой стороны, однако, эта самая, отъ человѣка безконечно далекая истина — ближе всего другого къ существу его: она — безконечно близка къ нему и даже — одно съ нимъ; потому что, онъ увѣренъ въ ней, какъ въ себѣ самомъ; потому что, онъ живетъ и питается

ею, и, если то что вѣрить, если что утверждаетъ или — что отрицаетъ, то не иначе, какъ силою истины и смысла ея; безъ ея смысла онъ ничего бы не могъ ни утверждать, ни отрицать, — не могъ бы различать то, что исполнено смысломъ, отъ того, что — лишь безсмысліе; и въ мертвенномъ безразличіи того, что есть жизнь, и того, что есть смерть, не могъ бы жить; — такъ какъ вся жизнь есть лишь различеніе смысла отъ безсмыслія; — не могъ бы даже вѣдать, что онъ, не имѣя бытія, лишь мерещится, мнится и есть пустой призракъ безсмыслія и сущая ложь, какой нѣтъ и не можетъ быть въ дѣйствительности.

Но человѣкъ знаетъ непосредственно въ себѣ самомъ, увѣренностью своей жизни, что онъ — не ложь и не призракъ, что онъ живетъ и различаетъ свою жизнь отъ смерти, живое отъ мертваго, смыслъ отъ безсмыслія; зная это, онъ не можетъ не знать, что онъ самъ — знающій и различающій, — знаетъ и различаетъ лишь потому, что безусловная истина — безконечно близка къ нему, что она — одно съ нимъ и есть въ немъ именно его увѣренность въ себѣ самомъ.

Но, сказываясь въ такихъ опредѣленіяхъ: — какъ безконечно далекое отъ человѣка и его безусловно другое, и какъ безконечно-близкое къ нему и одно съ нимъ; — какъ то, чего онъ вовсе не видитъ, не знаетъ и никакимъ образомъ постичь не можетъ, и какъ то, что онъ непосредственно въ себѣ, всѣмъ существомъ своимъ всего ближе, всего больше и всего лучше видитъ и знаетъ, — безусловная истина сказывается человѣку, уже съ самаго начала, только какъ необъятное и ничѣмъ несообразимое противорѣчіе.

Для абстрактнаго представленія вполнѣ непонятно, какъ возможно, чтобъ человѣкъ не зналъ именно того, что онъ больше и лучше всего знаетъ: — какъ возможно, чтобъ безконечно-далекое, отдѣленное отъ него всею безконечностью міра, именно и было безконечно-близко къ нему и даже одно съ нимъ?

Но, заключая между собою, какъ все значеніе субъективности, такъ и всѣ знаки объективности міра, — какъ безконечную интенсивность его всеобъемлющаго смысла, такъ и безконечную экстенсивность его необъятнаго, міроваго бытія, термины безусловной истины, для того, чтобы обнять такое содержаніе, должны по необходимости раздаться и разойтись другъ съ другомъ на всю безконечность, которая, не допуская никакого между ними соображенія, разрываетъ всѣ конечные образы представленія: relata чего, термины и самая формула безусловной истины представляются и не могутъ иначе выражаться какъ только необъятнымъ и несообразимымъ **противорѣчіемъ.**

Какъ единственное выраженіе безконечности, противорѣчіе, являясь для всякаго образа представленія совершенно немыслимымъ образомъ и послѣднимъ предѣломъ возможнаго мышленія, порождаетъ въ сознаніи смуту и служитъ ему признакомъ, что оно случайно сбилось съ дороги и направилось непроходимымъ, ложнымъ путемъ. Во всей области знанія, только одна математика отважилась переступить этотъ порогъ мышленія и, пользуясь математическими знаками, безболѣзненно вошла въ сферу безконечно-малаго и безконечно-великаго, въ которой и преобразилась въ инфинитезимальное счисленіе, — самое могучее и точное орудіе познаванія.

Не обладая столь совершенными знаками, другія науки не могутъ, какъ математика, покинуть чисто-эмпирическую почву, на которой онѣ стоятъ и развиваются; но для всей цѣлости знанія и мышленія, противорѣчіе, которымъ выражается самая сущность всего бытія, не должно бы было быть поводомъ къ смущенію: хотя оно — и немыслимо въ образахъ представленія, оно тѣмъ не менѣе — вполнѣ понятно, какъ формула живаго, дѣйствительнаго понятія. Жизнь есть такое же противорѣчіе; она обнимаетъ въ своей цѣлости ту же безконечность и, не подходя ни поль единый образъ конечнаго представленія, по общему признанію, — столь же непонятна,

столь же непостижима въ существѣ своемъ, а между тѣмъ, она тѣмъ не менѣе есть несомнѣнный и безспорный фактъ и самое основаніе всякаго мышленія, всякаго представленія и всякаго знанія; такъ какъ безъ жизни, было бы невозможно ни ощущать, ни представлять, ни мыслить, ни знать.

Какъ самая канва, по которой воспроизводятся безчисленные образы безпредѣльно раскинутаго существованія необъятнаго міра, его міровое противорѣчіе просвѣчиваетъ сначала, даже и не въ видѣ какого либо мышленія, а лишь — непосредственною и безпредѣльною смутою чувственной матеріи бытія, предстоящей первобытному, стихійному невѣжеству человѣка, какъ вся дѣйствительность. Какъ слѣпота есть естественная колыбель, изъ которой возникаетъ зрѣніе, такъ точно и невѣжество есть начало и колыбель, откуда исходитъ знаніе.

2) Міровое противорѣчіе, какъ безконечное притязаніе и первородный грѣхъ человѣка.

Кому доводилось размышлять о природѣ человѣка — о его разумѣ, о его неразуміи, — о его величіи, о его низости, — о его знаніи, о его невѣжествѣ, тотъ не можетъ не сознавать, что заложенное въ самомъ существѣ его непримиримое противорѣчіе есть самая основа его существованія.

Въ отличіе отъ животныхъ, которыя относятся въ разрядъ неразумной и несвѣтственной твари, онъ признается существомъ разумнымъ, отвѣтственнымъ за дѣла свои и свободнымъ; потому что, обладая критическою способностію ума и пользуясь ею, онъ можетъ судить о самомъ порядкѣ существованія, о всеобщей и постоянной природѣ вещей и, различая, что въ нем — существенно и что несущественно, что съ нею сообразно и что — несообразно, избирать лучшее, — то, что слѣдуетъ, что должно, — и воздерживаться отъ всякаго неразумія, отъ всякой несообразности, отъ всего, что дурно.

Такимъ образомъ, приписываемыя человѣку разумность, отвѣтственность и свобода имѣютъ или предполагаютъ въ основѣ своей его способность относиться ко всему критически; такъ какъ безъ ней, его бы слѣдовало наравнѣ съ животными причислить къ той же неразумной твари.

Но, чтобъ быть дѣйствительною, критика должна необходимо имѣть свой вѣрный и неизмѣнный критерій, безъ котораго она была бы недѣйствительною —, а только мнимою, пустою критикою.

Чтобъ мѣрить, необходимо имѣть одну неизмѣнную мѣру; чтобъ провѣрять, необходимо имѣть твердую вѣру; чтобъ судить критически, необходимо имѣть опорою сужденія его во всѣхъ случаяхъ вѣрный, всеобщій и непреложный критерій.

Такимъ критеріемъ, если что можетъ быть, то, безъ сомнѣнія, ничто другое, какъ только — сама истина.

Однако, всѣ признающіе за человѣкомъ, какъ его неотъемлемое достояніе и достоинство, — разумъ, отвѣтственность и свободу, вполнѣ согласны въ томъ, что онъ не знаетъ истины, что, вслѣдствіе его ограниченности, она для него — недоступна.

А отсюда, уже само собою слѣдуетъ, что его критика, не имѣя истины, въ своемъ основаніи не есть дѣйствительная, всеобщая и непреложная —, а напротивъ, лишь очень условная, призрачная и мнимая критика, которою ровно ничего не рѣшается и не опредѣляется.

А потому, и приписываемыя человѣку разумность, отвѣтственность и свобода оказываются въ той же степени недѣйствительными, а только призрачными, — мнимою разумностью, мнимою отвѣтственностью, мнимою свободою.

Такъ что, можно сказать, что человѣкъ, именно въ силу самаго разума, самой отвѣтственности и самой свободы, вынужденъ по необходимости, отрицать самъ

въ себѣ и съ нею разумность, и свою отвѣтственность, и свою свободу.

Невозможно помыслить что либо болѣе противорѣчивое того явнаго противорѣчія, какимъ сказывается отрицаніе разума во имя разума, — отвѣтственности во имя отвѣтственности и — свободы во имя самой же свободы.

Разумъ, отвѣтственность и свобода человѣка оказываются, поэтому, вполнѣ несостоятельными и самыми пустыми опредѣленіями.

И тѣмъ не менѣе, или именно потому, человѣкъ преисполненъ въ себѣ безконечностью самомнѣнія о превосходствѣ природы своей; выдѣляя себя изъ среды животныхъ, онъ считаетъ себя, по естеству своему, рожденнымъ царемъ всей природы; ему мнится быть и разумнымъ, и добро и зло различающимъ, и свободнымъ существомъ.

Такимъ онъ родился и божьею милостью, такой онъ есть, по праву рожденія; не — самъ собою, не въ силу своего смысла, или дѣйствительнаго разума, но единственно — въ силу вещей, которыя, потому, и признаются имъ сущими превыше смысла и господствующими надъ смысломъ.

А вслѣдствіе сего, при господствѣ силы вещей надъ силою смысла, въ сферѣ человѣческаго существованія, должно по необходимости царить безсмысліе.

Быть разумнымъ, быть началомъ различія добра и зла, быть свободнымъ — означаетъ, по самому смыслу, лишь такое бытіе, которое есть и разумѣется само собою.

То же, что есть и разумѣется не само собою, а только въ силу вещей, — только другимъ, или чрезъ что либо другое, есть лишь механическое бытіе, которое — не отъ себя, и потому, не можетъ быть ни разумнымъ, ни началомъ различія добра и зла, ни свободнымъ.

А человѣкъ рождается человѣкомъ не самъ собою, а лишь въ силу естественнаго, зоологическаго опре-

дѣленія, которое, какъ данное отъ природы, налагается на него, безъ его вѣдома и безъ малѣйшаго участія его воли.

Его человѣчность основана и покоится на его особой организаціи: на высокомъ развитіи его нервной системы и головнаго мозга, на его физіологической способности къ членораздѣльной рѣчи, на стройности и взаимной соразмѣрности другъ съ другомъ каждаго изъ его отдѣльныхъ органовъ, на совершенствѣ его членовъ и особенно — его на все способныхъ рукъ; — вообще, на тѣхъ всесторонніхъ приспособленіяхъ и преимуществахъ его организма, которыми онъ, отличаясь отъ прочихъ животныхъ, такъ высоко выдвигается надъ ними, въ порядкѣ естественнаго существованія.

Въ силу этихъ же преимуществъ, человѣкъ превосходитъ всѣхъ животныхъ своими умственными способностями; по сравненію съ ними, кругъ его сознанія и соображенія несравненно шире и глубже по объему съемку; имѣя возможность точнѣе видѣть, больше помнить и далѣе предвидѣть, онъ судитъ о всѣхъ вещахъ, о всѣхъ явленіяхъ, о всѣхъ отношеніяхъ съ такой высоты обобщенія, до какой не способно возвыситься ни одно изъ животныхъ.

Поэтому только, за нимъ и признается право считаться разумнымъ, нравственнымъ и свободнымъ существомъ. И еслибъ не существовало человѣка, то такимъ существомъ признавалась бы, по всей вѣроятности, обезьяна.

Но быть разумнымъ, нравственнымъ и свободнымъ — не самимъ собою, не чрезъ себя, не по своей волѣ, а только по рожденію, только въ силу органическихъ опредѣленій, только въ силу вещи, есть явное, вполнѣ очевидное противорѣчіе.

Если человѣкъ свободенъ только даромъ природы, то онъ по отношенію къ ней и предъ ея лицемъ, какъ отпущенникъ предъ лицемъ своего бывшаго господина, никакъ не можетъ предстоять свободнымъ, но пребываетъ

рабомъ по существу: такъ какъ его рабство заложено въ немъ самымъ актомъ его отпущенія.

Свобода отпущенника, освобождаемаго не его волею, а только волею его господина, есть лишь мнимая свобода: забывая объ актѣ своего отпущенія, онъ забываетъ о своей свободѣ; а помня о немъ, онъ съ нимъ вмѣстѣ, по необходимости, долженъ помнить и о своемъ рабствѣ.

Поэтому, отъ природы — невозможно быть ни дѣйствительно разумнымъ, ни дѣйствительно нравственнымъ, ни дѣйствительно свободнымъ существомъ.

Съ физическимъ организмомъ, природа сообщаетъ человѣку лишь формальную возможность быть разумнымъ, нравственнымъ и свободнымъ, но не самую дѣйствительность, которую она не въ силахъ сообщить ему: потому что, все ею сообщаемое, все ею даруемое есть неизмѣннымъ образомъ только несвобода, только зависимость отъ внѣшнихъ условій и вещей.

Свобода, а съ нею и нравственность, и разумъ, не даются внѣшнею силою другого; они осуществляются лишь внутреннимъ актомъ своей собственной воли: разумъ осуществляется только разумомъ; нравственность — только нравственностью; свобода — только свободою.

Это значитъ, что они, какъ и самая истина, утверждаются и разумѣются только самими собою, — только силою смысла, а никакъ не силою вещей.

А потому, если человѣкъ уже по рожденію, или отъ природы, въ силу своихъ органическихъ способностей и предрасположеній, и можетъ въ отличіе отъ прочихъ животныхъ, не раздѣляющихъ съ нимъ такого преимущества, признаваться за разумное, добро и зло различающее и свободное существо, то развѣ только чисто формальнымъ образомъ, — только въ значеніи возможности (in potentia), а никакъ — не содержательно-конкретнымъ образомъ, никакъ — не въ значеніи дѣйствительности (in actu).

На самомъ же дѣлѣ, пребывая лишь при формальной возможности разума, добра и свободы, человѣкъ, за

отсутствіемъ ихъ конкретной дѣйствительности, пренебреженъ лишь ихъ мнимыми, совершенно пустыми образами, или — лишь пустою безконечностью самомнѣнія, которое и сообщаетъ ему никакъ не дѣйствительное, а только мнимое, только формальное право, или — только пустое, хотя и безконечное по его безмѣрности, притязаніе на достоинство разумнаго, нравственнаго и свободнаго существа.

Со стороны, между мнимымъ правомъ, или притязаніемъ, и дѣйствительнымъ правомъ, какъ и между мнимымъ знаніемъ, или невѣжествомъ, и дѣйствительнымъ знаніемъ, очень замѣтно ихъ безконечно-великое различіе; въ себѣ же самомъ, ни то, ни другое не различаются, но смѣшиваясь, идутъ другъ за друга, и, какъ невѣжество сдается знаніемъ, такъ и всякое притязаніе предъявляется за право.

Дѣйствительное знаніе есть знаніе истины, которою оно, отличаясь отъ мнимаго знанія, отличаетъ также и притязаніе, или мнимое право отъ дѣйствительнаго права.

Но въ началѣ, въ тѣхъ естественныхъ опредѣленіяхъ животности, въ какихъ человѣкъ рождается и начинаетъ свое существованіе, онъ обладаетъ вмѣсто знанія — только невѣжествомъ, при которомъ истина для него — недоступна; онъ отдаленъ отъ нея безконечною далью; вслѣдствіе чего, каждое изъ его притязаній сдается ему его неотъемлемымъ правомъ.

Хотя объективно и по содержанію, невѣжество есть лишь мнимое и недѣйствительное —, но по формѣ, субъективно, оно все же есть знаніе и сдается знаніемъ.

Такъ точно, и притязаніе, хотя по содержанію, объективно, есть недѣйствительное —, а только мнимое —, но по формѣ, субъективно, оно все же есть право и сдается правомъ.

Такимъ же образомъ, — но, конечно, лишь въ отрицательно-притягивномъ значеніи всего недоступнаго и безконечно-далекаго, — человѣкъ имѣетъ дѣло и въ-

дается, если и не съ дѣйствительно-объективнымъ содержаніемъ, то съ субъективною формою и съ формальною безконечностью истины. Сознавая оную въ себѣ, какъ свою необъятную пустоту, какъ свой ненасытный голодъ и свое безмѣрное желаніе, онъ находитъ точную мѣру ея въ безконечности своего субъективнаго формализма, въ безмѣрной притязательности своего пустаго, безконечно-великаго самомнѣнія, чрезъ которое онъ обладаетъ силою и способностью придавать значеніе безконечнаго достоинства и самому низшему изъ проявленій своей животности и своего невѣжества.

Человѣку, исполненному безконечностью своего необъятнаго самомнѣнія и своихъ безмѣрныхъ притязаній, нѣтъ ничего естественнѣе, какъ принимать и предъявлять себя за средоточіе всего міра, вокругъ котораго и земля и небеса свернулись въ одинъ небосклонъ, — вокругъ котораго всѣ другіе предметы тѣснятся, какъ ничего незначущіе знаки въ ожиданіи, что онъ сообщитъ имъ свое великое значеніе; ему невольно сдается, что всѣ видимыя вещи и конечныя существа,—люди, звѣри, растенія, солнце и свѣтила небесныя относятся къ нему, какъ къ своему безконечному началу; потому что онъ измѣряетъ и опредѣляетъ ихъ, ему же самому нѣтъ ни въ чемъ ни мѣры, ни опредѣленія; среди множества всего прочаго, онъ есть совершенно особая, единственная въ своемъ родѣ и ни съ чѣмъ несравненная сущность, исполненная всѣмъ значеніемъ безконечности.

Но эта безконечность есть лишь безконечность пустаго самомнѣнія и пустаго притязанія, - лишь пустая безконечность, или —лишь безконечная пустота.

Придавать безконечной пустотѣ своего естественнаго самомнѣнія и своихъ естественныхъ притязаній значеніе дѣйствительной безконечности, признавать свое ничтожество за свое величіе, свое пустое тщеславіе за свое достоинство—собственно и составляетъ сущность того, что именуется первороднымъ, или естественнымъ грѣхомъ человѣка; онъ и дѣйствительно—первородный, потому что,

прирожденъ существу человѣка естественнымъ опредѣленіемъ самой природы и есть лишь выраженіе того противорѣчія, которое заложено въ самую основу его человѣческаго существованія. Первородный грѣхъ человѣка есть притомъ, и дѣйствительный грѣхъ; потому что имъ устанавливаются сила и господство вещей надъ смысломъ и разумомъ; вслѣдствіе чего, и самъ человѣкъ оказывается не человѣкомъ, но вещью, — не существомъ разумнымъ, отвѣтственнымъ, свободнымъ, но — неразумнымъ, безотвѣтнымъ и не свободнымъ рабомъ вещей.

Не зная истины и полный невѣжества, онъ надѣляетъ боговъ своихъ, въ которыхъ разумѣетъ начало бытія, по образу и подобію своему, своими собственными качествами и преимуществами; вслѣдствіе чего, его безсмертные небожители, обладая не столько разумомъ, сколько силою, не столько нравственностью, сколько счастіемъ, живутъ и дѣйствуютъ не по произволенію свободы, а только по предназначенію роковой необходимости, которая всевластно царитъ надъ ними, какъ и надъ нимъ, въ образѣ всеобщей, невѣдомой, неотмѣнимой и непреложной судьбы всего сущаго и существующаго.

Согласно съ такимъ опредѣленіемъ и первородный грѣхъ человѣка, обусловливаясь его невѣжествомъ, проявляется съ тою первобытною наивностью, какой только возможно ожидать въ сферѣ, объятой полнѣйшимъ неразумѣніемъ, слѣпотою и глухотою ко всему, что возвышается надъ чувственнымъ міромъ вещей и ихъ вещныхъ отношеній.

При такой наивности натурализма, еще нѣтъ морали, — ни этики, ни эстетики, ни даже совѣсти; и то, что именуется зломъ, еще не имѣло такого значенія, выступаетъ открыто, — скорѣе похваляясь своею силою, нежели стыдясь своего нечестія. — Такъ что безспорно, иначе, какъ дѣйствительнымъ чудомъ откровенія истины, не могло статься чтобъ въ столь безпросвѣтной тьмѣ невѣжества, наступилъ свѣтъ и глухіе услышали, слѣпые прозрѣли и неразумѣющіе уразумѣли. Преть тѣмъ,

какъ совершилось такое чудо, люди грѣшили, необинуясь: возносясь при удачѣ и горько сѣтуя при неудачѣ, они находили какъ свое оправданіе, такъ и свое осужденіе не въ совѣсти, а только въ желанномъ или въ нежеланномъ исходѣ своихъ дѣлъ и предпріятій. Они не вѣдали ни самоосужденія, ни самооправданія; ихъ оправдывали или осуждали не они сами, а только другіе люди, или другія вещи и событія: при удачѣ — славою и почетомъ; при неудачѣ - срамомъ, презрѣньемъ, перѣдко и злою казнью; но и въ томъ и въ другомъ случаѣ, не ради ихъ признаваемой заслуги или ихъ дѣйствительной вины, а только въ согласіи съ жребіемъ, выпавшимъ на ихъ долю, по предопредѣленію всевластной судьбы.

По невѣдѣнію самой истины, добро и зло полагались не столько въ самомъ существѣ, сколько въ строгомъ соблюденіи или въ нарушеніи установленныхъ приличій и обрядовъ общежитія, — сколько въ счастливой или въ несчастной обстановкѣ существованія. Тайное оставалось въ тайнѣ, до которой никому не было дѣла; а все явное судилось внѣшнимъ судомъ и явнымъ порядкомъ событій. Кто отдавалъ слѣдующую по закону десятину мяты, аниса, тмина и всякаго прилоґа, кто не нарушалъ субботы, кто совершалъ требуемыя богами возліянія, кто не внималъ въ нищету и обладалъ всякаго рода добромъ, — обиліемъ виноградниковъ, рабовъ, скота и т. д., съ того не требовалось ничего болѣе; тотъ, какъ явный любимецъ боговъ, признавался другими и признавалъ самъ себя во всемъ остальномъ правымъ и безупречнымъ, хотя бы прилюдно, не соблюдалъ ни правды, ни милости.

По отсутствіи морали и совѣсти и въ силу невѣжества, въ этой сферѣ преобладанія вещи надъ смысломъ, грѣхъ, не имѣя глубины, совершался весь на поверхности бытія. На грубой почвѣ наивнаго тщеславія и столь же наивныхъ пожеланій, люди были, какъ несмышленыя дѣти, и нимало не таясь, грѣшили, совершая въ виду всѣми, не только безъ застѣнчивости, но и съ похвальбою, какъ славы достойныя, всякаго рода безчинства,

коварства и злодѣянія. Въ эпоху человѣческаго ребячества, и самое злодѣйское дѣло нерѣдко сдавалось геройскимъ дѣломъ; хвалясь своею безсердечностью и жестокостью, люди стыдились мягкосердечія и сердоболія, какъ недостойной слабости, и признавали надъ собою только безжалостную и безсмысленную силу, только безстрастный судъ бездушныхъ вещей.

Признавъ силу и судъ вещей—выше суда и силы смысла, человѣкъ по необходимости и самъ обращался въ бездушную вещь.

3. Прапзводный грѣхъ человѣка.

Объектъ невѣжества, въ какомъ бы видѣ онъ ни являлся, есть лишь преходящая матерія, которая не пребываетъ, но проходитъ, а съ нею проходитъ и невѣжество. и является знаніе.

Но мѣрѣ того, какъ проходитъ ребячество, замѣняясь болѣе зрѣлымъ возрастомъ, первобытное невѣжество отступаетъ предъ свѣтомъ знанія. проникающаго съ внѣшней поверхности въ самую сущность вещи, и наивная грубость первобытныхъ, людскихъ отношеній, подъ вліяніемъ болѣе глубокихъ взглядовъ, понятій и разумѣнія, обращается въ утонченные нравы культурнаго и уже болѣе или менѣе развитаго общества. При воздѣйствіи высшихъ идеаловъ, общежитіе людей проникается болѣе глубокимъ сознаніемъ о предписаніяхъ совѣсти и морали, которыя, уже не довольствуясь внѣшнимъ оправданіемъ удачи или неудачи, требуютъ внутренняго, чисто субъективнаго самооправданія; потому что, для всѣхъ понятно, что человѣкъ отвѣчаетъ за дѣла свои не предъ вещами, не предъ людьми, а только предъ собою, предъ судомъ своего разума, своей нравственности и своей свободы.

Согласно съ такимъ требованіемъ, между людьми устанавливается приличіе нѣкоторой добропорядочности, или такъ называемой культурности, при которой грѣхъ,

въ его осязательно-грубомъ, чувственномъ и безжалостномъ видѣ, уже не выставляется предъ людьми ради славы или похвальбы, но таится во тьмѣ, въ грубыхъ, низшихъ сферахъ, куда еще не проникнулъ свѣтъ, котораго онъ не выноситъ, какъ свое осужденіе.

Въ порядочномъ обществѣ, грѣхъ противъ десяти заповѣдей,—идолопоклонство, нечестіе, распутство, ложь, зависть, коварство, убійство,—какъ и всякаго рода грубыя преступленія и дикія злодѣянія, не допускаются и не терпятся; всякій порядочный человѣкъ, съ малѣйшимъ притязаніемъ на то, что называютъ respectability, — на общественность, тщательно остерегается и сторонится такихъ грѣховъ; потому что, не только быть повиннымъ, но даже и — подозрѣваемымъ въ нихъ, считается позоромъ, который — тяжеле и горше самой смерти.

Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что при сознаніи неудовлетворительности, нестроенія и неурядицы въ существующемъ строѣ человѣческихъ отношеній, люди взираютъ, какъ на единственное средство къ исправленію и къ устраненію сознаваемаго зла, и возлагаютъ всѣ надежды главнымъ образомъ на распространеніе въ обществѣ недостающаго въ немъ свѣта знанія,—на постепенное развитіе его образованности и культурности. Отъ дичковъ никто не ожидаетъ сладкихъ плодовъ; они приносятся только культурными растеніями.

Всѣ сознаютъ, что невѣжество есть и самая среда, и самый источникъ всѣхъ золъ общества; и потому, вполнѣ естественно и особенно въ ту пору, когда еще нѣтъ настоящаго свѣта, а только сумерки наступающаго знанія, видѣть спасеніе въ распространеніи знанія, въ всеобщемъ просвѣщеніи и въ отрѣшеніи человѣка отъ его суевѣрій, предразсудковъ и всякаго рода смутныхъ призраковъ и наваждений обскурантизма.

Но какъ бы ни былъ великъ свѣтъ, онъ освѣщаетъ только то, что есть и, не измѣняя самой сущности вещей, лишь обнаруживаетъ то, что скрываясь во тьмѣ, было не видно.

Противорѣчіе, заложенное въ самомъ существѣ чело-

вѣка, какъ основа его существованія, освѣщаясь свѣтомъ знанія, не перестаетъ быть противорѣчіемъ; при свѣтѣ знанія, исчезаетъ его смутная матерія, но за то тѣмъ яснѣе и тѣмъ сознательнѣе выступаетъ его образъ, познавая который, какъ и все, что бываетъ и творится въ мірѣ, человѣкъ познаетъ, что все — лишь суета и огорченіе духа.

Термины жизни — душа и тѣло, законъ и явленіе, всеобщее и единичное, необходимое и случайное, единое и многое, какъ и термины безусловной истины — Богъ и человѣкъ, — вѣчность и преходящее мгновеніе, заключая между собою безконечность, представляются, по необъятности ея содержанія, лишь несообразимымъ противорѣчіемъ, которое для большинства людей не только теоретически, но и практически, означаетъ лишь безконечность пустоты, лишь отсутствіе силы и совершенную невозможность жить дѣйствительнымъ образомъ, не взирая пустымъ призракомъ въ безсмысленно праздномъ и ни къ чему неведущемъ существованіи.

Этимъ только и объясняется, почему всѣ ожиданія и обѣщанія жизни, такъ рѣдко исполняясь, всего обыкновеннѣе разрѣшаются сильнѣйшимъ разочарованіемъ, при которомъ сознается, что жизнь есть обманъ, обаятельный лишь для тѣхъ, кто не знаетъ, не мыслитъ, не думаетъ, — кто, увлекаясь и не вѣдая, какъ онъ обманутъ, живетъ призраками своихъ пустыхъ надеждъ, мечтаній и невѣжества.

А потому, и говорится, что мысль и знаніе отравляютъ радость и убиваютъ очарованіе жизни; чтобъ возможно было ею радоваться и наслаждаться ея чарами, необходимо пребывать въ невѣжествѣ, — не знать и не мыслить.

Въ этомъ отношеніи, жизнь животныхъ, являясь въ грубомъ свѣтѣ, представляется полною противоположностью человѣческой жизни: животныя живутъ всею полнотою жизни, которая, безъ всякихъ съ ихъ стороны ухищреній, бьетъ черезъ край своимъ простымъ, безхитростнымъ и вполнѣ дѣйствительнымъ содержаніемъ.

Жизнь человѣка, напротивъ, несмотря на всѣ его ухищренія, не находя ни въ чемъ своего полнаго, ея назначенію соотвѣтствующаго осуществленія, отзывается лишь безконечностью своей пустоты и вѣчно вновь повторяющимся обманомъ ея несбыточныхъ надеждъ и призрачнаго содержанія.

Зависитъ это, конечно, не отъ того, чтобъ человѣкъ, по существу своему, былъ хуже, слабѣе или глупѣе животныхъ; напротивъ, онъ царитъ надъ ними силою и всесторонностью своихъ физическихъ и умственныхъ способностей. Но за то и задача, предъявляемая ему къ разрѣшенію его человѣческою природою, — неизмѣримо шире и труднѣе той, которая такъ удовлетворительно разрѣшается существованіемъ животныхъ.

То другое, которымъ они живутъ и питаются, предстоитъ имъ въ видѣ эмпирическихъ, конечныхъ предметовъ и находится или въ непосредственной близи съ ними, или, хотя и вдали отъ нихъ, но никогда — не за предѣлами точно обозначенной и ограниченной сферы ихъ существованія. Вслѣдствіе чего, зная всегда, точно и опредѣленно, что имъ потребно, нужно или необходимо, а также — какими способами оно добывается, животныя ничего сверхъ того не желаютъ, не ищутъ и, не теряясь въ пустыхъ и праздныхъ мечтаніяхъ, какъ истинные позитивисты, неуклонно и всѣми силами стремятся къ осуществленію лишь того, что имъ предназначено осуществлять ихъ природою.

А назначеніе человѣка безпредѣльно: то другое, которымъ онъ живетъ и питается, есть не какое либо эмпирически-конечное, но безусловно другое и вовсе не то, что можно видѣть, ощущать, находить въ сферахъ эмпирически-конечнаго существованія. Находясь за предѣлами конечнаго, видимаго міра, оно ему сказывается изъ безконечной дали, въ недоступномъ образѣ его вѣчныхъ идеаловъ, къ которымъ онъ прикасается не реально, какъ къ какой либо вещи, а только мечтою; а потому они, сливаясь въ его сознаніи въ одну общую кар-

горію съ его прочими мечтаніями и измышленіями, утрачиваютъ для него значеніе объективно-сущаго бытія и представляются лишь субъективно-призрачными порожденіями его страховъ, надеждъ и воображенія.

Но отъ этого рода навожденій, какъ свидѣтельствуетъ и логика, и вся исторія человѣка, онъ не можетъ отдѣлаться и не въ состояніи отмыслить ихъ такъ, чтобъ не вѣдаться съ ними; потому что они неразрывно связаны съ его существомъ — необходимостью.

Чѣмъ существо питается и живетъ, то ему, конечно, необходимо; и для него было бы величайшимъ несчастіемъ, если бы не было того именно, что ему необходимо и безъ чего ему невозможно жить; или, еслибъ оно, подвергаясь сомнѣнію, могло сдаваться пустымъ призракомъ или только мечтою, безъ всякой сущности.

Животное никогда не сомнѣвается въ полной дѣйствительности того, чѣмъ оно живетъ и питается, и всегда исполнено несокрушимою увѣренностью, что все ему потребное и необходимое дѣйствительно существуетъ; оно и находитъ оное и, находя, обращаетъ въ свою пищу и жизнь.

Но идеалы, которыми живетъ и питается человѣкъ, очень сходны съ неуловимою мечтою, и въ нихъ дѣйствительности усмотриться очень не трудно; всякій разъ, какъ только человѣкъ стремится къ нимъ, гонится за ними и въ воображеніи уже хватаетъ ихъ, они отъ него неудержимо ускользаютъ и удаляются въ безконечную, въ недоступную даль; когда же онъ самъ отказывается и удаляется отъ нихъ, вдаваясь, въ свой естественный эмпиризмъ бытія, тогда они неотступно навязываются ему, обращая въ пустой призракъ и въ мертвенное безсмысліе все, къ чему бы онъ ни прикасался своимъ реальнымъ, эмпирическимъ существованіемъ.

Во всякомъ случаѣ, идеалы человѣческіе остаются только идеалами, которые,— на сколько человѣку извѣстно изъ опыта, на сколько онъ видитъ и знаетъ, — на самомъ дѣлѣ никогда и нигдѣ не осуществляются. Неосуществи-

мость идеаловъ — до того старая и всѣмъ извѣстная истина, что она уже издавна, почти съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ живетъ и помнитъ себя, отмѣчена какъ ихъ отличительная и существенная черта; вслѣдствіе чего, обыкновенно, все несуществимое, мечтательное, недѣйствительное, то, чего нигдѣ и никогда не бываетъ, именно потому, и называется идеаломъ.

Человѣкъ вѣчно мечтаетъ о прекрасномъ, чтобъ на самомъ дѣлѣ жить только пошлостью и безобразіемъ; — вѣчно мечтаетъ о добрѣ, о любви, о свободѣ, чтобы на самомъ дѣлѣ жить въ омутѣ зла, ненависти, насилія и рабства, вѣчно мечтаетъ о истинѣ, чтобы на самомъ дѣлѣ жить и дышать смертельными міазмами лжи, которою онъ и самъ до дна души изолгался и извѣрился въ себѣ самомъ. А потому, ему остается лишь плавать и пропадать пустымъ призракомъ между призраками, кошемарами и дикими наваженіями пошлости, безобразія, насилія и отъявленной лжи.

Каждое существо вѣдѣніемъ ему присущаго инстинкта всего лучше и полнѣе знаетъ то, чѣмъ оно живетъ и питается; такъ какъ самая природа его опредѣляется природою и существомъ того, что его питаетъ.

Такимъ образомъ, и человѣкъ лучше и полнѣе всего знаетъ въ себѣ самомъ, своимъ человѣческимъ смысломъ, тотъ божественный идеалъ, которымъ онъ долженъ жить и питаться, чтобъ быть человѣкомъ, — который сообщаетъ его эмпирической конечной природѣ смертнаго божественность и сознаніе, что онъ, какъ существо разумное, отвѣтственное и свободное, обязанъ дѣлать то, что, повидимому, онъ никакъ не можетъ дѣлать, — и не дѣлать именно того, что онъ можетъ и способенъ дѣлать.

А потому, между тѣмъ какъ животное, ни въ чемъ не сомнѣваясь, безъ всякихъ недоумѣній живетъ зоологически-точно опредѣленнымъ порядкомъ и, не колеблясь, твердо пребывая на положительной почвѣ своего эмпирическаго существованія, смѣло, безъ пустыхъ надеждъ и страховъ приступаетъ къ положительному

содержанію своей жизни и пользуется ея настоящими благами; человѣкъ, напротивъ, живетъ лишь какъ пустой мечтатель, которому, то въ силу геологіи, то въ силу метафизики, воспрещается жить такъ, какъ бы онъ могъ жить, еслибъ его не смущали его праздныя мечтанія о его божественной природѣ, и навязывается обязательство жить такъ, какъ онъ не можетъ жить, по опредѣленію его эмпирически-конечной природы.

Въ виду своей божественной природы, сознавая себя существомъ разумнымъ, отвѣтственнымъ и свободнымъ, человѣкъ отрицаетъ въ себѣ эмпирическую ограниченность своей животной природы и отрицается отъ ея опредѣленій, какъ отъ чего-то для него чуждаго, низкаго и недостойнаго. Но, убѣждаясь ежедневнымъ опытомъ въ крайней ограниченности и въ полнѣйшей зависимости своего существованія отъ внѣшнихъ силъ и условій, онъ, въ то же время, не можетъ избавиться отъ сознанія, что его божественность — лишена всякой дѣйствительности и есть лишь призрачная мечта, лишь праздное помышленіе о недоступномъ, въ дали безконечной затерянномъ идеалѣ.

Такимъ образомъ, онъ сознаетъ то несчастное двусмыслiе, въ какомъ онъ обрѣтается, разрываясь между противорѣчивыми терминами своей субъективной увѣренности въ себѣ самомъ, и своей же объективной достовѣрности въ непреодолимой силѣ всего другаго.

И тѣмъ не менѣе, будучи человѣкомъ, онъ не можетъ ни отрѣшиться отъ своего безконечно далекаго идеала, чтобъ нераздѣльно отдаться своей животности, ни оторваться отъ своей чувственной, непосредственно-близкой животности, чтобъ свободно возвыситься до всей полноты обладанія своимъ завѣтнымъ идеаломъ. И безвыходно, теряясь въ непримиримомъ противорѣчіи своей помышляемой безконечности съ своею всюду испытываемою конечностью, пребываетъ въ безпредѣльной пустотѣ, между первою и второю, лишь жалкимъ призракомъ, вѣчно жаждущимъ и алчущимъ утолить свою жажду и

насытить свой голодъ ему недостающею дѣйствительностью.

Заложенное въ самой основѣ человѣческаго существа противорѣчіе, указывая на безконечное содержаніе, какое онъ способенъ вмѣстить въ себѣ или обнять собою, есть безъ сомнѣнія знакъ его величія.

Но этотъ знакъ величія, ставя его такъ недосягаемо высоко надъ всѣми животными, есть съ тѣмъ вмѣстѣ и неизсякаемо-горькій источникъ невыносимыхъ мученій и несказанныхъ страданій, какихъ не вѣдаютъ животныя.

Между тѣмъ какъ животныя ликуютъ жизнью и радуются своему существованію, ни о чемъ другомъ не помышляя, ничѣмъ другимъ не смущаясь, человѣкъ живетъ, постоянно теряясь въ помышленіяхъ о другомъ, которое и — безконечно близко къ нему, такъ что онъ не можетъ не помышлять о немъ, — и безконечно отъ него далеко, такъ что всѣ его помышленія о немъ — совершенно напрасны и ни къ чему не ведутъ, потому что, изъ конечности нѣтъ хода въ безконечность. Несообразность того эмпирическаго содержанія, которое онъ находитъ и которымъ онъ живетъ, какъ животное, съ тѣмъ безусловно другимъ, о которомъ онъ невольно помышляетъ, но котораго онъ нигдѣ не находитъ, сказывается въ немъ его раздоромъ съ самимъ собою, обращаетъ все его существованіе въ несостоятельный призракъ, въ мучительный кошмаръ, въ безъисходныя муки Иксіона и Тантала.

Находя въ себѣ, съ одной стороны, всѣ позывы, всѣ потребности, всѣ побужденія своей эмпирической животной природы, и вѣдая своимъ помысломъ съ другой —, совсѣмъ иныя требованія и обязательства, — совсѣмъ иные призывы и мотивы своей идеальной, человѣчески-божественной природы, человѣкъ не въ силахъ нераздѣльно отдаться ни той, ни другой, и пребываетъ между ними въ своей двойственности двусмысленнымъ, надломленнымъ и лживымъ существомъ, въ которомъ все, что имъ утверждается, непосредственно имъ же самимъ и отрицается, и все, что имъ отрицается, тутъ же, въ то же

время и въ томъ же отношеніи, имъ же самимъ и утверждается.

Дѣйствительность, или самая сущность жизни состоитъ лишь въ недѣлимости (въ конкретной индивидуальности) ея термина всеобщности, или ея всеобщаго смысла, съ ея же терминомъ безусловной единичности, или самобытности ея свободнаго, лишь ею самою исполняемаго бытія.

Въ человѣкѣ же, оба термина, оба значенія его жизни,—его божественность и его животность, вмѣсто того, чтобъ быть живою недѣлимостью, или цѣльностью бытія, оказываются уже въ корнѣ и въ самомъ началѣ, несовмѣстными и противорѣчивыми, или разъединенными другъ отъ друга всею безконечностью.

А потому, онъ и испытываетъ вмѣсто дѣйствительной жизни только пытку и мученія жизни. Онъ томится голодомъ и жаждою, но, или не находитъ ни пищи, ни питья, которыми бы утолить голодъ и жажду, или же, если и находитъ, то воздерживается, самъ себѣ возбраняя, какъ нѣчто ему неподобающее, всякую сладость удовлетворенія.

Когда физическій голодъ томитъ его, приглашая вкусить отъ плодовъ земли и насытиться ими, какъ насыщаются же власть животныя, онъ не смѣетъ приступить къ нимъ, не смѣетъ утолить голодъ изъ опасенія прогнѣвить боговъ своею алчностью и накликать ихъ гнѣвъ на себя.

Такъ и при каждомъ изъ имъ ощущаемыхъ позывовъ и побужденіи, которымъ животныя безбоязненно слѣдуютъ и находятъ полное удовлетвореніе, человѣкъ, вмѣсто того, чтобы послѣдовать ихъ могучему голосу, боязно помышляетъ о другомъ и, неудовлетворяя себя, считается съ смутными страхами и еще болѣе смутными надеждами, навѣваемыми на него изъ невѣдомой дали другаго, безконечнаго міра.

А потому, онъ и не знаетъ ни радости, ни счастія жизни, какими свободно пользуются и наслаждаются всѣ

другія животныя; оттого, великая радость и великое наслажденіе — всегда надломаны, — всегда отравлены тѣмъ ревнивою завистью боговъ, о которыхъ животныя не заботятся и не помышляютъ, а онъ, человѣкъ, никакъ не можетъ забыть.

При такомъ двуумысліи и раздвоеніи существа своего, при такомъ раздорѣ своей божественной природы съ своею животностью, ни счастье, ни радость жизни — немыслимы и невозможны для человѣка; и каждое животное, раздѣльно объятое своею животностью, — несравненно счастливѣе въ своемъ недвуумысленномъ, простомъ, цѣльномъ и никакими призраками несмущаемомъ существованіи.

Глубокое сознаніе античнаго міра о существѣ человѣка выражено имъ съ непогрѣшаемою ясностью и полнотою въ его миѳическомъ сказаніи о Прометеѣ, который, самъ будучи богомъ, тѣмъ не менѣе прикованъ богами къ незыблемой скалѣ необходимости.

Онъ и въ оковахъ, знаетъ про-себя и не можетъ не знать, что онъ — богъ; но потому-то, его собственный помыселъ о своей божественности, о своей безконечности, о своей свободѣ и слетаетъ на него съ небесъ, въ видѣ ненасытнаго коршуна, чтобъ ежедневно терзать его внутренности и исполнять все существо его невыносимыми страданіями и мучительнымъ сознаніемъ того безысходнаго и страшнаго противорѣчія, въ какое онъ повергнутъ волею боговъ и непреклонною судьбою.

Сами боги, хотя и подозрѣваютъ, но вполнѣ не вѣдаютъ той завѣтной, глубокой тайны, которую онъ ревниво хранитъ отъ нихъ въ своей человѣческой груди и которая въ томъ и состоитъ, что онъ, хотя и преданъ какъ животное, какъ смертный, ихъ произволу и насилію, но по существу, какъ человѣкъ, есть имъ равный богъ; и не минуетъ то время, когда имъ откроется божество его, и тогда они, завистливые боги, по необходимости, въ силу судьбы, которой и они, какъ и онъ — подвластны, познаютъ и признаютъ его имъ равнымъ богомъ.

Пользуясь своею силою и его нестерпимыми мученіями, боги пытаются выманить у него его завѣтную, для нихъ же грозную тайну, и обѣщаютъ избавить его отъ мученій, если онъ, смиряясь, признаетъ ихъ власть надъ собою и выдастъ имъ свою тайну.

Подъ выдачею тайны — боги разумѣютъ не только повѣдать и раскрыть опую, но и вполнѣ отрѣшиться и своею волею отказаться отъ всего, что въ ней заключается, - отъ всѣхъ надеждъ и обѣщаній, какія въ ней таятся.

Но Прометей хранитъ ее въ груди своей, и терзаясь мученіями, не выдаетъ ее; онъ и не хочетъ, и не можетъ, предавъ имъ завѣтную сущность своей человѣческой природы, отказаться отъ своей божественности и стать животнымъ. А потому, его мученія не прекращаются и, по волѣ боговъ, не могутъ прекратиться, пока онъ, пребывая человѣкомъ, добровольно и вполнѣ не отрѣшится самъ отъ глубокаго смысла своей человѣчности.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ онъ только могъ порвать несокрушимыя оковы необходимости, тогда онъ обладалъ бы полною дѣйствительностью своего свободнаго божественнаго бытія и вкушалъ бы блаженство боговъ-небожителей. Или, еслибъ онъ могъ, отрѣшаясь отъ существа своего и отъ смысла своей божественности, окончательно забыть о ней, тогда онъ обратился бы въ животное и могъ бы, согласно съ ученіемъ позитивизма, съ наслажденіемъ и безбоязненно вкушать ничѣмъ неотуманенную радость животной жизни и сладостное вождѣленіе животнаго существованія.

Такой выходъ Зевсъ Олимпійскій съ богами и съ представителями современнаго позитизма и предлагаютъ человѣку для избавленія его отъ мышленія и дарованія ему полноты счастья и безболѣзненнаго житія.

Но человѣкъ не въ силахъ порвать оковы необходимости, чтобъ стать дѣйствительно Богомъ, знающимъ добро и зло; и не хочетъ, да и не можетъ отрѣшиться отъ своей

божественности, чтобъ стать животнымъ, не вѣдающимъ ни зла, ни добра.

А потому, всесильная судьба и вынуждаетъ его оставаться полу-богомъ и полу-животнымъ и пребывать, по неразрѣшимости противорѣчія его существа, мучительно-смутною и до сихъ поръ еще неразгаданною загадкою.

У древнихъ былъ слухъ, какъ онъ и нынѣ еще отъ времени до времени повторяется, о томъ, будто бы великій Геркулесъ поразилъ стрѣлою коршуна, который такъ давно терзаетъ прикованнаго Прометея, и тѣмъ избавилъ его отъ нестерпимыхъ мученій.

Но это оказалось лишь преждевременнымъ слухомъ, порождаемымъ горячими надеждами и ожиданіями. О. Конта или Карла Маркса — едвали возможно принять за Геркулеса. А старый коршунъ, по свидѣтельству всѣхъ людей, и по сей день, какъ и въ прежнее время, свободно летаетъ по поднебесью, и ежедневно, какъ и вчера, спускается оттуда, чтобъ терзать и мучить человѣка, скованнаго по прежнему все тою же роковою необходимостью.

Ходилъ у древнихъ, да и нынѣ кой-когда повторяется еще и другой слухъ, будто бы смышленый, прозорливый Эдипъ, встрѣтивъ на перепутьи ужаснаго сфинкса, разгадалъ его загадку о существѣ человѣка; вслѣдствіе чего, будто бы сфинксъ, поглощавшій несмышленыхъ людей, неумѣвшихъ разгадать его загадки, низринулся въ бездну,— и тѣмъ предоставилъ человѣку возможность жить безболзненно и свободно.

Но и это также оказалось лишь пустымъ и преждевременнымъ слухомъ.

Древняя загадка о человѣкѣ остается и понынѣ столь же неразгаданною, какъ и прежде; а древній сфинксъ по прежнему задаетъ ее каждому проходящему въ жизни, и угроза его не остается напрасною: онъ пожираетъ всякаго, кто не умѣетъ разгадать его загадки.

Вѣдь извѣстно, что дальновидный и смышленый Эдипъ былъ всегда опрометчивъ; онъ и въ этотъ разъ, опрометчиво поторопился, какъ то дѣлаютъ и современ-

ніе Эдипы, возвѣстить всему міру о удачѣ своего бойкаго разрѣшенія, и не замѣтилъ, что лукавый сфинксъ не пропалъ, какъ ему показалось, а только притаился на время, чтобъ тѣмъ жесточе насмѣяться надъ его самонадѣянною слѣпотою.

Въ наше время, когда ребяческія эпохи, или фазисы теологическаго и метафизическаго мышленія замѣнились позитивною философіею, воздвигаемою на незыблемомъ основаніи положительнаго знанія, современные мыслители взялись разрѣшить мучительную загадку древняго сфинкса совсѣмъ инымъ, положительнымъ способомъ и строго-научнымъ методомъ: они во-первыхъ, во всеуслышаніе объявили, что никакого сфинкса нѣтъ, да никогда и не бывало; что онъ есть лишь пустой миѳологическій вымыселъ, приличный теологической, а никакъ не позитивной порѣ преобладанія положительнаго знанія. А затѣмъ, во-вторыхъ,—изъ сего же само собою явствуетъ,—что, относительно существа человѣка, никакой особой загадки нѣтъ, да никогда и не существовало, какъ развѣ въ сумрачной области теологическаго или метафизическаго обскурантизма. А въ области позитивнаго мышленія и положительнаго знанія, все ясно, все — опредѣлено, все разгадано: и если и допускается въ видѣ нѣкоторой поблажки естественнымъ мечтательнымъ наклонностямъ человѣка, сфера невѣдомаго и непознаваемаго, то лишь при полномъ сознаніи, что ни ей до человѣка, ни человѣку до ней нѣтъ никакого дѣла. Съ точки зрѣнія позитивнаго мышленія она много, много, что служитъ отдушиною или удаленія чрезъ нея зловредныхъ тумановъ или паровъ, накопляющихся въ человѣческомъ сознаніи, въ силу жизненнаго броженія и нѣкоторой неудовлетворенности настоящимъ, положительнымъ содержаніемъ жизни.

Существо человѣка представлялось загадочнымъ и неразрѣшимымъ противорѣчіемъ только вслѣдствіи двухъ другъ съ другомъ несовмѣстныхъ терминовъ, которыми оно опредѣлялось, являясь съ одной стороны, въ одномъ

ряду со всѣми эмпирическими, конечными существованіями, стоящими подъ внѣшнимъ закономъ непреложной необходимости, и высказываясь съ другой —, разумнымъ, отвѣтственнымъ и свободнымъ существомъ, которое живетъ и питается уже не эмпирическою, не конечною матеріею всего преходящаго, а только безусловнымъ смысломъ и вѣчною сущностью непреходящей истины.

Терминъ феноменальности, или условной, конечной и преходящей матеріи, и терминъ сущности, или истины безусловнаго, безконечнаго и вѣчнаго смысла, отстоятъ другъ отъ друга на всю безконечность, которая, въ недѣлимомъ образѣ жизни, или въ самомъ существѣ человѣка, и проступаетъ, какъ его несообразимое и непримиримое противорѣчіе. Чтобъ быть дѣйствительнымъ, или цѣльнымъ существомъ, онъ необходимо долженъ сомкнуть собою оба термина своего опредѣленія къ ихъ недѣлимому единству, т. е. сомкнуть грудью смертнаго ихъ разъединяющую безконечность, или, какъ это иронически выражаютъ, — постигнуть непостижимое, объять необъятное, совершить невозможное.

Въ виду явной невозможности разрѣшенія такой проблемы, современные мыслители, и во главѣ ихъ представители позитивизма и нео-кантіанизма, и прибѣгаютъ къ научному методу; пользуясь чисто научными пріемами позитивнаго мышленія, они устраняютъ изъ его сферы одинъ изъ двухъ терминовъ предъявляемаго противорѣчія, — именно терминъ безконечности; по устраненіи онаго въ ихъ научно-положительномъ міровоззрѣніи, понятное дѣло, исчезаетъ всякое противорѣчіе, отмѣняется все загадочное и разгадывать нечего.

А, если затѣмъ, недовольные столь научнымъ, хотя болѣе отрицательнымъ, нежели положительнымъ разрѣшеніемъ, указываютъ, что послѣ этого и жить не изъ-за чего, то сторонники новаго ученія возражаютъ, что такъ думать — напрасно; что, исключая всякаго рода безконечности изъ области человѣческаго знанія, они ни-

мало не изъемлютъ изъ жизни ни ея дѣйствительнаго содержанія, ни ея положительныхъ идеаловъ, которые придаютъ ей ея настоящую, положительную цѣну, и которыми люди, отставшіе отъ пустыхъ мечтаній о недосягаемомъ и усвоившіе себѣ позитивный методъ мышленія, могутъ довольствоваться и наслаждаться, не требуя и не ожидая никакихъ безконечностей.

Такое міровоззрѣніе, какъ уже сказано, полагаетъ своимъ основаніемъ положительное, т. е. эмпирически-отвлеченное знаніе; кромѣ того, имѣя въ виду и существующее въ данное время настроеніе и состояніе общества, оно находитъ въ его культурности, въ его общемъ направленіи, въ его стремленіяхъ и понятіяхъ, достаточную опору и полное оправданіе для своихъ утвержденій.

Но, по отношенію собственно къ знанію и особенно къ знанію положительному, не слѣдуетъ забывать, что, подобно тому, какъ жизнь человѣка зачинается въ ребячествѣ, такъ оно зачинается въ невѣжествѣ,—что потому, невѣжество и есть первая ступень и первое звѣно въ его дальнѣйшемъ развитіи. Объектъ невѣжества, которому оно придаетъ все значеніе дѣйствительности, есть, разумѣется, нѣчто невѣдомое, то именно, о чемъ невѣжество, ничего не зная, полагаетъ, что оно все знаетъ, или то, что именуется вообще матеріею. Затѣмъ, и каждый слѣдующій шагъ, каждая новая ступень, или звѣно въ непрерывной цѣпи постепенно развивающагося знанія, обусловливаясь его исходнымъ началомъ, котораго оно ни измѣнить, ни отмѣнить не можетъ, основывается, по необходимости, все на той же самой матеріи, которая, въ какомъ бы видѣ ни представлялась, есть все же не болѣе, какъ первичный объектъ первоначальнаго невѣжества.

Равнымъ образомъ, и человѣчность, развивающаяся вмѣстѣ съ развитіемъ общества, или такъ называемая культурность и цивилизація, въ силу естественныхъ опредѣленій человѣка, зачинаются не иначе, какъ въ его

животности; вслѣдствіе чего, онъ въ самомъ началѣ, прежде всего слѣдуетъ тѣмъ внушеніямъ и указаніямъ, какія онъ находитъ въ животномъ инстинктѣ своего самосохраненія.

Затѣмъ, каждый шагъ его дальнѣйшаго развитія, обусловливаясь его исходнымъ началомъ, котораго оно ни измѣнить, ни отмѣнить не можетъ, остается, по существу, лишь развитіемъ того же начала и той же животности, какъ въ самыхъ простыхъ, такъ и въ самыхъ сложныхъ проявленіяхъ.

И какъ знаніе, развиваясь отъ невѣжества, достигаетъ только высшей степени своего теоретизма, или позитивизма, такъ точно и культурность, гуманность, или человѣчность живущаго въ обществѣ человѣка, развиваясь отъ животности, достигаютъ лишь высшей степени естественнаго натурализма; причемъ, какъ научный, теоретическій позитивизмъ, такъ и естественный натурализмъ не имѣютъ иного значенія, какъ значеніе нѣкоторыхъ стадій или фазисовъ, достигнутыхъ эволюціею начальнаго невѣжества и начальной животности.

Поэтому матерія, которая была объектомъ первоначальнаго, естественнаго невѣжества, остается объектомъ и теоретическаго невѣжества или позитивизма; съ тѣмъ однако-же различіемъ, что то, что первоначально предстояло въ наивно-чувственномъ образѣ мягкой, пластической, ко всякимъ преобразованіямъ податливой матеріи, становится, при теоретическомъ позитивизмѣ, теоретически-отвлеченною, упорною, жесткою и никакимъ измѣненіямъ неподдающеюся матеріею: она изъемлется отъ прехожденія и закрѣпляется въ ея неизмѣнности ученіемъ о вѣчности вещественныхъ атомовъ.

Точно также и животность, которая была первѣйшимъ содержаніемъ некультурнаго, дикаго состоянія людей, остается тѣмъ же содержаніемъ и при высшей культурности, и проявляется въ тѣхъ же притязаніяхъ, въ тѣхъ же естественныхъ потребностяхъ, въ той же борьбѣ за существованіе, тою же животностью; такъ, что

стоитъ лишь слегка порвать внѣшнюю, культурную оболочку, и изъ-подъ неи тотчасъ выступаетъ натуральный человѣкъ, каковъ онъ есть отъ природы, или животное во всеи силѣ своей, способное придавать все значеніе безконечности каждому изъ своихъ наиболѣе животныхъ внушеній или побужденій.

Содержаніе животности остается и впослѣдствіи, во всѣхъ стадіяхъ имъ совершаемои эволюціи, все тою же животностію; но съ тѣмъ различіемъ, что въ началѣ, оно было измѣнчивымъ проявленіемъ совершенно наивнаго, ничего невѣдающаго и преходящаго ребячества, а, выражаясь какъ натурализмъ, оно закрѣпляется, какъ теоретически узаконенное и вполнѣ оправданное содержаніе, которому и надлежитъ быть такимъ, какое оно есть.

Теоретическая матерія позитивизма, или вообще матеріализма, и теоретическая животность натурализма, или реализма, опредѣляются не сами собою, а только силою другаго, силою необходимости, почему онѣ и не могутъ ни быть, ни сдѣлаться иными. Вслѣдствіе чего, и совершенно культурный человѣкъ, какъ одно изъ безчисленнаго множества ихъ проявленій, не заключая въ себѣ самомъ ни малѣйшаго задатка какой либо самобытности или независимости, признаетъ пустыми всѣ притязанія своего человѣческаго смысла; такъ какъ онъ не только не способенъ ни измѣрять, ни опредѣлять собою значеніе и силу вещеи, но самъ напротивъ, во всеи цѣлости, во всѣхъ отношеніяхъ, вполнѣ измѣряется и опредѣляется лишь силою и опредѣленіемъ вещеи, отъ которыхъ зависитъ, которымъ обусловлено и утверждено и все, что выдается за разумъ, за нравственность и даже за свободу человѣка.

Такимъ образомъ, невѣжество и животность, и въ послѣднихъ стадіяхъ своеи эволюціи, лишь закрѣпляютъ свое первоначальное положеніе о господствѣ силы вещеи и необходимости надъ свободою и силою смысла.

Но утративъ свое первоначальное, наивно-ребяческое

и чувственное значеніе и, ставъ отвлеченно-теоретическимъ ученіемъ, какъ окончательнымъ, научнымъ выводомъ, какъ утвержденіе позитивизма и натурализма, господство силы вещей надъ силою смысла обращается въ жесткое, упорное и, такъ сказать, въ безповоротное господство.

Прежде, когда еще не было ни знанія, ни культурности, чувственная матерія и естественная животность, которымъ человѣкъ, по своему невѣжеству и по своей дикости, приписывалъ всѣ значенія безконечности, будучи единственнымъ основаніемъ въ его жизни, естественно вели его къ насилію, убійству, грабежу и всѣмъ жестокимъ проявленіямъ дикой и тщеславной жестокости.

Послѣ, при полномъ разцвѣтѣ знанія и культурности, *когда* чувственная матерія обратилась въ отвлеченную теорію, когда естественная животность предстала въ оправдавшемъ теоретическомъ образѣ натурализма, или реализма, человѣкъ уже не по невѣдѣнію, но сознательно и въ силу теоріи, отказался отъ безконечнаго начала разума, нравственности и свободы и, неповѣдывая непреложнымъ законъ всеобщей необходимости, ищетъ и свое оправданіе и свое спасеніе уже не въ смыслѣ, а только въ необоримой силѣ безсмысленныхъ вещей.

Но сила вещей проявляется только насиліемъ; а потому, человѣкъ, неповѣдывая и признавая за непреложную истину только силу вещей, сознательно и во имя теоріи, предаетъ самъ себя, а съ собою и все другое, во власть безсмыслія и насилія.

Такимъ образомъ, сущность естественнаго, первороднаго грѣха человѣка заключается въ томъ, что онъ по невѣжеству, объятый смутною матеріею основнаго противорѣчія въ существѣ своемъ, еще не различаетъ того, что онъ есть въ возможности, отъ того, что онъ есть въ дѣйствительности; и, обращая свои притязанія въ свое право, приписываетъ всѣ значенія безконечности непосредственнымъ, чувственно-матерьяльнымъ проявленіямъ и побужденіямъ своей эмпирической ограниченности, своего невѣжества и своей животности; вслѣдствіе чего,

ему было вполнѣ естественно, вмѣсто того, чтобъ жить и питаться божественною сущностью,—лишать человѣка его глубокаго человѣческаго значенія, обращать его въ безсмысленную вещь и, находя въ немъ съѣдобную пищу, убивать, жарить и пожирать его. Дикость, безобразіе и самый ужасъ такого каннбализма придавали ему все значеніе божественнаго акта.

Впослѣдствіи, съ развитіемъ знанія и при развитіи культурности, первородный, естественный грѣхъ обращается въ производный, теоретическій грѣхъ, состоящій въ томъ, что человѣкъ, познавъ противорѣчіе, лежащее въ основѣ его существа, не находитъ въ себѣ ни силы, ни возможности разрѣшить оное, и чтобъ избавиться отъ смуты своего неразумѣнія, пытается устранить изъ своего сознанія одинъ изъ противорѣчивыхъ терминовъ своего опредѣленія и своего сужденія. Но устранить то, что есть, что заложено въ существѣ силою природы, иначе нельзя, какъ силою абстракціи или теоріи; а потому, въ умственномъ мірѣ человѣка и возникаетъ теорія, которою, подъ видомъ непознаваемаго, несуществующаго, субъективно реальнаго и т. п. отрицается всякое содержаніе, всякое существованіе, всякое значеніе безконечности и всякое реальное къ ней отношеніе.

А такъ какъ, такою теоріею отрицается и безконечная сущность безусловнаго смысла, которымъ человѣкъ живетъ и питается, какъ человѣкъ, то его человѣчность, изнывая, чахнетъ и пропадаетъ въ немъ отъ голода, по недостатку дѣйствительной пищи, и на столько же возрастаютъ сила и значеніе всего конечнаго, всего эмпирически-реальнаго, всякой матеріи, которая утверждается въ существованіи, не смысломъ, а только чувственною вещностью или реальностью. По отсутствію иного опредѣленія, сила конечныхъ вещей является единою и безпредѣльною; а человѣкъ, являясь между ними лишь одною и притомъ—одною изъ самыхъ убогихъ теоретическихъ или экономическихъ вещей, подлежитъ, какъ безсмысленная вещь, всякаго рода эксплуатаціи, — продается и покупается;

слѣдствіе чего, человѣческій, Божій міръ изъ храма красоты, добра и истины обращается въ нечистовое торжище купли и продажи, исполненное всѣми навожденіями безобразія, насилія и лжи.

Когда изъ сознанія изъято значеніе безконечности, то это значитъ, что изъ него изъято значеніе святаго; а затѣмъ, и самое значеніе смысла замѣняется значеніемъ безсмыслія, а значеніе жизни — значеніями пошлости и мертвечины.

Нечистая волна безобразія, насилія и лжи останавливается и отступаетъ только на порогѣ святаго, которое одно исполнено смысломъ и всѣми значеніями безконечности. За устраненіемъ святаго изъ сознанія человѣка, никакое достоинство, никакіе идеалы его, никакія потребности или внушенія алтруизма не въ силахъ устоять противъ напора ея; она безпощадно все заливаетъ своею грязью и пошлостью. И человѣкъ, забывъ о святомъ, неминуемо долженъ потонуть въ ея нечистомъ напливѣ.

III. Заключеніе и разрѣшеніе противорѣчія въ идеализмѣ человѣка.

— —

Все, что живетъ, знаетъ въ себѣ самомъ, своимъ жизненнымъ вѣдѣніемъ и не нуждается ни въ какихъ объясненіяхъ, чтобъ знать, что такое жизнь. Конечно, знаніе жизни о себѣ самой, или о жизни, заключается не въ знаніи ея многихъ физіологическихъ и психологическихъ опредѣленій, а только въ томъ, что она, какъ самобытная и непосредственная ясность, — вполнѣ ясна себѣ самой; и еслибъ была недостаточно ясною, еслибъ еще нуждалась въ какомъ объясненіи, то ничто другое не могло бы сообщить ей онаго. Потому что жизнь — ясна въ себѣ только ей самой присущимъ смысломъ ея саморазумѣнія: разумѣюсь, стало быть есмь.

Но быть жизнью, быть смысломъ, или полнотою бытія въ себѣ самомъ, безъ всякихъ сторонихъ объясненій и независимо отъ всего другаго, есть самое непонятное и вполнѣ непостижимое бытіе, какъ для чувственнаго матеріализма, такъ и для отвлеченнаго теоретизма: въ чувственномъ представленіи перваго, всякое бытіе объясняется и есть только чрезъ матерію; въ отвлеченномъ представленіи втораго, всякое бытіе объясняется и есть только чрезъ теорію; вообще, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ — только чрезъ нѣчто другое, и никакъ не само собою. А самый смыслъ жизни, или ея жизненнаго самора-умѣнія, состоитъ, напротивъ, именно лишь

въ томъ, чтобъ быть самимъ собою и чрезъ себя самого, а никакъ не черезъ другое, — не въ силу какой либо матеріи и не въ силу какой либо теоріи.

Сказываясь съ одной стороны, въ себѣ самой, вполнѣ самобытнымъ, ни отъ чего другого независимымъ бытіемъ, жизнь разумѣетъ въ себѣ свободу, какъ существенный терминъ своего опредѣленія; являясь съ другой стороны, какъ эмпирически внѣшнее существованіе, въ самой средѣ и во всѣхъ условіяхъ всего другого, она же во всѣхъ направленіяхъ и со всѣхъ сторонъ связана и обусловлена другимъ; и потому, зависимость отъ другого, со всѣми значеніями бытія въ силу необходимости, оказывается другимъ, столь же существеннымъ терминомъ ея опредѣленія.

И не смотря на то, связывая своимъ жизненнымъ саморазумѣніемъ къ полнотѣ недѣлимаго единства — опредѣленіе безусловной свободы съ опредѣленіемъ столь же безусловной необходимости, жизнь, при этой двоякости ея опредѣляющихъ терминовъ, не вдаваясь ни въ малѣйшее двусмыслiе, есть безусловная простота, или совершенная правда бытія; вслѣдствіе чего, она и имѣетъ значеніе безусловно чистаго, т. е. того, съ чѣмъ никакая непрежда, никакая лживость несовмѣстны.

Сверхъ того, такъ какъ термины опредѣленія жизни, — свобода и необходимость, — стоятъ другъ съ другомъ въ явномъ противорѣчіи, которое указываетъ, что между ними заключается безконечно-великое различіе, или безконечно-великое содержаніе, или самая безконечность, то жизнь, заключая въ себѣ, по всей правдѣ, своимъ безусловно-простымъ образомъ бытія всю безконечность, какъ свое жизненное содержаніе, тѣмъ самымъ и сказывается не только, какъ безусловно чистое, или искренно-правдивое, но и какъ безусловно-святое, или безконечное.

Всякое частное содержаніе, какое находится въ жизни, или какое ей приписывается, чтобъ выразить ея дѣйствительное значеніе и существенное достоинство, ради которыхъ требуется, не пренебрегать, но высоко цѣнить и

дорожить даромъ ея, — удовольствіе, высота развитія, торжество преуспѣянія, подчиненіе силъ природы, польза, всеобщее благо, алтруистическія чувства, всякія сладости и наслажденія и т. п. — не выносить сурового взгляда всеобъемлющей, абстрактной мысли и, не выдерживая ея присущей, безпощадной иронія, оказывается на ея вѣсъ и мѣру лишь нестоющимъ вниманія прахомъ и ничтожествомъ, сущимъ вздоромъ, или такимъ отсутствіемъ смысла, что при немъ не на чѣмъ остановиться, не надъ чѣмъ призадуматься; такъ какъ она представляется лишь мелкою плоскостью бытія, безъ всякой глубины и безъ всякой перспективы въ даль.

Все значеніе жизни и заключается, потому, никакъ не въ этихъ частностяхъ и придаткахъ ея, а только въ томъ всеобщемъ содержаніи, которое обнимается ея терминами и есть самая безконечность. Какой бы высоты абстракціи ни достигала мысль, она невольно смущается не только предъ дѣйствительнымъ содержаніемъ или образомъ, но даже и предъ формальнымъ знакомъ безконечности; потому что никакая степень абстракціи ни постигнуть ни охватить оной не въ состояніи, и вся сила ея безпощадной иронія падаетъ сама собою предъ ея невѣдомымъ содержаніемъ и невѣдомымъ значеніемъ того, что ея безъ всякихъ словъ и объясненій, самымъ молчаніемъ сказывается, какъ безконечное.

Жизнь и есть безконечное, по существу своему; она же одна и вѣдаетъ самое себя, какъ безконечность, предъ которою самоувѣренность научныхъ теорій и отрицательная ироніи отвлеченнаго мышленія обращаются въ смуту: а потому, жизнь есть святое и неприкосновенное для всего, что мыслитъ. Весь міръ исполненъ жизнью; живутъ и земли, и небеса и, начиная отъ малѣйшей былинки и доходя чрезъ всѣ степени развитія до человѣка, какъ въ самомъ низшемъ, такъ и въ самомъ высшемъ изъ своихъ проявленій, жизнь и дыханіе жизни есть всюду и всегда простое, чистое и святое.

Но, во всей дѣйствительности всего безконечно-вели-

каго значенія, жизненный смыслъ, или свѣтъ жизни, осуществляется только въ человѣкѣ, которий, какъ вершина всего міроздашія, есть дѣйствительное завершеніе всего, что предъ нимъ еще лишь зачинается въ смутной неопредѣленности міроваго бытія.

Міръ живетъ, постепенно пробуждаясь изъ стихійной безжизненности постепенно пробуждается къ жизни и переходя шагъ за шагомъ отъ ея самаго смутнаго до ея самаго яснаго образа. И та самобытная ясность, которая, проявляясь до нѣкоторой степени въ каждомъ изъ различныхъ существованій міра, уже мерцаетъ въ нихъ зачаточнымъ свѣтомъ, какъ жизненный смыслъ саморазумѣнія, достигаетъ въ человѣкѣ такой интенсивности и полноты, что ею объясняется и становится яснымъ и понятнымъ все, что до того представлялось лишь темнымъ и смутнымъ.

Чтобъ увидѣть, познать и понять все то, что есть, что находится въ мірѣ, человѣку достаточно познать себя самого; потому что, онъ въ себѣ самомъ, самъ и есть явный и понятный смыслъ всего того, что таится, скрываясь за внѣшнею оболочкою и непроницаемою матеріею міроваго существованія.

Сначала, являясь себѣ самому, какъ *нѣчто онъ*, — какъ нѣчто *это* эмпирически-существующее, безусловно-единичное и преходящее мгновеніе и, внимая въ себѣ самомъ тому, что ему скажется, какъ безусловно другое, какъ всеобщая сущность бытія и вѣчный законъ, или разумъ всего существованія, человѣкъ, по своему невѣжеству, не въ силахъ сообразить другъ съ другомъ оба термина своего опредѣленія и, сознавая ихъ взаимную несовмѣстность, не находится, а только теряется въ смутной матеріи ихъ несообразимаго и непримиримаго противорѣчія. Вслѣдствіе чего, онъ и впадаетъ сперва, въ первородный грѣхъ своей непосредственной животности, которую онъ облекаетъ всѣмъ достоинствомъ безконечности и божественности, а послѣ того, — и въ производный грѣхъ отвлеченнаго теоретизма, которымъ онъ низводитъ безконечный смыслъ божественнаго на степень эмпирически-

физіологической животности; и однако-же, не успѣвая ни первымъ, ни вторымъ — заглушить въ себѣ сущность свою, ни избавиться отъ ему присущаго двусмыслія, онъ, какъ ни грѣшитъ, не можетъ обратиться въ животное, а только остается при двойственности своего бытія, которая и проступаетъ въ его существованіи слѣдующими за нимъ по пятамъ безобразіемъ, насиліемъ и ложью.

Потому что, ни животность не можетъ стать божественностью, ни божественность не можетъ обратиться въ животность.

Но постепенно развиваясь и познавая глубже и содержаніе внѣшняго міра, и себя самого, человѣкъ проникаетъ смысломъ своимъ смутную матерію необъятнаго міроваго противорѣчія, въ которомъ онъ такъ долго и такъ безвыходно терялся своими пустыми притязаніями, и, усматривая самую истину, познаетъ наконецъ, что то, что ему мнилось противорѣчіемъ, вовсе — не противорѣчіе, а лишь — выраженіе той экстенсивной безконечности, на которую существующій міръ раздается, по необходимости, для того, чтобъ вмѣстить въ ней свое необъятное міровое содержаніе.

Противоположные полюсы, или термины опредѣленія существующаго міра, на любой изъ его міровыхъ осей, отстоя одинъ отъ другого на безконечно-великое разстояніе, не могутъ иначе, какъ представляться несовмѣстными другъ съ другомъ, или противорѣчивыми, такъ какъ, безконечно-великое содержаніе, или безконечно-великое различіе, имѣетъ себѣ адэкватное выраженіе единственно только въ формулѣ противорѣчія.

Въ конечной сферѣ чувственнаго или отвлеченнаго эмпиризма, ни одинъ изъ его образовъ существованія, или представленія не въ состояніи сообразить того, что означается знакомъ, или формулою противорѣчія; потому что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи вмѣстить въ себѣ содержаніе безконечности.

Вслѣдствіе чего, противорѣчіе, какъ знакъ безконечности, предстаавляется эмпиризму лишь знакомъ несо-

образности, предъ которымъ всѣ его соображенія рушся, оказываясь вполнѣ несостоятельными.

Жизнь есть безспорный фактъ, который однако же и въ ея первѣйшихъ, зачаточныхъ проявленіяхъ, включаетъ въ себѣ безконечность и выражается явнымъ противорѣчіемъ, какъ недѣлимость субъекта и объекта, какъ непонятная связь души и тѣла, закона и явленія, единаго и многаго, простаго и сложнаго, всеобщаго и единичнаго, необходимаго и случайнаго, прошедшаго и будущаго, вѣчнаго и мгновеннаго.

А потому, при соображеніяхъ всякаго другого содержанія, чтобъ не выключить изъ своего соображенія факта самой жизни, которая одна лишь и стоитъ соображенія, — такъ какъ все другое соображается лишь изъ за нея, для нея и ею, — необходимо и всего важнѣе сообразить заключаемое ею противорѣчіе, которымъ свидѣтельствуется о ея дѣйствительной безконечности.

При современныхъ міровоззрѣніяхъ, которыя исходятъ изъ отвлеченнаго представленія о всеобщности міроваго механизма, жизнь низводится на степень мелькающаго, несущественнаго призрака и случайнаго сочетанія того же механическаго бытія.

Но, пока человѣкъ живетъ, ему невозможно признать свою жизнь за призракъ; такъ какъ она есть для него несомнѣнный фактъ, единственное основаніе всѣхъ образовъ его мышленія и самый смыслъ, предъ которымъ все другое, что предполагается безъ него и не имъ, что мерещится, какъ нѣчто сущее за предѣлами его, есть лишь безсмысліе, на которомъ нельзя стоять, которое сознательно и съ вѣдома своего никто не можетъ принять въ свое основаніе.

Человѣкъ живетъ, и притомъ, изъ всѣхъ живущихъ существъ онъ одинъ и знаетъ, что жизнь, которою онъ живетъ, есть интенсивная, въ самой себѣ замкнутая безконечность, вполнѣ равная экстенсивной безконечности необъятнаго міра; какъ самый смыслъ бытія, она, развиваясь, какъ изъ сѣмени растеніе, развертывается въ без-

конечно-великую амплитуду жизненнаго человѣческаго сужденія, которая и есть истинная мѣра всей цѣлости существованія и дѣйствительности не только человѣка, но и всего міра.

Касаясь однимъ изъ терминовъ своего сужденія мелькающей жизни безусловно единичнаго и преходящаго мгновенія, а другимъ — вѣчной сущности всеобщаго и безусловнаго смысла, или разума всего бытія, человѣкъ обнимаетъ собою необъятное и, заключая въ своемъ жизненномъ синтезѣ термины безконечно-великаго, міроваго сужденія, связываетъ собою мелькающее, преходящее мгновеніе съ вѣчностью и вѣчность съ мелькающимъ, преходящимъ мгновеніемъ.

Такое заключеніе, какъ заключеніе и конкретный синтезъ міроваго противорѣчія, осуществляется имъ, во-первыхъ, по образу, въ *сферѣ эстетики*, — во-вторыхъ, по содержанію, въ *сферѣ этики*, и, наконецъ, — въ третьихъ, *по существу*, въ самой истинѣ, или въ совершенной дѣйствительности.

1) Дѣйствительность, какъ эстетическое разрѣшеніе міроваго противорѣчія.

Мертвому, въ сферѣ естественной, соотвѣтствуетъ пошлое, въ сферѣ умственной, или духовной; и какъ жизнь естественно отвращается отъ всего мертвеннаго и отъ всякой мертвечины, такъ точно живому смыслу претитъ все пошлое и — ненавистна всякая пошлость.

Начало пошлости лежитъ въ двойственности бытія, или въ двусмысліи, которое есть самый источникъ всего нечистаго, лукаваго и лживаго.

Но Божій міръ, по стройный, благообразный космосъ, какимъ онъ открывается человѣку, постигающему, что противорѣчіе, которое мнилось ему, какъ міровая несообразность, есть только явный знакъ безконечности міроваго содержанія и міровой жизни, исполненъ отъ начала и до конца, изъ края въ край, отъ малѣйшей

былинки, трепещущей подъ солнечнымъ лучомъ, и до неугасаемыхъ свѣтилъ небесныхъ, одною и тою же истиною, однимъ и тѣмъ же смысломъ: въ немъ нѣтъ ни двойственности, ни двусмыслія; онъ есть безусловно простое, чистое и святое, какъ жертвенникъ, на которомъ человѣкъ возжигаетъ неугасаемое пламя своего безконечнаго признанія въ отвѣтъ неугасаемой любви, милости и благоволенія, которыя, нисходя къ нему изъ безконечности, обвѣваютъ его радостью и блаженствомъ жизни.

Невидимыя струны, какъ струны міровой арфы, связываютъ небеса и землю и, внимая ихъ безконечной гармоніи, человѣкъ ясно видитъ, какъ земля съ ея морями и горами, охваченная восторгомъ, въ нѣмомъ упоеніи, возносится къ небесамъ, пытаясь поддержать ихъ на своемъ широкомъ лонѣ, и какъ небеса изъ ихъ недосягаемой, лазурной выси любовно склоняются къ землѣ и, обнимая ее, сливаютъ свое дыханіе съ ея дыханіемъ въ одну необъятную жизнь безконечности.

Конечное, земное существованіе не противорѣчитъ безконечному бытію, но сливается съ нимъ въ одной жизни, въ одномъ вѣчномъ смыслѣ; конечное проходитъ, но ему некуда проходить, какъ только въ самую безконечность: безконечное пребываетъ вѣчно, но оно пребываетъ лишь съ тѣмъ, чтобы своею вѣчностью сѣять конечному и наполнять его преходящее существо своимъ безконечнымъ содержаніемъ.

А потому, между конечнымъ и безконечнымъ нѣтъ зависти; одно и другое теряются другъ въ другѣ: конечное забываетъ о своей конечности, обнимая собою всю безконечность, а безконечное забываетъ о своей безконечности, покоясь на лонѣ конечнаго. Потому что дѣйствительно и по истинѣ, безконечна — только самая жизнь, которая есть недѣлимое единство и самый смыслъ, какъ всей конечности, такъ и всей безконечности.

Если-бъ не было небесъ надъ землею, то на землѣ была-бы лишь невыносимая тѣснота; потому что всякое конечное *одно* было-бы неминуемо и неумолимо сдав-

лено напоромъ и насиліемъ всего *другаго*, столь же конечнаго; и ни одному, ни другому не оставалось бы ни мѣста, ни воздуха, чтобъ вздохнуть свободно: во всемъ мірѣ не было бы ни единаго жита свободы, и всякая жизнь, всякій смыслъ замѣнились бы безусловнымъ гнетомъ нѣмой, глухой и безсмысленной необходимости.

Съ другой стороны, если бъ не было земли подъ небесами, то небеса стосковались бы своимъ пустымъ, безпредѣльнымъ и никому ненужнымъ просторомъ: не находя нигдѣ и ни въ чемъ ихъ сдерживающаго, ихъ опредѣляющаго средоточія, они бы растерялись и разсѣялись въ своей безпредѣльности и, при безграничной, ни временемъ, ни мѣстомъ не стѣсняемой свободѣ своей, въ нихъ было бы некому быть свободнымъ: вся безконечность ихъ была бы лишь, какъ безконечность безусловно абстрактнаго бытія, которое только тѣмъ и безконечно, что въ немъ ровно ничего нѣтъ.

И такая конечность, безъ безконечности, и такая безконечность, безъ конечности, суть лишь пустые призраки, или кошмары, которые могутъ мерещиться невѣжеству, не вѣдающему дѣйствительной истины, но ихъ нѣтъ въ самой дѣйствительности, въ которой конечность и безконечность находятся только другъ въ другѣ, — конечность — только въ безконечности, а безконечность — только въ конечности. Ихъ недѣлимость и есть самая дѣйствительность, или жизнь; за ея предѣлами остаются лишь пустые призраки, химеры и кошмары мнимаго бытія.

Кому это — непонятно, тотъ погруженъ еще въ смутную матерію несообразности и противорѣчія, — тотъ и не живетъ, а только плаваетъ въ нечистой средѣ всякой двойственности, всякаго двуемыслія, задыхаясь въ смертельной атмосферѣ лживости и пошлости.

Самой безконечности никто никогда не видѣлъ; въ мірѣ конечномъ ее и невозможно видѣть очью, въ лицо, какъ видятся конечные предметы; она — невидима; но, какъ солнце, сокрытое отъ взора, за легкою пеленою воз-

душныхъ облаковъ, просвѣчиваетъ сквозь нихъ и гнѣздится всюду жизнь, такъ и безконечность, пребывая невидимою, проникаетъ своимъ невидимымъ образомъ все земное и, животворя все конечное, вдыхаетъ въ него душу свою, которая и сказывается въ каждомъ изъ живущихъ существъ отъ низшаго и до высшаго, его полнѣйшею, ничѣмъ нестѣсняемою самобытностью, а въ цѣлости всего мірозданія — его безграничнымъ просторомъ, гдѣ для всего — и для солнца съ миріадами свѣтилъ, совершающихъ свой путь въ небесахъ, и для малѣйшей былинки, прозябающей на землѣ, есть достаточно мѣста, и никому, ни для кого нѣтъ ни малѣйшаго стѣсненія.

Стройное благообразіе Божьяго міра, при неизмѣнномъ порядкѣ его опредѣленій, и его міровая гармонія не вынуждаются безотвѣтною силою непреложной необходимости, но возникаютъ и устанавливаются лишь на основаніи свободы, которою дышетъ безконечность.

Нлѣняясь столь благообразнымъ строемъ небесныхъ и земныхъ порядковъ, гдѣ все свершается обычною чередою, въ свою пору и въ свою мѣру, человѣкъ пытается установить и свое существованіе, и общественный строй въ сообразности съ тѣмъ же порядкомъ, и съ тою же ничѣмъ нестѣсняемою свободою; при этомъ, незамѣтнымъ образомъ, само собою его естественное зрѣніе, расширяясь, дополняется умозрѣніемъ: его слухъ, образуясь, становится отзывчивымъ и способнымъ различать едва замѣтный, неуловимый ритмъ существующихъ вещей и ихъ отношеній; его осязаніе обращается въ жизненный тактъ, самый вкусъ и обоняніе претворяются въ изысканный вкусъ и тонкую чуткость распознаванія, которые, отвращаясь отъ всего грязнаго, грубаго и пошлаго, питаются лишь тѣмъ, что исполнено мѣрою, приличіемъ и благообразіемъ.

Вслѣдствіе чего, вся общественная среда, проникаясь однимъ общимъ настроеніемъ и тонкою отзывчивостью общаго резонанса и жизненнаго ритма, становится

ясною и прозрачною, какъ кристаллъ; въ ней все видно,— видно, какъ она, устанавливаясь на земной почвѣ ея простѣйшихъ, всѣмъ понятныхъ, ежедневныхъ потребностей и ихъ незамысловатаго удовлетворенія и, развиваясь и въ глубь, и въ высь, непосредственно восходитъ въ сферу небесную, чтобъ быть въ полномъ общеніи съ ея вѣчными, неземными образами и опредѣленіями; такъ что ея преходящія, земныя заботы, тревоги и дѣла сливаются съ помыслами вѣчности, и всѣмъ до очевидности— ясно, какъ съ одной стороны, боги-небожители нисходятъ на землю и, живя заодно съ людьми, принимаютъ полное участіе въ содержаніи и въ интересахъ ихъ земной жизни; и — какъ съ другой — , смертные люди восходятъ въ небеса и живутъ заодно съ богами, принимая полное участіе въ ихъ божественныхъ интересахъ и божественной жизни.

Чрезъ это въ средѣ общественной, устанавливаются какъ безсмертнымъ богамъ, такъ и смертнымъ людямъ общіе нравы; угодное людямъ — угодно и богамъ, и угодное богамъ — угодно и людямъ. Неизвѣстное, смутно наступающее будущее, съ его пожеланіями, ожиданіями, страхами и надеждами, волнуясь тревогами преходящаго мгновенія, довѣрчиво опирается на незыблемомъ основаніи опытомъ преисполненнаго, сѣдаго прошедшаго, которое, любовно изливая спокойный свѣтъ своего знанія, своихъ преданій и сказаній, просвѣщаетъ имъ тревожною смутою преисполненный, преходящій мигъ настоящаго существованія.

Вѣчное и преходящее, — безконечная природа безсмертныхъ и конечная природа смертныхъ, — всеобщность и единичность, — свобода и необходимость, - безусловный законъ и условное, случайное явленіе, произвольное движеніе жизни, — небо и земля, — *одно* и *другое* не стоятъ другъ съ другомъ въ противорѣчіи, не ломятъ, не тѣснятъ, не искажаютъ другъ друга, но, плѣняясь имъ присущими мѣрою, ритмомъ, тактомъ и благообразіемъ, свободно совпадаютъ другъ съ другомъ въ единый,

недѣлимый образъ ихъ совершенной дѣйствительности, который, осуществляя собою безусловно простое, чистое и святое бытіе, и предстоитъ богамъ и человѣку въ сіяніи божественной и человѣческой красоты, какъ истинный образъ жизни, какъ дѣйствительно-сущее прекрасное.

Прекрасное — благообразно именно потому, что оно есть лишь безусловная сообразность другъ съ другомъ тѣхъ двухъ терминовъ міроваго бытія, которые, отстоя другъ отъ друга на всю даль необъятно-великаго міра, казались взаимно несовмѣстными и несообразными, и тѣмъ обусловливали міровое противорѣчіе. Но ихъ несовмѣстность, ихъ несообразность, ихъ противорѣчивость были лишь призракомъ, лишь дикою химерою грубаго невѣжества. Въ дѣйствительности, такого призрака нѣтъ, такой химеры не существуетъ; а есть лишь одно, красотою преисполненное благообразіе.

Прекрасное, какъ совершенное и живое единство обоихъ терминовъ міроваго противорѣчія, вмѣщая въ себѣ, какъ свою душу, ихъ разъединявшую безконечность, и есть самая дѣйствительность; иной дѣйствительности нѣтъ и быть не можетъ: потому что, что не прекрасно, то и несообразно; а что несообразно, то и недѣйствительно, то не имѣетъ ни силы, ни возможности быть; то только мерещится, или мнится, и есть не дѣйствительное, а только мнимое бытіе, которое держится только непосредственно-чувственнымъ, или теоретически-отвлеченнымъ невѣжествомъ.

Грѣхъ человѣка въ томъ только и состоитъ, что онъ, силою своего невѣжества и наперекоръ истинѣ, упорно держитъ дикую химеру несообразности и придаетъ, приписываетъ ей все значеніе дѣйствительности.

Онъ воленъ это дѣлать; но для чего онъ это дѣлаетъ, зачѣмъ онъ держитъ такую химеру, предоставляя ей властвовать въ прекрасномъ Божьемъ мірѣ, объ этомъ онъ одинъ знаетъ и никто другой сказать не можетъ; потому что это — его собственный, его смертный грѣхъ,

который таится въ его сердцѣ, куда, безъ воли его, никто другой не въ силахъ проникнуть.

Казалось бы, достаточно открыть глаза и взглянуть на міръ, чтобъ тотчасъ увидать, что онъ, какъ чаша, черезъ край полная дѣйствительностью, благообразіемъ и красотою, въ которой нѣтъ мѣста для химеры безобразія и безсмыслія; а между тѣмъ, человѣкъ пребываетъ слѣпымъ и, не видя самой дѣйствительности, ни ея красоты, вѣрить только въ дѣйствительность дикой химеры и допускаетъ, чтобъ она наполнила и Божій міръ, и его жизнь своимъ безобразіемъ.

Въ Сикстинской капеллѣ, есть изображеніе Микель-Анджело, какъ Богъ заключаетъ завѣтъ съ человѣкомъ. Покоясь на облакѣ, Онъ протянулъ человѣку, который лежитъ на землѣ, руку свою, чтобъ въ ознаменованіе заключаемаго между ними, обоюднаго завѣта, коснуться пальцемъ своимъ къ его пальцу. И по жесту, по движенію Божественной руки видно, что она двинута неизмѣннымъ рѣшеніемъ и будитъ человѣка отъ сна безконечнымъ призывомъ его къ общенію съ вѣчностью. А полусонный человѣкъ, еще весь объятый туманами хаоса и небытія, едва приподымается, и лѣниво, нехотя протягивая свою руку, полную сомнѣнія, почти безъ участія, лишь бы скорѣй отвязаться отъ докучнаго призыва, касается ею Божественной руки и, словно по принужденію, сквозь сонъ, безъ всякаго желанія съ своей стороны, соглашается принять отъ нея обѣтованіе безконечной жизни.

Во всякомъ случаѣ, пока человѣкъ не очнется вполнѣ отъ стихійнаго сна, въ которыи онъ погруженъ, пока онъ не освободится отъ своего чувственнаго, первороднаго или отъ своего теоретическаго, производнаго грѣха, до тѣхъ поръ для него не существуетъ не только дѣйствительности, но и самой возможности его завѣта съ Богомъ, въ котораго онъ не вѣритъ, считая его лишь пустымъ и вовсе ненаучнымъ измышленіемъ; — до тѣхъ поръ онъ не можетъ видѣть самой дѣйствительности, и

вмѣсто прекраснаго, простаго, чистаго и святаго бытія, исполненнаго человѣческою и божественною красотою, необходимо должень всюду и во всемъ видѣть лишь химеру безобразія, которая собственно и есть непосредственно-чувственная или теоретически-отвлеченная несообразность его мышленія съ дѣйствительностью, или съ самою истиною.

За непроницаемою матеріею чувственнаго невѣжества, небеса пребываютъ невидимыми: а за отвлеченною матеріею невѣжества теоретическаго, хотя они и — видимы, но — пусты, холодны и безжизненны, такъ какъ чрезъ отвлеченную теорію въ нихъ видится не ихъ исполняющая жизнь и свободу жизни даруюшая, небесная истина, а только механика, съ мертвенною необходимостью ея безусловнаго безсмыслія.

Признавая до нѣкоторой степени причину начальную (эффективную), научная теорія рѣшительно отвергаетъ то, что въ философіи именуется завершающею, конечною (финальною) причиною; а потому, для научнаго міровоззрѣнія вопросъ — зачѣмъ, для чего, къ чему? остается совершенно праздными и пустымъ вопросомъ. На его взглядъ, весь міръ и все существующее — существуютъ ни къ чему, безъ всякой цѣли, безъ всякаго разрѣшенія, безъ всякаго заключительнаго аккорда. На такомъ предположеніи научное знаніе можетъ останавливаться именно только потому, что оно, въ силу своей теоретичности, губитъ особенно полнѣйшимъ отсутствіемъ вкуса, мѣры, ритма, такта жизни, или всего того, что есть самая душа прекраснаго, которое на его взглядъ не есть самая дѣйствительность, а только очень пріятное услажденіе и отмѣнно вкусный соусъ жизни.

Чтобъ чѣмъ нибудь усладить предлагаемую ими въ основу жизни сухую матерію, нѣкоторые изъ позитивистовъ, не опасаясь эклектизма, смѣло заговаривая о человѣческихъ идеалахъ, приписываютъ имъ очень важное значеніе въ экономіи человѣческаго существованія.

Но при этомъ, идеализирующій позитивистъ, представляя другимъ-прочимъ принимать эти идеалы за что имъ угодно, самъ про себя, въ своемъ высшемъ, научномъ знаніи, твердо знаетъ, что въ нихъ нѣтъ ничего дѣйствительнаго, — никакой дѣйствительной сущности, — что они суть лишь продукты самаго мышленія, — лишь призраки и фантомы, лишь плѣнительные обманы, порождаемые раздраженіемъ плѣнной мысли; — что отдаваться ихъ обаянію впаче нельзя, какъ забываясь и переставая мыслить, подобно тому, какъ чтобъ предаться грезамъ сна, необходимо сперва забыться и заснуть.

Предаваясь такимъ грезамъ, столь плѣнительному обману и обаянію такого рода идеаловъ, человѣкъ испытываетъ, безъ сомнѣнія, очень сладостныя и пріятныя ощущенія; и, замѣчая, что представленіе такихъ идеаловъ обыкновенно сопровождается такими ощущеніями, онъ, очень естественно, желаетъ возбудить ихъ въ себѣ и съ этою цѣлью стремится соотвѣтственнымъ образомъ оживить и направить свое воображеніе. Съ своей стороны, воображеніе — очень податливо, и какъ скоро есть желаніе, оно, при нѣкоторомъ содѣйствіи, легко возгорается и, не требуя никакихъ реальныхъ предметовъ, никакого реальнаго бытія, осуществляетъ или матеріализируетъ въ своемъ собственномъ чаду, все желаемое и всякаго рода идеалы.

Но подобно тому, какъ голодный, видя во снѣ, что онъ ѣстъ хлѣбъ и другую обильную и вкусную яству, ни этимъ хлѣбомъ, ни этою яствою нисколько не насыщается и питаться ими не можетъ, такъ точно и воображаемыми идеалами, какъ бы они ни были плѣнительны, ни питаться, ни насыщаться, ни жить невозможно.

Возбуждать же свое воображеніе къ произвольному самозарожденію такихъ идеаловъ, съ цѣлью воспроизвести въ себѣ сладостныя ощущенія, не только не имѣетъ ничего общаго съ эстетическимъ воспріятіемъ, или съ

эстетическимъ творчествомъ, но — противно всякой эстетикѣ; а со стороны гигіены, оказывается вполнѣ предосудительнымъ, очень вреднымъ дѣломъ, а иногда и неисправимымъ порокомъ; и, чѣмъ поддаваться обаянію призрачныхъ идеаловъ и увлекаться ихъ плѣнительнымъ обманомъ, гораздо — вѣрнѣе и похвальнѣе строго держаться извѣстнаго правила, которымъ воспрещается всякая самопроизвольная игра въ нервы. Потому что, это — очень плохая и вовсе не безопасная игрушка.

Во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что теоретически-отвлеченныя небеса позитивнаго міровоззрѣнія несравненно чище и эстетичнѣе, когда отзываются безпощадною суровостью, холодомъ и пустотою, чѣмъ когда они подогрѣты воображаемымъ тепломъ и мнимымъ оживленіемъ столь подозрительныхъ идеаловъ.

Чтобъ ими тѣшиться и услаждаться, требуется полнѣйшее отсутствіе вкуса, мѣры, ритма и такта жизни, — требуется окончательная деревянность, при совершенной неспособности понимать прекрасное.

И всякій разъ, когда въ обществѣ установляются такая деревянность и такая неспособность, — когда его среда, переполнясь непроницаемою матеріею чувственности, реальности или отвлеченности, утрачиваетъ свою прозрачность и свой отзывчивый резонансъ, — когда его понятія, отношенія и нравы держатся лишь силою бездушныхъ вещей, а не живымъ смысломъ безусловной истины, тогда въ немъ исчезаетъ всякій слѣдъ и самая возможность прекраснаго и царитъ невозбранно, всюду и всядѣ, несказанная пошлость съ ея пошлыми идеалами и идеализаціями.

Истинный и дѣйствительный идеалъ есть только дѣйствительно-сущая, безусловная истина, только живой, предвѣчный смыслъ, только Богъ, дыханіе котораго есть безконечность; а потому весь міръ и живетъ его дыханіемъ.

Его же дыханіемъ одухотворяется и всякій художникъ, которому — присущи образы прекраснаго; и всѣ художе-

ственныя произведенія — художественны и прекрасны лишь потому и тѣмъ, что они исполнены и проникнуты дыханіемъ безконечности.

Это не значитъ, чтобъ сфера художества была богословіемъ или философіею; но это значитъ, что художникомъ или поэтомъ можетъ быть лишь тотъ, кто преисполненъ смысломъ, значеніемъ и дѣйствительностью безконечности.

Потому что изъ всего, что есть, интересна и значительна только одна безконечность; все остальное, въ смыслѣ эстетики, только — притязательно, только — скучно, только — невыносимо пошло.

А потому, художникъ можетъ развиться и сказаться дѣйствительнымъ художникомъ только въ глубоко-религіозной, отзывчивой сферѣ, отвѣчающей полнымъ резонансомъ, или живымъ отголоскомъ на голосъ изъ безконечности.

Математика знаетъ, что если нѣтъ безконечно-великаго или безконечно-малаго, то не можетъ быть и никакой конечной величины. Логика такимъ же образомъ знаетъ, что если нѣтъ безусловной высоты, — если нѣтъ, безусловной глубины, то не можетъ быть, ни въ чемъ и нигдѣ, ничего ни высокаго, ни глубокаго, и все должно по необходимости стоять, находиться и совершаться на одной и той же пеизмѣнной плоскости; но и самое смиренное изъ художественныхъ произведеній все же требуетъ и нѣкоторой высоты и нѣкоторой глубины; оно никакъ не можетъ установиться на плоскости, которая по отношенію къ нему и есть именно то, что именуется пошлостью; а художественное произведеніе, хотя бы и самое скромное, не возвышенное и не особенно глубокое, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни плоскимъ, ни пошлымъ.

Современное искусство, въ своемъ реалистическомъ направленіи, стремится придать интересъ и художественную форму именно этой плоской пошлости, въ томъ предположеніи, что возможно-точное, фотографи-

ческое изображеніе вещей можетъ быть, и безъ всякаго смысла, само по себѣ интереснымъ, или, если и — не интереснымъ, то покрайней мѣрѣ, — полезнымъ, какъ назиданіе и возбужденіе жизни.

И потому, съ благою цѣлью содѣйствовать тому, чтобъ духъ человѣка воспрянулъ къ лучшему, современные художники и поэты не устаютъ возбуждать его безчисленными изображеніями и описаніями всякаго рода пошлостей и безобразій реальнаго существованія.

Но, имѣя въ виду только физіологію и эмпирическій темпераментъ своей публики, эти художники и поэты забываютъ, что мѣра реально-возможнаго возбужденія физіологически — не безпредѣльна; при часто повторяемомъ возбужденіи, нервы легко и скоро притупляются, и человѣкъ привыкаетъ взирать съ полнѣйшимъ равнодушіемъ на всякаго рода горе, терзаніе и безобразіе.

Прежде, когда человѣческое самосознаніе еще не было выброшено волною историческаго движенія на песчаную отмель современнаго реализма, оно жило могучимъ дыханіемъ смысла безконечности: ибо красота, добро, истина были для него не пустыми, не праздными словами.

Отголоски того времени еще слышатся порою и отзываются въ человѣкѣ; онъ живетъ и еще не замеръ вполнѣ; въ немъ еще сказываются и его участіе, и его состраданіе къ горю и страданіямъ людей.

Вотъ эти-то остатки отъ былой широкой, дѣйствительной жизни человѣка, современные художники и эксплуатируютъ, добирая послѣднія крохи ея своими возбужденіями къ лучшему и, не замѣчая, что матерія возбуждаемости, въ силу ея эксплуатаціи, постепенно изсякаетъ, а современный, средній человѣкъ со дня на день становится все безучастнѣе и равнодушнѣе какъ къ худшему, такъ и къ лучшему.

Что вполнѣ и понятно; потому что, какъ скоро не находится смысла въ безусловномъ смыслѣ красоты, добра и истины, то утрачиваетъ всякій смыслъ какъ все лучшее, такъ и все худшее, и остается лишь плоская пошлость

смертельно скучнаго и несноснаго существованія; при чемъ, удивительно лишь одно: — отчего это всѣ грамотные люди не становятся пессимистами, чему они еще радуются и чего ожидаютъ?

Но и пустыя небеса, исполняемыя лишь безсмысленнымъ детерминизмомъ механики, и суетливо-безжизненная земля, преисполненная лишь бездушнымъ безсмыслiемъ и ни къ чему неведущею толкотнею физическихъ атомовъ, и единственно возможная, пошлая плоскость существованія, безъ высоты и безъ глубины, суть не болѣе, какъ продуктъ современной научной теоріи, которая, по ея безсилію понять самую дѣйствительность, схватываетъ лишь призраки и фантомы отвлеченной матеріи, или ея мыслимаго безсмысленнаго бытія.

Такая теорія очень способна затвердѣть и пріобрѣсть большую силу, большее значеніе въ теоретической сферѣ научности, въ книжкахъ, и въ научно-отвлеченныхъ представленіяхъ ума человѣческаго; но все, что есть въ сферѣ жизни, проводится не иначе какъ самою же жизнью; — а такъ какъ жизнь не можетъ проводить то, чѣмъ она сама и ея смыслъ вполнѣ отрицаются, то очень понятно, что никакая теорія не можетъ вникнуть въ смыслъ жизни, ни согласоваться съ ея дѣйствительностью. А потому, между установившимся ученіемъ господствующей, современной теоріи и смысломъ самой жизни всегда оказывается великая несообразность; вслѣдствіе чего, умственное, сознательное и жизненное безсознательное направленія, развиваясь наперекоръ другъ другу, интерферируютъ взаимно и оставляютъ между собою только спорную, очень шаткую и до крайности тощую почву для развитія искусства; теорія и жизнь постоянно перебиваютъ другъ друга, и въ этой смутѣ, художественная чуткость вкуса, мѣры, ритма и такта замираетъ почти до полнаго исчезновенія; — а подъ именемъ художественныхъ произведеній выступаютъ или плоскости отвлеченно-теоретическихъ воззрѣній или же пошлости чувственно-жизненныхъ желаній и потребностей; причемъ художники превраща-

ются либо въ строгихъ педагоговъ съ наказующею ферулою, либо въ легкихъ жуировъ съ плѣнительнымъ обманомъ ими надуманныхъ идеаловъ; и тѣ и другіе — съ великою склонностью къ умному резонерству или къ прекрасной карьерѣ.

И однако же, и при этой смутѣ, и на этой почвѣ, жизнь и дыханіе ея невыдуманной, неизмышленной дѣйствительности не замираютъ вполнѣ, но подъ покровомъ особо благопріятныхъ обстоятельствъ проявляются то тутъ, то тамъ, хотя и не великими, мелкими, но все же художественными произведеніями. Такъ на широкомъ лонѣ никогда неумирающей природы, и въ самый разгаръ суровой зимы, достаточно одного солнечнаго луча, чтобъ въ уютномъ уголкѣ, или у лѣса, или у скалы, найти проблески жизни: тутъ ожила какая нибудь былинка и цвѣтетъ, красуясь цвѣтомъ и ароматомъ своимъ, тамъ — какая нибудь мелкая птаха распѣваетъ свою свѣтлую пѣсенку и свидѣтельствуетъ, что еще не все пропало, — что еще струится и не изсякаетъ радость жизни.

О томъ же свидѣтельствуютъ и проявляющіяся неожиданно то тутъ, то тамъ мелкія и незатѣйливыя, но истинно художественныя произведенія: сквозь смуту и мглу всѣхъ возможныхъ призраковъ, кошмаровъ и химеръ, помрачающихъ жизнь человѣка, ими воспроизводится все же дѣйствительность, и печать художественности изобличается въ нихъ ихъ неподражаемою оригинальностью, чрезъ которую, какъ чрезъ рамку, видѣется та самая безконечность, о которой свидѣтельствуютъ и величайшія произведенія величайшихъ художниковъ и, безъ смысла которой нѣтъ ни художества, ни эстетики, а есть лишь несказанная чувственная или отвлеченная пошлость.

2) Дѣйствительность, какъ этическое разрѣшеніе міроваго противорѣчія.

Въ сферѣ эстетики, осуществляется только образъ дѣйствительности, который, какъ прекрасное, имѣетъ своею

почвою полную сообразность смысла и значеній безконечности съ смысломъ и значеніями конечности, чѣмъ и обусловливается всякое благообразіе, или красота.

Этика имѣетъ своею сферою осуществленіе дѣйствительности не только по ея образу, но и по ея содержанію, которое именуется добромъ, и, какъ самая дѣятельность соображенія безконечнаго смысла или всеобщаго разума, съ единичными, случайными проявленіями преходящаго, конечнаго бытія, имѣетъ своею почвою — свободу.

Жизнь творится жизнью и есть добро, какъ предметъ ея творчества; убіиство, какъ отрицаніе жизни и смысла ея, есть, напротивъ, зло. Творчество добра именуется нравственною дѣятельностью, нравственнымъ дѣломъ, или вообще нравственностью. Творить зло, — убивать жизнь, препятствовать или противиться добру — безнравственно.

Содержаніе, наполняющее сферу этики, и есть ученіе о добрѣ и злѣ, или ученіе о нравственности, какъ въ ея положительномъ, такъ и въ ея отрицательномъ значеніяхъ.

Дѣятельность, поведеніе, поступки людей могутъ быть очень различными и противорѣчивыми эмпирически; такъ какъ и самые мотивы, или побужденія, которымъ они слѣдуютъ въ различныхъ случаяхъ, — не одинаковы, но — очень различны и нерѣдко противорѣчивы между собою; но этика и учитъ не о томъ, какъ люди поступаютъ, а только о томъ, какъ они должны поступать, чтобъ ихъ поступки были сообразны съ нравственностью.

А если рѣчь идетъ о томъ, какъ человѣкъ долженъ поступать, то очевидно, что при этомъ предполагается возможность поступить такъ или иначе; изъ чего необходимо слѣдуетъ, что ни о долгѣ, ни о нравственности, ни о этическомъ ученіи нельзя помышлять иначе, какъ на почвѣ свободы; безъ нея, долгъ, нравственность и вся цѣлость этическаго ученія были бы совершенно немыслимы.

Но представленіемъ о *свободѣ*, какъ объ основаніи

этическаго ученія о долгѣ, о нравственности, о вмѣняемости человѣка, неизбѣжнымъ образомъ вызывается и представленіе о *необходимости*, которая лежитъ въ основаніи всей цѣлости положительнаго, научнаго міровоззрѣнія, какъ неизмѣнный порядокъ міроваго существованія, исключающій изъ него всякую возможность чудесъ, а потому — и свободы; такъ какъ чудесѣйшимъ изъ всѣхъ чудесъ именно и представляется самая свобода. Ея значеніемъ предполагается нѣкоторымъ образомъ — всемогущество, или сила творить нѣчто изъ ничего, и изъ ничего же начинать собою новый рядъ отношеній и вещей.

Поэтому, этическій вопросъ о нравственности вынуждаетъ мышленіе взойти въ область одной изъ тѣхъ антиномій разума, которыя вызывали великую смуту не только въ умственной сферѣ человѣческой жизни, но и въ самомъ ходѣ исторіи.

Чтобъ, не впадая въ такую смуту, ясно понять какое либо изъ этическихъ опредѣленій и положеній, необходимо слѣдуетъ предварительно разобраться въ той противорѣчивой матеріи, какая заключается между терминами,— свободою, лежащею въ основѣ этическаго ученія, и необходимостью, представляющею основаніе, на которомъ строится научное міровоззрѣніе.

Въ отношеніи къ тому, что мыслится, какъ свобода, представленіе о необходимости имѣетъ ближайшее значеніе невольи. или отрицанія свободной воли.

А потому, прежде всего, чтобъ было понятно, о чемъ говорится, когда говорятъ о неволѣ, о свободной волѣ, о необходимости и о свободѣ, необходимо выяснить и опредѣлить, что такое воля.

Въ старину, при господствѣ средневѣковаго, схоластически-аристотелевскаго міровоззрѣнія, существо человѣка, ради удобства изслѣдованія его различныхъ атрибутовъ, распредѣлялось соотвѣтственно съ его способностями — разума, чувства и воли, на три рубрики, и излагалось, какъ ученіе логики, какъ ученіе психологіи

и какъ ученіе этики о направленіяхъ воли, различающей добро и зло и свободно избирающей или то, или другое. Причемъ, воля человѣка, какъ воля существа разумнаго, предполагалась свободною, безъ всякой критики, единственно на основаніяхъ догматической теологіи и такой же метафизики.

Впослѣдствіи, Э. Кантъ, безусловно выдѣливъ свою критику практическаго разума, съ его этическимъ постулятомъ, отъ критики чистаго разума, съ его логическимъ началомъ, разорвалъ чрезъ это всякую разумную связь, всякое осмысленное отношеніе между разумомъ и волею, — между логикою и этикою. Изъ образовавшагося такимъ образомъ непримиримаго дуализма между положеніями разума и опредѣленіями воли, вытекало, какъ необходимое слѣдствіе, что, какъ съ одной стороны, въ логическихъ положеніяхъ разума, нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшаго участія свободной воли, а только — необходимость и чистѣйшій детерминизмъ, такъ съ другой —, въ этическихъ рѣшеніяхъ и опредѣленіяхъ свободной воли, нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшаго участія разумности, а есть лишь безусловно слѣпое побужденіе постулята, — лишь ни съ чѣмъ несправляющійся и ни о чемъ неспрашивающій всесильный мотивъ категорическаго императива.

Вслѣдствіе такого раздвоенія, одни изъ послѣдователей, хотя и не современниковъ Э. Канта, принявъ въ основаніе своего міровоззрѣнія разумъ, безъ свободы, положили начало ученію детерминизма, которымъ свобода воли исключается по ея несовмѣстности съ необходимостію разума; другіе, принявъ въ основаніе своего міровоззрѣнія свободу, безъ разума, или абстрактное всемогущество, положили начало ученію пессимизма, которымъ разумность исключается изъ всего существованія, по ея несовмѣстности съ безусловною свободою всемогущей воли.

Чѣмъ самымъ и представляется на выборъ, — или ради разума отказаться отъ всякаго притязанія на сво-

боду воли и примкнуть къ ученію детерминизма, при которомъ нечего толковать о нравственности; или же, наоборотъ, — ради притязаній на свободу воли, отрекься отъ всѣхъ положеній разума и примкнуть всѣмъ существомъ къ ученію пессимизма, при которомъ и сама логика возбраняется. Служить одновременно двумъ господамъ — невозможно, а слѣдовать порознь, — то одному, то другому, — въ силу различныхъ, посторонихъ соображеній, хотя и — возможно, но — не вполнѣ благопристойно.

Затѣмъ, какъ родится, умные люди, сильные своимъ здравымъ смысломъ, указывая съ торжествомъ на всѣмъ очевидное противорѣчіе между ученіями философовъ-детерминистовъ и философовъ-пессимистовъ, провозглашающихъ, что никакой философіи довѣряться не должно, что въ ней все — спорно и все — противорѣчиво; — что всего вѣрнѣе во всемъ полагаться на фактическія, безобманныя указанія опыта и положительнаго, на опытѣ основаннаго, знанія.

На этомъ основаніи, и создвигается положительное, или позитивное, научное міровоззрѣніе, которое и разрѣшаетъ вопросъ о свободной волѣ и необходимости тѣмъ, что, обходя оный, никогда къ нему не прикасается. При чемъ, по поводу его положенія и рѣшенія въ сферѣ соціологіи, остается вполнѣ неизвѣстнымъ, составляетъ ли физика нѣкоторый отдѣлъ этики, или же, наоборотъ, этика — не болѣе, какъ отдѣлъ физики?

Чтобъ избавиться отъ такой неопредѣленности, необходимо обратиться къ тѣмъ непосредственнымъ даннымъ опыта и наблюденія, изъ которыхъ возникаетъ самое представленіе о волѣ.

Изстари извѣстно сравненіе, въ которомъ видимое, невозмутимое спокойствіе міра и на землѣ и въ небесахъ уподобляется совершенно недвижному, неизмѣнному и постоянному образу стремительно и неудержимо низвергающагося водопада: въ томъ и въ другомъ, на взглядъ, все — спокойно, а между тѣмъ, на самомъ

дѣлѣ, и въ томъ, и въ другомъ, все — въ движеніи и нѣтъ ни единаго мгновенія покоя.

Въ мірѣ, по выраженію Гераклита, все течетъ, все горитъ, и слѣдовало бы дополнить: — все живетъ; такъ какъ и жизнь есть лишь особый видъ усложненнаго движенія.

Затѣмъ, Шопенгауэръ, принимая, какъ извѣстно, волевой актъ за основное начало всего существованія, усматриваетъ безразлично во всякомъ движеніи лишь проявленіе — въ одномъ случаѣ, органической —, въ другомъ —, чисто-вещественной, механической или химической воли.

Къ тому же и Литре, сравнивая мышленіе съ тяготѣніемъ, утверждаетъ, что всякое вещество тяготѣетъ, подобно тому, какъ мозгъ мыслитъ. Конечно, въ этомъ слѣдуетъ видѣть не болѣе, какъ сравненіе; такъ какъ непонятность тяготѣнія въ томъ собственно и заключается, что при немъ логика замѣняется механикою, и движеніе происходитъ безъ малѣйшаго слѣда какой либо сознательности, какого либо мыслящаго первнаго аппарата.

Но, тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, вся матерія вещества не только тяготѣетъ, но падаетъ, льется какъ вода, проходитъ, проходя, становится опытомъ, знаніемъ, смысломъ и, конечно, прошла бы вся безъ остатка и какъ все прошедшее и совершенное, стала бы вполнѣ понятнымъ смысломъ, еслибъ пройти окончательно ей не препятствовало упорное, теоретическое предположеніе о непроходимости и вѣчности атомовъ матеріи.

Покуда такое предположеніе держится, оно держитъ и всю матерію вещества въ ея непроходимомъ и непонятномъ безсмыслін, такъ что приходится по необходимости, довольствоваться не вполнѣ удовлетворительнымъ сравненіемъ умственнаго образа мышленія съ вещественнымъ образомъ тяготѣнія, хотя первое проявляется логикою, исходящею отъ смысла, а второе — только механикою, неизвѣстно отъ чего и откуда исходящею.

Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что неорганическое вещество тяготѣетъ, если не отъ себя, не изъ своего смысла, который въ немъ не предполагается, то по крайней мѣрѣ отъ занимаемаго имъ мѣста къ другому веществу; и въ этомъ отношеніи, можно, соглашаясь съ Литре, находить нѣкоторое подобіе между тяготѣніемъ и мышленіемъ, которое, исходя отъ себя, сознаетъ нѣчто о другомъ. По ученію Шопенгауэра, можно съ нѣкоторымъ основаніемъ допустить, что неорганическое вещество — какъ бы одушевлено своимъ вещественнымъ инстинктомъ, которымъ оно и увлекается къ тому другому, къ которому тяготѣетъ.

Но, чтобъ не оставаться при однихъ сравненіяхъ, которыя, все обобщая, очень мало выясняютъ, нельзя оставить безъ вниманія ту видимую причину, отъ которой, какъ можно судить по опыту, и начинается, и происходитъ всякое движеніе въ вещественномъ мірѣ.

Эта причина, какъ всѣмъ извѣстно, очевидно заключается въ неравновѣсіи одного съ другимъ; такъ что можно съ полною увѣренностью утверждать, что при полнотѣ равновѣсія въ самомъ мірѣ и въ вещахъ міра, не могло бы быть никакого движенія.

Самое неравновѣсіе возможно только при условіи, чтобъ было и *одно* и *другое*: потому что, еслибъ было только одно, которое могло бы быть и держаться само собою, не требуя ничего другого, то очевидно, что оно было бы въ полнѣйшемъ равновѣсіи съ собою и движенія не могло бы произойти.

Но въ вещественномъ мірѣ, нѣтъ ничего, что держалось бы само собою. Все въ немъ держится другимъ и черезъ другое; и одно безъ другого не могло бы быть. Изъ столь явной невозможности собственно и вытекаетъ ученіе детерминизма о непреложной необходимости и о полнѣйшей зависимости всего, что существуетъ, какъ въ цѣлости, такъ и въ малѣйшемъ изъ его проявленій, отъ чего нибудь ему внѣшняго и другого.

Все существующее, какъ нѣчто одно, есть въ себѣ

самомъ, или по отношенію къ себѣ, лишь нѣкоторый субъективный образъ вѣченія, или сознанія; оно получаетъ и содержаніе, и значеніе бытія только въ своемъ отношеніи къ другому, только чрезъ опредѣленіе другого или другимъ. Безъ другого, или безотносительно,—въ себѣ самомъ, въ своемъ одиночествѣ съ собою, оно было бы лишь чистѣйшею неопредѣленностью и не имѣло бы никакого объективнаго бытія: его бы не было вовсе, конечно при условіи, что за нимъ не предполагается какой либо невещественной, нематеріальной, трансцендентальной души.

Такимъ образомъ, всякое матеріальное, или такъ называемое неорганическое вещество существуетъ, есть, имѣетъ объективное бытіе только чрезъ его опредѣляющее нѣчто другое. Но это другое есть не только опредѣленіе, но и предѣлъ, граница, или отрицаніе его бытія; гдѣ начинается и есть другое, тамъ именно оканчивается и уже не можетъ быть опредѣляемое одно.

Поэтому одно и другое, сообщая другъ другу ихъ опредѣленное, объективное бытіе, не могли бы быть, не могли бы держаться другъ безъ друга; такъ какъ имъ присущее бытіе заключается только въ ихъ отношеніи другъ къ другу.

Но при этомъ, они взаимно не только утверждаются, но и отрицаются другъ другомъ; такъ какъ ни одно, ни другое не могутъ быть совмѣстно.

Вотъ эта-то невозможность обходиться другъ безъ друга, при невозможности быть совмѣстными другъ съ другомъ, и составляетъ напряженность неравновѣсія, недопускающую, чтобъ одно и другое пребывали въ покоѣ.

Сравненіе Литре, которымъ онъ, столь мало склонный къ какому либо мистицизму, уподобляетъ мышленіе тяготѣнію, даетъ нѣкоторое право сказать, что напряженное отношеніе, въ какомъ вещественныя одно и другое стоятъ другъ къ другу, есть ихъ взаимное вещественное *сужденіе* другъ о другѣ; въ этомъ сужденіи,

одно судитъ, или взвѣшиваетъ собою другое и само въ то же время судится, или взвѣшивается имъ.

Если, при такомъ взвѣшиваніи собою другого, нѣтъ между ними оказывается неравномѣрнымъ, то между терминами этой неравномѣрности, или этого сужденія другъ о другѣ, очень естественно оказывается неравновѣсіе, которое не можетъ пребывать при своей напряженности, но, какъ и при всякомъ сужденіи, неминуемо должно разрѣшиться въ соотвѣтственномъ заключеніи, чрезъ уравненіе, или уравновѣшеніе между собою его неравномѣрныхъ терминовъ.

Въ смыслѣ такого разрѣшающаго заключенія, или исхода изъ напряженнаго неравновѣсія одного съ другимъ и происходитъ движеніе, чрезъ которое напряженность ихъ вещественнаго сужденія другъ о другѣ разрѣшается и достигается требуемое равновѣсіе.

Въ мірѣ нѣтъ ничего, что было бы абстрактно простое, или одно безъ другого; такая безразличная простота, такое отсутствіе другого были бы лишь совершенною пустотою и отсутствіемъ бытія.

Потому что всякое бытіе имѣетъ своими терминами — одно и другое, которыя даютъ ему его содержаніе своею совмѣстностью въ немъ, и различаясь другъ отъ друга, оказываются въ немъ же взаимно несовмѣстными, и своею несовмѣстностью производятъ общее неравновѣсіе, или ту напряженность міроваго существованія, которая постоянно и разрѣшается въ мірѣ его непрестаннымъ движеніемъ, его неудержимымъ теченіемъ, измѣненіемъ, прехожденіемъ; причемъ однакожъ, постоянно нарушаемый, текучій образъ міроваго существованія, какъ образъ безостановочно текущаго водопада, столь же постоянно вновь воспроизводится и возстановляется въ своей цѣлости; вслѣдствіе чего, міръ и являетъ образъ невозмутимаго спокойствія и неизмѣннаго бытія во всякій моментъ своего зыбкаго, текущаго и неудержимо преходящаго существованія.

Зыбкое, постоянно нарушаемое и вновь возстанов-

ляемое, неустойчивое равновѣсіе физически существующаго міра съ его громадными накопленіями неорганическаго вещества, съ его непроницаемо-темною и глухою жизнью, проявляемою механизмомъ или химизмомъ, представляетъ собою незыблемую основу для дальнѣйшаго развитія міровой жизни и ея жизненныхъ, высшихъ сужденій.

Прежде всего, поверхъ земной коры, жизнь проявляется, какъ жизнь растительная, которая, наперекоръ извѣстнымъ увѣреніямъ, будто въ природѣ нигдѣ и ни въ чемъ не видать скачковъ, представляется безконечно-великимъ скачкомъ, какъ явно живое, столь неожиданно и непонятно проступающее изъ столь безжизненной, повидимому, среды механики и химіи. Слабыя и до сихъ поръ еще ничѣмъ неоправданныя попытки сторонниковъ произвольнаго самозарожденія не успѣли восполнить этотъ неизмѣримо-великій іатусъ, или пробѣлъ, которымъ сфера механическаго движенія отдѣлена отъ сферы дѣйствительной жизни; а схематическая протоплазма, которою предполагается возможнымъ заполнить эту бездну, если и можетъ притязать быть нѣкоторымъ подобіемъ мысли, то развѣ только въ видѣ протоплазмы дѣйствительнаго мышленія, т. е. того, что не — мышленіе, но и — не механика.

Чѣмъ бы то ни было растеніе, но, очевидно, оно живетъ, оно задумалось въ себѣ, и его субъективность бытія, или его растительное вниманіе проявляется въ немъ очень не двусмысленно въ его внимательномъ приноровленіи себя, своихъ пріемовъ, своего роста, своихъ навыковъ къ внѣшней, его окружающей средѣ, и въ его внимательномъ соблюденіи своего собственнаго образа бытія въ средѣ всего другого, вполнѣ равнодушнаго, а иногда и враждебнаго ко всему, что для растенія существенно-важно.

Но если въ какой нибудь мѣрѣ и возможно говорить о вниманіи присущемъ растенію, то во всякомъ случаѣ, оно замѣтно въ немъ не болѣе того, какъ въ порядкѣ и убранствѣ дома — замѣтна заботливость хозяина, котораго

однако не видать, потому что онъ находится въ отлучкѣ, — неизвѣстно гдѣ.

Жизнь растенія проявляется въ существованіи, какъ его сужденіе, которымъ оно связано и судится съ другимъ, — съ древними стихіями міра, — съ почвою, съ влагою, съ атмосферою, съ тепломъ и свѣтомъ. И, если его сужденіе и не есть уже чисто механическое или химическое, то все же оно оказывается вполнѣ неопредѣленнымъ и только стихійнымъ сужденіемъ. Растеніе, пребывая въ глубокомъ снѣ еще неочнувшейся къ сознанію жизни, вѣдается своимъ разсѣяннымъ, стихійнымъ образомъ бытія лишь съ столь же разсѣяннымъ, стихійнымъ и безпредметнымъ содержаніемъ міра. Въ немъ не вмѣщается ничего инаго сверхъ такой неопредѣленной стихійности: всѣ элементы, или термины различія, — одно и другое, его образъ и содержаніе, его внимательность и прозябаніе непосредственно сливаются въ его существованіи въ одну безразличную, пантеистически-расплывчатую неопредѣленность, о которой столь же трудно рѣшить, что въ ней есть, и чего въ ней нѣтъ; съ одной стороны, въ ней какъ будто все есть: все содержаніе міра, — и его всеобщее и его единичное, и его необходимое и его случайное бытіе, — вся жизнь, такъ что дополнять къ ней нечего; а съ другой — , въ ней какъ будто ничего нѣтъ: одно безстрастное, безчувственное, глухое и нѣмое произрастаніе, — именно то, что зовется деревомъ, съ его древесиною, эндосмозомъ и экзосмозомъ.

По этой неопредѣленности, по этой совершенной пассивности растенія, отъ его прозябающей жизни, и отъ его растительнаго сужденія всего менѣе можно ожидать его заключительнаго акта воли или поступка; оно какъ будто совсѣмъ не поступаетъ, а только растетъ, только прозябаетъ. Его растительное движеніе, конечно, — несравненно содержательнѣе абстрактно-механическаго движенія; но въ сферѣ механики, очень замѣтна напряженность неравновѣсія, а растенію какъ будто недостаетъ даже и такой абстрактной напряженности: при достаточной

влагѣ, при теплѣ, при свѣтѣ солнца, оно только распускается и въ какомъ-то магическомъ, непробудномъ забытьи, цвѣтетъ и приноситъ свой плодъ, который и созрѣваетъ на немъ, безъ его вѣдома и участія: и тогда оказывается, что и заключительный актъ растительнаго сужденія исполнился и совершился вполнѣ, но такъ, что растеніе и не вѣдало о совершеніи своего жизненнаго акта: такъ какъ, если онъ и совершается, то только вполнѣ безстрастнымъ и стихійнымъ порядкомъ, въ сферѣ совершенной пассивности.

Но все то, что — такъ непроницаемо въ напроможденіяхъ неорганическаго вещества, все то, что — такъ смутно, неопредѣленно и такъ стихійно-безстрастно въ нѣмомъ, поверхностномъ образѣ растительной жизни, — вниманіе, сужденіе, заключительный актъ воли, — прорывается ясно, опредѣленно и страстно, въ чутко сознательномъ, глубокомъ образѣ животной жизни.

Въ ихъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ содержанію міра и къ внѣшней средѣ всего другого, въ которой и которою они живутъ, животныя исполнены сознаніемъ своей дѣйствительности и невозмутимою увѣренностью въ полной правдѣ имъ присущаго жизненнаго смысла; каждое изъ нихъ, безъ малѣйшаго колебанія, безъ тѣни сомнѣнія въ каждый моментъ своего существованія, точно и твердо знаетъ въ чемъ дѣло его жизни, которая, какъ падающее тѣло, какъ текущая вода, всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ,—неизмѣнно вѣрна своему мотиву и неизмѣнно слѣдуетъ своему опредѣленному направленію.

Соотвѣтственно съ степенью вниманія, которымъ, какъ даннымъ отъ природы инстинктомъ, какъ опредѣленнымъ мотивомъ бытія, жизнь каждаго изъ животныхъ связывается и соображается съ внѣшнею средою всего другого, различныя сферы ихъ существованія выражаются или осуществляются въ безчисленномъ множествѣ ихъ жизненныхъ сужденій, различныхъ по ихъ объему, по ихъ амплитудѣ или размаху, которыми и исчерпывается безъ остатка все чувственно-матеріальное содержаніе существующаго міра.

Если механизмъ и химизмъ неорганическаго вещества — позволительно признать за чистѣйшее выраженіе міроваго, *эмпирическаго* сужденія, обусловливаемаго тѣмъ, что эмпирически существуетъ не абстрактное единство какого либо одного, въ себѣ уравновѣшеннаго вещества, но и другое, отъ него различное и ему неравномѣрное вещество; — если далѣе, въ образѣ растительной жизни, обусловливаемой ея неопредѣленно-стихійнымъ отношеніемъ къ исключительно стихійному содержанію міра, можно не безъ основанія усматривать чистѣйшее выраженіе *пантеистическаго* сужденія, въ которомъ стихійный образъ бытія судитъ о столь же стихійномъ содержаніи бытія и самъ судится имъ; то жизнь животную слѣдуетъ безъ всякаго сомнѣнія признать за чистѣйшее выраженіе *чувственно-матеріалистическаго* сужденія, въ которомъ одна чувственная матерія судитъ о другой и сама ею судится; такъ какъ изъ всѣхъ существъ, животное сказывается во всѣхъ отношеніяхъ безусловно послѣдовательнымъ матеріалистомъ, и его матеріализмъ не прерывается ни въ чемъ и никогда ни малѣйшимъ проблескомъ идеализма.

Не вѣдая и не исповѣдывая ничего другого кромѣ чувственной матеріи, оно могло бы проникнуться и ученіемъ позитивизма, еслибъ только какіе либо задатки теоріи, этики или эстетики были доступны существу его.

Въ жизненномъ сужденіи, которымъ опредѣляется все существованіе животнаго, одинъ изъ его терминовъ, какъ нѣчто сущее одно, есть въ немъ самомъ, его данный мотивъ бытія, — его жизненный смыслъ или инстинктъ; а другой терминъ, полагаемый какъ сущее нѣчто другое, которымъ животное живетъ и питается, находится имъ въ различныхъ опредѣленіяхъ внѣшней среды, въ которой мотивъ его бытія развивается и осуществляется.

Эти два термина — *одно* и *другое*, предстоя взаимно другъ другу съ меньшею или съ большею различенностью, ближе или далѣе другъ отъ друга, и, обусловливая тѣмъ самымъ меньшій или большій объемъ жизни животнаго, меньшую или большую амплитуду его жизненнаго, живот-

наго сужденія, находятся, по отношенію другъ къ другу, какъ двѣ взаимно нераздѣльныя и съ тѣмъ вмѣстѣ другъ съ другомъ несообразныя и несовмѣстныя природы, въ условіяхъ меньшей или большей напряженности, которая не можетъ пребывать, но необходимо должна разрѣшиться какимъ либо съ природою того и другого сообразнымъ рѣшеніемъ; потому что, при несообразности одного съ другимъ, ни одно, ни другое не могутъ пребывать въ ней и каждое съ своей стороны стремится сообразить и обратить опую въ полнѣйшую сообразность.

Въ сферѣ механизма и химизма теоретическаго вещества, одно не можетъ пребывать въ неравновѣсіи съ другимъ. Ихъ неравновѣсіе, вызывая напряженность ихъ отношенія другъ къ другу, неминуемо разрѣшается между ними соотвѣтствующимъ движеніемъ, которое и приводитъ ихъ къ равновѣсію.

Точно такъ и въ органической сферѣ животной жизни: при различномъ, другъ съ другомъ несообразномъ опредѣленіи терминовъ ея жизненнаго сужденія, или ея отношенія съ другимъ, когда утвержденіе одного сказывается отрицаніемъ другого и наоборотъ, — какъ явно бываетъ въ отношеніяхъ хищника къ его добычѣ, — между этими терминами, въ силу ихъ взаимной другъ съ другомъ несовмѣстности, возникаетъ ихъ напряженность другъ противъ друга, — нѣчто въ родѣ взаимнаго, жизненнаго неравновѣсія, въ которомъ ни одно, ни другое пребывать не могутъ; а потому, напряженность ихъ жизненнаго другъ о другѣ сужденія необходимо и должна разрѣшиться и, конечно, — не абстрактно-механическимъ движеніемъ, а жизненнымъ волевымъ актомъ, или поступкомъ, чрезъ который несообразное сообразуется и становится общимъ, взаимно другъ съ другомъ соображеннымъ единствомъ, или полнымъ равновѣсіемъ одного и другого.

Такимъ образомъ, вполнѣ понятно, что какъ движеніе есть именно заключительный результатъ, или самое разрѣшеніе напряженности неравновѣсія, такъ точно и

воля есть заключеніе, логически вытекающее изъ напряженности жизненнаго сужденія и выражается поступкомъ, котораго, какъ и самой воли, не могло бы быть, еслибъ не было предварительнаго сужденія,—еслибъ *одно*, которое живетъ и то *другое*, которымъ оно живетъ и питается, не судились взаимно другъ другомъ и не имѣли бы необходимости сообразить ихъ обоюдную несовмѣстность и несообразность другъ съ другомъ къ конкретному единству.

Волею, какъ заключеніемъ, именно и сообразуются другъ съ другомъ и смыкаются къ ихъ взаимному единству термины сужденія, изъ котораго она вытекаетъ и безъ котораго она не могла бы быть; потому что, безъ предварительнаго сужденія, не бываетъ, да и не можетъ быть никакого заключенія, а какъ скоро есть сужденіе, то необходимо должно быть и его терминамъ соотвѣтствующее заключеніе.

Жизненное сужденіе, которымъ природа одного животнаго всецѣло и неразрывно связана съ природою, съ условіями и опредѣленіями бытія другого, подобно натянутому луку, тетива котораго и есть самая напряженность, съ которою термины этого сужденія относятся другъ къ другу, или судятъ другъ о другѣ; а заключительный волевой актъ, или поступокъ подобенъ стрѣлѣ, слетающей съ сильно напряженной и мгновенно спущенной тетивы, которая еще и послѣ того долго звенитъ отъ силы бывшаго напряженія.

Размахъ существованія, или амплитуда жизненнаго сужденія, соотвѣтственно съ тѣмъ содержаніемъ, какое они захватываютъ собою, измѣряясь во всякомъ случаѣ степенью вниманія присущаго каждому изъ животныхъ, бываютъ меньше или больше, тѣснѣе или шире.

Если самое животное, какъ нѣчто одно, и то другое, которымъ оно живетъ и питается, схематизировать какъ два фокуса эллипса, то площадь такого эллипса будетъ схематическимъ изображеніемъ объема и содержательности существованія животныхъ. Такихъ эллипсовъ, съ различными меньшими или большими разстоя-

ніями ихъ фокусовъ, начиная отъ самомалѣйшаго до наибольшаго, есть безчисленное множество, и каждый изъ нихъ можетъ соотвѣтствовать опредѣленной величинѣ меньшей или большей амплитуды жизненнаго сужденія, въ предѣлахъ котораго существуетъ то или другое животное.

Каждое изъ животныхъ знаетъ, или вѣдаетъ въ своемъ сужденіи лишь о томъ, на что обращено его вниманіе; во всемъ содержаніи міра оно замѣчаетъ только свое, ему нужное или потребное; все другое до него не касается и остается ему невѣдомымъ, какъ будто несуществующимъ содержаніемъ.

Взирая на животную жизнь, въ ея поступательномъ развитіи отъ ея первыхъ зачаточныхъ проявленій, въ которыхъ она — скорѣе лишь общая и неопредѣленная жизненность, нежели дѣйствительная жизнь, до ея высшихъ проявленій въ ея дѣйствительныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ образахъ, каждый долженъ согласиться, что животныя достигаютъ значительной степени развитія, какъ въ богатствѣ и разнообразіи своего жизненнаго содержанія, такъ и въ обширности круга своихъ способностей и своихъ отношеній къ различному содержанію міра.

Многіе изъ современныхъ антропологовъ и соціологовъ, сравнивая человѣка, какимъ онъ является на низшихъ ступеняхъ своего развитія, съ высоко развитыми животными, находятъ достаточное основаніе и не затрудняются признавать преимущество на сторонѣ животныхъ; по ихъ увѣренію, дикій человѣкъ оказывается нерѣдко гораздо животнѣе животнаго, а наиболѣе развитыя животныя проявляются наоборотъ и сообразительнѣе и человѣчнѣе грубаго, дикаго человѣка.

Но преимущество человѣка надъ животными въ томъ собственно и состоитъ, что онъ способенъ относиться критически къ себѣ самому и даже находить себя ниже, хуже животнаго, которое въ этомъ отношеніи, на какой бы степени развитія оно ни стояло, не подвергаетъ никакой критикѣ свое эмпирически-данное положеніе и,

вполнѣ довольствуясь имъ, не находитъ оное ни низкимъ, ни высокимъ.

При всей обширности круга, въ которомъ наиболѣе развитое животное вращается, при наибольшей амплитудѣ своего жизненнаго сужденія, при всемъ разнообразіи того другого содержанія, которымъ оно живетъ и съ которымъ вѣдается, его другое есть все же не все другое, а только именно то, какое вѣдать ему опредѣлено инстинктомъ его индивидуальнаго или видоваго самосохраненія; опредѣляя мѣру его дѣйствительнаго бытія, оно, и при наибольшей значительности и содержательности, есть все же лишь эмпирически, лишь условно другое; вслѣдствіе чего, и амплитуда его жизненнаго сужденія, какъ бы она ни была велика и какое бы ни захватывала содержаніе, есть, и при наибольшемъ развитіи, вполнѣ опредѣленная, ограниченная и конечнымъ, эмпирическимъ образомъ точно измѣряемая амплитуда.

А потому, и воля животнаго, истекающая изъ его эмпирическаго сужденія, какъ его необходимое заключеніе, есть по существу своему эмпирически, или зоологически опредѣляемая, конечная, или такъ называемая несвободная воля, при которой не можетъ быть рѣчи ни о вмѣняемости, ни о долгѣ, ни о нравственности, ни о этикѣ, а — единственно только о зоологіи.

Но за то именно, знаніе, или вѣденіе животнаго о томъ содержаніи, съ какимъ оно вѣдается, или судится, — вполнѣ адэкватно его существованію; между первымъ и вторымъ нѣтъ неравенства, нѣтъ несообразности. Животное и знаетъ, и живетъ однимъ образомъ; его знаніе и его жизнь или дѣло никогда ни въ чемъ не расходятся; такъ что въ точно опредѣленномъ кругѣ его существованія, нѣтъ никакой возможности раздвоенія, нѣтъ ни малѣйшаго мѣста ни для сомнѣнія, ни для разногласія того, что имъ думается съ тѣмъ, что имъ дѣлается.

Въ животныхъ не встрѣчается ни невѣрія, т. е. отрицанія того, что есть дѣйствительно; — ни суевѣрія, т. е. утвержденія того, чего нѣтъ въ дѣйствительности.

Во всемъ и всегда. оно вѣдается и имѣетъ дѣло лишь съ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ находится въ мірѣ. а не съ тѣмъ, что только мнится и находится въ мнѣніи. Оно — всегда вѣрно своему инстинкту, своему опредѣленному смыслу и мотиву бытія, которымъ движется и, живя вполнѣ съ нимъ сообразно, утверждаетъ его несомнѣнную истинность каждою частностью и всею цѣлостью своего существованія.

Составляя нераздѣльное одно со всею природою міра, животныя — неспособны отрѣшаться отъ ея опредѣленій; отого и жизнь ихъ исполнена полнотою увѣренности и достовѣрности дѣйствительнаго бытія, ихъ не смущаютъ никакіе призраки, никакіе кошемары мнимаго бытія. Не имѣя въ себѣ никакого основанія для мечтательности, они не предаются мечтамъ и, всегда имѣя въ виду лишь совершенно положительное и вполнѣ реальное содержаніе, никогда не теряются праздномъ помысломъ въ безпредѣльной области невѣдомаго и непознаваемаго.

Они, и безъ предостереженія со стороны представителей критически - позитивной философіи, сами собою, строго и неуклонно держатся на реальной почвѣ и въ предѣлахъ имъ доступнаго, положительнаго знанія.

Не зная идеаловъ, они не нуждаются въ нихъ. Предметы ихъ вѣры, или то другое, съ которымъ они вѣдаются и которое необходимо для ихъ существованія. суть вполнѣ положительные предметы и, какъ менѣе или болѣе удаленный другой фокусъ эллипса, раздвигая сферу ихъ реальнаго существованія, не выходятъ изъ-за конечныхъ предѣловъ ея, но въ ней же и находятся, какъ ея эмпирическое, точно опредѣленное и при соотвѣтствующемъ усиліи вполнѣ достижимое содержаніе.

Эмпирически внѣшній образъ существованія человѣка мало чѣмъ и только количественно различается отъ образа существованія животныхъ; но теоретическій образъ человѣческаго вѣденія, или знанія до такой степени различенъ отъ образа вѣденія, или знанія животныхъ, что

очень многіе ученые и мыслители, а въ томъ числѣ и Д. Декартъ, совершенно отрицали въ животныхъ ихъ познавательную способность и отдѣляли ихъ отъ человѣка столь же непроходимою бездною, какою, по мнѣнію огромнаго большинства, неорганическое вещество и поныпѣ еще отдѣляется отъ органическаго существованія растеній и животныхъ.

Если въ современномъ монистическомъ міровоззрѣніи, явленіе жизни и организмы растеній и животныхъ и связываются въ единство съ матеріею неорганическаго вещества, то—только чрезъ недостаточное посредство предполагаемаго всеобщаго міроваго механизма; причемъ однако, предполагаемое безжизненнымъ и бездушнымъ, неорганическое вещество не пріурочивается къ *смыслу* жизни, а совершенно наоборотъ, самый смыслъ жизни, какъ нѣкоторый видъ механики, пріурочивается къ *безсмыслію* безжизненнаго и бездушнаго вещества.

Но, существуя вмѣстѣ съ животными на общемъ основаніи той же самой природы, человѣкъ, въ силу своего человѣческаго смысла, или инстинкта, вѣдаетъ и судитъ себя и все міровое содержаніе не только по значенію его эмпиризма, — судомъ своей эмпирической вещественности, не только по значенію его пантеизма,— судомъ своего вегетативнаго существованія, или своихъ растительныхъ процессовъ, не только по значенію его чувственнаго матеріализма, — судомъ своей животности, но еще и по высшему значенію его идеализма, — судомъ человѣческимъ.

Въ силу безконечно-великой амплитуды своего человѣческаго, жизненнаго сужденія, человѣкъ имѣетъ дѣйствительнымъ терминомъ своего существованія не эмпирически-условное, конечное, чувственное, болѣе или менѣе отъ него удаленное, но — идеальное, безусловное, безконечно ему близкое и безконечно отъ него далекое другое, которое, составляя предѣлъ и опредѣленіе бытія всего міра, всего міроваго содержанія, сказывается ему

изъ безконечности, какъ его безусловная истина и какъ предѣчно-сущій смыслъ всей дѣйствительности.

Нѣтъ и не можетъ быть ничего, что было бы истиннѣе самой истины, и дѣйствительнѣе самой дѣйствительности: а потому, человѣческое безконечно-великое сужденіе есть прелѣть всѣхъ сужденій, и ни единаго изъ нихъ нѣтъ и не можетъ быть, которое было бы шире, полнѣе и интенсивнѣе того, въ которомъ человѣкъ судится съ Богомъ и, измѣряя безусловную истину его предѣчнаго смысла мелькающимъ мгновеніемъ своего конечнаго, смутно-колеблющагося существованія, самъ судится и измѣряется безконечнымъ смысломъ и мѣрою его вѣчности.

Сужденіе, имѣющее своими терминами Бога и человѣка, захватываетъ между ними всю безконечность, и его заключеніе, какъ изъ самой безконечности исходящій волевой актъ, какъ поступокъ, или рѣшеніе, которымъ разрѣшается безконечно-великая напряженность всего бытія, всей дѣйствительности и всея полноты жизни, есть, по самому существу своему, чистое проявленіе безусловно-свободной воли; потому что — свободно, по самой истинѣ, вовсе не то, что не имѣетъ никакого опредѣленія, — что есть безъ всякаго мотива, а только то, что опредѣляется самою безконечностью, — что имѣетъ безконечную истину единственнымъ мотивомъ бытія своего.

Инстинктомъ называется та связь, или та цѣпь, которою какое либо существо неразрывно привязано, въ силу необходимости своего существованія, къ какой либо средѣ, или къ какому либо содержанію другого. Соотвѣтственно возрастающей содержательности и значительности другого, вокругъ котораго вращается, или которымъ опредѣляется все существованіе существа, удлиняется и инстинктивная связь, или та цѣпь, которою онъ прикованъ къ своему другому; и чѣмъ эта цѣпь — длиннѣе, тѣмъ — свободнѣе существо ею связанное.

А такъ какъ человѣкъ привязанъ своимъ человѣческимъ инстинктомъ къ безконечности, къ безусловной

истинѣ, или къ Богу, которымъ онъ живетъ и питается, то и его связующая цѣпь не можетъ иначе, какъ быть безконечно-длинною. А быть связаннымъ лишь безконечно-длинною цѣпью именно и значитъ — быть свободнымъ.

И потому, вполнѣ понятно и нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что всякое существо связано съ эмпирическими вещами *необходимостью*, а съ Богомъ — только *свободою*, которая и есть изъ всѣхъ связей и самая твердая, и самая неразрывная.

Имѣя въ виду только эмпирическія вещи и механику ихъ безсмыслія, научный взглядъ, по необходимости, и усматриваетъ всюду только давленіе, насиліе и тѣсноту необходимости. Но sub specie aeternitatis,— подъ взглядомъ Божьимъ, весь міръ держится и дышетъ только свободою.

Всякое дѣйствительно сущее бытіе есть лишь въ отношеніи одного къ другому: относиться къ другому — значитъ различаться отъ него и быть съ нимъ связаннымъ недѣлимымъ образомъ; при этомъ, величиною, или объемомъ различія, полагается только мѣра экстенсивности бытія; а силою, которою различаемое содержаніе связывается въ недѣлимость единства, опредѣляется степень интенсивности бытія, или его жизни.

Въ первоначальномъ, зачаточномъ проявленіи бытія, различіе одного и другого — безконечно мало и, охватывая собою лишь безконечно малое содержаніе, исчезаетъ безслѣднымъ и незамѣтнымъ въ своей безсодержательной безразличности.

При дальнѣйшемъ развитіи бытія, оно, являясь сначала лишь неопредѣленною жизненностью, а потомъ и дѣйствительною жизнью, проступаетъ постепенно и большими различіями одного отъ другого и, проявляясь всѣми образами животной жизни, исчерпываетъ все эмпирически-матеріальное содержаніе и всѣ чувственныя опредѣленія существующаго міра.

Наконецъ, въ сферѣ человѣческаго бытія, различіе

того, что человѣкъ есть самъ въ себѣ, отъ того другого, къ которому онъ относится всѣмъ существомъ своимъ, есть безконечно-великое различіе и, заключая въ своихъ терминахъ безконечность міра, сказывается какъ всеобъемлющее міровое противорѣчіе, какъ антиномія разума, которую не могъ осилить проницательный умъ Э. Канта.

То другое, которымъ живетъ и питается животное, есть лишь эмпирическое, относительное другое,— только иное выраженіе той же самой, общей эмпирической природы всякаго существованія.

Но то другое, которымъ живетъ и питается человѣкъ, есть безусловнымъ образомъ безконечно другое, и вовсе не то, что находится въ чувственно-эмпирическомъ содержаніи міра. Человѣкъ испытываетъ весь міръ и не находитъ въ немъ ничего, къ чему бы онъ не касался своимъ образомъ мышленія, съ чѣмъ бы онъ не вѣдался такъ или иначе; но это — все не то,— не то другое, которымъ опредѣляется его человѣческое бытіе, которымъ онъ дѣйствительно есть то, что онъ есть, и которое сказывается ему, какъ другой терминъ его жизненнаго, безконечно-великаго сужденія. Его другое есть его идеалъ, который безконечно удаленъ отъ него и въ то же время,— безконечно ему близокъ, хотя онъ и видитъ его не иначе, какъ чрезъ безконечную даль необъятно-великаго міра.

Въ сферѣ абстрактнаго мышленія, особливо при вопросахъ этическаго содержанія, подъ идеалами разумѣютъ такое содержаніе, какого нѣтъ въ дѣйствительности, которое нарочно измышляется на пользу и для преуспѣянія человѣка въ его реально-сущемъ, эмпирическомъ существованіи.

Измышляемые идеалы складываются изъ всякаго рода представленій, мнѣній и призраковъ мнимаго бытія и означаютъ собою лишь именно то, чего нѣтъ.

Въ этомъ же смыслѣ величайшій изъ мыслителей нашего времени, ставшій нынѣ притчею во языцѣхъ, го-

ворилъ иронически, что должнымъ называется то, что никѣмъ, никогда не исполняется. Но по истинѣ, идеалъ есть самая сущность бытія, и, конечно, — не то, что кѣмъ либо измышляется, или кому либо грезится.

Измышляемые идеалы, по отношенію къ дѣйствительносущему идеалу суть то же самое, что мнимое бытіе — по отношенію къ бытію дѣйствительному, что ложь и призракъ — по отношенію къ истинѣ, или что безобразіе — по отношенію къ прекрасному.

Весь міръ опредѣляется и есть дѣйствительный міръ только тѣмъ міровымъ идеаломъ, которымъ онъ вызывается изъ разсѣянности хаоса, изъ матеріи безсмыслія, или небытія къ дѣйствительному бытію въ смыслѣ и въ жизни.

Идеалъ есть самая жизнь, вызывающая жизнь, и безъ него, безъ его животворящаго дыханія, безъ его императивнаго призыва быть и жить, ничего нѣтъ, ничто не живетъ, ничто не можетъ ни быть, ни жить.

Всякое эмпирическое существованіе объято въ своемъ эмпиризмѣ туманами небытія и есть смутное безпокойство выйти изъ нихъ и стать дѣйствительнымъ бытіемъ, которымъ оно, какъ своимъ идеаломъ, становится, движется и живетъ.

Бытіе разсѣяннаго, неорганическаго вещества опредѣляется лишь идеаломъ полноты эмпиризма; потому что быть означаетъ для него — быть именно въ эмпирическомъ образѣ.

Бытіе растительности, какъ и низшей животной жизненности, опредѣляется стихійнымъ идеаломъ полноты пантеизма; потому что быть означаетъ для него — быть именно въ стихійно-пантеистическомъ образѣ безпредѣльнаго *прозябанія*.

Бытіе животное *опредѣляется, проникнуто и одушевлено матеріализмомъ; быть для животныхъ означаетъ* — быть именно чувственно-матеріалистическимъ образомъ.

Наконецъ бытіе человѣка опредѣляется, какъ соб-

ственно человѣческое бытіе, безусловнымъ идеаломъ сущей истины въ ея безконечно-дѣйствительномъ образѣ. Быть человѣкомъ значитъ именно — быть вполнѣ и дѣйствительно человѣкомъ и свидѣтельствовать дѣломъ и словомъ, всею жизнью и всякимъ помышленіемъ истину своего вѣчнаго, человѣческаго назначенія. — И какъ вещество неорганическое было бы лишь ничто или не могло бы вовсе быть, безъ своего опредѣленія въ эмпиризмѣ; какъ растительная жизнь была бы лишь ничто, или не могла бы вовсе быть, безъ своего опредѣленія въ стихійности пантеизма; какъ жизнь животная была бы лишь ничто или не могла бы вовсе быть, безъ своихъ опредѣленій въ чувственномъ матеріализмѣ; такъ и человѣкъ былъ бы ничто или ничѣмъ, не могъ бы быть человѣкомъ, безъ ему присущаго опредѣленія его безусловнаго идеализма. Ибо онъ живетъ и дышетъ сущностью своего идеала, и умеръ бы съ голода, отъ истощенія, еслибъ его идеалъ былъ лишь пустымъ измышленіемъ, а не дѣйствительно сущимъ смысломъ, безъ котораго вся его жизнь, вся человѣческая исторія, все ея содержаніе, всѣ ея прогрессы, интересы, стремленія, заботы прошедшаго и ожиданія будущаго, были бы лишь сущимъ безсмысліемъ и кошмарнымъ навожденіемъ изъ міра Шопенгауэра и Гартмана.

Дѣйствительный Божій міръ есть міръ красоты, свободы и истины: и изъ всѣхъ существъ, живущихъ въ немъ, только человѣкъ одинъ и знаетъ объ этомъ. Но хотя онъ, въ силу своего человѣческаго вѣдѣнія, какъ существо разумное, и не можетъ не знать это, однако же, сплошь да рядомъ, онъ по собственной волѣ своей не хочетъ это знать: вслѣдствіе чего, прекрасный Божій міръ и обращается его волею въ міръ обмановъ, призраковъ, лжи, насилія и всякаго безобразія.

Это зависитъ вполнѣ отъ самого человѣка; потому что въ мірѣ господствуетъ его свободная воля, и если онъ хочетъ слѣдовать своему неразумію и своей животности, то во всемъ мірѣ, и будетъ царить сила его

неразумія и животности; а какъ скоро онъ захочетъ слѣдовать разуму своего человѣческаго смысла, то во всемъ мірѣ воцарится правда его разума и исчезнетъ всякое безсмысліе.

Безконечно-великое сужденіе, которымъ опредѣляется человѣческое существованіе, вмѣщаетъ въ себѣ и всѣ другія конечныя сужденія, — сужденія животнаго матеріализма, стихійнаго пантеизма и вещественнаго реализма, или эмпиризма, въ сферѣ которыхъ свобода замѣняется необходимостью; а потому человѣкъ воленъ, отступаясь отъ свободы своей, избирать своею сферою сферу необходимости и на самомъ себѣ испытывать уже не силу понятнаго смысла, но непонятную, чисто механическую силу вещей, которая и есть насиліе.

Кто не хочетъ познать и признать смыслъ свободы тотъ по необходимости вынуждаетъ самъ себя познать и признать силу безсмыслія или насилія, которому онъ самъ же и подвергаетъ себя.

Въ сферѣ вещей, въ сферѣ животности, насиліе не есть насиліе, о которомъ ни вещи, ни животныя не имѣютъ понятія; а — только самый разумъ и самый смыслъ ихъ вещественнаго, эмпирическаго, или животнаго существованія. Идеализмъ въ этой сферѣ былъ бы явною несообразностью и полнѣйшимъ неразумѣемъ.

Но въ человѣческой сферѣ и по смыслу человѣка, какъ существа разумнаго, измѣряющаго все существующее и себя самого лишь на мѣру безусловной истины, насиліе есть именно насиліе, котораго не должно быть, именно потому, что оно, отрицая свободу и дѣйствительность человѣческаго существованія, обращаетъ ихъ, а съ ними и самого человѣка, въ пустой призракъ.

Изъ того, что человѣкъ не лишенъ возможности въ силу какихъ либо низменныхъ мотивовъ своей животности, покидая сферу свободы для сферы необходимости, жить и поступать въ противность своей человѣческой природѣ ему неподобающимъ порядкомъ и не такъ какъ

слѣдуетъ жить и поступать существу разумному и свободному, возникаетъ сознаніе о долгѣ, или обязанности никогда, ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ не рошять своего человѣческаго достоинства, состоящаго въ томъ, что человѣкъ связанъ только безусловною истиною, а не силою какихъ либо эмпирическихъ вещей,—не насиліемъ.

Идеализмъ не дозволяетъ, не терпитъ, чтобъ человѣкъ забывалъ о своей высшей природѣ, о своемъ высшемъ призваніи и, обращаясь въ эмпирика, матеріалиста или позитивиста, дѣлался подневольнымъ рабомъ вещей.

Отрицаясь истины, съ которою связано существо его, человѣкъ отрицается отъ своей свободы; отрицаясь отъ своей свободы, онъ отрицается и отъ своего человѣческаго достоинства, и тогда, конечно, онъ становится вполнѣ безотвѣтственнымъ и что бы ни дѣлалъ, какъ бы ни поступалъ, ничто ему не вмѣняемо; на немъ не лежитъ никакой обязанности; отъ него ничего нельзя требовать во имя долга; но съ нимъ можно обращаться, какъ съ вещью, его позволительно подвергать всякому насилію, съ полнымъ сознаніемъ правоты и законности такого насилія. Такъ какъ, за отрицаніемъ достоинства человѣка, въ полной силѣ своей остаются лишь естественное право бо̀льшей силы и законъ борьбы за существованіе; причемъ однако же, до нѣкоторой степени, по отношенію къ человѣку,—не лишнее соблюдать экономическій разсчетъ, возбраняющій доводить его при эксплоатаціи до такой крайности, въ которой онъ перестаетъ быть доходною, выгодною статьею; его слѣдуетъ содержать, какъ хорошій хозяинъ содержитъ скотину свою: хорошо кормить безъ излишества и требовать соразмѣрно много производительной работы.

Но, еслибъ всѣ ученые и всѣ астрономы, сговорясь другъ съ другомъ, взялись учить и убѣждать простыхъ, неученыхъ людей, что въ небѣ нѣтъ никакого солнца, то едва ли бы эти астрономы, ученые и мыслители достигли цѣли своей. Простые и неученые люди никогда

бы не повѣрили, что въ небѣ нѣтъ солнца, которымъ весь міръ живетъ и дышетъ. Потому что его отсутствію повѣрить невозможно; потому что все, что есть, всякое помышленіе и всякое дыханіе неотразимо свидѣтельствуютъ о его несомнѣнномъ присутствіи.

Такимъ же образомъ, никакія убѣжденія, никакія ученія, никакая научность не въ состояніи вырвать изъ груди человѣка сознаніе о его человѣческомъ достоинствѣ, которое въ немъ — не отъ первовъ, - не отъ мозговаго вещества, — не отъ измышленія, а — только отъ того, что онъ по самому существу, какъ дѣйствительный образъ Божій, живетъ и дышетъ безусловною истиною, которая есть дѣйствительно-сущее, святое предъ нею всякое дыханіе, всякое помышленіе смущаются, исполняясь трепетомъ и радостью благоговѣнія; оно дышетъ всему безконечностью и жизнью. А потому, отрицать истину, отрицать душу человѣка, обращая его въ бездушную вещь и касаться къ нему насиліемъ, есть — убійство и неказанное, невыносимое кощунство и святотатство.

Наука, какъ наука, имѣетъ въ кругѣ своего вѣденія только вещи и ихъ вещныя отношенія; и потому, она можетъ судить о вещахъ, но не въ состояніи судить о человѣкѣ и о его достоинствѣ, которое исходитъ не отъ вещей, но дается ему свыше, и есть потому, святое и неприкосновенное, на которое посягать можетъ только животное, а не человѣкъ.

Но откуда—достоинство человѣка, оттуда же и цѣть и долгъ его. Вмѣстѣ съ его достоинствомъ, которое покоится на его свободѣ, на той же свободѣ возникаетъ и его долгъ.

Все живущее въ природѣ естественнымъ, животнымъ порядкомъ, живетъ всегда хищничествомъ, на счетъ другого.

Хищникъ и то другое существо, по отношенію къ которому хищникъ и есть хищникъ, вѣдаютъ другъ друга и судятъ другъ о другѣ своимъ особымъ, каждому изъ нихъ присущимъ смысломъ бытія. Первый не можетъ

жить, обходясь безъ втораго, но второе не можетъ жить, сходясь съ первымъ.

Оба — неразрывно связаны и въ то же время — несовмѣстны другъ съ другомъ; чѣмъ и обусловливается напряженность ихъ жизненнаго сужденія, или ихъ взаимнаго отношенія другъ къ другу. Эта напряженность необходимо требуетъ своего разрѣшенія.

Вслѣдствіе чего, соображая въ своемъ смыслѣ природу куропатки съ своею природою, соколъ взираетъ на нее, какъ на свою добычу, и стремится обратить ее въ свою пищу. Съ своей стороны, куропатка, соображая въ своемъ смыслѣ природу сокола съ своею природою, взираетъ на него, какъ на опаснаго хищника, и не желая стать его добычею, стремится укрыться и уйти отъ него. Отсюда вытекаютъ преслѣдованіе сокола и бѣгство куропатки.

Достигнетъ ли своего намѣренія соколъ, обративъ куропатку себѣ въ пищу, успѣетъ ли куропатка избѣжать когтей хищника, во всякомъ случаѣ, въ томъ или въ иномъ исходѣ, напряженность ихъ взаимнаго другъ къ другу отношенія разрѣшается ихъ поступкомъ, по крайней мѣрѣ на время.

Конечно, такое разрѣшеніе — односторонне и — не вполнѣ удовлетворительно: или соколъ остается голоднымъ и вынужденъ преслѣдовать иную добычу, или же — куропатка съѣдена, и счетъ ея съ жизнью заключенъ безъ ея вѣдома и наперекоръ смыслу ея самосохраненія.

При отношеніи хищничества, когда одно живетъ на счетъ другого, разрѣшеніе ихъ взаимной напряженности и не можетъ быть иначе, какъ односторонними и временными; потому что, послѣ удачнаго насыщенія и достаточнаго сна, голодъ возбуждается съ новою силою, и вновь начинается преслѣдованіе, вновь начинается бѣгство; напряженная, взаимная борьба за существованіе,— борьба на жизнь и на смерть, остается по существу и въ цѣлости неразрѣшенною и неразрѣшимою. По-

тому что ничто существующее не можетъ пребывать голоднымъ и ничто существующее не — на столько самоотверженно, чтобы добровольно становиться нищею другого.

Въ сущности, борьба изъ-за существованія есть борьба за свободу, которой не можетъ не быть, пока одно и другое не — тожественны, а только — чужды и другія другъ другу.

Свобода одного, встрѣчающая свой предѣлъ въ значеніяхъ и стремленіяхъ ему чуждаго другого, отрицается другимъ.

А потому, все существующее и стремится или пожрать другое, обративъ его существо въ свое существо, или удалиться, уйти, избавиться отъ него: это своего рода центростремительная и центробѣжная силы, которыми строится вся цѣлость мірозданія.

Но въ эмпирическомъ существованіи, ни избавиться отъ другого бѣгствомъ, ни пожрать оное, такъ, чтобъ его не стало, — невозможно. Пожираемое другое само пожираетъ его пожирающаго, повергая оное въ сонъ, въ которомъ оно и предстаетъ пассивною, беззащитною жертвою, или добычею всему другому.

По невозможности обратить все другое въ себя пожираніемъ онаго, существующее одно измѣняетъ свой пріемъ и вмѣсто того, чтобъ пожирать другое, стремится, лишивъ его самобытности, обратить его въ свою вещь, присвоить его себѣ, овладѣть имъ, какъ своимъ рабомъ, чтобъ стать его полновластнымъ владыкою и господиномъ. При полномъ господствѣ надъ другимъ, при совершенномъ рабствѣ себѣ присвоеннаго другого, оно перестаетъ быть ограниченіемъ, или предѣломъ свободы своего господина.

Но и этотъ пріемъ присвоенія себѣ другого оказывается столь же несостоятельнымъ и несбыточнымъ, какъ и первый. Господинъ и обладатель великаго множества рабовъ и вещей не только не обладаетъ ими и не господствуетъ, но, по необходимости, самъ обращается въ вещь и въ раба своихъ рабовъ и вещей, и кто мнилъ

присвоеніемъ подчинить себѣ другое, тотъ вмѣсто того самъ становится подвластнымъ другому.

Тогда пріемъ присвоенія, съ его мнимою властью и господствомъ надъ другимъ, измѣняется, и вмѣсто него возникаетъ стремленіе усвоить себѣ другое теоретически, чрезъ познаніе онаго; причемъ оно уже не уничтожается и не искажается, какъ въ прежнихъ пріемахъ, но оставаясь въ своей самобытной цѣлости, обращается до извѣстной степени въ друга, въ помощника и въ добровольнаго служителя, содѣйствующаго ему во всѣхъ дѣлахъ его.

Въ надеждѣ подчинить себѣ силы природы и пользоваться ими, какъ своими силами, человѣкъ изучаетъ природу, наблюдаетъ ея явленія, отмѣчаетъ ея порядки отношеній, вникаетъ въ ея законы и проникаетъ въ существо ея: вслѣдствіе чего, она до нѣкоторой степени перестаетъ быть для него чуждою. Все, что въ ней было чуждымъ, другимъ, становится чрезъ познаніе онаго теоретически, отчасти своимъ.

Но все, что есть, познать вполнѣ — невозможно; другое предстоитъ во внѣшнемъ мірѣ въ образѣ непроницаемой матеріи, и какъ вещество и какъ будущее; познать можно, какъ говорится, только его поверхностную оболочку, только его феноменальность, а его глубокая сущность пребываетъ непроницаемою и непознаваемою.

Къ тому же, познавая природу и законы ея, человѣкъ познаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ необоримую силу вещей и усматриваетъ, что въ ихъ средѣ, его мнимая свобода есть лишь призракъ пустой, о которомъ онъ могъ мечтать, которымъ онъ могъ превозноситься, пока въ немъ не было знанія; но, обладая знаніемъ, онъ вынужденъ необходимостью отказаться отъ своего притязанія быть свободнымъ: ибо, вмѣсто того, чтобъ, какъ онъ мечталъ, покорять себѣ силы природы, онъ самъ покоряется имъ, безъ всякой надежды когда либо освободиться изъ-подъ ихъ безусловнаго господства и всесильной власти.

Мнимый побѣдитель другого вынужденъ признать

себя безусловно побѣжденнымъ и, слѣдуя, какъ плѣнникъ, въ побѣдоносномъ тріумфѣ всесильнаго другого, самъ провозглашать его полное торжество и побѣду надъ собою.

Но при глубже вникающемъ вниманіи, мнимо торжествующее и мнимо побѣдоносное другое оказывается вовсе не побѣдоноснымъ и не торжествующимъ, и даже не другимъ; а тѣмъ же самымъ, столь же побѣжденнымъ, столь же подчиненнымъ и лишеннымъ всякой свободы: торжествуетъ лишь неодолимая сила общаго, обоюднаго невѣжества, вслѣдствіе котораго одно напрасно мнитъ себя побѣжденнымъ, а другое столь же напрасно мнитъ себя побѣдившимъ.

Тогда открывается послѣдній, высшій и единственно дѣйствительный пріемъ усвоенія себѣ другого и утвержденія своей свободы его свободою, и его свободы своею свободою. Этотъ пріемъ заключается въ жизненномъ усвоеніи себѣ другого силою любви, которая одна и способна обратить все другое дѣйствительнымъ образомъ въ свое. Въ ея усвоеніи ни одно, ни другое уже не домогаются ни пожрать, ни присвоить себѣ другъ друга, ни избавиться другъ отъ друга, ни даже теоретически проникнуть другъ въ друга: такъ какъ оба стремятся, свободно предаваясь другъ другу, вполнѣ потеряться и вполнѣ найтись другъ въ другѣ уже не отрицаніемъ, но утвержденіемъ другъ друга въ ихъ полной и безусловной свободѣ.

Въ силу опредѣленій эмпирической природы, человѣку — не чужды ни одна изъ животныхъ потребностей, ни одно изъ животныхъ побужденій: онъ воленъ отдаваться и слѣдовать имъ какъ животное; но какъ человѣкъ, онъ живетъ и питается только безусловною истиною и можетъ быть самимъ собою, свободнымъ и разумнымъ существомъ, только соображаясь съ нею и съ смысломъ ея. Всякимъ инымъ соображеніемъ, хотя бы и самымъ позитивнымъ и научнымъ, онъ, не достигая своей дѣйствительности, обращается въ безсмысленныя

призракъ; причемъ, всякое животное, въ своемъ животномъ существованіи, оказывается и разумнѣе, и правѣе, и правдивѣе его призрачно-двусмысленнаго и въ самомъ корнѣ лживаго — , не то животнаго, не то человѣческаго существованія.

Человѣкъ воленъ и властенъ отрѣшаться отъ своего долга быть человѣкомъ; но отрѣшаясь отъ долга и поступая наперекоръ совѣсти, онъ необходимо лжетъ въ самомъ себѣ, и ложь его есть его осужденіе.

Какъ струны арфы, всѣ струны бытія человѣческаго, проходя чрезъ всю ширь и даль міра, натянуты между небомъ и землею; ихъ безконечный строй слышится человѣку, какъ единственный и безусловный мотивъ его жизни и его свободной, человѣческой воли. Онъ, потому, изъ всѣхъ существъ, живущихъ подъ небесами, одинъ и знаетъ, что всѣмъ свободу дарующая, небесная правда въ томъ и состоитъ, чтобъ на землѣ не допускать никакого лицепріятія, чтобъ на ней, какъ въ небесахъ, царила безусловная справедливость, по отношенію ко всѣмъ и къ каждому, и не было никакого насилія.

Жизнь есть вниманіе къ себѣ и къ другому; и ея высшій образъ въ томъ именно и сказывается, что ея внимательность къ стремленіямъ, къ желаніямъ, къ дыханію и къ жизни всего другого, вполнѣ равняется ея внимательности къ себѣ самой; вслѣдствіе чего, ея саморазумѣніе себя самого и ея же разумѣніе всего другого, совпадая въ единомъ смыслѣ утвержденія и оправданія себя въ другомъ и другого въ себѣ, выходитъ изъ тѣсноты другъ съ другомъ несовмѣстимыхъ, эмпирическихъ опредѣленій и становится дѣйствительнымъ смысломъ безусловной свободы.

Сила другого, которою ломится свобода жизни и входитъ въ міръ насиліе смерти, исчезаетъ и растворяется сама собою, когда актомъ свободной воли одно и другое сходятся другъ съ другомъ на почвѣ справед-

ливости и взаимнаго другъ другомъ признанія въ смыслѣ истины и безусловнаго добра.

Безконечно великое, жизненное сужденіе человѣка, связывая, какъ свои термины, — вѣчность и преходящее мгновеніе, — небеса и землю, — все прошедшее и все будущее, — душу и тѣло, или смыслъ и бытіе, не можетъ быть разрѣшаемо ни однимъ изъ эмпирически-частныхъ и односторонних разрѣшеній, при которыхъ какой либо ограниченности одного, предается въ жертву все другое: оно требуетъ безконечнаго и всеобщаго разрѣшенія, къ которому всѣ стороны, всѣ значенія и всѣ различія существованія свободно, сами собою стремятся, находя въ немъ и свое оправданіе, и свое признаніе, и свое утвержденіе.

Поэтому, актъ свободной воли, выражаясь человѣческимъ поступкомъ, или всѣмъ дѣломъ человѣческой жизни, и исходя изъ безконечно-великой напряженности міроваго, человѣческаго сужденія, соображается только съ образомъ безусловно-сущей истины, и имѣетъ мотивомъ своимъ не какое либо эмпирическое побужденіе какихъ либо физіологическихъ потребностей, — и вовсе не то, что хочется, а единственно только сознаніе своего неизмѣннаго долга, или категорическаго императива быть справедливымъ и поступать такъ, какъ бы каждый хотѣлъ, чтобы съ нимъ поступали, или такъ, чтобъ этотъ поступокъ могъ служить нормою для всеобщаго закона, противъ котораго никто не имѣетъ, или не можетъ имѣть никакихъ возраженій.

Самая сущность долга есть истина, или свобода; его содержаніе есть добро; его образъ выраженія есть благообразіе красоты.

Нарушеніе долга, свидѣтельствуя о господствѣ лжи, вызываетъ насиліе и рабство, которыя, какъ убійство жизни, какъ отрицаніе святого, охватываютъ все живое тлетворнымъ значеніемъ мертвечины, пошлости и безобразія.

Исполненіемъ долга творится и осуществляется сво-

бода, но самый долгъ сознается только свободою, въ свободѣ и чрезъ свободу: отдѣльно другъ отъ друга нѣтъ ни долга, ни свободы; такъ какъ они суть только термины, которые разумѣются другъ другомъ и другъ въ другѣ лишь въ живой подѣлимости саморазумѣнія, или въ дѣйствительной жизни человѣка.

За утратою живой вѣры, или силы утвержденія истины своего смысла, когда человѣкъ утрачиваетъ свое достоинство и властность своего авторитета, дѣйствительность его существованія замѣняется фикціею, исполненною призраками и отвлеченностями мнимой дѣйствительности.

Въ ней и долгъ, и свобода, теряя свое истинное значеніе и свое дѣйствительное содержаніе, представляются отдѣльно другъ отъ друга, лишь отвлеченными терминами формальной, мнимой, никого ни къ чему не обязующей справедливости; ея тощее содержаніе и развивается теоретически, въ значеніи формальнаго долга, подъ видомъ такъ называемой морали съ ея алтруистическими, утилитарными или сантиментальными побужденіями, и въ значеніи той условной свободы, которая, по ученію правовѣденія и государственнаго права, опредѣляется и ограничивается снаружи внѣшними требованіями полицейскаго порядка, какъ будто всякій порядокъ, устанавливаемый внѣ свободы, не есть величайшій безпорядокъ, какъ будто свобода, сама въ себѣ, не есть порядокъ безусловный.

Дѣйствительная, высшая свобода, заключаясь въ властномъ авторитетѣ человѣка, лежитъ въ его сознаніи и въ его исполненіи своего долга; а его высшій долгъ въ томъ и состоитъ, чтобы быть свободнымъ.

Дѣйствительная свобода долга и дѣйствительный долгъ свободы, осуществляя свое конкретное содержаніе въ развитіи общественныхъ правовъ, обращаются въ нравственность, которая и есть самая дѣйствительность добра и общественнаго блага.

Она есть самый образъ, или всеобщее настроеніе человѣческой жизни, и обнимаетъ ее, какъ въ цѣлости,

такъ и въ малѣйшемъ изъ ея проявленій, какъ горячая, жизненная атмосфера лѣтняго дня обнимаетъ землю; въ ея дыханіи все растетъ и все живетъ; ея невидимый, *всеобъемлющій образъ* проникаетъ собою все содержаніе общественной жизни ея истинною *образованностью*, которую нельзя смѣшивать съ цивилизаціей.

Но подобно тому, какъ горячо напряженная атмосфера лѣтняго дня нерѣдко несетъ грозы и бури въ своемъ дыханіи, такъ и общественная нравственность есть не только тишь да гладь, но и высшая напряженность жизни; и ея безконечно великое сужденіе, въ которомъ судятся не только смертные люди, но и безсмертные боги, теряя на мигъ—какъ случается въ ходѣ человѣческой исторіи—свое равновѣсіе, разражается иной разъ, какъ Божья гроза, и потрясаетъ весь міръ своимъ трагическимъ, иногда вовсе нежданнымъ разрѣшеніемъ.

Человѣческая жизнь не есть абстрактное уравненіе разнородныхъ эмпирическихъ нуждъ и потребностей человѣка, живущаго въ обществѣ; во всякомъ случаѣ, она не есть мертвое равновѣсіе между многими направленіями и взаимно другъ другу противоборствующими силами и стремленіями общественной среды. Она есть именно жизнь, и въ языкѣ человѣческомъ нѣтъ иного слова, нѣтъ иного знака, которымъ бы могло быть выражено ея собственное, жизненное значеніе. Кто, не понимая, что такое жизнь, требуетъ внѣ ея иныхъ объясненій, чтобъ уразумѣть ея содержаніе, тому никакія объясненія ничего не могутъ объяснить; потому что въ немъ недостаетъ той самобытной ясности, изъ которой истекаютъ всѣ объясненія.

Имѣя своимъ содержаніемъ и своимъ значеніемъ самую безконечность, жизнь есть дѣйствительно сущая недѣлимость ея терминовъ—ея субъективнаго смысла и ея объективнаго бытія,—которые и связаны въ ней другъ съ другомъ ея безконечнымъ образомъ, между тѣмъ какъ въ отвлеченной сферѣ теоретически-эмпирическаго міровоззрѣнія, они, являясь взаимнымъ противурѣчіемъ, не свя-

заны, а напротивъ лишь разъединены другъ съ другомъ безконечнымъ образомъ.

Жизнь не есть ни застой, ни остывшая, установленная норма бытія, но постоянное горѣніе. Ея смыслъ, исходящій изъ невозмутимой глубины ея прошедшаго, какъ духъ безконечный, колеблетъ своими значеніями все содержаніе и всѣ видимые образы ея бытія, которое въ видѣ смутныхъ ожиданій, страховъ, надеждъ, заботъ, тревогъ и треволненій текущаго мгновенія, постоянно наступаетъ изъ невѣдомой области ея непроницаемаго будущаго.

Жизненное саморазумѣніе становится тѣмъ полнѣе и тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ глубже оно вематривается въ безконечный смыслъ своего уже *совершеннаго*, отъ всякихъ смутъ и превратностей изъятаго прошедшаго, и чѣмъ оно болѣе проникаетъ въ смутное и еще *несовершенное* бытіе своего наступающаго будущаго.

А потому, и нравственность, опредѣляясь, какъ по отношенію къ тому, что уже совершилось и есть совершенное, и къ тому, что еще не совершилось и есть несовершенное, складывается въ обществѣ во-первыхъ, въ значеніи его прошедшаго, въ образѣ его жизненныхъ преданій, какъ неприкосновенный залогъ и святой палладіумъ его безконечной, духовной жизни; а во-вторыхъ, въ значеніи его неудержимо-наступающаго будущаго, или всего того, что является какъ необходимое, нужное, полезное, удобное или желательное, согласно съ побужденіями мгновенія и потребностями внѣшней, эмпирической жизни.

Первое значеніе всего святого и неприкосновеннаго находитъ свое полнѣйшее выраженіе собственно въ сферѣ кровныхъ, семейныхъ отношеній, въ томъ, что именуется Божескими законами, или Божьею правдою. Ихъ естественная представительница есть женщина; ибо она есть по существу своему хранительница святого, которая невидимо творитъ нравы общества и самую душу общественной нравственности.

Второе значеніе всего полезнаго и необходимаго,

находя свое выраженіе въ такъ называемыхъ человѣческихъ законахъ, осуществляется собственно въ сферѣ общественныхъ и площадныхъ отношеній; ихъ представителемъ и защитникомъ, является, по призванію, мужчина.

Случайныя столкновенія другъ съ другомъ этихъ двухъ началъ, которыми зиждется общественная нравственность, служили основаніемъ античной драмы. Древній міръ не вѣдалъ высшаго начала любви; а безъ ней, Антигона и Креонъ лишь ненавидятъ и не выносятъ другъ друга. Ихъ взаимная нетерпимость, возрастая до страсти, потрясаетъ самыя основы общественнаго строя.

Въ современномъ обществѣ, античный образъ нравственности подмѣнили резонерствомъ, моралью и благонамѣренностію (respectability); но эта почва—такъ мелка, что на ней могли возникнуть никакъ не трагедія, въ которой богъ состязается съ богомъ, а только такъ называемыя мелодрамы, которыя трогаютъ до слезъ нимало не античныхъ представителей современной культурности; потому что въ нихъ состязаются только сантименты съ сантиментами,—ограниченность, падкая до сладкаго, съ ограниченностью, не отступающею отъ формальнаго долга, только банальная глупость съ глупою банальностью.

Взаимное столкновеніе другъ съ другомъ нравственныхъ, общественныхъ началъ,—смысла святаго и свободнаго съ смысломъ полезнаго и необходимаго не ограничивается состязаніемъ между собою ихъ героическихъ, личныхъ представителей,—при которыхъ самое общество участвуетъ лишь въ качествѣ хора, высказывающаго свои общія размышленія о превратностяхъ и горькой судьбѣ человѣческой жизни;—но нерѣдко охватываетъ собою и всю цѣлость самого общества, такъ что, при его состязаніи съ самимъ собою, некому и хоромъ быть, развѣ только какому хроникёру или журналисту, живущему со дня на день и совершенно чуждому какъ смыслу прошедшаго, такъ и наступающему бытію будущаго.

Смыслъ святого и свободнаго осуществляется,—если

только осуществляется,—въ духѣ исключительной, самобытно въ себѣ замкнутой особности, какъ патриціанское начало аристократіи, которая, въ ея крайнемъ выраженіи, дышетъ невыносимою гордынею неприступнаго высокомѣрія.

Смыслъ полезнаго и необходимаго осуществляется, — если только не господствуетъ, — въ духѣ безразличной общности и безпредѣльнаго обобщенія, какъ плебейское начало демократіи, которая, въ стремленіи къ всеобщему уравненію всего со всѣмъ, дышетъ, въ своемъ крайнемъ выраженіи, нестерпимо завистливымъ притязаніемъ всему, что есть, отмѣрить существованіе въ мѣру своей банальной ограниченности.

Соприкасаясь другъ съ другомъ въ своихъ крайнихъ выраженіяхъ, эти два начала разгараются другъ противъ друга презрѣніемъ и ненавистью. Вслѣдствіе чего, между ними сперва является нѣкоторое разобщеніе, такъ что каждое изъ нихъ обособляется исключительно въ себѣ самомъ; но за тѣмъ, чѣмъ болѣе они обособляются, тѣмъ болѣе увеличивается и ихъ взаимная напряженность другъ противъ друга и возрастаетъ до той степени и поры, когда она, разрывая общественное равновѣсіе, необходимо должна найти свое разрѣшеніе.

Тогда оба начала, противопоставляя святое необходимому и необходимое святому, вступаютъ другъ съ другомъ въ столкновеніе, которое взрывомъ своимъ потрясаетъ общество въ самыхъ основаніяхъ его.

Свидѣтелю такого столкновенія,—частному, постороннему лицу,—невольно сдается при этомъ, что пришли послѣднія времена, что истина возстала противъ истины, что добро идетъ противъ добра, что боги состязаются съ богами; и ему нѣкуда укрыться отъ такого бѣдствія, потому что оно совершается какъ судьба, или какъ судъ Божій, которыхъ ни отмѣнить, ни устранить невозможно.

Моральные люди усматриваютъ въ этомъ лишь пагубныя послѣдствія необузданнаго честолюбія, неумѣренной гордыни и несдержанныхъ страстей человѣка и

услаждаются мыслью, что спасеніе лежитъ въ несопротивленіи злу.

Но изъ этого видно, что резонерство и мораль съ ея спасительными правилами, по сравненію съ дѣйствительною нравственностью общества и человѣчества, — то же, что лужа или акваріумъ съ фонтанчикомъ и рыбками предъ океаномъ, по которому духъ Божій взмываетъ его океаническія волны и бури.

Какъ пѣтъ правилъ для творчества художника, такъ пѣтъ правилъ для нравственныхъ поступковъ человѣка; какъ художникъ есть художникъ, такъ и нравственный человѣкъ нравственъ только по вдохновенію свыше. И тотъ, и другой творятъ прекрасное, или поступаютъ нравственно, лишь когда они, внимательно прислушиваясь къ голосу изъ безконечности, исполняются смысломъ ея вѣчной красоты, ея вѣчнаго блага ея вѣчной истины.

3. Смерть, жизнь и безсмертіе, какъ окончательное разрѣшеніе міроваго противорѣчія по существу.

Животное исполнено незыблемою вѣрою въ непреложную истинность того, чѣмъ оно живетъ въ себѣ, — что ему внушается его смысломъ жизни, или его жизненнымъ инстинктомъ.

Жить для него и значитъ — вѣрить; такъ что, его жизнь — нераздѣльна съ его исполняющею вѣрою; оно можетъ сомнѣваться только въ точномъ значеніи тѣхъ или другихъ ему предстоящихъ обстоятельствъ, можетъ недоумѣвать, — нѣтъ ли въ нихъ чего подозрительнаго, или опаснаго. Но самый инстинктъ, которымъ оно руководится, самая вѣра его въ смыслъ своей жизни и ея непосредственныхъ внушеній, для него — превыше всякихъ сомнѣній и не возбуждаетъ въ немъ ни критики, ни раздумья.

Человѣкъ, напротивъ, исполненъ раздумьемъ и не можетъ обойтись безъ критики, даже и по отношенію

къ своему жизненному смыслу, къ своему человѣческому инстинкту.

Въ силу своего инстинкта, онъ вѣритъ только въ безусловную истину предвѣчнаго смысла, или только въ Бога; но именно потому, онъ и можетъ во всемъ сомнѣваться и даже — въ той самой истинѣ, которую онъ самъ же утверждаетъ всѣмъ существомъ своимъ.

Вѣра въ вещи опредѣляется только *необходимостью*, недопускающею никакихъ сомнѣній; вѣрить же въ Бога возможно, хотя не по произволу, но во всякомъ случаѣ, только свободно, или *свободою*, которая не исключаетъ и не устраняетъ никакихъ помышленій, какъ развѣ тѣ, которыя устраняются сами собою.

Сознавая въ себѣ, что его эмпирическое существованіе — не адэкватно и не сообразно съ безусловнымъ образомъ вѣчной истины, человѣкъ во всякое время открытъ сомнѣнію и всегда готовъ или, въ силу своего умозрѣнія, отвергнуть чувственное, опытное свидѣтельство, или, наоборотъ, въ силу эмпиризма чувствъ и разсудка, отвергнуть свидѣтельство умозрѣнія и смысла.

Какъ изъ влажной земли силою солнца вызываются и возникаютъ всѣ ея испаренія, такъ изъ необъятнаго міроваго содержанія, объясняемаго и уразумѣваемаго силою смысла, исходятъ всякаго рода помышленія и соображенія и ни одно изъ нихъ не остается чуждымъ человѣку. Онъ живетъ всеобщею, міровою жизнью и мыслитъ самъ въ себѣ все, что явно или тайно мыслится въ мірѣ; каждое изъ міровыхъ сказаній находитъ въ немъ свой отголосокъ и сказывается его уму внятнымъ образомъ. Вслѣдствіе чего, сфера его помышленій есть необъятная сфера, и включаетъ въ себѣ не только силу и значеніе вѣры, но также и всѣ значенія, и всю силу сомнѣнія.

Въ силу безконечно великой амплитуды своего жизненнаго сужденія, имѣющаго своими терминами съ одной стороны, весь эмпиризмъ, — всю конечность мелькающаго, преходящаго мгновенія, а съ другой — , весь необъят-

ный смыслъ непостижимой вѣчности, человѣкъ вмслушивается во всѣхъ голосахъ міроваго содержанія не только его утвержденія, но и его отрицанія, и внимаетъ не только радостному сказанію о жизни, но и горькому сказанію о смерти.

Отличаясь эмпирически отъ прочихъ животныхъ только количественно, только высшею степенью своего органическаго развитія, человѣкъ состоитъ съ ними въ одномъ ряду всею цѣлостію своего эмпирическаго существованія,—и также ѣстъ, и также пьетъ, и также спитъ, и также бодрствуетъ и помышляетъ о своемъ сохраненіи; а потому, можетъ съ полнымъ правомъ разематриваться съ ними вмѣстѣ въ общемъ зоологическомъ порядкѣ, въ которомъ и антропологія содержится, какъ одинъ изъ его отдѣловъ.

Всѣ животныя умираютъ: онъ есть лишь одно изъ животныхъ; поэтому несомнѣнно, что умретъ и онъ.

И если онъ умираетъ наравнѣ со всѣми животными, которыя не знаютъ Бога, то какое же значеніе въ томъ, что онъ знаетъ Бога и вѣритъ въ Бога, что онъ всѣмъ существомъ своимъ утверждаетъ его истину? Къ чему ему знать, зачѣмъ ему вѣрить? не пустое ли это дѣло и не значитъ ли это вѣрить въ пустое?

Какое бы ни было содержаніе жизни, съ ея думами и помышленіями, что бы ни сказывалось въ ея сказаніяхъ, сказаніе о смерти, какъ заключительное и окончательное, сказывается несравненно громче, явственнѣе и опредѣленнѣе; предъ нимъ смолкаютъ всѣ сказанія жизни; отъ него въ душу человѣка уже предварительно вѣетъ мертвеннымъ холодомъ сомнѣнія и ледянымъ сознаніемъ напрасности жизни.

Не вѣрить въ Бога, отрицать Его существованіе, или Его истину - теоретически, при нѣкоторомъ вниманіи къ смыслу такого отрицанія, не только — трудно, но и положительно невозможно; такъ какъ для возможности такого отрицанія, требовалось бы прежде всего вполнѣ

отрѣшиться отъ всякаго смысла и утвердиться всею силою мышленія на явномъ безсмыслін.

Это понимали даже и въ вѣкъ наибольшаго отрицанія, — въ вѣкъ энциклопедизма, когда, при разрушеніи цѣлаго міра со всѣми его авторитетами, свидѣтельствами и установленіями, незыблемымъ оставался деизмъ, или вѣра въ высшій смыслъ и разумъ, — въ высшее существо.

Потому что, безъ смысла, не только утвержденіе, но и никакое отрицаніе — невозможно. Самый отъявленный и рѣшительный нигилизмъ можетъ держаться въ сознаніи лишь до тѣхъ поръ, пока онъ вѣритъ въ истину и въ значеніе смысла, который не имъ измышляется, но несомнѣнно есть и разумѣется самъ собою.

Но теоретическая вѣра, какъ и всякая отвлеченная теорія, держится со стороны, какъ нѣчто постороннее, и только болтается при жизни, но не проникаетъ въ ея существо, не входитъ въ ея жизненное содержаніе. Она перестаетъ быть только теоретическою и становится вполнѣ дѣйствительною—, лишь когда она утверждается нераздѣльно вмѣстѣ съ другою истиною, наиболѣе претящею эмпиризму человѣческаго ума и наименѣе сообразною со всѣмъ строемъ его современнаго, позитивнаго мышленія, — съ истиною личнаго безсмертія человѣка.

Вѣра въ личное безсмертіе, безъ которой вѣра въ Бога пребываетъ только теоріею, не касающеюся жизни, т. е. только мертвою теоріею, сдается въ наше время ребяческою наивностію, — остаткомъ средневѣковаго суевѣрія, и производитъ несказанный скандалъ, или соблазнъ, не говоря уже о собственной сферѣ научности, но и въ общей средѣ, или въ публикѣ, примыкающей къ современной интеллигенціи общества.

Но хотя человѣкъ своимъ эмпирическимъ существованіемъ и состоитъ въ одномъ непрерывномъ зоологическомъ ряду со всѣми другими животными, однако между его существомъ и ихъ существами есть или предполагается безконечно великое различіе, не заполняемое никакими сближеніями, никакими посредствами.

Непрерывность ряда съ одной стороны, и безконечно-великое различіе съ другой —, представляются на первый взглядъ, какъ немыслимое противорѣчіе, указывающее, что слѣдуетъ признать или дѣйствительность непрерывнаго ряда и отвергнуть возможность безконечно-великаго различія, которымъ онъ прерывается; — или, наоборотъ, если признать дѣйствительность безконечно-великаго различія между существомъ человѣка и животныхъ, то слѣдуетъ отвергать непрерывность ихъ зоологическаго ряда. Представляется необходимость избрать что нибудь одно изъ двухъ, или то, или другое, такъ какъ допустить совмѣстность и того и другого, сдается совершенно невозможнымъ.

Но формальная логика абстрактнаго мышленія очень нерѣдко не совпадаетъ съ конкретною логикою самой дѣйствительности и невозможное въ первой оказывается часто не только возможнымъ, но и единственно истиннымъ во второй; потому что, еслибъ во всѣхъ случаяхъ руководиться единственно указаніями формальнаго мышленія, то слѣдовало бы и всю дѣйствительность и самую жизнь признать за невозможность.

Ученіе о коническихъ сѣченіяхъ, извѣстныхъ каждому гимназисту, показываетъ, что образованіе кривыхъ линій, — окружности круга, эллипса, параболы, гиперболы, — состоитъ въ полной зависимости отъ измѣряемыхъ, опредѣленныхъ величинъ угла, подъ которымъ плоскость пересѣкаетъ ось, или одну изъ сторонъ конуса. Уменьшеніе или увеличеніе этого угла совершается въ порядкѣ непрерывномъ безконечно малыми приращеніями; а между тѣмъ, въ этомъ самомъ порядкѣ образуются, начиная отъ окружности круга и всѣ эллипсы, и параболы, и гиперболы. Изъ самаго порядка образованія сихъ кривыхъ видно очевидно, что парабола состоитъ въ одномъ, непрерывномъ ряду съ эллипсами; и тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ эллипсовъ не есть парабола; между нею и между ближайшимъ къ ней эллипсомъ, — въ математическомъ смыслѣ, — есть безконечно-великое, притомъ непосредствуемое различіе.

По свойствамъ своимъ, или по существу, парабола есть качественно совсѣмъ иное, чѣмъ всѣ наиболѣе удлиненные, или развитые эллипсы; между ними и параболою однако нѣтъ и не можетъ быть какихъ либо другихъ посредствующихъ кривыхъ, которыя бы были наполовину эллипсомъ, а наполовину параболою.

Какой бы величины ни достигало разстояніе между фокусами эллипса, оно есть во всякомъ случаѣ опредѣленное, или конечное разстояніе.

Такимъ же образомъ, какой бы величины ни достигала амплитуда жизненнаго сужденія, наиболѣе развитаго животнаго, по отношенію къ тому другому, которымъ оно живетъ и питается, она всегда остается опредѣленною, конечною, эмпирически измѣряемою амплитудою.

Напротивъ, въ параболѣ ея другой фокусъ удаленъ отъ перваго на безконечно-великое разстояніе; и тѣмъ не менѣе, этотъ второй фокусъ, сокрытый въ безконечности, опредѣляетъ изъ нея самымъ точнымъ образомъ все теченіе параболической кривой.

Подобнымъ образомъ, и то другое, которымъ человѣкъ живетъ и питается, или безусловная истина, на которую онъ ссылается всѣмъ существомъ, какъ на послѣднее заключеніе всѣхъ стремленій и помышленій его, подобно фокусу параболы, удалена отъ его эмпирическаго существованія на безконечно-великое разстояніе; чѣмъ и обусловливается безконечно-великая амплитуда его жизненнаго сужденія. Другой терминъ его существованія не здѣсь, — не въ эмпирически-конечномъ существованіи, но тамъ, — за предѣлами всякаго эмпиризма, — въ безконечности; и тѣмъ не менѣе, этотъ другой терминъ и изъ самой безконечности опредѣляетъ вполнѣ точнымъ образомъ все теченіе человѣческой жизни и исторіи, которая, какъ и парабола, замыкается не въ мірѣ конечнаго, и заканчивается не здѣсь, на землѣ, а только въ безконечности, которою опредѣляется вся дѣйствительность человѣка.

Вѣра въ истину существованія Бога есть по существу своему уже и вѣра въ безсмертіе; потому что, вѣрить въ Бога — не теоретически только, но дѣйствительно, всѣмъ существомъ и всѣми помыслами жизни, собственно и значитъ утверждать *свое личное безсмертіе*, не мнимое безсмертіе вообще, въ родѣ безсмертія человѣчества, или природы, или міра, или чего либо другого, что не я самъ, — не то безсмертіе, какое мерещится при представленіи, что и послѣ меня и безъ моего участія, все будетъ, какъ было, лишь не будетъ меня, который это думаетъ, или представляетъ; нѣтъ, но — дѣйствительное безсмертіе, — безсмертіе самого существа, самой личности этого единичнаго человѣка, — не его рода, не его племени, не его мыслей, или памяти, — но именно его самого, его единичнаго тревожнаго сердца, исполненнаго жаждою и страстью жизни.

Вѣрить въ дѣйствительность безсмертія, безъ чего не можетъ быть и дѣйствительной вѣры въ Бога, значитъ имѣть въ себѣ силу утвержденія и увѣренности, что если бы умерло и сокрушилось все видимое, — земля, солнце и небеса, весь міръ, роды, племена, человѣчество, живогныя вещества и атомы, — человѣкъ все же не умретъ; онъ одинъ будетъ жить и знать, что проходитъ, сокрушаются и разрушаются только призраки и миражи невѣжества, только то, чего вовсе нѣтъ и не было, что только мнилось быть и было лишь мнимымъ бытіемъ.

Но онъ самъ, какъ и то, что онъ дѣйствительно любитъ и можетъ любить, и что способно жить истиною въ свѣтѣ Божьемъ, живутъ и будутъ жить не матеріею преходящаго невѣжества, не мнимымъ бытіемъ, не его призраками, — а только вѣчною сущностью безначальнаго и безконечнаго смысла бытія.

Смыслъ всего сущаго бытія проникаетъ собою и все другое, продолжается, осуществляя свое творчество, и во всемъ другомъ; но его бытіе заключается не въ другомъ, и не въ разумѣніи другого, не въ его помышленіяхъ о другомъ, которое не онъ самъ, а только въ себѣ са-

момъ, — только въ своемъ саморазумѣніи. Онъ имѣетъ участіе и въ жизни всего другого, но только потому, что онъ и въ другомъ пребываетъ самимъ собою — только потому, что онъ есть жизнь въ себѣ самомъ: еслибъ не стало его самого, еслибъ прекратилась жизнь его саморазумѣнія въ себѣ, то прекратилась бы и его дѣйствительность и дѣйствительность всего другого, которое лишь тѣмъ — и дѣйствительно, что оно есть само собою сущее, есть жизнь въ себѣ и для себя.

Всякій разъ, какъ рѣчь касается безсмертія, для всѣхъ вполнѣ понятно, что для каждаго человѣка желательно собственно только личное, — только для всякаго единичнаго индивида особенное и самобытное — , а вовсе не то безразличное безсмертіе, — не безсмертіе общей банальности, которой уже и здѣсь — слишкомъ много, и которую сулятъ человѣку и всему существующему, лишь за невозможностью посулить что либо иное.

Однакожь дѣло не въ томъ, что — желательно или — не желательно, а лишь въ томъ, разумно ли, сообразно ли съ смысломъ и можно ли, не впадая въ безсмысліе, надѣяться и жить въ увѣренности личнаго безсмертія, если не для всего, то по крайней мѣрѣ для человѣка?

При современномъ направленіи умовъ, такой вопросъ представляется крайне затруднительнымъ и отзывается предъ строгимъ лицемъ представителей научности какимъ-то непростительнымъ ребячествомъ и едва стоющею вниманія наивностью.

Для великаго большинства культурныхъ людей, толкующихъ о наукѣ и о научномъ методѣ, несравненно легче, отрекаясь отъ вѣры въ личное безсмертіе, отречься и отъ вѣры въ Бога, чѣмъ, сохраняя вѣру въ Бога, увѣровать не то, что въ дѣйствительность, но хотя бы въ сколько нибудь вѣроятную возможность личнаго безсмертія.

Вѣру въ Бога, въ высшій разумъ, въ высшее существо – отчего не допустить: она не входитъ въ жизнь и ничему не мѣшаетъ, ни къ чему не прикасается; но вѣру въ безсмертіе, и притомъ, — въ личное безсмер-

тіе допустить невозможно; она слишкомъ отзывается средневѣковщиною; за нею слѣдомъ придутъ съ того свѣта и всякія привидѣнія, и всякія навожденія и будутъ вмѣшиваться въ самую жизнь и принимать участіе въ дѣлахъ ея! О такихъ бредняхъ и подумать стыдно; такое мракобѣсіе невыносимо претитъ всему настроенію, всѣмъ стремленіямъ и всему развитію современности, которая тѣмъ и ясна, тѣмъ и сильна, что она окончательно избавилась отъ всякаго чернокнижія и чревовѣщанія.

1.

Человѣкъ есть то, что онъ есть по существу: необъятное значеніе личнаго безсмертія, не переполняя и не разрывая смысла его саморазумѣнія, — вполнѣ адэкватно ему, хотя и не находитъ своихъ знаковъ выраженія. И тѣмъ не менѣе, не только при утвержденіи, но и при малѣйшемъ помышленіи о истинѣ личнаго безсмертія, противъ него, кажется, будто весь видимый міръ возстаетъ и протестуетъ, какъ противъ непомѣрнаго, ни на чемъ неоснованнаго и совершенно пустого притязанія.

Въ существующемъ мірѣ, не умираетъ только то, что не живетъ: не умираютъ атомы, минералы, камни, — вообще неорганическое вещество; а все, что живетъ, то необходимо и умираетъ: умираютъ растенія, умираютъ животныя, умираетъ и человѣкъ.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно сказать, что смерть есть, если не самый критерій, то существенный признакъ жизни, по которому живое распознается отъ неживого.

Что не умираетъ, то и не живетъ; что слабѣе, или меньше живетъ, то меньше и слабѣе и умираетъ, въ томъ жизнь меньше и слабѣе отличается отъ смерти; а что живетъ больше и сильнѣе, то больше и сильнѣе и умираетъ; въ томъ жизнь больше и сильнѣе отличается отъ смерти.

Человѣкъ, живущій всею полнотою жизни, безъ сомнѣнія, и умираетъ вполнѣ; его смерть должна быть болѣе опредѣленною, болѣе рѣшительною смертью, чѣмъ смерть другихъ, слабѣе живущихъ существъ.

Для всего живущаго смерть есть дѣйствительная, безвозвратная смерть; такъ неужели, она можетъ быть лишь пустымъ призракомъ, лишь мнимою смертью для человѣка? Неужели, для него одного міровые законы — не законы? Неужели, человѣческое воображеніе, или человѣческія желанія, могутъ отмѣнять міровую необходимость, помимо которой ничего нѣтъ и быть не можетъ?

И не очевидно ли, что утверждаемое за истину, личное безсмертіе человѣка можетъ быть утверждаемо только во имя невѣжества и въ силу никакихъ законовъ невѣдующаго воображенія, а никакъ — не разумомъ, который утверждаетъ или отрицаетъ не иначе, какъ на основаніи положительнаго знанія? Такое утвержденіе — ни съ чѣмъ несообразно и противно всему, что существуетъ, что явствуетъ въ каждомъ изъ проявленій видимаго міра, о чемъ свидѣтельствуетъ повседневный и повсемѣстный опытъ, что провѣрено и подтверждается всѣмъ авторитетомъ науки.

Загробное существованіе человѣка послѣ его смерти — совершенно немыслимо, непонятно и ничѣмъ необъяснимо; чтобъ придать ему нѣкоторое выраженіе, обыкновенно прибѣгаютъ къ воспроизведенію всякаго рода бредней о привидѣніяхъ, о пришельцахъ съ того свѣта, — или къ спиритизму. А потому, не находя себѣ адекватныхъ образовъ представленія, оно, безъ малѣйшаго колебанія, должно быть отнесено въ область всего невозможнаго.

Нельзя не признать, что, по сравненію съ извѣстнымъ, обычнымъ содержаніемъ эмпирически-даннаго существованія, мысль о личномъ безсмертіи, или о загробномъ существованіи, отзывается, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ-то невообразимымъ, — чѣмъ-то запредѣльно другимъ, что не отъ міра сего, чего ни однимъ изъ знакомыхъ образовъ бытія ни объяснить, ни представить невозможно.

Но невозможность объясненія, или представленія въ знакомыхъ образахъ, собственно еще не есть возраженіе.

Если тусклo горящій фонарь объясняетъ слабо или

вовсе не объясняетъ какое либо содержаніе, то это не значитъ еще, чтобъ этого содержанія не было; тусклость освѣщающаго фонаря не отмѣняетъ самой дѣйствительности.

Необъяснимость обусловливается въ большинствѣ случаевъ не столько содержаніемъ объясняемаго, сколько самымъ принципомъ объясненія, который не въ состояніи что либо объяснить, если онъ самъ собою не есть ясный, всеобъясняющій самосвѣтящійся свѣтъ, а — только тьма, сама требующая объясненія.

Конечно, загробная жизнь есть совсѣмъ не то, что всѣмъ извѣстно и всѣмъ привычно мыслить: а нѣчто безусловно другое, удивительное и совершенно необычное бытіе; однако это не значитъ, чтобъ оно было — безсмысленно.

Смыслъ саморазумѣнія есть жизнь; и хотя явленіе жизни представляетъ очень извѣстное и вполнѣ знакомое содержаніе, однако самая сущность жизни, субъективность ея саморазумѣнія есть равнымъ образомъ нѣчто невыразимое, удивительное и вполнѣ непонятное въ томъ отношеніи, что ничто другое не объясняетъ и не можетъ объяснить ее.

Но, будучи необъяснимою чрезъ что либо другое, чѣмъ либо другимъ, чѣмъ либо, что не есть жизнь, она, какъ ясный и самосвѣтящій свѣтъ, какъ сущій смыслъ, есть сама самый принципъ объясненія для всего другого, которое безъ ея свѣта пребывало бы лишь непроглядною и непроницаемою тьмою.

Ссылаются на зрѣніе, на слухъ, на осязаніе, на другія ощущенія, отъ которыхъ будто бы происходитъ всякое пониманіе, всякое знаніе; но видитъ собственно не глаза, слышатъ — не уши, осязаетъ — не осязаніе, ощущаютъ — не органы чувствъ, а — только самая жизнь; глаза — слѣпы, уши — глухи, осязаніе — нечувствительно, ощущенія — не ощущаютъ, когда нѣтъ жизни и не глаза, не уши, не осязаніе, не прочіе органы ощущеній учатъ жизнь, какъ ей должно судить; но она научаетъ свои

органы чувствъ, какъ должно смотрѣть, слушать, осязать или ощущать вообще, чтобы познавать дѣйствительное, или истинное; безъ жизни, или безъ ея смысла, самое зоркое зрѣніе, самый острый слухъ, самое тонкое осязаніе, самыя чуткія ощущенія были бы лишь ни къ чему. Извѣстно всѣмъ, что толку не бываетъ, да и не можетъ быть, если видятъ, если слышатъ, если осязаютъ, если ощущаютъ, безъ самаго смысла жизни, или безъ саморазумѣнія. И потому, казалось бы, не можетъ подлежать сомнѣнію, что, какъ ни важны свидѣтельства и указанія органовъ чувствъ, но не слѣдуетъ отвергать свидѣтельство и указанія смысла, который есть самый источникъ свѣта и всякаго знанія.

Лишь свѣтомъ жизненнаго смысла освѣщается, объясняется и до нѣкоторой степени становится яснымъ и понятнымъ все другое; но, свѣтомъ смысла объясненное другое ни въ какомъ случаѣ не можетъ имъ воспринятымъ и отражаемымъ свѣтомъ ни освѣщать, ни объяснять самый источникъ свѣта, самый принципъ понятности, самый смыслъ, или самую сущность жизни. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, освѣщать или объяснять солнце фонарями.

А между тѣмъ, полагаясь болѣе на заимствованный свѣтъ, нежели на источникъ его, и ученые, и неученые люди, вмѣсто того, чтобъ объяснять все другое, все требующее объясненія, самою жизнью и смысломъ жизни, пытаются самую жизнь и смыслъ ея объяснить чрезъ все другое, чрезъ все то, что не есть жизнь; и никакъ не сознаютъ всей несообразности теоріи, имѣющей въ виду объяснить самъ собою понятный свѣтъ, самой собою понятную ясность и самое начало всякой понятности безусловно непонятною тьмою чувственныхъ вещей.

Отсюда исходятъ безчисленныя недоразумѣнія, которыя, затемняя ученіе о безсмертіи, обращаютъ оное въ нѣчто немыслимое и невозможное.

Мелькающее явленіе жизни испытывается постоянно, какъ фактъ эмпирическаго существованія, который въ

силу привычки, представляясь очень обыкновеннымъ, считается потому и вполнѣ понятнымъ. По сравненію съ столь обыкновеннымъ фактомъ, что человѣкъ рождается, живетъ и умираетъ, безсмертіе, какъ нѣчто безусловно другое и вовсе незнакомое, сдается, конечно, не только непонятнымъ, но и невозможнымъ.

Условная понятность всего привычнаго, или собственно его удобопредставляемость обыкновенно и принимается за дѣйствительную понятность. За тѣмъ, уже никто и не считаетъ нужнымъ вспомнить, что существованіе и жизнь, которыя предшествуютъ смерти, по существу своему, столь же мало понятны, какъ жизнь и существованіе, которыя имѣютъ быть послѣ смерти.

Міровое существованіе связано неразрывно съ вопросомъ о началѣ началъ и о заключительномъ концѣ всѣхъ окончаній, всѣхъ заключеній существующаго міра.

Можно допустить, что положительная наука имѣетъ самое уважительное основаніе и полное право не заниматься разрѣшеніемъ этого вопроса; но уклоняясь отъ его разрѣшенія, она нимало не отмѣняетъ его; онъ остается во всей силѣ своей и, никогда не теряя своего значенія, постоянно, предъ лицемъ всего знанія, напоминаетъ всѣмъ и каждому, что міровое существованіе, будучи въ своей цѣлости и въ каждой частности несомнѣннымъ фактомъ, есть съ тѣмъ вмѣстѣ нѣчто необъяснимое и совершенно непонятное, по существу своему.

А непонятное и необъяснимое никакъ не можетъ служить основаніемъ ни для утвержденія чего либо, ни для его отрицанія.

И совершенно наоборотъ, изъ того, что непонятное есть несомнѣнно существующій фактъ и существенный признакъ дѣйствительности, было бы гораздо правильнѣе заключить по аналогіи, что послѣ смерти есть или будетъ загробное существованіе, именно потому, что, будучи непонятнымъ, оно тѣмъ самымъ, какъ и настоящее существованіе, имѣетъ за собою всѣ признаки несомнѣнной дѣйствительности.

Въ существующихъ вещахъ и предметахъ, можно наблюдать и отмѣчать ихъ различныя отношенія, связи, порядки существованія, ихъ различныя качества и свойства; но, что такое самая вещь, что такое самый предметъ наблюденія и изученія, что такое ихъ сущность, отчего она есть, зачѣмъ ей быть, пребываетъ, по признанію самой науки и такъ называемой критической философіи, безусловно непонятнымъ, и безъ малѣйшей надежды, что когда либо найдется удовлетворительное разрѣшеніе, или разъясненіе такихъ вопросовъ.

Существованіе всего другого, внѣшняго содержанія міра, которое всюду окружаетъ человѣка, съ которымъ онъ постоянно имѣетъ дѣло, которое онъ вездѣ испытываетъ, видитъ, слышитъ, осязаетъ, вкушаетъ, ощущаетъ, которое есть предметъ его тщательныхъ, научныхъ изслѣдованій, къ которому онъ могъ давно достаточно приглядѣться, которое ему сдается всего болѣе понятнымъ, возможнымъ и необходимымъ, — потому что оно находится эмпирически существующимъ, — при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается тѣмъ не менѣе безусловно невѣдомымъ и непостижимымъ бытіемъ, — какою-то темною, непроницаемою матеріею, о которой никто не можетъ ни сказать, ни познать, что она такое?

Но, какъ ни — непонятно существованіе всего другого, къ которому до нѣкоторой степени, все же можно присмотрѣться, самымъ непонятнымъ съ точки зрѣнія внѣшняго, или научнаго пониманія, сказывается субъективное существованіе самого себя. Для научныхъ воззрѣній быть самимъ собою сдается чѣмъ-то непонятно исключительнымъ и ни съ чѣмъ другимъ несообразнымъ.

Существованіе всего другого, котораго — такъ много, которое такъ обыкновенно, объясняется какимъ нибудь дальнѣйшимъ другимъ; а тамъ, еще далѣе, въ дали неопредѣленной, предполагается и его причина, и его достаточное основаніе, которое, если и не найдено, то, вѣроятно, найдется. А потому, все существующее другое мыслится, нѣкоторымъ неопредѣленнымъ образомъ,

какъ нѣчто возможное, или, по крайней мѣрѣ, какъ совпадающее съ привычками познавательнаго мышленія.

Но, быть самимъ собою, быть этимъ неключительнымъ атомомъ, или индивидомъ, особью бытія, — особью, затерянною въ средѣ безчисленныхъ милліоновъ всякихъ другихъ, внѣшнихъ существованій, представляется безконечною невѣроятностью, — единицею раздѣленною на безконечно-великое число $\left(\frac{1}{\infty}\right)$, или совершенною невозможностью, неизъяснимымъ чудомъ бытія: въ этомъ необъятномъ океанѣ существованія, совершенно немыслимо, чтобъ бытіе могло найти и одушевить этотъ атомъ, который называется Я, и не имѣетъ ни мѣры, ни вѣса, ни какихъ либо иныхъ признаковъ внѣшняго существованія.

А между тѣмъ, это непонятное, это невозможное, это неизъяснимо-чудесное есть — несомнѣнно.

Несомнѣнно, что въ мірѣ есть тотъ неключительный атомъ бытія, который, самъ находясь въ мірѣ, находитъ, что весь міръ — не онъ самъ, — не одно съ нимъ, а нѣчто совсѣмъ другое и ему внѣшнее; изъ чего слѣдуетъ, будто онъ самъ есть и находится внѣ существующаго міра.

Эта непонятность утвержденія себя самого, какъ бы внѣ міра сущаго, — несравненно непонятнѣе того, что представляется, какъ мысль о безсмертіи. Минмая непонятность, невозможность и чудесность того, что утверждается, какъ личное безсмертіе человѣка, какъ его загробная жизнь, тонетъ, исчезая, какъ капля въ морѣ, въ безусловной непонятности того, что человѣкъ въ себѣ самомъ, въ дѣйствительной безконечности смысла своего саморазумѣнія, есть другое и внѣшнее всему міру.

Кто никогда не обращался къ смыслу своему, тотъ, конечно, не вѣдая о его непонятности, полагаетъ возможнымъ измѣрить его бездонную глубину критическими пріемами своего разсудка.

Но, кто понимаетъ, что эта критика, не болѣе, какъ фосфорическій блескъ поверхностной волны, бѣгущей надъ глубиною океана, тотъ, въ виду этой недосягаемой и

непзмѣримой глубины жизненнаго саморазумѣнія, пойметъ конечно, что если уже нынѣ и здѣсь, есть непонятное, невозможное и чудесное, то—всего вѣрнѣе, что оно будетъ и тамъ, за предѣлами эмпирической жизни и смерти.

То, что предстоитъ и существуетъ столь непонятнымъ и чудеснымъ образомъ, *есть* уже нынѣ и есть, безъ сомнѣнія, не силою какого либо безсмыслія, а только въ силу сущаго смысла; и потому, чтожъ удивительнаго, что въ силу того же смысла, оно будетъ и и послѣ; нынѣ, здѣсь, оно называется жизнью; а то, чѣмъ оно же станетъ тамъ, послѣ смерти, именуется уже теперь безсмертіемъ.

Термины представленія—недостаточны для выраженія дѣйствительнаго бытія; ими выражается только абстракція, а никакъ не самая дѣйствительность, не жизнь, не Богъ, и всего менѣе самая сущность вещей и личное безсмертіе человѣка.

Полагая о себѣ, что онъ есть вещь, человѣкъ, разумѣется, не можетъ представить, что эта вещь—безконечна. И въ этомъ, онъ—вполнѣ правъ: вещь—не безконечна, она должна неминуемо пройти; потому что вещность бытія есть лишь объектъ невѣжества, а невѣжество не пребываетъ, а только проходитъ. Но съ невѣжествомъ проходитъ не то, что дѣйствительно есть, а только то, что мнилось быть, и чего вовсе не было. Вещи — нѣтъ въ истинномъ смыслѣ бытія, онѣ только мнятся, а потому и проходятъ.

Но еслибъ человѣкъ понялъ, что онъ — не вещь, а безконечность, предъ которою всѣ вещи, всѣ знаки вещей, всѣ величія вещей проходятъ въ ничтожество, еслибъ онъ самъ не держалъ такъ упорно своего невѣжества, онъ понялъ бы также, что онъ не можетъ пройти, что смерть не въ силахъ коснуться существа его.

Дѣйствительность, недоступная для образовъ представленія,— потому что они связаны непонятностью непроницаемой, эмпирической матеріи, — доступна только живому, конкретному понятію, или самому смыслу жизни,

который, разумѣясь самъ собою, свободенъ въ безконечности своего идеализма и не связанъ матеріею.

А потому, въ сферѣ дѣйствительности и понятія, которое и есть самая жизнь, — въ сферѣ, въ которой существованіе Бога разумѣется само собою, какъ безусловная истина, безъ которой была бы лишь одна ложь, вполнѣ понятно и личное безсмертіе человѣка; потому что утверждать своимъ смысломъ дѣйствительность существованія Бога можетъ и способно только безсмертное существо, причастное къ его вѣчности.

Признать своимъ смысломъ истину личнаго безсмертія, возможно только чрезъ признаніе истины существованія Бога; такъ какъ это — не двѣ, а собственно — одна и та же истина, понятная лишь въ ея живой недѣлимости обоихъ утвержденій.

Э. Кантъ сказалъ бы, что это — явный паралогизмъ разума, во избѣжаніе котораго обязательно требуется, чтобъ всякое бытіе доказывалось непремѣнно чрезъ что нибудь другое; чтобъ ни въ чемъ и нигдѣ не допускалось разумѣнія самимъ собою, чтобъ не допускалось ни жизни, ни смысла: такъ какъ все, что утверждается и доказывается не чрезъ другое, не механическимъ, а логическимъ порядкомъ, или само собою, и составляетъ то, что именуется паралогизмомъ, не имѣющимъ никакой доказательности.

Но истина доказывается и утверждается только истиною; смыслъ—только смысломъ, жизнь только—жизнью; и было бы явною нелѣпостью, еслибъ жизнь доказывалась и утверждалась мертвечиною, смыслъ — безсмысліемъ, истина — ложью.

Конечно, это — паралогизмъ, но только паралогизмъ самой безконечности и всей дѣйствительности смысла и жизни; въ ихъ сферѣ, все утверждается, все доказывается не чрезъ другое, не механически, но только логически, т. е. только самимъ собою.

Споръ между нынѣ торжествующимъ, критическимъ, или позитивнымъ міровоззрѣніемъ и между умозрительною

философіею, надъ которою во всеуслышаніе уже давно пропѣта отходная, заключается именно въ вопросѣ: чему слѣдуетъ вѣрить, тому ли, что есть само собою, въ сферѣ свободы, или тому, что есть чрезъ другое, въ сферѣ необходимости?—логической ли сущности и силѣ смысла, или же механическому существованію, насилію, силѣ вещей и ихъ безсмыслія.

2.

Въ старину, люди слишкомъ легко и много вѣрили; между ними царило суевѣріе, которое, не таясь и не стыдясь, доходило до неистовства и чинило несказанныя злодѣйства и безобразія. Съ тѣхъ поръ, наступила великая, освободительная реакція, — люди разувѣрились и попытались не вѣрить, а мыслить и познавать.

Современный же человѣкъ, утративъ самую способность вѣрить, до того извѣрился, что не вѣритъ и себѣ самому, не вѣритъ собственному смыслу, вѣруя только въ вещи и въ силу вещей.

Практически, невѣріе бывало и прежде, бывало всегда: потому что вещи — видимое смысла. Но нынѣ, въ силу реакціи противъ непомѣрнаго господства суевѣрія и мракобѣсія, невѣріе стало научнымъ и обратилось въ теорію.

Теорія по природѣ — жестка и упорна, и теоретическіе предразсудки, охватывающіе общество, и особливо предразсудки невѣрія, возрастая и укрѣпляясь всякими мѣрами и поздѣйствіями безсмыслія, если и могутъ быть устраняемы, то только безбоязненнымъ и глубокимъ вниканіемъ въ самый смыслъ истины и природы вещей.

Въ сферѣ современныхъ теоретическихъ предразсудковъ научнаго знанія, или научности, всего труднѣе воспринять вѣру въ несомнѣнность личнаго безсмертія, о которомъ даже и религіозныя ученія говорятъ болѣе, какъ о предметѣ надеждъ и упованій, нежели какъ о предметѣ достовѣрнаго знанія и полной увѣренности.

Самое умѣренное и наименѣе отрицательное мнѣніе, по этому поводу, довольствуется указаніемъ, что о томъ,

что будетъ по смерти и будетъ ли что. знать — невозможно, такъ какъ это лежитъ за предѣлами человѣческаго знанія и не подлежитъ его обсужденію. Чего знать нельзя, того нельзя знать; и всякая мысль должна, не переступая этого предѣла, останавливаться на немъ, чтобъ не впасть въ безпредѣльную сферу пустыхъ умствованій и праздныхъ мнѣній.

Ибо долговременнымъ опытомъ давно извѣдано, какъ легко и какъ охотно человѣкъ поддается обману своихъ собственныхъ пустыхъ измышленій и принимаетъ свои фантазіи или за внушенія свыше, или за дѣйствительныя опредѣленія имъ познанной объективной истины.

Это — вполнѣ справедливо; всякій, кто ищетъ истину и пытается проникнуть своимъ умомъ въ ея глубину, легко можетъ запутаться и заблудиться въ своихъ собственныхъ умствованіяхъ. Но кто истины не ищетъ, тотъ и не находитъ ее.

И, несмотря на опасности, которымъ человѣкъ подвергается, когда онъ, изъ стремленія познать истину, вступаетъ на путь умозрѣнія, гдѣ онъ уже лишенъ руководства и предостереженій надежнаго, эмпирическаго опыта, гдѣ онъ остается единственно съ самимъ собою, такъ какъ то другое, котораго онъ не знаетъ, а только ищетъ и жаждетъ познать, еще сокрыто отъ взора его въ безконечности, смѣлые, тѣмъ не менѣе, познавъ, что безъ истины нѣтъ жизни, предпочтутъ смѣлость благоразумію и рѣшатся на свой рискъ пройти сквозь эти опасности, чтобъ только добраться до свѣта истины и не жить обманнымъ свѣтомъ тусклой, пустой и призрачной жизни.

Остановиться на какомъ либо теоретически, хотя бы и научнымъ образомъ опредѣленномъ міровоззрѣніи и рѣшить, что за тѣмъ, ничего иного искать, ни о чемъ дальнѣйшемъ вопрошать не должно, никто не можетъ и не имѣетъ права: ибо, пока есть неизвѣдомое, до тѣхъ поръ есть и вопросъ, требующій отвѣта: а сфера, именуемая непознаваемымъ, — непознаваема лишь относительно.

Существуетъ безчисленное множество взглядовъ на міръ, сообразно съ которыми открывается столь же безчисленное множество усматриваемыхъ реальныхъ образовъ міра, и то, что для одного изъ взглядовъ представляется вовсе нереальнымъ или непознаваемымъ, можетъ оказаться и очень реальнымъ и ясно познаваемымъ для другого.

Разграничивать область познаваемаго областью непознаваемаго и назначать предѣлъ и той и другой, указываетъ лишь на великое недоразумѣніе и на еще бо́льшее притязаніе.

Каждый изъ существующихъ взглядовъ усматриваетъ изъ всего міроваго содержанія лишь такую истину, какую онъ въ состояніи вмѣстить въ себѣ силою ему присущаго вниманія; все остальное сдается ему по необходимости непознаваемымъ.

Міровое содержаніе, въ своей цѣлости, — необъятно, какъ безбрежный океанъ, и каждому существу предоставлено черпать изъ него, сколько оно почерпнуть въ силѣ; сосуды, которыми каждое изъ существъ почерпаетъ это содержаніе, бываютъ то больше, то меньше, то шире, то у́же, то глубже, то мельче; и что въ каждомъ изъ сосудовъ по объему его вмѣститься можетъ, то въ немъ и вмѣщается; остальное проливается черезъ край и остается для существа непознаваемымъ, или несуществующимъ.

Способность, объемъ и сила человѣческаго вниманія развиваются, увеличиваются и разширяются, какъ преемственно, — чрезъ поколѣнія, такъ и лично, — чрезъ индивидуальное развитіе; имъ не положено ни конечной мѣры, ни конечнаго предѣла; потому что амплитуда жизненнаго сужденія человѣка, между нимъ самимъ и безусловною истиною, измѣряется только безконечностью, и все, что лежитъ въ ея предѣлахъ, доступно человѣку въ *возможности*; а тамъ, — уже его собственное дѣло, насколько возможность, данная ему природою, обращается имъ самимъ въ его *дѣйствительность*.

А потому, никто, никогда не можетъ указать пре-

дѣла, которымъ замыкается мысль и знаніе человѣка и который онъ переступить не въ состояніи.

То, чего онъ не вмѣщалъ въ себѣ сегодня, онъ можетъ вмѣстить завтра, и никто не въ правѣ поставить ему геркулесовыми столбами его мышленія свою собственную ограниченность.

Уже и нынѣ, еще неизмѣримо далеко не достигнувъ предѣла всезнанія, человѣкъ измѣряетъ весь объемъ и все значеніе своего наличнаго знанія безконечнымъ образомъ безусловной истины, которая свѣтитъ ему изъ безконечности; вслѣдствіе чего, онъ уже и нынѣ несомнѣнно знаетъ, что реальный образъ міра, усматриваемый имъ сквозь туманы его стихійной разсѣянности и матерію его невѣжества, не есть дѣйствительный образъ міра, а—только смутное видѣніе, преисполненное призраками, до того искажающими самую дѣйствительность, что подъ ихъ обликомъ мнимое и призрачное сдается реальнымъ и вполнѣ дѣйствительнымъ, а истинное и дѣйствительное — только мнимымъ и призрачнымъ: и зная, что на вѣрность столь искаженнаго видѣнія и на свидѣтельство эмпиризма полагаться нельзя, онъ можетъ уже догадываться, что самая истина, къ которой онъ стремится, какъ къ источнику и довершенію своей жизни, — совсѣмъ не то, чѣмъ она представляется его чувственнымъ воспріятіямъ, а нѣчто безусловно другое; — что если ему всюду и мерещится смерть, то это — лишь одинъ изъ обмановъ, которымъ онъ подвергнутъ, пока для него безсмысліе матеріи сдается выше смысла истины; — что дѣйствительно есть только жизнь, и при томъ, — не жизнь вообще чего либо другого, но дѣйствительная жизнь себя самого и въ себѣ самомъ, — жизнь, которая, въ своей конкретной всеобщности бытія, поглощаетъ смерть и переходитъ чрезъ нее, какъ чрезъ одно изъ своихъ частныхъ обстоятельствъ.

И хотя изъ современныхъ мыслителей и представителей позитивнаго ученія едва ли найдется одинъ, въ которомъ вѣрованіе въ личное безсмертіе не вызвало бы улыбки сни-

сходительнаго пренебреженія къ такой ребяческой наивности, однако убѣдиться не трудно, что въ ихъ научномъ, положительномъ міровоззрѣніи, сквозь ихъ смиренномудрую преданность и покорность неотвратимой необходимости, сквозь ихъ полнѣйшее отрѣшеніе отъ всякой притязательности на безконечную жизнь, очень явственно слышится скорбный тонъ уныній и нескрываемаго сознанія, что жизнь со всѣмъ ея содержаніемъ есть лишь мимолетно-мелькающій призракъ, который безслѣдно исчезаетъ въ безотвѣтной и всепоглощающей дѣйствительности смерти.

Въ этомъ тонѣ уныній, резиньяціи, покорности, смиренія и мудрости — много общаго съ тѣмъ, что въ старину называлось разочарованіемъ, которое невольно наводитъ на мысль, что отзывающееся въ немъ меланхолическое расположеніе видѣть въ жизни лишь призракъ, а въ смерти — дѣйствительность, наблюдается, никакъ не въ животныхъ, которыя, не помышляя о смерти, живутъ радостью и счастьемъ жизни, а исключительно только въ человѣкѣ; что было бы совершенно непонятнымъ, еслибъ не объяснялось тѣмъ, что человѣкъ, зная въ себѣ, — въ своемъ человѣческомъ смыслѣ, о чемъ не знаетъ ни одно изъ животныхъ, ни какимъ образомъ не можетъ не сознавать слишкомъ для него очевидную несообразность между его эмпирическимъ, недостаточнымъ, жалкимъ существованіемъ и тою безусловною истиною, которая сказывается ему вѣчно присущимъ, хотя эмпирически и недостигаемымъ идеаломъ.

Образы, въ какихъ этотъ идеалъ осуществляется въ области эстетики и въ области этики, — въ высокихъ произведеніяхъ художества и въ высоко-нравственныхъ поступкахъ и подвигахъ жизни, даютъ ему лишь временное и преходящее удовлетвореніе, но не наполняютъ всей цѣлости его существованія; и если отъ нихъ что и остается въ его сознаніи, то этотъ осадокъ прекраснаго и нравственнаго, пребывая въ его жизни лишь безпокойнымъ мотивомъ его постояннаго недовольства, не

допускаетъ его беззаботно, безъ раздумья, наслаждаться и радоваться повседневнымъ, обычнымъ содержаніемъ его эмпирическаго существованія.

Полагаясь на эмпирическій опытъ и на непосредственное свидѣтельство чувствъ болѣе чѣмъ на отвлеченныя положенія и утвержденія своего умозрѣнія, онъ для того, чтобъ установиться тверже и избавиться отъ гомительныхъ колебаній и сомнѣній, рѣшается даже вполнѣ отрѣшиться отъ своего смысла и, пытаясь оборвать свое жизненное человѣческое сужденіе, связывающее его съ безусловною истиною и ея идеалами, пытается отрѣчься вполнѣ отъ своей природы и отъ своего человѣческаго инстинкта.

А такъ какъ, ни отъ своей природы, ни отъ своего инстинкта отрѣшиться — невозможно, то въ сознаніи такой невозможности и тщетности своихъ попытокъ разорвать неразрывное, человѣкъ лишь тѣмъ глубже проникается сознаніемъ о безвыходности противорѣчія, въ которое онъ поставленъ, а потому, и предается смиренномудрію и меланхоліи.

Въ жалкой долѣ, отводимой человѣку научнымъ міровоззрѣніемъ подъ небесами и на землѣ, онъ не можетъ не задыхаться до тѣхъ поръ, пока онъ, пребывая вѣрнымъ себѣ самому, не измѣнится въ самомъ существѣ своемъ и не откажется отъ своего безконечнаго притязанія быть образомъ Божьимъ на землѣ, — т. е. пока онъ не сравняется съ животнымъ.

Но сравняться съ животнымъ, человѣку - невозможно; для этого онъ долженъ былъ бы, между прочимъ, отказаться и отъ научнаго знанія и особенно отъ научности, которая хотя и ополчается по недоразумѣнію противъ его человѣческихъ правъ и притязаній, приравнивая его къ животнымъ, но тѣмъ не менѣе и выдѣляетъ его изъ ихъ среды безконечнымъ достоинствомъ и, какъ сіяніе ореолы, свидѣтельствуетъ, что его неразрывная связь съ истиною есть несомнѣнный фактъ, который, при всевозможныхъ умствованіяхъ и теоріяхъ, не отмѣняется въ

своемъ фактически-дѣйствительномъ значеніи никакими умствованіями, никакими теоріями.

Едва ли и—возможно, чтобъ человѣкъ когда либо забылъ о томъ, что онъ—не животное, а человѣкъ; хотя, никогда о томъ не забывая,—очень можетъ быть,—онъ сплошь и рядомъ не знаетъ самъ, о чемъ онъ помнитъ.

А, если и допустить, что случается, что онъ иной разъ, и въ самомъ дѣлѣ, забываетъ о томъ, то этимъ забвеніемъ равновѣсіе его существа нарушается до того, что можно не безъ основанія полагать, что тогда именно, въ сферу человѣческую вторгаются дикія внушенія и безобразія кликушества, иллюминизма, спиритизма, магнитизма, гипноза и формальнаго сумасшествія, напоминая человѣку своимъ безобразіемъ о томъ прекрасномъ человѣческомъ мірѣ, который онъ забылъ въ его безконечности и красотѣ.

Вмѣсто того, чтобъ въ духѣ унылой меланхоліи и паучнаго смиреномудрія приглашать человѣка отказаться во имя научности отъ образа человѣка, отъ его человѣческихъ правъ и безконечныхъ притязаній, отъ его природы, отъ его достоинства и назначенія, а въ концѣ концовъ—и отъ самой науки, послѣдней чести и гордости его,—вмѣсто того, чтобъ учить его забыть все человѣческое и обратиться всѣмъ существомъ въ животное, было бы несравненно пристойнѣе, логичнѣе и гораздо проще воспользоваться своимъ человѣческимъ преимуществомъ и, обращаясь къ критикѣ, провѣрить разумность и твердость тѣхъ основаній, на которыхъ покоится современное научное міровоззрѣніе съ его выводами касательно жизни, смерти и всей судьбы человѣка.

3.

Центръ тяжести, которымъ держится и современное знаніе, и его научное построеніе, находится собственно въ его позитивизмѣ, или въ томъ, что оно возводится на эмпирическомъ основаніи опыта.

Дѣйствительно, всякое знаніе происходитъ отъ опыта

и было бы безъ опыта невозможнымъ. Но опытъ отъ опыта отличается своей значительностью, и соотвѣтственно съ величиною площади, на какой онъ производится, можетъ быть по обьему своему очень тѣснымъ, болѣе широкимъ, очень обширнымъ и наконецъ, и безконечно-великимъ опытомъ.

Инстинктивное, наслѣдственное, или, такъ называемое, прирожденное знаніе, прирожденныя идеи, вообще умозрѣніе, исходя изъ всего прошедшаго, имѣютъ, безъ сомнѣнія, въ своемъ основаніи тоже опытъ; только площадь его, по ея необъятности, не подлежитъ измѣренію эмпирическимъ способомъ.

Современное научное знаніе,—конечно не въ сферѣ математики,—опирается, если не исключительно, то преимущественно на чисто эмпирическомъ, очень тѣсномъ опытѣ, и къ тому же, — не столько на опытѣ, сколько преимущественно на экспериментѣ, который тщательно и съ крайней точностью производится въ лабораторіяхъ и въ анатомическихъ театрахъ.

Вслѣдствіе чего, все близкое становится чрезвычайно видимымъ; но за то, все далекое совсѣмъ теряется и почти пропадаетъ изъ вида.

Удивительная тонкость и точность современныхъ экспериментальныхъ пріемовъ, съ какими производятся научные опыты, много содѣйствовали къ развитію точнаго, положительнаго знанія, во всѣхъ сферахъ науки; но съ тѣмъ вмѣстѣ, при нихъ очень естественно, какъ бываетъ при занятіяхъ въ кабинетной тѣснотѣ, при работѣ въ амфитеатрахъ, клиникахъ и лабораторіяхъ, научный теоретизмъ развивается въ ущербъ широкому, живому смыслу наблюдательности; научное зрѣніе становится по необходимости близорукимъ; а научные продукты, подобно многообразнымъ, очень полезнымъ аптечнымъ препаратамъ, отзываются не столько жизнью и смысломъ, сколько имъ своиственнымъ, спеціально-острымъ духомъ кислоты и щелочей научности, или теоретизмомъ амфитеатровъ и лабораторій, столь враждебнымъ всему живому.

При посредствѣ экспериментальнаго анализа всякаго рода вещей, — неорганическихъ, органическихъ и отвлеченно-умственныхъ. — выясняются очень отчетливо внѣшнія, механическія отношенія одного вещества къ другому; но никакъ не логическое, никакъ не субъективное самоотношеніе жизни, которую ни глазомъ видѣть, ни слухомъ слышать, ни осязаніемъ осязать, ни мѣрою мѣрить, ни вѣсомъ взвѣшивать — невозможно; такъ какъ оно усматривается только непосредственнымъ наблюденіемъ, только созерцательностью, или умозрѣніемъ живого вниманія.

Въ зрѣніи, въ слухѣ, въ осязаніи, въ ощущеніи каждаго изъ органовъ чувствъ проявляется то же вниманіе, безъ котораго, и при самыхъ совершенныхъ органахъ, ни видѣть, ни слышать, ни осязать, ни ощущать вообще невозможно; но ихъ вниманіе есть только спеціально-частное, но никакъ не всеобщее вниманіе; оно и усматриваетъ только спеціальныя частности; а всеобщее — ему недоступно.

Принявъ въ свое основаніе и критеріемъ достовѣрности экспериментальный опытъ, который во всей цѣлости покоится на непосредственныхъ показаніяхъ зрѣнія, слуха, осязанія и другихъ чувственныхъ ощущеній, научное знаніе тѣмъ самымъ предрѣшило свои научныя заключенія и осудило себя всюду, во всемъ и всегда находить только частное, только чувственнымъ анализомъ подбираемое содержаніе, и никогда, ни въ чемъ и ни гдѣ — не видѣть и не находить бытія всеобщаго.

А такъ какъ въ сферѣ частнаго, по отсутствію въ ней интенсивности всеобщаго, субъективнаго бытія, одно и другое не разрѣшаются къ ихъ единству, но пребываютъ упорно различными и несовмѣстными, — или другъ другу внѣшними, то научное знаніе, усматривающее только эту несовмѣстность, или непроницаемость одного другимъ, и впадаетъ, по необходимости, въ матеріализмъ воззрѣнія, который хотя и дополняется отвлеченнымъ теоретизмомъ, но только такъ, что между

первымъ и послѣднимъ вовсе нѣтъ ихъ живой, дѣйствительной связи; потому что самая жизнь не имѣется въ виду при такомъ воззрѣніи.

Удостовѣрясь опытомъ лишь въ механическомъ отношеніи одного къ другому и не вѣдая иного, научи е знаніе, за отсутствіемъ живой связи, или самой жизни между своимъ чувственнымъ матеріаломъ и своимъ теоретическимъ образомъ, связываетъ тотъ и другой другъ съ другомъ только механическимъ, или насильственнымъ порядкомъ; вслѣдствіе чего, и въ его окончательныхъ выводахъ и въ цѣлости его міровоззрѣнія, все содержаніе имъ на этомъ основаніи и этими пріемами изучаемаго міра должно, по необходимости, сводиться къ эволюціи атомовъ, движимой, связуемой и развиваемой теоретизмомъ внѣшней необходимости — химіи или механики.

При такомъ воззрѣніи, жизнь не можетъ представляться иначе, какъ нѣкоторымъ частнымъ аспектомъ, частнымъ видомъ или частнымъ сочетаніемъ все тѣхъ же элементовъ, все той же эволюціи, сущность или душа которой есть не болѣе какъ теоретически мыслимая *необходимость* эмпирически существующихъ химическихъ или механическихъ отношеній.

Въ силу такой необходимости, жизнь получаетъ значеніе лишь несущественнаго и мимолетнаго явленія, на мигъ мелькающаго и безслѣдно исчезающаго въ существенномъ, теоретически-обобщенномъ образѣ всепоглощающей смерти, которая и оказывается единственною дѣйствительностью и самою истиною всего міроваго существованія, какъ безусловное уравненіе и уравновѣшеніе всѣхъ его различій, неравенствъ и неравновѣсій.

Въ такомъ кругѣ представленій, безсмертію человѣка нѣтъ мѣста; оно оказывается въ немъ, по необходимости, лишь ни съ чѣмъ несообразною нелѣпостью.

Но такой кругъ есть именно лишь кругъ, circulus vitiosus, въ которомъ, изъ начальнаго предположенія безжизненности, или мертвенности въ самомъ основаніи,

и не можетъ воспослѣдовать иного заключенія, какъ только заключеніе смерти.

Ошибка такого круга лежитъ очевидно въ томъ, что живое полагаетъ себѣ въ основаніе мертвое; тогда какъ, по смыслу логики, живое, на сколько оно живо, ничего въ свое основаніе кромѣ самой жизни предполагать не можетъ и не должно.

Но, отвлекаясь отъ себя самого и отъ своей субъективности, позитивный теоретизмъ прежде всего предполагаетъ, что чувственная достовѣрность совпадаетъ съ истиною дѣйствительности, а потому, на его взглядъ, не подлежитъ сомнѣнію, что и жизненное явленіе есть не болѣе, какъ на сколько оно есть чувственное явленіе; а затѣмъ, для него уже само собою слѣдуетъ, что какъ скоро исчезаетъ чувственность явленія жизни, то съ нею пропадаетъ и всякая достовѣрность и самая дѣйствительность жизни; такъ какъ ей уже не на чемъ держаться; ибо, по теоріи, что—недостовѣрно чувственнымъ образомъ, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть истиннымъ образомъ.

Въ сферѣ теоретическаго эмпиризма, логика замѣняется механикою и химіею, которыя и вытѣсняютъ жизнь и ея безконечное жизненное содержаніе изъ сферы бытія, какъ пустой призракъ субъективнаго измышленія, не заключающій въ себѣ никакого существеннаго, объективнаго значенія.

И однако же, именно то, что въ теоріи представляется несущественнымъ, или даже невозможнымъ, въ силу противорѣчивости терминовъ, собственно и есть самая дѣйствительность, или жизнь. Заключая между собою въ живой недѣлимости единаго образа бытія то, что теоретически представляется противорѣчіемъ, жизнь тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что заключаемое ею содержаніе есть безконечность, или что термины ея связаны другъ съ другомъ отнюдь не механикою и не теоріею, а только логическимъ образомъ разума, который по существу своему, какъ объективный смыслъ саморазу-

мѣнія, и есть безконечность, непонятная для теоріи и недоступная для механики.

Дѣйствительность, или самая истина, вовсе не то, что о ней предполагается въ механическихъ воззрѣніяхъ отвлеченной теоріи: она есть жизнь, или та самая безконечность, которая такъ положительно исключается научнымъ методомъ позитивизма. Исключая безконечность изъ своего міровоззрѣнія, онъ тѣмъ самымъ исключаетъ изъ него и жизнь,—а потому, по необходимости, и приходитъ къ заключенію смерти, и къ иному заключенію не можетъ прійти.

Въ жизни, противорѣчивые, т. е. безконечностью другъ съ другомъ разъединенные термины бытія,—всеобщее и единичное, необходимое и случайное, законъ и явленіе, единое и многое, образъ и содержаніе, прошедшее и будущее, душа и тѣло, вѣчное и преходящее, связаны другъ съ другомъ недѣлимымъ образомъ безконечности и вѣдаются взаимно не механически, но логически; чѣмъ и обусловливается субъективность жизненнаго самоотношенія и вѣдѣнія, столь непонятная и недоступная для теоретически-механическаго міровоззрѣнія, которое, вѣдая лишь отвлеченные или лишь чувственные призраки мнимаго бытія, совершенно неспособно видѣть, что дѣйствительность есть жизнь,—что жизнь, какъ въ самомъ низшемъ, такъ и въ самомъ высшемъ изъ ея проявленій, исполнена смысломъ саморазумѣнія, а не мертвенностью безсмыслія механически-химическихъ сочетаній и разложеній.

Для наличнаго человѣческаго вниманія, которое — нельзя не видѣть — лишь едва очнулось къ самосознанію и все еще объято хаотическими туманами стихійной разсѣянности, не столько замѣтенъ духовный смыслъ—, сколько чувственная или отвлеченная матерія бытія; замѣчая его аналитически-раздѣльное, различенное и многое содержаніе, человѣкъ еще слишкомъ разсѣянъ, чтобъ ясно видѣть синтетически-недѣлимое единство міроваго жизненнаго образа; и потому, жизнь сказывается

ему не во всей полнотѣ своей дѣйствительности и гармоніи, а лишь отдѣльными, частными и только внѣшнимъ, механическимъ образомъ и то еще очень слабо другъ съ другомъ связанными мотивами.

Внимая, сквозь матеріализмъ своей разсѣянности, тому, что *есть дѣйствительно*, онъ уже прислушивается къ жизненной гармоніи сферъ, къ стройной міровой симфоніи жизнью исполненнаго, необъятнаго космоса, но ея полный, всеобщій смыслъ, хотя и внятный ему мѣстами и отчасти, все еще ускользаетъ въ своей цѣлости отъ его эмпирически-грубаго и къ духовному, къ музыкально-гармоническому еще непривычному слуху. Оттого онъ и вынужденъ, ему понятныя мѣста изъ міровой симфоніи связывать взаимно единственно ему доступными теоретическими или механическими пріемами.

Въ сферѣ абстрактнаго, эмпирически-теоретическаго мышленія, въ которой призраки чувственной или отвлеченной матеріи получаютъ значеніе дѣйствительности, и наоборотъ, самая дѣйствительность обращается въ призракъ, очень послѣдовательно придается и явленію смерти все значеніе всеобщаго, необходимаго и заключительнаго уравненія, или уравновѣшенія всѣхъ неравенствъ и неравновѣсій между элементами химической или механической эволюціи бытія.

Разсуждаютъ, обыкновенно, такимъ образомъ: жизнь построилась механизмомъ и химизмомъ, совершаетъ свою эволюцію и затѣмъ, вновь обращается въ общій механизмъ и химизмъ тѣхъ простыхъ элементовъ, изъ которыхъ она возникла; собственно, въ ней ничего и не было, кромѣ нѣкотораго, спеціальнаго образа механизма и химизма, сопровождаемаго тѣмъ, что именуется субъективностью, или самосознаніемъ жизни. Но жизненное самосознаніе есть лишь мимолетный призракъ бытія: вызванный въ силу особеннаго сочетанія простыхъ элементовъ вещества, онъ свѣтится, пока длится такое сочетаніе и, конечно, тотчасъ же гаснетъ и пропадаетъ, какъ скоро это сочетаніе распадается.

И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: стрѣлки часовъ идутъ и указываютъ время, пока ихъ машина въ исправности; но чуть измѣнился, или испортился ея механизмъ, часы останавливаются и уже ничего не указываютъ.

Впрочемъ, испорченные часы можно исправить и вновь завесть; тогда они пойдутъ по старому, и будутъ опять указывать время. А жизнь, какъ скоро она испортилась и прекратилась, возстановить невозможно; такъ какъ ея механизмъ до того сложенъ, что никто не возьмется ни исправить оный, ни вновь завесть его остановившуюся и уже недѣйствующую пружину.

Такое или подобное заключеніе вытекаетъ очень послѣдовательно изъ первоначальнаго предположенія, которымъ предрѣшается весь вопросъ о истинѣ, о сущности, т. е. о самой дѣйствительности бытія, или всѣхъ вещей.

Когда въ основаніе цѣлости міровоззрѣнія ничего не полагается, кромѣ механизма и химизма отношеній того и другого, то, разумѣется, ничего, кромѣ ихъ эволюціи, увидать невозможно, и всякій смыслъ жизни долженъ, по необходимости, разрѣшаться лишь въ безсмысліи смерти.

По абстрактной схемѣ научнаго міровоззрѣнія, достовѣрно-сущимъ предполагается только чувственно ощущаемое вещество, которое сперва, разлагается аналитически на свои простые элементы или атомы, и потомъ, вновь изъ нихъ же и воспроизводится — синтетически; чрезъ что и смыкается крѣпко, наглухо сплоченный и неразрывный кругъ кругообращенія матеріи, или эволюціи вещества. — Чувственностью вещества утверждается дѣйствительность атомовъ, а дѣйствительностью атомовъ — дѣйствительность чувственнаго вещества въ его разнообразныхъ сочетаніяхъ и разложеніяхъ, въ совокупности и въ раздробленіи. За тѣмъ, все другое, что не есть чувственное вещество, не имѣетъ никакой дѣйствительности, никакого бытія.

На этомъ основаніи, С. Милль пресерьезно учитъ въ своей логикѣ, что реальные предметы не могутъ быть иначе, какъ о трехъ измѣреніяхъ, — что математическія линіи и всякаго рода величины, не имѣющія трехъ измѣреній, не имѣютъ никакой реальности и суть только гипотетическіе предметы.

Изъ чего можно съ полнымъ основаніемъ вывесть, что и разстояніе между городами и странами не есть реальное разстояніе, а только гипотетическое; такъ какъ оно, измѣряясь только въ длину, имѣетъ только одно—, а не три измѣренія, и для его реальности ему недостаетъ глубины и ширины.

Въ соотвѣтствіи съ органическимъ, химическимъ и чисто механическимъ составомъ вещества его составные элементы представляются въ различныхъ степеняхъ простоты: — какъ живыя клѣточки или ячейки, какъ болѣе или менѣе сложные молекулы, и наконецъ, какъ совершенно простыя и безотносительные атомы.

Въ основѣ всѣхъ химически-молекулярныхъ и органически-клѣточныхъ построеній полагается, какъ всѣмъ извѣстно, вещественный, совершенно простой и безотносительный атомъ, который, какъ всѣмъ не менѣе извѣстно, есть безусловно противорѣчивое и самое несостоятельное изъ всѣхъ физическихъ представленій.

И тѣмъ не менѣе, оно, по необходимости, не только допускается, но, какъ предѣлъ чувственнаго ощущенія, само собою навязывается ученію физики какъ ея постоянный, неизмѣнный, неубывающій и неприбывающій, вѣчный элементъ и самая сущность всего мірозданія.

Что касается до положительной, эмпирически складываемой науки, то, имѣя въ виду свои особыя цѣли и интересы и развиваясь ей свойственными пріемами, она, безъ сомнѣнія, имѣетъ полное право принимать въ основаніе своихъ изслѣдованій нѣкоторыя для ея цѣлей и пріемовъ пригодныя условности (конвенціональности), — абстракціи и гипотезы.

Такъ и математика принимаетъ въ основаніе своихъ

счисленій и измѣреній нѣкоторую конвенціональную единицу, хотя количество само по себѣ — не усѣчено, но непрерывно и не представляетъ никакой единицы, которая бы не была въ себѣ безконечно многое, сложное и великое.

Но, помня объ условности своего основнаго, чувственно-отвлеченнаго предположенія, наука, ни въ какомъ случаѣ, не имѣетъ права выходить съ нимъ изъ-за предѣловъ значенія чисто абстрактнаго—, эмпирическаго или теоретическаго знанія, и тѣмъ менѣе полагать ихъ въ основаніе философіи и опредѣлять ихъ конвенціональностью самый смыслъ, или истину дѣйствительности.

Ради ничѣмъ неоправдываемаго ухищренія утвердить условно-гипотетическое, алогическое содержаніе атомовъ, какъ нѣчто вполнѣ дѣйствительное, разумное и необходимое, имъ приходится приписывать вѣчность и, устанавливая такимъ образомъ вѣчность безсмыслія, отрицать всякое помышленіе о вѣчности жизненнаго смысла, о безсмертіи человѣка.

Какъ крайнее, или предѣльное отвлеченіе отъ сложной различенности всякаго вещественнаго, или чувственнаго содержанія, атомъ представляется абстрактно-простымъ элементомъ, исчезающею величиною, дифференціаломъ вещества и чувственности.

Въ такомъ представленіи, исчезаетъ собственно только мышленіе; потому что, представляемый атомъ представляется столь простымъ, что въ немъ нечего различать, нечего видѣть и не о чемъ мыслить. Въ немъ нѣтъ ничего — ни образа, ни содержанія, и какъ отсутствіе всего, онъ есть лишь совершенная пустота.

Свойство абстрактнаго мышленія собственно и состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ въ виду эмпирически — лишь полноту сплошнаго безсмыслія, а отвлеченно-теоретически — лишь пустоту отсутствія всякаго содержанія.

Такимъ образомъ, совершенно простое, если оно не исполнено какимъ нибудь чувственнымъ ощущеніемъ, есть для него не иначе, какъ совершенно пустое.

Отсутствіе всего, или пустота, есть именно лишь то, чего въ дѣйствительности нѣтъ, — что нигдѣ, никогда не бываетъ, да и не можетъ быть, какъ развѣ въ видѣ мнимаго бытія и мнимаго объекта недомыслія.

Доходя до предѣльныхъ элементовъ вещественнаго существованія, или до основнаго начала всего матеріализма, абстрактное мышленіе достигаетъ своего предѣла, прекращается и перестаетъ понимать; а потому, ему и начинаютъ мерещиться уже немыслимые принципы безсмыслія, мнимые объекты бытія или физическіе атомы.

Изъ такихъ атомовъ, изъ такого отсутствія какого либо содержанія, изъ такой пустоты, безъ сомнѣнія, не только всей цѣлости міра, но и вообще ничего построить невозможно; но для теоретическаго мышленія за этимъ дѣло не становится; пустота элементовъ единичности дополняется такою же пустотою элемента всеобщности, которая въ видѣ всеобщей, міровой необходимости, какъ deus ex machina, является на выручку теоріи и вынуждаетъ безсодержательные атомы двигаться, сходиться, расходиться и складывать изъ себя цѣлый міръ.

Вслѣдствіе чего, по смыслу положительнаго научнаго міровоззрѣнія, и выходитъ, что съ одной стороны есть какой-то всеобщій законъ необходимости, который, хотя его вовсе нѣтъ въ дѣйствительности, тѣмъ не менѣе управляетъ всѣми движеніями единичныхъ атомовъ бытія, всѣми признаками и проявленіями случайности; а съ другой — , въ то-же время, есть безчисленное множество единичныхъ атомовъ, которые сами въ себѣ лишены всякаго различія, всякаго содержанія, которые представляютъ собою лишь пустоту, отсутствіе, или то, чего нѣтъ въ дѣйствительности, и тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ нигдѣ несуществующихъ законовъ, складываются въ физическое вещество и проявляются въ необозримомъ разнообразіи всякаго рода міровыхъ сочетаній, проявленій и существованій.

Въ теоретическомъ смыслѣ, это по истинѣ значитъ творить міръ изъ ничего, что покрайней мѣрѣ не менѣе

чудесно, какъ и то твореніе, противъ котораго теорія научности и позитивизма такъ страстно протестуетъ; оно, во всякомъ случаѣ, напоминаетъ собою ученіе того мудреца, который, находя, что палка о двухъ концахъ, усматривалъ въ нихъ принципы, которыми по его мнѣнію вполнѣ объясняется образованіе палки.

Но изъ двухъ концовъ мышленія, — изъ атомовъ съ одного — и изъ необходимости съ другого — , ни міра, ни дѣйствительности міра выстроить невозможно; потому что въ немъ всюду—только дѣйствительность и нѣтъ вовсе концевъ, — дѣйствительность безъ конца, или безконечность, которую нѣтъ возможности вымѣрить никакою теоріею, никакою ограниченностью.

Имѣя въ виду только абстрактные термины бытія и сознавая, что его сущность, или самая дѣйствительность ему недоступна, позитивное міровоззрѣніе полагаетъ очень возможнымъ замѣнить эту сущность своимъ ограниченнымъ образомъ пониманія, и связать другъ съ другомъ термины міра своею ограниченностью, чрезъ что, по его мнѣнію, все мистически-непонятное въ мірѣ исчезнетъ, и его міровое содержаніе, и вся его жизнь, и весь его строй объяснятся сами собою вполнѣ удовлетворительно и очень просто.

Разумѣется, если безконечность жизненнаго смысла замѣнить всѣмъ понятною ограниченностью и всѣмъ вполнѣ доступною пошлостью, то все, что наполняетъ міръ, окажется до того просто, что люди будутъ сами дивиться, съ чего они до сихъ поръ, недоумѣвая, терзались и страдая, то ударялись въ эфирную высоту поэзіи, то углублялись въ мрачныя пучины метафизики, то мечтали о героическихъ трудахъ и подвигахъ, — о самопожертвованіи, о любви, о вдохновеніи, о творчествѣ, то предавались всякаго рода бреднямъ, которыя оказываются вовсе ненужными, потому что можно и должно жить безъ всякаго бреда научнымъ, позитивнымъ и вполнѣ добропорядочнымъ образомъ.

Но къ сожалѣнію, съ устраненіемъ непонятной сущ-

ности бытія, устраняется и его дѣйствительность: а безъ самой дѣйствительности, нѣтъ и ея мнимыхъ концевъ, нѣтъ ея терминовъ и предполагаемая простота бытія оказывается лишь безусловною пустотою, въ которой жить невозможно и нѣтъ никакой жизни.

Эта невозможность жизни въ пустотѣ и выражается въ позитивномъ міровоззрѣніи его ученіемъ о всеобщности смерти, какъ о послѣднемъ исходѣ и окончательномъ заключеніи міровой эволюціи.

Но, едва ли нужно объяснять, что такое заключеніе слѣдуетъ никакъ не изъ дѣйствительнаго пониманія и познанія самой дѣйствительности, а только изъ притязанія научной теоріи приложить къ философіи тотъ самый эмпирически-научный методъ, которымъ издавна пользуется естествовѣдѣніе, при изученіи природы, и которымъ оно достигло столь блестящихъ успѣховъ въ наше время.

Въ силу такого метода, жизнь, смыслъ жизни и вся дѣйствительность міра объясняются, опредѣляются и обсуждаются не иначе, какъ судомъ физическихъ, механическихъ, химическихъ и физіологическихъ сужденій, и на основаніи того, что въ ихъ эмпирической сферѣ именуется научными истинами, доказанными фактами и твердо установленными отношеніями между постоянными законами и частными, измѣнчивыми явленіями положительнаго, существующаго міра.

Но при этомъ, совершенно забывается, что всякая теорія исходитъ лишь отъ жизни, или отъ смысла жизни; такъ какъ безъ нея, безъ ея смысла разумѣнія, не было бы самой теоріи, и не могло бы быть ни физики, ни механики, ни химіи, ни физіологіи, ни даже позитивной философіи, которая, на чемъ бы она ни зиждилась, все же не можетъ отрѣшиться отъ смысла вполнѣ, и если развивается и держится, то не иначе, какъ на его же основаніи.

Безъ смысла жизни и притомъ—человѣческой жизни, не было бы и научнаго знанія, — не было бы никакихъ

ученіи, — ни ученій идеализма, ни ученій матеріализма; была бы лишь безусловно непроницаемая тьма сплошнаго, непроглядnаго безсмыслія.

Въ этой тьмѣ, смыслъ жизни есть единственный свѣтъ; а потому было бы ни съ чѣмъ несообразно допускать, что физика, механика, химія или физіологія призваны судить и опредѣлять значеніе жизни; такъ какъ въ дѣйствительности, совершенно наоборотъ, все содержаніе міра — и механизмъ, и химизмъ, и позитивизмъ, и атомы, всѣ единичныя явленія съ ихъ эволюціею, и всѣ законы необходимости судятся лишь самою жизнью и получаютъ свое опредѣленное значеніе лишь опредѣленіемъ ея дѣйствительно сущаго смысла.

Уже критика чистаго разума указала, что прежде чѣмъ судить о чемъ нибудь, слѣдуетъ точно опредѣлить и выяснить природу того, кто судитъ; иначе, всѣ сужденія будутъ грѣшить въ самомъ основаніи суда.

Судитъ всегда и вездѣ разумъ; опредѣлить и выяснить его природу возможно не какимъ либо, ему посторонним перазумѣемъ, а, разумѣется само собою, только самимъ же разумомъ. Чѣмъ, вполнѣ выяснясь, и опредѣляется истинная природа разума; такъ какъ онъ именно и есть дѣйствительное *саморазумѣніе*, или самая жизнь, внѣ которой нѣтъ и не можетъ быть ни саморазумѣнія, ни разумѣнія.

Эмпирически, все міровое содержаніе представляется не иначе, какъ въ терминахъ противорѣчія, опредѣляемаго значеніями: случайнаго и необходимаго, единичнаго и всеобщаго, тѣлеснаго и духовнаго, преходящаго и вѣчнаго, свободы и необходимости. Чтобъ избавить сознаніе отъ такой противорѣчивости въ самыхъ опредѣленіяхъ міра, позитивисты исключаютъ изъ него его дѣйствительность и, оставаясь исключительно при физическихъ, механическихъ, химическихъ или физіологическихъ сужденіяхъ научнаго метода, впадаютъ чрезъ это въ пустоту, которая, какъ самая душа ихъ такъ называемаго научнаго

знанія, и исходитъ изъ громоздкихъ построеній научности, какъ дыханіе и содержаніе смерти.

Но изъ того, что дѣйствительность выражается лишь въ терминахъ противорѣчія, никакъ не слѣдуетъ, что ее должно выключить изъ сознанія; потому что, за ея исключеніемъ, въ сознаніи остаются только пустые призраки мнимаго бытія, которое, не имѣя въ себѣ ничего противорѣчиваго, не имѣетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и ничего общаго съ дѣйствительностью.

Но невѣдѣнію того, чѣмъ разрѣшается міровое противорѣчіе, можно быть въ недоумѣніи, но облекать это недоумѣніе въ образъ научности и увѣрять, что въ мірѣ нѣтъ никакого противорѣчія, что его содержаніе не подастъ повода ни къ малѣйшему недоумѣнію, что все разрѣшается очень просто и безъ всякой мистики, безъ всякой безконечности, — непозволительно и недостойно серьезности научнаго знанія; это значитъ — не объяснять, но путать, напонять туманъ на глаза и ставить преграду развитію ума и знанія подъ личиною научности.

Смыслъ жизненнаго саморазумѣнія, связывая собою термины міроваго противорѣчія въ ихъ живую, конкретную, дѣйствительно-сущую недѣлимость, есть его дѣйствительное разрѣшеніе, — и потому, ему понятны, какъ самая жизнь, и безконечная дѣйствительность и дѣйствительная безконечность сущаго, которую позитивисты, не умѣя понять и не желая признать, пытаются вовсе исключить изъ міра, чтобъ она своимъ дыханіемъ не смущала притязаній ихъ ограниченности.

Дѣйствительность не есть смерть, и не есть безсмысліе смерти; она есть, напротивъ, только жизнь и только смыслъ жизни.

И чтобъ это понять, чтобъ было возможнымъ судить правильно и сообразно со смысломъ о значеніяхъ жизни и смерти, слѣдуетъ прежде всего измѣнить самый порядокъ объясненія, или тотъ научный методъ, который заимствованъ изъ эмпирической сферы естествовѣдѣнія,

и въ противность всякому смыслу, возведенъ на степень философскаго метода.

Науки естествоѣденія имѣютъ предметомъ своихъ изслѣдованій лишь эмпирическое отношеніе вещей къ вещамъ, на сколько онѣ внѣшнимъ, чувственнымъ образомъ зависятъ другъ отъ друга и обусловливаются другъ другомъ. Поэтому, вся ихъ сфера есть исключительно сфера механической необходимости, или внѣшней зависимости одного отъ другого.

Вникать же въ самый смыслъ вещей, въ внутреннее значеніе одного и другого, значитъ разематривать уже ихъ логическое, а не механическое отношеніе другъ къ другу; а начало логическаго отношенія есть предѣлъ сферы необходимости, и начало сферы свободы, которая не есть предметъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ стать предметомъ лишь чувственнымъ образомъ опредѣленныхъ соображеній и изслѣдованій естествоѣденія.

Философія, такимъ образомъ, имѣетъ своимъ предметомъ не вещи, а только сущность, или самый смыслъ вещей, т. е. именно то, что составляетъ запретный предметъ въ сферѣ естествознанія.

Вещи, ихъ вещныя другъ къ другу отношенія, ихъ механика, химія, или вообще физика, и самый образъ, или методъ, какъ онѣ наблюдаются, испытываются и соображаются, или весь предметъ, вся сфера естествоѣденія въ ея цѣлости, опредѣляются и по образу, и по содержанію, лишь познающимъ смысломъ, или самимъ субъектомъ знанія; а потому, въ философіи, и возникаетъ вопросъ, — кто такое этотъ познающій субъектъ? или что такое самый смыслъ, который и познаетъ, и опредѣляетъ, и соображаетъ?

И научное знаніе, и философія вполнѣ согласны въ томъ, что непосредственно ощущаемая, матеріи существованія еще не есть сама по себѣ та искомая истина, которую требуется познать, и которая извѣстна лишь какъ *первое* и главное *неизвѣстное*. Затѣмъ, есть то,

что именуется вообще знаніемъ, или точнѣе — научнымъ знаніемъ, которое, какъ средство, какъ пріемъ, какъ орудіе или методъ познаванія, не совпадаетъ съ самою истиною, а потому можетъ быть неправильнымъ, невѣрнымъ или ложнымъ, и до рѣшенія о его истинности, какъ нѣчто еще неопредѣленное и неизвѣстное, представляетъ собою въ сферѣ сознанія, *его второе неизвѣстное*. Сверхъ того, остается еще субъективный элементъ мышленія, или самый смыслъ, которымъ вѣдаются и всѣ методы познаванія, и всѣ теоріи, и всѣ ученія о истинѣ, и наконецъ,—и самая истина, полагаемая самимъ же смысломъ, какъ послѣдняя цѣль всѣхъ его стремленій, какъ то опредѣляющее начало, которымъ все остальное содержаніе и всѣ образы мышленія и существованія имѣютъ, или должны быть опредѣляемы. Этотъ третій элементъ мышленія — самъ познающій смыслъ, по неизвѣстности, что онъ такое, представляетъ собою *третье неизвѣстное*; такимъ образомъ, вся цѣлость мышленія, со всѣми образами его знанія и познанія, можетъ изобразиться въ видѣ неопредѣленной функціи (x, y, z) изъ трехъ неизвѣстныхъ, или тою сказочною проблемою, которою неизвѣстно кому, неизвѣстно гдѣ и въ чемъ, задано отыскать, или познать, неизвѣстно что.

Но значеніе философіи состоитъ, между прочимъ, и въ указаніи, что проблема познаванія представляется въ столь нелѣпомъ видѣ только до тѣхъ поръ, пока эмпирическое, ненаучное или научное знаніе берется открыть, познать и разъяснить истину методомъ естествовѣденія, при которомъ, будто бы достаточно фактовъ и вовсе не требуется смысла.

Не отрицая пригодности метода естествовѣденія въ сферѣ эмпирическаго знанія, пока оный не отрѣшается отъ логики здраваго смысла, философія однако, несмотря на всѣ заявленія современныхъ представителей позитивизма, нео-кантіанизма или критицизма, никакъ не можетъ принять этотъ методъ въ замѣнъ самого смысла, который, разумѣясь самъ собою, заключаетъ въ

своемъ жизненномъ саморазумѣніи безначальную и безконечную истину; искать и надѣяться открыть оную, безъ смысла, въ фактахъ и въ механическихъ отношеніяхъ внѣшнихъ вещей, — какъ предлагаютъ современные мыслители, пытающіеся замѣнить смыслъ научнымъ методомъ и возвести новую позитивную философію на незыблемой основѣ стихійнаго безсмыслія, — есть, очевидно, лишь недоразумѣніе и совершенно пустое, напрасное дѣло.

Чтобъ понять истинное значеніе жизни и смерти, необходимо отрѣшиться отъ такого безсмыслія и, пользуясь методомъ естествовѣденія въ сферахъ эмпирическаго значенія, гдѣ онъ вполнѣ пригоденъ, а не въ безконечной сферѣ саморазумѣнія, гдѣ онъ пригоднымъ не можетъ быть, признать окончательно, что то, что—ясно и понятно само собою, какъ смыслъ жизненнаго саморазумѣнія, не объясняется и не можетъ объясняться тѣмъ, что само по себѣ—темно и требуетъ объясненія; что, наоборотъ, все, само по себѣ темное объясняется и должно быть объясняемо тѣмъ что, разумѣясь само собою, ясно и понятно, какъ самая жизнь и не требуетъ никакихъ объясненій.

Жизненный, субъективный смыслъ саморазумѣнія, именуемый въ объективной сферѣ бытія разумомъ, есть самъ въ себѣ конкретное понятіе и начало всякой понятности; онъ разумѣется и объясняется лишь самимъ собою; что и значитъ, что онъ есть жизнь; уразумѣть или объяснить оный—не имъ самимъ, а чѣмъ либо другимъ, - не самимъ разумомъ, не самою истиною — невозможно; безъ него же, безъ его свѣта, все другое, все эмпирически ощущаемое, или находимое существованіе, всѣ объясненія и всѣ научные методы суть лишь безусловно непонятная, ничѣмъ необъяснимая и непроглядная тьма, а никакъ не—наука.

1) Время, прошедшее, будущее и природа вещей.

Всякое рожденіе, развитіе, существованіе, прехожденіе и умираніе въ существующемъ мірѣ совершаются во времени; время есть, какъ всѣмъ извѣстно, всепоглощающая стихія разрушенія; но чѣмъ болѣе оно—извѣстно въ его стихійномъ, тѣмъ менѣе оно—понятно въ его истинномъ, или дѣйствительномъ значеніи.

А потому, здѣсь будетъ не лишнимъ вникнуть нѣсколько глубже въ темную матерію времени, и тѣмъ болѣе кстати, что значенія времени нельзя обойти молчаніемъ, когда рѣчь идетъ о значеніяхъ жизни и смерти.

Объясняя существо міра, Гераклитъ, уже въ глубокой древности, говорилъ, — все течетъ, все горитъ, все проходитъ.

Дѣйствительно, эмпирически существующій міръ есть міръ преходящаго. Но изъ немногихъ сохранившихся, отрывочныхъ реченій, приписываемыхъ Гераклиту, можно догадываться, что онъ училъ также, что проходя, міръ становится.

При размышленіи о бренности всего преходящаго, невольно возникаетъ вопросъ: отчего, почему все проходитъ и куда уходитъ, куда дѣвается все то, что проходитъ?

Неудержимое теченіе времени, или лучше,—прехо-дящихъ вещей во времени, подобно теченію воды: наполняя рѣки и ручьи, она постоянно течетъ, постоянно уходитъ; но уходя, она изливается въ моря и океаны. Казалось бы, тутъ ей слѣдовало успокоиться и закончить свое безостановочное теченіе; но изъ океановъ и морей она опять испарится, затѣмъ вновь осядетъ въ видѣ дождей и тумановъ и, являясь опять тою же водою — на горахъ, на землѣ, въ родникахъ, вновь течетъ оттуда тѣми же рѣками и ручьями. Это, очевидно, только круго-оборотъ, а не исчезновеніе.

Вода течетъ постоянно съ горныхъ высотъ въ моря и океаны, а изъ морей и океановъ — вновь къ своимъ

родникамъ и источникамъ на горныхъ высотахъ. Ея теченіе не прекращается, потому что она ищетъ своего равновѣсія и нигдѣ его не находитъ. Если-бъ она нашла свое равновѣсіе, ея теченіе прекратилось бы и она бы успокоилась.

Но въ чемъ же состоитъ неравновѣсіе воды, которое выражается ея теченіемъ?—Неравновѣсіе есть нѣкоторый видъ неравенства, и притомъ — неравенства *одного* съ *другимъ*. Такъ какъ это неравенство находится въ самой водѣ, въ ея существѣ, то, значитъ, въ ней самой находятся другъ съ другомъ неравныя — нѣчто одно и нѣчто другое. Но чѣмъ же могутъ быть это одно и это другое, которыя, составляя самое содержаніе воды, обусловливаютъ въ ней ея неравенство, или неравновѣсіе? — Если — позволительно, пользуясь двумя безразлично употребляемыми словами — свойство и качество, присвоить каждому изъ нихъ различное значеніе, то можно было бы сказать, что по ея свойству, или по ея опредѣленію въ себѣ самой, вода есть нѣчто одно, а по ея качеству, или по ея опредѣленію во внѣшней средѣ — нѣчто другое, съ первымъ опредѣленіемъ неравномѣрное, или несообразное. Какъ нѣчто сущее въ себѣ, своимъ внутреннимъ свойствомъ или опредѣленіемъ, вода имѣетъ свое внутреннее назначеніе, свою душу, — свою собственную природу; а по своимъ качествамъ и отношеніямъ къ внѣшней средѣ, она же имѣетъ и свое внѣшнее тѣло, или ту чувственную внѣшность, которою она предана во власть всѣхъ дѣйствующихъ силъ и вліяній внѣшней среды. Такъ что, душа и тѣло воды, образуя въ ней ея содержаніе, производятъ въ ней своею неравномѣрностью ея неравновѣсіе, въ силу чего она и не можетъ пребывать спокойною, но вынуждена постоянно течь, искать свое равновѣсіе и никогда ни въ чемъ не находить онаго.

Когда древніе олицетворяли воду въ образѣ живой и всегда неспокойной наяды, они, по всей вѣроятности, имѣли въ виду нѣчто подобное для объясненія ея безо-

становочной подвижности и измѣнчивости въ самомъ постояствѣ ея зыбкаго образа.

Для насъ, такого рода объясненіе можетъ послужить основною схемою того, что въ мірѣ представляется, какъ его безостановочное теченіе и неудержимое прехожденіе. На сколько оно есть, оно, очевидно, происходитъ отъ недостатка въ равновѣсіи отъ неравномѣрности, или отъ несообразности самаго содержанія, самыхъ опредѣленій, или души и тѣла преходящаго.

Представители научнаго знанія, хотя не терпятъ никакой метафизики, тѣмъ не менѣе не только допускаютъ, но и утверждаютъ, что такимъ же образомъ и преходящія вещи, проходя, не исчезаютъ, не уничтожаются, но, свершая неизмѣнный кругооборотъ вещества, распадаются на ихъ простые элементы, разлагаются въ атомы, изъ которыхъ вновь и слагается, если не то же самое, то совершенно одинаковое существованіе, какое и прежде было, которое и будетъ продолжаться попрежнему до тѣхъ поръ, пока не угаснетъ солнце, источникъ всякаго движенія и всѣхъ совершающихся на землѣ кругооборотовъ вещества.

Нынѣ еще горящее, свѣтъ и жизнь разливающее солнце, со всею системою ему сопутствующихъ тѣлъ, тоже участвуетъ, какъ особый міръ, въ какомъ нибудь другомъ, еще неизвѣстномъ, болѣе обширномъ, но, по всей вѣроятности, подобномъ же кругооборотѣ, и съ тою же превратностью, съ какою нарождается, прибываетъ, достигаетъ полнаго развитія, потомъ убываетъ и наконецъ проходитъ все существующее въ мірѣ.

Представители научности и противники метафизики, признавая, что все измѣняется, все проходитъ въ мірѣ, утверждаютъ однако — да по необходимости и должны утверждать,—что вѣчными и неизмѣнными пребываютъ только простые элементы міра, — только атомы.

Объ атомахъ можно сказать, какъ говорится о Богѣ: атомовъ не видалъ никто, никогда; о нихъ заявляютъ только ученые, пребывающіе въ нѣдрахъ абстракціи.

По своему существу, атомы міра мыслятся въ немъ, какъ его непонятныя и невидимыя сущности, со всѣми свойствами, приписываемыми сущностямъ въ метафизикѣ.

Они представляютъ собою тотъ вещественный осадокъ, который остается въ представленіи, когда умственный анализъ всего чувственнаго, мірового содержанія доводится силою отвлеченія до своего послѣдняго предѣла, при которомъ уже не отъ чего отвлекать и некуда идти еще далѣе.

Существованіе этихъ атомовъ, само по себѣ, болѣе чѣмъ сомнительно; потому что, исходя отъ теоретическаго мышленія, они тѣмъ не менѣе—немыслимы иначе, какъ въ видѣ противорѣчія и несообразности со всякимъ образомъ мысли.

Но, если эти ни съ чѣмъ несообразные атомы дѣйствительно существуютъ, то одного ихъ существованія, какъ бы оное ни представлялось, все же недостаточно для того, чтобы изъ нихъ сталось все, что находится въ существующемъ мірѣ, и ихъ измышленіе оказалось бы совершенно напраснымъ, если-бъ его не пополнить еще другимъ, добавочнымъ измышленіемъ.

Не только въ дѣйствительности, но и въ сферѣ теоріи, одно, какъ бы оно просто ни было, или именно вслѣдствіе самой простоты своей, безъ посредства чего либо другого, хотя бы другого измышленія, оказывается вполнѣ несостоятельнымъ: пока оно—одно, изъ него, и при наибольшихъ усиліяхъ и стараніяхъ, ни единаго признака бытія ни извлечь, ни выжать—невозможно.

Чтобы что нибудь могло сложиться изъ атомовъ, требуется еще и ихъ движеніе; а если они сами въ себѣ не содержатъ никакого неравенства, или неравновѣсія и не заключаютъ собственнаго мотива движенія, то необходимо, чтобы было нѣчто другое, которое бы ихъ двигало.

Если при атомахъ, какъ центрахъ бытія, допустить совмѣстно и ихъ движеніе и представить ихъ и какъ центры движенія, — что уже не совсѣмъ просто, — то и

это будетъ еще недостаточно, такъ какъ никакого движенія не можетъ быть, безъ опредѣленнаго направленія, безъ опредѣленнаго образа движенія: при томъ, и образъ движенія, чтобы не быть всякимъ образомъ, или безобразнымъ, изъ чего ничего бы не вышло кромѣ безобразія, — долженъ быть математически необходимымъ образомъ, или самою необходимостью.

Все это однако и не предполагается, да и не вмѣщается въ безусловно простомъ атомѣ. А потому, его простоту необходимо дополнить еще и другимъ предположеніемъ о міровой необходимости, безъ которой атомы сами собою не въ состояніи выйти изъ состоянія атомовъ и попасть въ люди.

Но, на вопросъ,—откуда же берется такая необходимость? другого отвѣта нѣтъ, какъ только, что она берется изъ той же среды, откуда берутся и атомы.

Въ самомъ дѣлѣ, при отвлеченіи отъ чувственно ощущаемаго существованія, если его *содержаніе* отлагается въ сознаніи въ предѣльное представленіе объ атомахъ, то въ то же время, его *образы* бытія, отлагаясь въ противную сторону, осаждаются въ видѣ предѣльнаго образа всѣхъ образовъ бытія, какъ представленіе о необходимости, или о всеобщемъ, ничего неопредѣляющемъ началѣ всѣхъ опредѣленій.

Различіе между атомомъ и необходимостью, или началомъ его опредѣленія, состоитъ въ томъ, что первый предполагается, какъ безконечно-малое, вещественное содержаніе, а второе—, какъ безконечно-великій, совершенно пустой и всеобщій образъ міроваго бытія.

Нельзя быть вообще, или неопредѣленно; чтобъ быть въ самомъ дѣлѣ, необходимо быть какимъ либо опредѣленнымъ образомъ бытія; и существенный недостатокъ абстрактнаго представленія о простыхъ элементахъ, или атомахъ міра, состоитъ именно въ томъ, что при нихъ не имѣется въ виду неразрѣльно съ ними связанное, хотя и столь же абстрактное представленіе о ихъ образѣ бытія, или о всеобщемъ началѣ ихъ опредѣленія.

Самъ по себѣ, атомъ — только явленіе; чтобъ не быть незаконнымъ явленіемъ, ему необходимъ еще и его законъ, о которомъ представители наукности обыкновенно умалчиваютъ, замѣняя оный своею теоріею.

Будетъ ли опредѣляющее начало представляться въ видѣ закона необходимости, или вообще въ образѣ нѣкоторой теоріи, это — рѣшительно все равно; ибо образъ, въ какомъ предполагаемые атомы представляются для того, чтобы придать имъ возможность двигаться, сходиться и расходиться, именно и есть самая теорія, или **законъ такого представленія.**

Но движеніе можетъ произойти отъ сочетанія предполагаемыхъ атомовъ съ ихъ предполагаемою теоріею, только при условіи, что между содержаніемъ атомовъ и образомъ, или теоріею, какъ они представляются, есть нѣкоторое неравновѣсіе, нѣкоторая неравномѣрность — или вообще несообразность, при которой вещество, или тѣло атомовъ и ихъ теорія, или душа не выносятъ, не терпятъ другъ друга, и потому, стремясь выйти изъ столь напряженнаго и несноснаго положенія, начинаютъ двигаться: атомы — съ надеждою избавиться отъ столь несообразной съ ними теоріи; а теорія — съ умысломъ устраниться отъ столь несообразныхъ съ нею атомовъ.

Если-бъ не было такой несообразности то, конечно, не могло бы быть и движенія, и былъ бы лишь недвижимый и невозмутимый покой, при которомъ міръ не могъ бы сложиться; онъ **складывается лишь изъ первоначальной несообразности.**

И такъ, первоначальная матерія міра является несообразностью, или тѣмъ, что не можетъ быть, — не можетъ пребывать.

Міровая несообразность, какъ матерія безсмыслія, и не пребываетъ; она есть существенно лишь преходящая матерія, или матерія преходящаго, которая и проходитъ; и каждый мигъ ея прохожденія, удаляясь отъ несообразности, какъ мелькающій мигъ соображенія, осаждается изъ потока движенія уже какъ нѣкоторая со-

образность,—сначала лишь ничтожная, зачаточная, исчезающая, но все же такая, что на ней бытіе и мысль способны пребывать, хотя бы лишь мелькающимъ образомъ, а не та первопачальная несообразность, на которой ни мысль, ни бытіе ни единаго мига удержаться не могутъ.

Этимъ объясняется, что сами атомы, представляя собою содержительность бытія, или то, что *есть*, имѣютъ пространственное значеніе, — значеніе того, что Р. Декартъ называлъ субстанціею протяженія. А образъ бытія — его теорія, или законъ, опредѣляющій, какъ они суть, имѣютъ срочное, временное значеніе. И если элементы содержанія бытія, или атомы представляются занимающими мѣсто въ пространствѣ, то элементарные образы бытія, или начала его опредѣленія полагаются и чередуются во времени.

Не должно думать, будто есть время, которое безостановочно течетъ, подобно водѣ, и уноситъ съ собою преходящія вещи; потому что временемъ и называется собственно самое теченіе вещей, которыя, постоянно переходя изъ состоянія несообразности къ состоянію сообразности, своимъ прохожденіемъ изъ одного образа въ другой, и полагаютъ время.

Какъ нѣтъ количества или величины, такъ нѣтъ и времени, безъ вещей, или помимо вещей.

Имѣя въ виду финальныя, или завершающія причины Аристотеля, Лейбницъ говорилъ о вещахъ, что онѣ— чреваты своимъ будущимъ, — что ихъ матерія, которой предстоитъ развиваться, и есть самое будущее. Еслибъ онъ прибавилъ къ тому, что ихъ прошедшее заложено въ нихъ и присуще имъ, какъ ихъ природа, какъ ихъ живая душа, или опредѣляющій образъ бытія, то въ этихъ двухъ выраженіяхъ получилось бы полное значеніе времени.

Время, или прохожденіе вещей, есть ихъ теченіе изъ несообразности ихъ содержанія съ ихъ образомъ бытія къ взаимной сообразности того и другаго. Причемъ, ихъ несо-

образность, ихъ несовершенство и есть въ нихъ ихъ преходящая матерія, ихъ чувственное тѣло, или то, чему предстоитъ пройти, что имѣетъ еще совершиться, а пока не совершилось, есть лишь наступающее будущее, полное ожиданій, страховъ и надеждъ. Съ другой стороны, ими уже до нѣкоторой степени достигнутыя сообразность и совершенство, или то, что въ нихъ уже сбылось и совершилось, есть ихъ непроходящій смыслъ, или опредѣленный образъ бытія, который, какъ все значеніе ихъ прошедшаго, есть ихъ душа, ихъ природа, или заложенное въ нихъ назначеніе и ясное, ничѣмъ невозмущаемое знаніе, какъ имъ должно, какъ имъ слѣдуетъ быть.

Всякое существованіе есть лишь живая связь своего будущаго, или тѣла своего, съ своимъ прошедшимъ, или съ своею душою, — и неразрывное самоотношеніе своей внѣшней судьбы, опредѣляемой извнѣ, внѣшнею средою бытія, съ своимъ внутреннимъ назначеніемъ, опредѣляемымъ изъ внутри, изъ себя самого, или изъ сообразности съ собою.

Поэтому, — *проходить*, въ своемъ дѣйствительномъ смыслѣ, означаетъ только *приходить къ себѣ самому*.

И все существующее, проходя, выходитъ изъ своей разсѣянности въ матеріи внѣшности и, собираясь съ собою, приходитъ къ себѣ.

Не приходятъ къ себѣ и остаются вѣчно во внѣшности, пребывая при ея несообразности, только атомы и только — теоріи необходимости: атомы, потому что ихъ держитъ теорія; а теорія, потому что она связана атомами.

Въ существующихъ вещахъ есть нѣчто, что можно назвать ихъ памятью; на нея видны, — такъ что можно прочесть, — слѣды всего, что было. И это бывшее, это прошедшее, которое уже изъято отъ всякой превратности измѣненія и прохожденія, хранится въ своемъ неизмѣнномъ образѣ въ памяти вещей, какъ ихъ внутренняя природа, какъ ихъ существенное опредѣленіе, называемое

душою, назначеніемъ, или мотивомъ ихъ существованія.

Все течетъ, все бѣжитъ, все проходитъ; но проходитъ имѣетъ только наступающее будущее безъ котораго не было бы преходящаго, нечему было бы и проходить. Въ своемъ непосредственномъ видѣ, будущее есть невѣдомая, темная, непроницаемая, чувственная матерія, которая по существу — преходяща, потому что несовершенна, потому что — еще не совершилась; а потому, ей и предстоитъ пройти, чтобъ совершиться.

Для невѣжества, матерія, или то будущее, которое не пребываетъ, а только проходитъ, представляется въ видѣ непреходящихъ, вѣчныхъ принциповъ, или атомовъ бытія; но невѣжество, которое держитъ матерію, какъ объективное начало бытія, есть и само лишь субъективный образъ той же самой матеріи; оно съ нею вмѣстѣ тоже не пребываетъ и также проходитъ и, научаясь изъ опыта прошедшаго, познаетъ его смыслъ и обращается въ знаніе.

О томъ, что прошло, о прошедшемъ говорится, что оно совершилось; и это — не пустое выраженіе. Все, что прошло, стало дѣйствительно совершеннымъ бытіемъ, которое уже не проходитъ, но пребываетъ вѣчно, — не какъ матерія, но какъ непроходящій смыслъ бытія, — какъ его душа, опредѣленіе, или назначеніе.

И между тѣмъ, какъ невѣжество, вѣдая только чувственную матерію, держитъ ее, держится ею и съ нею же и проходитъ; — знаніе познаетъ изъ опыта прошедшаго самый смыслъ бытія, исполняется имъ и вмѣстѣ съ нимъ уже не проходитъ, но пребываетъ вѣчно.

Такимъ образомъ, на вопросъ, — куда проходитъ, куда дѣвается все, что проходитъ? можно отвѣчать, что вся матерія, въ объективномъ значеніи чувственной вещественности, и въ субъективномъ значеніи столь же чувственнаго невѣжества, проходитъ и, проходя, обращается въ смыслъ, въ опредѣляющій мотивъ, или въ назначеніе

бытія, которому оно — присуще, какъ его дѣйствительное знаніе.

Въ силу нѣкотораго, естественнаго, такъ сказать, оптическаго обмана, представляется обыкновенно, что все существующее, оставляя позади себя свое прошедшее, идетъ, стремится, близится къ своему будущему; съ чѣмъ связано также и представленіе, что дѣйствительную сущность, или самую истину слѣдуетъ ожидать и искать въ будущемъ. Вслѣдствіе чего, въ наше время, народились такъ называемые поэты, музыканты, художники, мыслители и вообще люди будущаго, въ которомъ однакожъ ничего нѣтъ кромѣ смутной и непроницаемой матеріи стихійной разсѣянности и безсмыслія.

Во всякомъ случаѣ, обращаться за смысломъ къ самому будущему или къ людямъ и представителямъ будущаго, есть великое недоразумѣніе.

Все, что существуетъ, подобно водѣ, текущей въ океанъ, течетъ и льется лишь въ прошедшее; къ прошедшему идутъ, въ прошедшее удаляются и вещи, и люди; все, что мыслитъ, живетъ въ прошедшемъ. Потому что всякое существованіе, удаляясь отъ будущаго, отъ чувственности его смутной матеріи, переходитъ въ духовную ясность своего вѣчнаго смысла, который свѣтитъ изъ прошедшаго, освѣщая свѣтомъ своимъ и будущее, которое само по себѣ—темно.

Будущее лежитъ не впереди, какъ это думается, а напротивъ, — позади; чтобъ это понять, чтобъ увидѣть образъ будущаго лицомъ къ лицу, надо сперва, конечно мысленно, отмѣнить все, что прошло, и возвратиться умомъ къ тому начальному мгновенію, когда еще ничто не успѣло пройти, когда еще не сталось ни единаго мига прошедшаго, но въ замѣнъ того оставался въ первоначальной цѣлости еще нетронутый, ни единаго мига неутративший запасъ будущаго, насчетъ котораго, въ мѣру его прохожденія, собственно и образуется прошедшее.

Въ тотъ мигъ, когда еще ничто не прошло, ничто не сталось, было и могло быть единственно только одно

будущее, или то, что, настуная, только имѣетъ быть, но еще не есть или же, если есть, то только, какъ небытіе, какъ самая стихія, или хаосъ небытія. — только, какъ тотъ предѣлъ, на которомъ прекращаются и отсутствуютъ не только бытіе, но также и мышленіе, и остаются лишь чувственно-разсѣянная матерія небытія, или атомы, — лишь отвлеченно-теоретическая матерія безсмыслія, или пустая необходимость.

Столь невыразимая несообразность собственно и есть будущее; являясь въ чувственныхъ образахъ всякаго рода вещества и физическихъ тѣлъ, она, разумѣется, не можетъ оставаться и, по необходимости, должна проходить, — чтобъ сообразиться съ собою и стать сообразнымъ смысломъ.

Первоначальная, смутная и неопредѣленная матерія будущаго, матерія небытія и безсмыслія, есть безусловно преходящая матерія; ей невозможно быть, а потому, она и проходитъ.

Задерживаясь невѣщественнымъ мгновеніемъ, какъ нѣчто сущее, — какъ атомы, или какъ необходимость бытія, она тѣмъ не менѣе не пребываетъ; все ея значеніе и бытіе только въ томъ и заключаются, чтобъ никогда, нигдѣ, ни въ чемъ не пребывать, а только проходить и, проходя, становиться прошедшимъ, которое, въ мѣру своего наполненія, и сказывается — болѣе или менѣе опредѣленнымъ смысломъ, сущностью, природою, назначеніемъ, или мотивомъ бытія тѣхъ существованій, которыя изъ него происходятъ.

Проходитъ невѣдомое будущее, которое и есть самая матерія, или чувственное тѣло существованія; и каждый мелькающій мигъ его прохожденія не пропадаетъ, не теряется безслѣдно въ пустотѣ, но становится опредѣляющимъ началомъ бытія и находится въ настоящемъ существованіи, какъ его душа, сущность, или то, что называется его природою.

Все существующее существуетъ не одно въ мірѣ, но совмѣстно со всѣмъ другимъ. Совмѣстностью одного съ другимъ, во сколько ихъ различныя и исключительныя

опредѣленія не сходятся, но расходятся взаимно и отталкиваютъ другъ друга, обусловливается вообще внѣшность, или чувственная тѣлесность міроваго существованія и полагается пространство. Въ пространствѣ, или вообще во внѣшности бытія, каждое отдѣльное существованіе есть и само нѣчто внѣшнее и тѣлесное: встрѣчаясь и соприкасаясь съ другимъ, оно находитъ въ немъ себѣ отпоръ и предѣлъ своему дальнѣйшему распространенію, и само упорно противится его распространенію, какъ его предѣлъ. Противодѣйствуя другому своею силою бытія, оно потому, и само предано во власть всѣхъ дѣйствующихъ силъ внѣшности, или вообще всего другого.

Въ противоположность тому, что съ каждымъ изъ существованій можетъ случиться, при встрѣчѣ его съ другимъ, и чему оно вообще подвергается во внѣшности, какъ нѣчто внѣшнее и тѣлесное, его внутреннее опредѣленіе, или особый мотивъ его бытія, есть въ немъ его особый смыслъ, заложенный въ немъ его прошедшимъ, какъ его душа.

Душою, или по смыслу ему присущаго назначенія, вполнѣ ясно и опредѣляется, чѣмъ каждому существованію слѣдуетъ быть въ сообразности съ его природою. Но такое опредѣленіе — вполнѣ состоятельно, только въ значеніяхъ общей, а никакъ не въ значеніяхъ прикладной физики; точные выводы и заключенія первой сплошь и рядомъ отмѣняются условіями или внѣшними обстоятельствами второй.

Что съ каждымъ изъ отдѣльныхъ существованій въ самомъ дѣлѣ станется или сбудется, въ силу того, что оно, какъ нѣчто внѣшнее и тѣлесное, само предано во власть внѣшности, — неизвѣстно, сокрыто въ будущемъ и открывается ему, какъ нѣчто для него случайное, какъ извнѣ на него наступающая судьба его, о которой никто не знаетъ, какая она будетъ, до тѣхъ поръ, пока она не свершится.

Вслѣдствіе чего, всякое существованіе, находясь въ

опредѣленіяхъ своего прошедшаго и своего будущаго, осуществляется и исходитъ въ постоянной борьбѣ (борьбѣ за существованіе) между тѣмъ, что утверждается его внутреннимъ назначеніемъ и тѣмъ, что опредѣляется его внѣшнею судьбою.

Это можно сказать однако, только по отношенію къ каждому изъ отдѣльныхъ, или особыхъ существованій, но никакъ — не по отношенію къ міру, взятому въ его цѣлости. Не имѣя внѣ себя ничего другого, онъ существуетъ одинъ, и не подверженъ внѣшности, которая бы могла вліять и дѣйствовать на него. А потому, его міровое назначеніе, опредѣлившееся изъ безконечности его безначальнаго прошедшаго, совпадаетъ въ одномъ значеніи съ его міровою судьбою и есть именно то, что, именуясь природою вообще, составляетъ предметъ изслѣдованія и изученія всей сферы естествовѣденія.

Будущее міра, или то, чему еще предстоитъ исполниться и совершиться въ необъятной, міровой эволюціи — неизвѣстно; но, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ мірѣ никогда не будетъ, не произойдетъ и не случится ничего такого, что не лежитъ въ его назначеніи, или — что было бы несообразнымъ съ природою; это и выражается во всѣмъ извѣстномъ и совершенно безспорномъ утвержденіи, что въ мірѣ пѣтъ, не бываетъ и не можетъ быть ничего сверхъестественнаго, ничего противоестественнаго, — что чудеса исключаются изъ его существованія, какъ безусловная невозможность.

Природа во всѣхъ отношеніяхъ подобна всеобщему, математическому уравненію, которое съ полнѣйшимъ равнодушіемъ ко всему, что изъ него слѣдуетъ и вытекаетъ въ видѣ его частныхъ рѣшеній и опредѣленій, не допуская лишь того, что ему противорѣчитъ, — что съ нимъ несообразно, само по себѣ развертывается лишь въ смыслѣ всеобщаго закона всемірной необходимости.

Но за тѣмъ, члены, входящіе въ это уравненіе, и ихъ взаимныя другъ къ другу отношенія имѣютъ все значеніе безчисленнаго и безконечно-многаго, и потому,

самое уравненіе остается для человѣческаго сознанія уравненіемъ неопредѣленнымъ, при которомъ всякія рѣшенія представляются вполнѣ возможными, хотя изъ нихъ лишь немногія—дѣйствительны.

Такъ, въ сферахъ этики и эстики, всякіе подвиги, дѣла, начинанія и замыслы, всякія произведенія, измышленія и предположенія представляются вполнѣ возможными; но изъ нихъ — дѣйствительны и осуществимы лишь тѣ немногіе, которые по существу—сообразны съ самымъ смысломъ, или съ природою вещей.

Все, что—дѣйствительно, то и разумно; а такъ какъ дѣйствительно лишь то, что—сообразно съ природою, то изъ этого человѣкъ и познаетъ, что природа міра есть разумъ, и что—разумно, то и есть дѣйствительно.

Какъ свободное назначеніе и какъ безусловно необходимое опредѣленіе всего, что было, что есть и что будетъ, всего, что — возможно и невозможно, всего, что—дѣйствительно и разумно и что—недѣйствительно и неразумно, природа вытекаетъ изъ мірового процесса, начало котораго удалено и затеряно въ безконечности; никакое опредѣленное или положительное знаніе не въ состояніи дознаться до самаго начала міра; начало началъ пребываетъ недоступнымъ въ нѣдрахъ вѣчности. А потому, и природа, несмотря на великіе открытія и успѣхи науки, остается, какъ и въ древности, все тою же великою Изидою, и ни одинъ изъ смертныхъ не смѣлъ или не могъ приподнять съ нея ея таинственнаго покрывала.

Назначеніе, или природа и судьба міра тожественны въ томъ смыслѣ, что онъ не имѣетъ ничего, что было бы внѣ его, и обнимая собою все, не вѣдаетъ никакой внѣмірности внѣшности; но онъ не вѣдаетъ и себя самого, и потому есть въ себѣ самомъ, самъ для себя — внѣшность. По своей природѣ, какъ сущій разумъ всего бытія, онъ есть единое, сущее; но въ своемъ существованіи, въ самомъ исполненіи судьбы своей, онъ есть безчисленно многое и разнообразное и, въ этомъ значе-

ніи, — нѣчто совсѣмъ другое по отношенію къ себѣ самому, или къ своему внутреннему назначенію. Ни въ чемъ, что существуетъ, онъ самого себя не находитъ и не есть онъ самъ, а всегда — нѣчто другое. — какая либо исключительная частность или единичность бытія. Будучи всегда лишь другое самого себя, онъ нигдѣ, ни въ чемъ и никогда не постигаетъ и не достигаетъ себя; за отсутствіемъ равновѣсія, въ немъ и развивается его непомѣрно-великая, міровая напряженность. — Ему тяжело быть, - а потому, онъ не держитъ себя, а всегда лишь падаетъ и ищетъ равновѣсія, котораго нигдѣ не находитъ, но не можетъ успокоиться, пока не найдетъ.

Находясь въ мірѣ, ни одно изъ частныхъ или особыхъ утвержденій, слагающихся въ его существованіи, не въ силахъ удержаться и устоять противъ его непомѣрно великой, міровой напряженности. А потому, все существующее въ мірѣ предано потоку прехожденія: оно является, мелькаетъ на мигъ, какъ нѣчто существующее и, еще не успѣвъ вполнѣ сказаться, гаснетъ и исчезаетъ.

Такова судьба всего преходящаго.

5) Жизнь, смерть и безсмертіе.

Все что живетъ — умираетъ, и надъ всякою жизнью заранѣе произнесенъ приговоръ смерти, которая откладываетъ лишь на краткій срокъ приведеніе его къ исполненію. Такъ что, все живущее живетъ, ожидая съ часу на часъ, что его часъ насталъ, что за нимъ сейчасъ придутъ, свяжутъ и поведутъ на убоище. Ни уклониться отъ своего смертнаго часа, ни избѣжать его никто не можетъ.

Вся жизнь есть лишь стремительный потокъ, неудержимо, быстро несущій всѣхъ и всякаго къ неизбѣжному исходу и заключенію въ смерти.

Извѣстно старинное сказаніе о Сакіа-муни, переселившемся съ востока на западъ и пріютившемся въ хри-

стіанскихъ сказаніяхъ, какъ легенда о индійскомъ царевичѣ Іоасафѣ, который, выѣзжая поочередно изъ четырехъ воротъ города, въ четыре стороны свѣта, каждый разъ возвращался обратно домой, до глубины души возмущенный вездѣ имъ встрѣченными образами старости, болѣзни, изнеможенія, а наконецъ и самой смерти, являвшей ему свой ужасный ликъ и свое торжество надъ жизнью во всѣхъ степеняхъ разложенія ея силою обезображенныхъ труповъ. Узнавъ отъ окружающихъ, что такова окончательная, неизбѣжная судьба всѣхъ живущихъ существъ, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть избавлено отъ убійственнаго дыханія смерти, царевичъ рѣшился, предупреждая ея приговоръ, заранѣе добровольно отказаться отъ всѣхъ прелестей и лживыхъ обѣщаній жизни, чтобъ познать истину невозмутимаго покоя въ безусловномъ отрѣшеніи отъ всякаго рода, вида и степени жизненной суеты и смуты.

Не требуется быть царевичемъ Іоасафомъ или Сакіамуни для того, чтобъ знать, какимъ смутнымъ недоумѣніемъ наполняется душа, какъ замираютъ и блѣкнутъ всѣ радости, все обаяніе жизни предъ бездыханнымъ, безгласно-мертвеннымъ обликомъ, который застылъ въ нѣмомъ свидѣтельствѣ о томъ, что надъ нимъ прошла и дохнула смерть, задувъ жизнь, какъ задуваютъ свѣчку. Было свѣтло—и вдругъ стало темно. Онъ только что улыбался, говорилъ, его знакомый голосъ не умолкъ еще, онъ не все досказалъ, онъ сейчасъ вновь заговоритъ тѣмъ же голосомъ, тѣмъ же оборотомъ рѣчи: но онъ молчитъ и болѣе говорить никогда не будетъ, а въ его безгласіи внятно слышится нѣмой, безвозвратный приговоръ всему, что жило, что живетъ, — всему, что дорого всему, что плѣняетъ въ жизни. И разъ услышанный приговоръ смерти уже никогда не забывается: онъ также безгласно и также внятно повторяется вездѣ, всегда и во всемъ, что еще приносится волною жизни; ея радостные голоса, ея жизненный шумъ исполнены нѣмою повѣстью о невозмутимомъ покоѣ и вѣчномъ молчаніи

смерти. Жизнь идетъ сначала — идетъ смерть: и человѣкъ доживаетъ срокъ своего существованія, какъ осужденный, дни котораго сочтены.

Животныя, въ этомъ отношеніи, много счастливѣе человѣка: зная только содержаніе жизни, они не вѣдаютъ или не помышляютъ о смерти. Полагаясь во всемъ на тонкую чуткость своего жизненнаго инстинкта, они предвидятъ опасности, избѣгаютъ ихъ, принимаютъ соотвѣтственныя мѣры, борятся съ ними; но образъ смерти не омрачаетъ ихъ существованія своею могильною тѣнью: они живутъ, пока живется,— живутъ какъ безсмертные боги, безболѣзненно, безбоязненно, безъ сомнѣній, безъ раздумья, всею полнотою жизни, всею мѣрою существованія, какъ будто имъ предстоитъ вѣчно жить.

Человѣкъ, напротивъ, не столько живетъ, сколько умираетъ. Помимо того, что онъ добываетъ свою жизнь лишь въ потѣ лица своего, лишь съ крайнимъ напряженіемъ силъ и труда,— вслѣдствіе чего, въ объясненіе такой жалкой доли ему само собою навязывается мысль о прегрѣшеніи, о винѣ, которыми онъ заслужилъ ее,— онъ не можетъ не сознавать про себя, что ему и жизнь— не въ жизнь; потому что, и живя, онъ ужъ заранѣе предвидитъ и предвкушаетъ всю горечь смертнаго часа, въ который онъ долженъ разстаться съ жизнью и со всѣмъ, что ему дорого и мило въ жизни. По восточному сказанію, передаваемому графомъ Л. Н. Толстымъ, онъ видитъ, какъ двѣ мыши, бѣлая да черная, день и ночь грызутъ ту жизненную нить, которая держитъ его, отдѣляя отъ смерти; а онъ лишенъ возможности отогнать ихъ, и можетъ лишь разсчитывать мгновеніе, когда онѣ довершатъ свое дѣло. Вслѣдствіе чего, все его существованіе подернуто траурнымъ флёромъ: онъ и въ порывахъ жизненнаго увлеченія, поддаваясь обаянію и вкушая всю сладость жизни, въ глубинѣ души ощущаетъ лишь горечь неумолимой и неминуемой смерти. И въ жизненномъ шумѣ, при радостныхъ кликахъ и оттолоскахъ жизни, его собственная мысль, отъ которой онъ нигдѣ и ни-

когда не можетъ забыться, отзывается ему, какъ его неумолкаемое memento mori.

Но чѣмъ поразительнѣе явленіе смерти для воображенія, тѣмъ необходимѣе отрѣшиться отъ смуты его, чтобы вникнуть въ дѣйствительное содержаніе того, что именуется смертью, и въ то значеніе, которое оно имѣетъ, или должно имѣть предъ лицемъ разума и предъ судомъ его сознающаго смысла.

И прежде всего, слѣдуетъ понять, что за устраненіемъ всего, что ей придается воображеніемъ и тѣмъ невольнымъ отвращеніемъ, какимъ все живое преисполнено къ мертвому, смерть сама по себѣ, не имѣя никакого собственнаго содержанія, есть собственно, въ ея чисто примитивномъ значеніи, только предѣлъ жизни и, пожалуй, ея общій критерій; такъ какъ умираетъ и можетъ умирать только то, что живетъ.

Но при этомъ нельзя не видѣть, что жизнь не можетъ судиться смертью, такъ какъ ей недостаетъ самаго смысла и содержанія для такого сужденія; и что, напротивъ, смерть должна и можетъ судиться только жизнью. Все содержаніе бытія, вся дѣйствительность и весь смыслъ его — только въ самой жизни: а потому, очевидно, что и значеніе смерти, какъ предѣла жизни, не можетъ быть опредѣляемо ничѣмъ инымъ, какъ только жизненнымъ смысломъ самой же жизни.

Всякій предѣлъ имѣетъ значеніе, лишь чрезъ значеніе того, чему онъ служитъ предѣломъ.

При непониманіи того, что есть жизнь, или безъ самаго понятія жизни невозможно понять, что такое смерть. Всѣ знаютъ, какое явленіе именуется жизнью; но такое знаніе — еще недостаточно и не есть пониманіе жизни въ ея существѣ; а безъ такого пониманія, остается непонятнымъ и значеніе смерти.

Какъ объяснялось выше, — при анализѣ теоретическихъ представленій о всеобщихъ законахъ и единичныхъ явленіяхъ, — жизнь въ ея существѣ есть лишь то вниманіе, которымъ всеобщій разумъ, или необходимый за-

конъ и особая, исключительная единичность случайнаго проявленія бытія (— всеобщая необходимость и атомность единичнаго) взаимно другъ съ другомъ связаны въ безконечную сообразность и въ живую недѣлимость (индивидуальность) единаго смысла саморазумѣнія.

При этомъ, не будетъ излишнимъ повторить, что жизнь, по существу своему, есть безконечность, или то, что для теоретическаго представленія является недоступнымъ и непонятнымъ. Такъ какъ связывая своимъ недѣлимымъ образомъ термины противорѣчія, разъединенные между собою безконечно-великимъ различіемъ или содержаніемъ, она синтетически соображаетъ ихъ другъ съ другомъ и тѣмъ самымъ опредѣляется сама, какъ безконечно великое соображеніе, заключающее въ себѣ то безконечно великое содержаніе, которое въ силу своей безконечности и сдается въ сферѣ отвлеченныхъ представленій противорѣчивымъ.

Въ этомъ значеніи, жизнь есть вся дѣйствительность,— и нѣтъ иной дѣйствительности, кромѣ дѣйствительности жизни.

Возникая изъ хаоса небытія, или безпредѣльной разсѣянности, связующее жизненное начало — *вниманіе бытія* собирается съ собою и приходитъ въ себя въ томъ же порядкѣ постепенности отъ своего наименьшаго проявленія къ наибольшему, въ какомъ совершается всякое развитіе въ существующемъ мірѣ.

Зачинаясь незамѣтнымъ образомъ, безконечно-малою, исчезающею величиною, едва мелькающею искрою сознательности себя и другого, вниманіе растетъ и, прибывая, осуществляетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ различные мотивы міроваго существованія отъ начальнаго низшаго до предѣльнаго высшаго —, въ которомъ оно, какъ въ послѣднемъ заключительномъ аккордѣ своего полнаго развитія, связываетъ собою всѣ безчисленные, разрозненные мотивы бытія съ безконечностью всеобщей, міровой гармоніи въ полную сообразность разума, въ

единый, недѣлимый образъ человѣческой жизни, исполненный завершеннымъ смысломъ саморазумѣнія.

Природа, разумъ, или всеобщій законъ міровой необходимости, есть собственно опредѣляющее назначеніе міра, которое заложено въ немъ, какъ неизгладимый слѣдъ всего, что свершилось и уже сказалось ему во всѣхъ значеніяхъ его безначальнаго и неизмѣримо-великаго прошедшаго. Эмпирическое міровое содержаніе, выражаемое въ безчисленномъ множествѣ и необозримомъ разнообразіи единичныхъ явленій, случайно возникающихъ, мелькающихъ и исчезающихъ въ мірѣ есть его преходящая матерія, предполагающая собою его чувственно и вещественно наступающее и непроницаемое будущее.

Разумъ прошедшаго и матерія будущаго, или всеобщее, необходимое и единично-случайное и представляютъ собою тѣ два термина дѣйствительнаго бытія, которые въ каждомъ изъ особыхъ существованій, сообразуясь взаимно въ мѣру и силою ему присущаго вниманія, связываются другъ съ другомъ въ недѣлимый образъ его индивидуальной жизни.

Разсѣянная въ безчисленныхъ образахъ міра, жизнь и есть его сущность и какъ субъективность саморазумѣнія, она есть безконечность и разумѣется не иначе какъ сама собою. Теорія пытается уразумѣть ее черезъ другое, механически, научнымъ методомъ естествовѣдѣнія, а потому, и приходитъ по необходимости къ заключенію, что сущность міра и вещей — непонятна и непознаваема.

Еслибъ философія задумала познавать химію — логически, априорнымъ методомъ умозрѣнія, она по необходимости пришла бы къ заключенію, что химическія явленія — непонятны и непознаваемы.

Индивидуальная жизнь есть во первыхъ, какъ жизнь вообще явленіе, происходящее изъ всеобщей міровой причины, или изъ природы, которая есть всеобщее основаніе всего, что существуетъ; во вторыхъ, какъ особая жизнь, она же есть и особое проявленіе той особой

причины, того особаго мотива бытія, который, какъ ея особый жизненный смыслъ, таится въ ея назначеніи.

По своему происхожденію отъ двухъ причинъ — отъ общей всеобщей, которая есть природа, или міровое назначеніе, и отъ особой причины, которая есть лишь частный исключительный мотивъ бытія, и лишь особое назначеніе именно для такой жизни, индивидуальная жизнь есть по необходимости двойственное явленіе, преисполненное нѣкоторымъ двусмысліемъ бытія, которое, хотя отчасти и соображено силою ему присущаго конечнаго вниманія въ жизненную цѣлимость или сообразность, но отчасти остается и нѣкоторою несообразностью, по несовмѣстности другъ съ другомъ опредѣленія міровой всеобщей необходимости съ опредѣленіемъ особой единичности случайно существующаго такого или иного образа, при полной возможности безчисленнаго множества еще и иныхъ другихъ индивидуальныхъ образовъ эмпирическаго существованія.

При вопросѣ и спорахъ по поводу происхожденія родовъ и видовъ, участвуетъ тайно теоретически абстрактное представленіе, о томъ, что въ природѣ вещей не должно быть скачковъ.— что все существованіе, подобно непрерывному количеству, должно бы было развиваться безъ всякихъ перерывовъ, однимъ сплошнымъ рядомъ бытія, въ которомъ бы существующее *одно* переходило и измѣнялось въ *другое* лишь безконечно-малыми приращеніями, или только предѣльными, исчезающими величинами такъ, чтобъ нигдѣ и ни въ чемъ не было замѣтныхъ раздѣленій,— не было бы ни видовъ, ни родовъ, ни семействъ, ни классовъ, ни особыхъ областей, или сферъ, чтобъ всѣ различія терялись въ непрерывномъ однообразіи одного и того же, не допуская въ единой цѣлости міроваго развитія никакой выступающей особенности, никакой случайности.

Но такое представленіе о природѣ оказывается лишь крайнею тѣсною теоріи, непостигающей смысла безко-

нечнаго. Въ безконечной сферѣ дѣйствительнаго существованія нѣтъ, да и не можетъ быть такой тѣсноты. Въ ней можно найти достаточныя основанія для ученія непрерывной послѣдовательности трансформизма: но въ ней же можно найти не менѣе достаточныя основанія и для всякихъ другихъ ученій: потому что она исполнена какъ всѣми значеніями единства, такъ и всѣми значеніями различія, и проявляющееся въ ней начало ея всеобщности постоянно прерывается ея же началомъ единичности. Природа міра лишетъ безконечностью и есть не теоретическая, но дѣйствительно божественная природа.

Сливаясь въ одно съ тѣмъ, что именуется началомъ началъ, таинымъ родникомъ и причиною всего существованія, она исполнена всеобщимъ міровымъ разумомъ; но ея разумность не совпадаетъ съ тѣмъ, что въ тѣсноту теоріи разумѣется, какъ механическая необходимость движенія, или равнодѣйствія силъ: и на сколько эта необходимость не охватываетъ ея существа, на столько же въ природѣ,—дѣйствительно и ея иное, въ теоріи о необходимости не подходящее опредѣленіе. Вслѣдствіе чего, природа, не стѣсняясь ни тѣмъ и опредѣляясь лишь безконечностью своего разума, свободно допускаетъ въ своемъ безпредѣльномъ просторѣ и всякую случайность бытія, имѣющую въ ней смыслъ и все значеніе свободы.

Но, предполагая въ своемъ безпредѣльномъ и всеобщемъ значеніи всѣ образы случайнаго и единичнаго существованія, природа есть тѣмъ самымъ и всеобщее отрицаніе всякой исключительности, всякой тѣсной нетерпимости другого; а потому, всѣ эмпирически осуществляемые особые образы, роды и виды жизни являются, по тѣсноту своей исключительности, несообразными, или внѣшними и конечными образами, по отношенію къ безконечности разума всеобщаго мірового бытія. Ихъ внѣшняя несообразность есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ внутренняя несообразность,— или ихъ непосредственная матеріальность, которая не можетъ пребывать, но, какъ преходящая матерія, должна пройти, чтобы стать всею

полнотою сообразности смысла саморазумѣнія; такъ какъ всякаго рода несообразность единичнаго бытія съ бытіемъ всеобщимъ есть ограниченность, при которой ни полноты смысла саморазумѣнія, ни полноты жизни не можетъ состояться.

Вслѣдствіе чего, всѣ эмпирически живущія существа умираютъ; но ихъ смерть является не ради механики, не въ силу безсмыслія, — а только въ силу и во имя смысла самой жизни, при чемъ какъ предѣлъ и разрѣшеніе ея ограниченности, или несообразности; умираетъ не индивидъ, не субъектъ жизни, не недѣлимость терминовъ ея всеобщности и ея единичности, ея необходимости и ея случайности, не то, что живетъ, а только то, что его не пускаетъ, что ему препятствуетъ жить всею полнотою и всѣмъ смысломъ жизни.

Какъ недѣлимость термина всеобщности и необходимости съ терминомъ единичности и случайности, какъ дѣйствительный синтезъ того, что представляется противорѣчіемъ, — а на самомъ дѣлѣ есть безконечность бытія, — всякая жизнь, есть по самому существу, нѣкоторая степень обособленія міровой всеобщности разума, которая на сколько она вмѣщается въ особомъ мотивѣ эмпирическаго существованія, на столько и проявляется въ его жизни, какъ ея особое, ея присущее назначеніе. На сколько же міровая всеобщность разума не вмѣщается въ особомъ мотивѣ жизни и не становится смысломъ ея назначенія, на столько она остается для ней ея внѣшнею, ея неизбѣжною судьбою, которая при исходѣ существованія и предстоитъ всякому живому существу въ образѣ его неминуемой смерти.

Нигдѣ, ни въ чемъ не находя имъ равнаго, адекватнаго существованія, всюду встрѣчая только другое, особенное и исключительное бытіе, всеобщій разумъ міра, которымъ собственно и есть его сущность, или природа, живетъ и дышетъ лишь неизмѣримо-великимъ образомъ той міровой напряженности, съ какою онъ творитъ, держитъ и стираетъ съ лица земли, обращая въ прахъ, вся-

кое единичное существованіе, которое, по съѣси тѣлотъ и исключительности, не въ силахъ вмѣстить его, бурею и грозою надъ міромъ проходящаго, пламеннаго дыханія.

Внѣшность міра, или самое общее проявленіе природы, какъ стихійно-разсѣянная матерія,—среда и условіе всего міроваго существованія,—осуществляясь въ пространствѣ и во времени, въ видѣ своеобразныхъ сочетаній, скопленій и нагроможденій неорганическаго вещества, есть по безразличности самое общее, физически-абстрактное и съ тѣмъ вмѣстѣ самое поверхностное, эмпирическое бытіе, которое, будучи повидимому не столько присутствіемъ, сколько отсутствіемъ жизни, проявляется лишь въ неослабно-напряженномъ стремленіи вещества къ его механическому и химическому равновѣсію.

По неустойчивости системъ равновѣсія, достигаемыхъ напряженіемъ вещества, оно, находясь въ непрерывномъ движеніи и измѣненіи, постоянно переходитъ изъ одного образа бытія въ другой, то по направленію къ большему обобщенію, то, наоборотъ, по направленію къ большему обособленію.

Но при всей неустойчивости, при всей измѣнчивости образовъ, какіе воспринимаетъ вещество, о его смерти не бываетъ и не можетъ быть рѣчи;—такъ какъ не бываетъ и не можетъ быть рѣчи о его жизни.

Въ неорганическомъ веществѣ умирать—некому. Потому, никто и не помышляетъ о жизни вещества; въ немъ совершенно отсутствуетъ и будто вовсе нѣтъ того, что было бы способно жить и умирать. Къ своему наличному образу бытія, съ его запаснымъ, или отсутствующимъ смысломъ, вещество относится какъ бы вполнѣ безучастно, и переходитъ изъ одного въ другой съ полнѣйшимъ равнодушіемъ: ему какъ будто все равно и вполнѣ безразлично—быть такъ или иначе; нагрѣется ли оно отъ жара, или стынетъ отъ холода, проявляется ли оно звукомъ, тепломъ, свѣтомъ, или напряженіемъ

электричества, химизма, механизма, оно во всѣхъ состояніяхъ, во всякой системѣ равновѣсія, сохраняя равенство силъ, есть или не есть, находится или не находится, и скорѣе всего теряется, или таится, какъ самое общее, самое безразличное и самое абстрактное бытіе, неизмѣнно пребывающее тожествомъ одной и той же мѣры, одного и того же вѣса.

Въ мірѣ растительномъ и въ мірѣ животныхъ,—сначала въ неопредѣленныхъ образахъ того, что можно назвать скорѣе общею жизненностью, нежели жизнью, а затѣмъ, и въ отчетливо обособленныхъ образахъ индивидуальности,—дѣйствительность бытія въ живомъ смыслѣ самоотношенія осуществляется проявляется уже очень замѣтною и явною жизнью.

Уже и растенія, и тѣмъ болѣе животныя несомнѣнно живутъ и умираютъ; въ нихъ уже явно есть и чему жить, и чему умирать.

Въ растеніяхъ, еще слабо, — разсѣянно-пангенетически, но въ животныхъ, и особенно въ болѣе развитыхъ животныхъ, уже вполнѣ опредѣленно и очень внимательно, выступаетъ ихъ живущая, недѣлимая особь, или индивидуальность, какъ несомнѣнный субъектъ жизни.

Но при всемъ томъ, не только разсѣянная, слабо обособленная индивидуальность растительной жизни, но и вполнѣ сосредоточенная, твердо обособленная индивидуальность жизни животной, пребывая въ типической общности ботаническихъ или зоологическихъ опредѣленій, не достигаютъ самобытности личнаго опредѣленія и остаются лишь нѣкоторымъ общимъ образомъ—породою растительности или столь же общимъ образомъ, — породою животности.

Растительность можетъ служить символомъ чистѣйшей пассивности, или начала несопротивленія злу: она всюду распространяется, произрастаетъ, зеленѣетъ, приспособляясь ко всякой сферѣ, ко всякимъ условіямъ, при которыхъ можетъ произрастать: она все терпитъ, все

переносить, всѣмъ довольна, ни на что не жалуется, — всегда готовая жертва всѣмъ и каждому, — лишь бы ей дали позеленѣть. Но, при столь пассивномъ и выносливомъ упорствѣ произрастанія, никто не можетъ ни выяснить, ни высказать,—что ея надо, чего она ищетъ, чего добивается, къ чему стремится, такъ безпредѣльно и такъ неустанно разростаясь.

О веществѣ неорганическомъ все же можно сказать, что, падая, оно стремится къ центру положенія и равновѣсія, и такъ какъ оно, понятному, кромѣ своего положенія, кромѣ равновѣсія въ мірѣ ничего другого не имѣетъ, то до нѣкоторой степени, представляется понятнымъ, что оно старается занять привиллегированное, спокойное положеніе, изъ котораго ему ужъ незачѣмъ и некуда падать.

Но о растительномъ бытіи и этого нельзя сказать: оно растетъ въ безпредѣльность, ни до чего, никогда не доростая.

Животность, наоборотъ, можетъ служить символомъ активности: она всюду, неустанно, дѣятельно, неусыпно озабочена тревожнымъ, никогда недремлющимъ инстинктомъ индивидуальнаго или видоваго самосохраненія. Хотя при этомъ, само животное едва ли помышляетъ о томъ, *что* и зачѣмъ оно такъ бережно хранитъ, сохраняя себя.

Въ организаціи животныхъ отъ ея низшихъ до ея высшихъ образованій, наблюдается постепенность поступательнаго развитія и усовершенствованія; что и даетъ возможность говорить о прогрессѣ животной жизни. На высшихъ степеняхъ развитія, она является съ болѣе обширнымъ кругомъ своихъ отношеній къ внѣшней средѣ и съ лучшими приспособленіями для удовлетворенія своихъ жизненныхъ потребностей; вслѣдствіе чего, въ борьбѣ за существованіе, животное достигаетъ успѣшнѣе то, что требуется его самосохраненіемъ. Но то, что животными сохраняется, какъ при высшей, такъ и при низшей степени ихъ органическаго развитія, ихъ средствъ и способностей, есть собственно одно и то же общее со-

держаніе животной жизни, которое, при томъ, особенно успѣшно соблюдается не столько отличными качествами и способностями, или собственнымъ умомъ животнаго, сколько количествомъ его нарождающихся особей, силою его воспроизводительности, или — не его индивидуальною, но его родовою способностью.

Конечно, для воображенія, при сравненіи жизни льва въ горячей, африканской пустынѣ, съ жизнью клопа въ непріятно содержимой кровати, та и другая представляютъ громадное различіе: жизнь перваго исполнена грознымъ величіемъ, дикою поэзіею: тогда какъ жизнь втораго есть лишь непристойная, скверная пошлость, или гадость. Но это — только для воображенія; а въ зоологической реальности, жизнь одного не больше, не выше, и не меньше, не ниже жизни другого; и та, и другая — одинаково кровожадны, и указать на какое либо серьезное или реальное преимущество одной передъ другою нѣтъ ни малѣйшей возможности.

Если для опредѣленія, — кому изъ двухъ живется лучше или слаще, взять мѣрою чувство ими испытываемаго удовольствія или наслажденія, то, кто знаетъ, — очень можетъ быть, что преимущество окажется не на сторонѣ благородной, но на сторонѣ подлой твари. Точно измѣрить это — едва ли возможно.

Въ сферѣ современнаго, научнаго міровоззрѣнія большимъ значеніемъ пользуется ученіе о происхожденіи родовъ и видовъ: этимъ ученіемъ въ противоположность старому, академическому, предполагается, что всѣ виды и роды какъ растеній, такъ и животныхъ произошли и развились чрезъ постепенную дифференціацію изъ одного общаго родника всей міровой жизни.

И конечно, не только можно, но и должно признать, что существованіе человѣка, животныхъ, растеній, а также всего, что существуетъ еще ниже, за предѣлами растительной жизни, — въ образахъ неорганическаго вещества, — имѣетъ своимъ общимъ родникомъ бытія, или своею общею причиною, изъ которой оно истекаетъ,

какъ ея особенное проявленіе, то, что прошло и сбылось предъ нимъ, — или безначальное прошедшее всего міра.

Въ этомъ отношеніи, человѣкъ, животныя, растенія и все другое — и минералы, и жидкости, и газы, и всякое вещество вообще, происходя изъ одного, имъ всѣмъ общаго родника, какъ явленія одной, всемірной причины, — совершенно однородны и вполнѣ равны другъ другу.

Но за тѣмъ, помимо громаднаго различія царства растительности отъ царства животныхъ, каждымъ особымъ растеніемъ и каждымъ особымъ животнымъ повторяется и воспроизводится непремѣнно его особый родъ и видъ, его особый мотивъ бытія, который, находясь въ каждой особи, какъ ея особое назначеніе, имѣетъ своею особою, ближайшею причиною, то непосредственное прошедшее, которое, какъ его особое, наслѣдственное достояніе, есть исключительно его собственное, видовое прошедшее.

А поэтому, тожественность происхожденія родовъ и видовъ имѣетъ лишь совершенно абстрактное значеніе общаго и безразличнаго бытія, которое и подтверждается лишь въ общемъ удѣлѣ всѣхъ растеній и животныхъ, — въ томъ, что всѣ они одинаково умираютъ, что ни одно изъ нихъ не можетъ избѣжать ихъ постигающей смерти.

А различіе не только растительной и животной жизни вообще, но и каждаго изъ особыхъ родовъ и видовъ растенія и животнаго, имѣетъ вполнѣ конкретное значеніе особаго, опредѣленнымъ образомъ различеннаго бытія, которое очень устойчиво и подтверждается опредѣленною разнообразностью всего ихъ существованія.

Замѣчая нѣкоторыя колебанія, или нѣкоторую неопредѣленность въ опредѣленіяхъ существующихъ вещей, абстрактно-теоретическое мышленіе полагаетъ возможнымъ отдумать, — т. е. мысленно отмѣнить до извѣстнаго предѣла всѣ ихъ различія, и видитъ въ этомъ ве-

ликій прогрессъ. Но по невозможности отдумать эти различія въ конецъ, до крайняго, послѣдняго предѣла, оно тѣмъ самымъ *достигаетъ не дѣйствительное единство, а только полное смѣшеніе всѣхъ вещей: и ни мало не разъясняя сложности въ нихъ ихъ всеобщей природы съ ихъ особою, единичною природою, только громоздитъ новое* — на уже бывшее старое недоразумѣніе; вслѣдствіе чего, то, что уже было темно и непонятно, становится лишь еще темнѣе и еще непонятнѣе.

Демократическое расположеніе отрицать всякое значеніе, всякую сущность въ особности, выражается въ монистическомъ направленіи современнаго міровоззрѣнія; при немъ представленіе о единствѣ, или собственно о тожествѣ всего мірового содержанія становится преобладающимъ, а потому, всѣ его различія представляются несущественными, чисто внѣшними и лишь случайными видоизмѣненіями одного и того же. При демократической теоріи о всеобщей необходимости, уравнивающей все міровое содержаніе, приходится къ чему нибудь пріурочить и аристократизмъ его случайной и самобытной особности. А такъ какъ пріурочить ее некуда, то и приходится все особенное относить къ несущественной случайности, которую можно и должно отдумать, какъ будто ея нѣтъ. Но при этомъ, не мѣшало бы помнить, что высшія обобщенія приближаются къ пустотѣ, — что чрезъ отвлеченіе путемъ отдумыванія находимыхъ въ мірѣ различій и особенностей, можно отдумать весь міръ со всѣмъ его содержаніемъ: тогда и думать будетъ уже не о чемъ.

Въ современномъ направленіи научнаго позитивизма, при помощи тонкаго экспериментальнаго анализа и на основаніи великихъ обобщеній, при которыхъ жизненный смыслъ мало чѣмъ отличается отъ силы механизма, теорія всеобщности бытія получила преобладающее значеніе, и теоретизмъ міровоззрѣнія развивается до такой всеобъемлющей общности всего со всѣмъ, что въ ней исчезаютъ всѣ различія и всякое содержаніе; остаются

лишь пустыя схемы, изъ за которыхъ въ міровомъ существованіи уже не видать ни его особенностей, ни его индивидуальностей, и все представляется лишь безпредѣльною пустотою.

Впрочемъ, если, не предаваясь теоретизму, пользоваться живымъ непосредственнымъ наблюденіемъ, при которомъ смыслъ жизни различается во всемъ своеобразіи каждое изъ особыхъ проявленій жизни, то вполнѣ очевидно, что индивидуальность растенія есть чисто формальная. Какъ и многіе изъ низшихъ животныхъ организмовъ, растеніе не есть нераздѣльное одно; оно напротивъ очень удобно дѣлится, и какъ раздѣльное, какъ очень многое въ себѣ самомъ, есть гораздо болѣе растительность вообще, нежели именно — это, одно растеніе.

Оно — одно лишь формальнымъ образомъ; такъ какъ оно не собрано въ себѣ къ своему единству съ собою вниманіемъ своей растительной жизни, напротивъ, — растеряно въ неопредѣленномъ множествѣ жизненныхъ точекъ ея разсѣянностью.

Растенію нѣтъ никакой надобности и вовсе не требуется быть собою именно въ этой особи, которая для него только предлогъ, только условіе или почва бытія, а не самое бытіе. Вполнѣ довольствуясь быть растительностью вообще, растеніе пребываетъ безъ всякаго участія, совершенно безразлично въ этой ли, или въ другой особи; и потому, когда оно, высыхая, умираетъ, какъ эта особь, какъ этотъ экземпляръ бытія, умираетъ только этотъ экземпляръ, а не оно само; въ своемъ общемъ растительномъ смыслѣ, оно не умираетъ, а продолжаетъ жить, какъ и прежде жило общимъ, безпредѣльнымъ образомъ растительности вообще.

Значеніе и сила смерти дѣйствительны только по отношенію къ жизни обособленной именно въ этой, случайной, исключительной единичности, — именно въ этой особи бытія; и не касаются вовсе до жизни растенія, которое, живя не особью, но разсѣянно, остается не-

улыбнымъ и всегда ускользаетъ отъ смерти въ силу безпредѣльной разсѣянности своего существованія.

Животное является во всѣхъ отношеніяхъ совершенною противоположностью растенія; оно преисполнено въ себѣ особымъ, опредѣленнымъ мотивомъ бытія, который, какъ ему присущій смыслъ его особаго назначенія, опредѣляя всю цѣлость его существованія и всѣ его отношенія ко внѣшней средѣ, проявляется въ его неослабномъ вниманіи, какъ къ себѣ самому, къ своей особой природѣ и ея потребностямъ, такъ и къ природѣ всего другого, всего того, съ чѣмъ оно связано опредѣленнымъ образомъ своей жизни.

Вниманіе животныхъ выражается вполнѣ очевидно въ животномъ инстинктѣ самосохраненія, которымъ они все другое, все, до чего имѣютъ дѣло, или отношеніе, очень внимательно соображаютъ съ собою, или съ потребностями своей животной природы.

Въ этомъ отношеніи, рѣзко выступаетъ различіе между пассивностью растенія и активностью животнаго: первое — только приправливается къ средѣ другого, второе, если до нѣкоторой степени и приспособляется къ природѣ другого, то, главнымъ образомъ, своими намѣренными дѣйствіями, своими волевыми актами и поступками оно приспособляетъ другое къ себѣ и пользуется имъ для достиженія своихъ сознательныхъ цѣлей.

Растеніе, можно сказать, живетъ не въ себѣ самомъ, не внутри, а болѣе снаружи и на поверхности всего другого; не проникая въ глубь его существа, оно не вѣдаетъ его внутренней природы своимъ поверхностнымъ прикосновеніемъ. Его формальная, на поверхности всего другого разсѣянная индивидуальность – не замѣтна, не слышна, безнамѣренна, безстрастна и является болѣе внѣшнимъ обликомъ, нежели дѣйствительностью жизни; этотъ обликъ и ускользаетъ отъ смерти, которая по его безпредметности нигдѣ, ни въ чемъ никогда не успѣваетъ схватить его.

Животное, напротивъ, собрано въ себѣ самомъ и

живетъ внутри себя; въ своихъ отношеніяхъ къ другому оно, не довольствуясь его поверхностью, проникаетъ въ самую глубь его существа и вѣдаетъ его внутреннюю природу своимъ внутреннимъ индивидуальнымъ образомъ бытія. А потому, и его индивидуальность не пребываетъ только формальною, но исполнена вниманіемъ, знаніемъ, аффектами и выражается громко и слышно въ страстныхъ порывахъ его желаній, его наслажденій и его страданій.

Но за то, въ противоположность растенію, которое по безразличности своей неопредѣленной, растительной жизни, примыкаетъ ко всякой средѣ, срастается съ нею и пассивно обобщается со всѣмъ другимъ, животное, замыкаясь съ собою въ своей исключительной особенности бытія, обращаетъ ея ограниченность въ самое существо свое.

Въ силу такой ограниченности, и жизненный смыслъ животнаго, утрачивая значеніе всеобщности, съуживается въ тѣсный инстинктъ самосохраненія, который, какъ потокъ прорывающійся сквозь тѣснину, и простираетъ съ неудержимою и неуклонною силою, съ страстнымъ порывомъ въ одномъ исключительномъ, фатально предназначенномъ направленіи.

По существу своему, инстинктъ животныхъ есть тотъ же разумъ; но за утратою всеобщности, какъ разумъ ограниченный, или какъ самая ограниченность разума, онъ, подъ именемъ инстинкта, всегда противополагался дѣйствительному или всеобщему разуму; такъ что въ отличіе отъ человѣка, животныя назывались неразумною тварью, неразумными животными, которыя живутъ лишь твердо опредѣленнымъ и ограниченнымъ образомъ жизни, который въ нихъ вложенъ природою и не подлежитъ измѣненію.

А потому и вся цѣлость существованія животныхъ, или самая животность выражается гораздо болѣе тѣснотою и границею, нежели смысломъ и сущностью жизни.

Изъ великаго множества зоологически-различныхъ, животныхъ породъ каждая живетъ своимъ, ей свойственнымъ образомъ; но это своеобразіе и есть именно не индивидуальное, но только общее и родовое. Образъ и порядокъ жизни каждой особи опредѣляются съ точностью не ею самою, а только ея породою, — не въ силу ея индивидуальнаго опредѣленія, а лишь какъ ея породѣ свойственно жить.

Стадный порядокъ жизни многихъ изъ животныхъ нерѣдко приравнивается къ общественности человѣка: что объясняется или тѣмъ, что внѣшній признакъ принимаютъ за самую сущность, или же намѣренною тенденціозностью сужденія, ради обобщенія всего человѣческаго съ животностью.

Но между обществомъ человѣка и стадностью животныхъ — громадное различіе въ томъ, что порядки, отношенія и связи перваго, какъ бы они ни были естественны, строются, мѣняются и разрушаются въ силу господствующихъ понятій людей о справедливости, а порядки, отношенія и связи второй непзмѣнно опредѣляютея лишь силою природы, которая не допускаетъ въ своемъ дѣлѣ никакихъ умствованій, никакихъ толковъ о справедливости или несправедливости.

Поэтому, въ виду нестройности неустойчивыхъ порядковъ въ человѣческомъ обществѣ, стадное общежитіе животныхъ отличается очень выгодно своею непзмѣнною устойчивостью, стройностью, — по мнѣнію нѣкоторыхъ, пожалуй—и своимъ благообразіемъ, если только ограниченность смысла можно признать за благообразіе.

Какъ бы ни жили животныя, — поодиночно или стаднымъ порядкомъ, — ихъ жизнь, отличаясь гораздо болѣе однообразіемъ, нежели благообразіемъ, представляетъ собою при всѣхъ различіяхъ организаціи, породъ, среды, условій и способовъ существованія *одно и то же содержаніе*, которое съ точностью опредѣляется зоологіею и состоитъ въ удовлетвореніи органическихъ потребностей питанія и самовоспроизведенія. Это *одно*

и тоже всякой животной жизни, неизмѣнно повторяясь, воспроизводится въ безпредѣльность все въ томъ же порядкѣ, какъ законъ физическій, въ каждой породѣ животныхъ, во всѣхъ индивидахъ ея, сквозь всѣ поколѣнія; такъ что въ жизни, какою живутъ животныя особи, собственно нѣтъ никакого различія: онѣ живутъ изъ рода въ родъ, одна какъ другая, все тою же самою животною жизнью.

Порода и самый индивидъ животнаго состоятъ другъ къ другу въ отношеніи подобномъ тому, какое мыслится между грамматическимъ правиломъ и его примѣромъ, или — между общимъ закономъ и его единичнымъ явленіемъ. Какъ примѣръ бытія, какъ частное явленіе, индивидъ представляетъ собою лишь несущественное и случайное бытіе, котораго, не важно, если бъ и не было вовсе: такъ какъ оно вполнѣ замѣняется другимъ, совершенно такимъ же. Сущность его находится не въ немъ, а только въ его породѣ, представляющей самый законъ, или общее правило его бытія.

Вслѣдствіе чего, животная жизнь, какъ нѣкоторая тѣснота и граница всеобщаго, жизненнаго смысла, имѣя въ себѣ лишь общее значеніе зоологическаго опредѣленія, осуществляется не столько въ единичной особи, сколько въ общности, или въ породѣ, — въ родѣ и въ племени животнаго.

При жизни животнаго, въ немъ живетъ не оно само, — не его индивидуальность, а только его родъ, его общее зоологическое опредѣленіе, которое есть вообще лишь нѣкоторая общность бытія, или нѣкоторая теорія; при ней, ею опредѣляемое содержаніе состоитъ не само собою и не въ своемъ собственномъ, самобытномъ значеніи, а лишь въ посторонненемъ, совершенно общемъ значеніи его примѣрнаго, чисто-случайнаго, единичнаго выраженія.

Такимъ образомъ, въ силу своего зоологическаго опредѣленія, животное — особь, какъ носитель такаго опредѣленія, оказывается въ цѣлости своего существованія лишь ходячею теоріею; при чемъ, все дѣло его

жизни вовсе не въ немъ самомъ, вовсе не въ томъ, что оно въ себѣ чувствуетъ, знаетъ, любитъ, хочетъ, — а только въ точномъ осуществленіи той общей теоріи бытія, при которой оно состоитъ лишь какъ примѣръ, подчиненный ея правилу, само не вѣдая того, чему оно служитъ примѣромъ.

Жить, — т. е. быть смысломъ саморазумѣнія, и находиться стѣсненнымъ и замкнутымъ въ общность нѣкоторой, ограниченной теоріи бытія, есть непомѣрный педантизмъ и величайшая несообразность состоянія; потому что въ соприкосновеніи съ смысломъ жизни всякая обобщенность теоріи есть лишь невыносимая грубость и нестерпимая банальность бытія.

А между тѣмъ, эта самая грубость, эта самая банальность и господствуютъ надъ жизнью животныхъ, какъ неизмѣнное правило и непреложный законъ ихъ отвлеченнаго существованія.

А потому и Р. Декартъ былъ не совсѣмъ неправъ, утверждая, что животное въ самомъ существѣ своемъ есть машина: когда оно чувствуетъ, любитъ, порывается, желаетъ, умоляетъ, радуется или страдаетъ, то въ этомъ — не чувство, не любовь, не порывъ, не желаніе, не радость, не страданіе, не душа, а только механика, только различныя вибраціи первыхъ элементовъ.

И если такая теорія и претитъ живому человѣку, то только потому, что его разумъ свободенъ отъ ея тѣсноты; вслѣдствіе чего, онъ способенъ живымъ смысломъ своимъ видѣть содержаніе жизни и за предѣлами ея подавляющаго педантизма и тѣсныхъ обобщеній.

Но во всякомъ случаѣ, не заключаясь ни въ теоретической общности зоологическихъ опредѣленій, ни въ эмпирическомъ содержаніи ихъ единичныхъ проявленій, душа животныхъ замкнута смутнымъ образомъ животной, неразумной жизни и имѣетъ лишь очень темное, почти сомнительное значеніе.

Ограниченное тѣмъ особымъ мотивомъ бытія, который составляетъ его ближайшее опредѣленіе, животное,

не переступаетъ за его предѣлы и не вѣдаетъ ничего другого,— ничего лежащаго за тѣснымъ кругомъ существованія, опредѣляемаго ему его особымъ назначеніемъ.

И чѣмъ менѣе животное вѣдаетъ другое, тѣмъ болѣе вѣдается оно само тѣмъ другимъ, которое ему остается невѣдомымъ.

Смыслъ особаго назначенія, проявляющійся въ инстинктѣ самосохраненія животнаго, есть въ немъ имъ усвоенное особое опредѣленіе его природы, которое переходитъ, какъ явленіе отъ причины, изъ его особаго, непосредственно къ нему ближайшаго прошедшаго, изъ исторіи происхожденія его породы. Въ силу такого происхожденія всякое животное воспроизводитъ въ себѣ преемственно лишь природу своихъ производителей.

Но воспроизводя въ себѣ изъ своего особаго прошедшаго его особый смыслъ, какъ свою природу или какъ свое назначеніе, которыми каждое животное отличается отъ всѣхъ другихъ, оно происходитъ притомъ также и отъ всеобщей причины всего мірового бытія и всѣхъ существъ въ мірѣ, — не только отъ своего ближайшаго, особаго, но и отъ всеобщаго мірового прошедшаго; вслѣдствіе чего, кромѣ своей особой, ему исключительно собственной природы, оно причастно также вмѣстѣ со всѣми существами живущими въ мірѣ и къ общей имъ всѣмъ природѣ.

Общая природа всего живущаго и существующаго есть всеобщій смыслъ, или всеобщее опредѣленіе мірового бытія, міровой жизни.

Но всеобщій смыслъ мірового бытія, или безначальнаго прошедшаго всего міра, не вмѣщаясь въ тѣснотѣ опредѣленія, которымъ живетъ животное, какъ его собственное назначеніе, остается для него внѣшнею стороною бытія и вступаетъ въ его существованіе, какъ нѣчто ему *чуждое и другое*, котораго оно не вѣдаетъ, но которымъ оно вѣдается.

Это чуждое, другое и невѣдомое, которымъ животное вѣдается, во власть котораго оно предано, какъ внѣш-

нее тѣло, есть, по отношенію къ исключительной особности и ограниченности его животной жизни, вообще вся внѣшность, или всеобщее бытіе, имѣющее лишь чисто абстрактное значеніе быть вообще, только не этимъ исключительнымъ, не этимъ особымъ и единичнымъ образомъ бытія.

Другое или вообще внѣшнее, въ силу своей всеобщности преобладаетъ надъ всякою исключительною особностью; поэтому, и животное, какъ это особенное животное, живетъ какъ будто не оно само, а лишь какъ проявленіе всего другого,—самаго общаго, всѣмъ извѣстнаго, всюду распространеннаго, самаго заурядnаго бытія.

Теряясь своею исключительною особностью въ самыхъ общихъ и совершенно внѣшнихъ опредѣленіяхъ всего другого существованія, животное, при всемъ стремленіи быть собою, не достигаетъ дѣйствительной самобытности и не становится дѣйствительною особью бытія; какъ единица, индивидуально, оно есть совершенно то же самое, что и всякая другая единица того же рода и вида, и отличается отъ животныхъ другого рода не самимъ собою, а только различіемъ своего рода и вида.

Индивидуально, въ животномъ нѣтъ ничего своего,—нѣтъ вовсе оригинальности. На каждый признакъ, или случай, которые сдаются въ животномъ оригинальностью или самобытностью, тотчасъ указываютъ, какъ на замѣчательныя анекдоты, какъ на удивительную, изъ ряда вонъ выходящую странность. Потому что, если не вдаваться въ тотъ, съ какимъ пересказываются тѣ удивительные и нерѣдко совсѣмъ невѣроятные анекдоты, то съ общей зоологической точки зрѣнія, на какой бы высотѣ развитія ни стояло животное, ни одно изъ нихъ не выдѣляется ни на одинъ мигъ изъ той заурядной общности, изъ той теоретической тѣсноты бытія, которыми опредѣляется вся цѣлость ихъ зоологически-животнаго существованія.

Жить значитъ быть самимъ собою. — быть смысломъ саморазумѣнія.

Но тѣсная ограниченность, въ которую жизненный смыслъ замкнутъ въ животномъ существованіи, конечно, не есть полнота жизни, а только ея общая, теоретическая конвенціональность, или граница, которая, не допуская, чтобъ жизнь исполнилась своимъ собственнымъ значеніемъ самобытности, обращаетъ ее въ типъ, или въ зоологическій знакъ, исполненный не своимъ значеніемъ, а только значеніями всего другого; вслѣдствіе чего, для себя и въ себѣ самой, жизнь животныхъ и проявляется страстнымъ, но ничего недостигающимъ порывомъ бытія,—нескончаемымъ, томительно-однообразнымъ повтореніемъ и воспроизведеніемъ вновь все той же самой несообразности быть смысломъ саморазумѣнія, отмѣченнымъ навсегда ограниченностью.

Еслѝбъ животное, оставаясь животнымъ, могло судить о себѣ и о томъ опредѣленіи, подъ которымъ развивается его животное существованіе, оно, конечно, безъ малѣйшихъ колебаній, примкнуло бы всѣмъ существомъ къ ученію Шопенгауэра и вполнѣ согласилось бы съ нимъ въ томъ, что жизнь есть величайшее несчастіе,—что избавиться отъ нея есть единственное благо.

Но животное объ этомъ не можетъ судить; его сужденіе не достигаетъ до себя самого.

Пребывая и въ себѣ самомъ — только другимъ и не сознавая противорѣчія своей животной жизни, оно не сознаетъ и ея несчастія; потому что оно ограничено, потому оно и не вѣдаетъ о своей ограниченности и пребываетъ во всѣ дни своего существованія вполнѣ имъ довольнымъ: что ему не вмѣняется, того оно и не вмѣняетъ себѣ и, какъ и остальная, неодушевленная природа, остается во всемъ, всегда вѣрнымъ себѣ и своему назначенію; и еслѝбъ человѣкъ могъ забыть свое человѣчество и стать какъ животное, онъ, и не отказываясь отъ жизни, былъ бы и счастливъ, какъ животное.

Не зная человѣческихъ притязаній, животное ра-

дуется своею жизнью и не находитъ въ ней ничего несообразнаго. Ея несообразность относится не къ ней самому, а только къ стоящей надъ нимъ общей теоріи животнаго бытія. До него самого она и не можетъ коснуться, такъ какъ его самого нѣтъ ни въ зоологической теоріи, мыслимой какъ законъ его бытія, ни въ эмпирическомъ явленіи, исполняемымъ не его самобытностью, а только ему самому посторонними содержаніемъ всего внѣшняго, всего другого.

Всякая жизнь есть вниманіе, которымъ живущее существо, сосредоточиваясь съ собою, выходитъ изъ внѣшности и, находя средоточіе и основаніе своего бытія въ себѣ самомъ, является полнотою самобытности, или свободы.

Въ силу своего вниманія, животное исполнено инстинктомъ самосохраненія. Но его вниманіе недостаточно; замкнутое въ своей ограниченной исключительности противъ всеобщности бытія всего другого, оно и въ себѣ самомъ не достигаетъ себя самого,— не достигаетъ всеобщности своей свободы въ себѣ самой сосредоточенной личности, но остается разсѣяннымъ въ чувственной внѣшности своего эмпирическаго существованія.

За послѣднее время, при всякомъ случаѣ, какъ только рѣчь заходитъ о природѣ человѣка и человѣческаго общества, современные мыслители и сторонники такъ называемаго научнаго метода принимаются толковать о двигательныхъ, чувствительныхъ и задерживающихъ нервахъ, и нервныхъ узлахъ, и рефлексахъ мозга, о сѣромъ мозговомъ веществѣ, о локализаціи мозга, объ удивительно-сложныхъ аппаратахъ, о клѣточкахъ, о тканяхъ, объ акціяхъ и реакціяхъ, и о разныхъ разностяхъ, которымъ нѣтъ числа, и распространяясь безъ конца о всемъ другомъ, при обстоятельномъ изложеніи столь необычномногаго, совершенно забываютъ объ одномъ,— о жизненномъ, субъективномъ смыслѣ саморазумѣнія, какъ будто его совсѣмъ нѣтъ и никогда и не бывало, какъ будто

онъ совершенно растерялся и разсѣялся въ неперечислимомъ множествѣ элементовъ всякаго другого содержанія.

Конечно, если имѣть въ виду только животнымъ присущій смыслъ, то такая рѣчь о многомъ другомъ вмѣсто одного, которое есть самая сущность животной жизни, можетъ до нѣкоторой степени находить свое оправданіе въ томъ, что жизненный смыслъ саморазумѣнія животныхъ, хотя онъ неизмѣримо болѣе этого другого, которымъ онъ заслоняется, дѣйствительно, не достигая себя самого, какъ будто затерянъ въ этомъ другомъ, ему внѣшнемъ содержаніи.

Но эта затерянность жизненнаго смысла животныхъ, или та исключительная ограниченность, въ которой онъ замкнутъ животностью, въ ея непрестанномъ, тѣсномъ и чувственномъ соприкосновеніи со всѣмъ другимъ, или съ тою внѣшностью міра, которая по отношенію къ нему есть всеобщность мірового бытія, не пребываетъ вѣчно, но стирается и пропадаетъ: съ нею пропадаетъ, или умираетъ, конечно, и животное, но умирая, оно въ смерти своей достигаетъ той всеобщности, которой ему недоставало при жизни.

Поэтому, дѣйствительный смыслъ саморазумѣнія, какъ его свобода или освобожденіе отъ всего другого, — отъ его загромождающаго внѣшняго содержанія, имѣемаго въ виду современными мыслителями-филологами, проявляется не столько жизнью, сколько смертью животныхъ.

Онъ не можетъ пребывать въ тѣснотѣ своей исключительной ограниченности, онъ необходимо долженъ освободиться отъ ней, чтобы быть самимъ собою.

То всеобщее, которое есть истинная, всеобщая причина всего существующаго, которое и предстоитъ животному въ образѣ всего другого, которато оно само не вѣдаетъ, но которымъ оно непрерывно во всемъ вѣдается, и открывается ему, наконецъ, въ своемъ собственномъ образѣ, какъ смерть, какъ абстрактное отрицаніе всякой исключительной особности и ограниченности.

Дѣйствительность животнаго, по разсѣянности смысла его жизни во всемъ другомъ, лишь теряется, когда оно живетъ, и находится вполнѣ, лишь когда оно умираетъ; потому что абстрактно-чувственная единичность, или самая животность, имѣетъ своимъ необходимымъ дополненіемъ абстрактно-отвлеченную всеобщность, или смерть.

Животное умираетъ; въ его смерти исполняется судьба его; своею смертью оно должно познать тотъ всеобщій законъ бытія, котораго оно не вѣдало и не могло вѣдать своею жизнью, потому что при жизни оно еще не было вполнѣ самимъ собою; но поэтому же, оно и при смерти умираетъ не само собою,—не смысломъ всеобщаго бытія, котораго въ немъ недоставало, а только общимъ зоологическимъ опредѣленіемъ, которое и было ограниченною исключительностью его животнаго существованія. Оно жило не само собою, а только вообще, какъ такая порода животнаго, а потому, оно и умираетъ только вообще; а такъ какъ за безличною общностью того, что въ немъ жило, нельзя указать и что въ немъ умерло, то можно съ полнымъ правомъ думать, что съ его смертью въ немъ ничто, или никто не умираетъ.

До самой смерти его, въ немъ жила лишь теоретическая общность его зоологической породы, которая, какъ единственный мотивъ его бытія, живетъ тѣмъ же самымъ животнымъ порядкомъ и послѣ смерти его; къ счастью или къ сожалѣнію, общая животность бытія не умираетъ, но продолжается и воспроизводится непрерывно, никогда не доживая до конца, никогда не достигая своего полнаго, завершающаго заключенія.

По своей исключительности, по своей безучастности ко всему другому, жизнь животныхъ, обособленная въ своемъ животномъ одиночествѣ бытія, протекаетъ съ опредѣленною скоростью, подобно протекающимъ ручьямъ, рѣчкамъ или рѣкамъ, теченіе которыхъ прекращается, какъ скоро они достигаютъ океана, въ который изливаются и въ которомъ находятъ высшую степень и пол-

ноту своего равновѣсія. Такой океанъ для теченія жизни животныхъ есть ихъ смерть: въ ней прекращается неравновѣсіе, или обособленность ихъ бытія противъ всего другого; въ ней они достигаютъ общаго жребія со всѣмъ другимъ, или той всеобщности бытія, которой они не могутъ достигнуть своею жизнью.

Всякое жизненное дыханіе на землѣ содрогается ужасомъ предъ образомъ смерти; потому что въ ея лицѣ оно узнаетъ свой безусловный законъ, который, втайнѣ господствуя надъ жизнью, отмѣриваетъ ей ея срокъ и открывается ей тѣмъ, чего она въ себѣ не вѣдаетъ: ея невѣдомою судьбою, неполненною непонятнымъ значеніемъ того безусловно другого, съ которымъ она до того еще никогда, нигдѣ, ни въ чемъ не встрѣчалась.

Сама по себѣ, смерть есть только предѣлъ жизни и не имѣетъ въ себѣ ни собственнаго существа, ни собственнаго содержанія; а потому, она и полагается не сама собою, а только существомъ самой жизни, которая, прекращаясь въ ней, полагаетъ ее себѣ своимъ предѣломъ.

Но по существу своему, жизнь есть всеобщій смыслъ или разумъ, который, разумѣясь въ себѣ не иначе какъ самъ собою, есть дѣйствительная всеобщность бытія и потому не терпитъ, не допускаетъ при себѣ никакой исключительности, никакой ограниченности опредѣленія; ибо знаки ограниченности — несообразны и несовмѣстны съ значеніемъ всеобщности.

Поэтому, и жизнь животныхъ, эмпирически замкнутая и обособленная въ ихъ исключительную ограниченность, хотя по существу и причастна къ всеобщему смыслу саморазумѣнія, безъ чего она бы и не была жизнью, но не вмѣщаетъ его жизненнаго значенія и, какъ чувственная граница его, сгораетъ въ пламени его огненнаго дыханія.

Всеобщимъ смысломъ жизни подразумѣвается не только исключительное вниманіе къ себѣ, но и всеобъемлю-

щее вниманіе ко всему другому, — не только сладостность самоутвержденія, но и вся горечь самоотрицанія.

Не имѣщая въ тѣлѣ своего исключительнаго назначенія смысла жизни въ его всеобщности, животныя не вѣдаютъ и дѣйствительнаго образа жизни; онъ открывается имъ лишь въ послѣдній мигъ ихъ существованія въ абстрактно-отрицательномъ образѣ ихъ смерти, которая освобождаетъ ихъ отъ тѣсныхъ узъ ихъ животности.

Пока животное живетъ, оно въ своей исключительности пребываетъ чуждымъ и даже враждебнымъ всему другому; умирая же, оно сливается въ одно общее бытіе и раздѣляетъ участь всего другого. Смерть, въ природѣ, есть такимъ образомъ, какъ отрицаніе всякой обособленности, всякой исключительности, всякой ограниченности, лишь всеобщее, абстрактное уравненіе, проводимое мировою всеобщностью надъ всѣми выступающими различіями и неравенствами эмпирическаго существованія: въ смерти все — всему равно.

Но тотъ самый всеобщій смыслъ жизни, который во всей остальной природѣ выражается лишь абстрактно-отрицательнымъ образомъ искупительной смерти, составляя самое существо человѣка, осуществляется въ человѣческой жизни конкретнымъ положительнымъ образомъ уже не смерти, но дѣйствительной жизни.

Что являлось смертью въ низшихъ сферахъ существованія, то именно и становится жизнью и мотивомъ жизни человѣка: онъ не умираетъ, онъ уже съ самаго начала живетъ смертью; она называется въ немъ его человѣческимъ, всеобщимъ смысломъ, который, какъ сама смерть, не терпитъ и не допускаетъ никакого безсмыслія, никакой несообразности, никакой тѣсноты исключительнаго, ограниченнаго бытія.

По существу, смерть и смыслъ, или разумъ человѣка — тожественны; въ нихъ заключается то же значеніе всеобщности, лишь съ тѣмъ различіемъ, что въ первой она выражается только абстрактнымъ образомъ

непосредственнаго отрицанія всякой чувственной единичности, всякой исключительной ограниченности бытія; а во второмъ, она осуществляется, какъ дѣйствительная всеобщность, которая, въ своемъ конкретно-положительномъ образѣ, уже не отрицаетъ, но разумѣетъ, оправдываетъ и утверждаетъ не только себя, не только одно, но и все другое, — все существующее, всѣ законы и всѣ явленія, — не только явленія жизни, но и явленія смерти.

Животныя, имѣя мотивомъ своимъ только одно изъ частныхъ опредѣленій всеобщаго бытія, оставляютъ все другое за предѣлами своего частнаго опредѣленія; а потому, это другое и предъявляется имъ въ образѣ ихъ смерти, какъ всеобщій законъ, которому подчинено частное явленіе ихъ жизни, — какъ неумолимая судьба, которая поджидаетъ всякое единичное существованіе, которой ни одно изъ нихъ избѣжать не можетъ. Потому что, всякая борьба за существованіе неминуемо ведетъ къ смерти.

Имѣя своимъ мотивомъ бытія не какую либо исключительную частность, но всеобщій разумъ и безусловную истину всего бытія, человѣкъ справедливъ по существу своему и, не оставляя ничего другого за предѣлами своего человѣческаго назначенія, разумѣетъ все содержаніе міра, не только жизнь, но и смерть, которая потому и мыслится имъ только какъ нѣкоторая частность бытія, объятая всеобщностью его человѣческаго смысла.

Изъ всѣхъ существъ на землѣ, одинъ человѣкъ именуется существомъ разумнымъ. Прочія животныя, конечно, не лишены разума: такъ какъ жизнь есть разумъ; но разумъ животныхъ связанъ какимъ либо частнымъ, эмпирическимъ опредѣленіемъ, отъ котораго они не могутъ отрѣшиться иначе какъ смертью.

Разумъ человѣка связанъ только всеобщимъ образомъ безусловной истины; а быть связаннымъ ея образомъ — значитъ быть свободнымъ. А потому, для разума человѣка нѣтъ такой частности, нѣтъ такого опредѣленія, отъ которыхъ онъ не могъ бы отрѣшиться. Онъ сво-

бодно отрѣшается отъ всякаго содержанія жизни, и живетъ смертью ранѣе ея эмпирическаго прикосновенія; сопровождающіе ее тѣни и страхи не смущаютъ его, такъ какъ онъ взираетъ на эмпирическую смерть, какъ и на эмпирическую жизнь, лишь какъ на частности своей необъятной, всеобщей жизни.

По смыслу ему присущаго разума, или его всеобщаго вниманія, для человѣка нѣтъ ничего другого, съ чѣмъ бы онъ не имѣлъ прямаго участія. Смерть, предъ которою содрагается вся остальная природа, для него не есть другое, внѣшнее, или чужое: она ему — свое; онъ знаетъ ее: ея убійственное дыханіе — не убійственнѣе дыханія его собственнаго абстрактнаго мышленія, которымъ онъ дышетъ, обсуждая все ему предстоящее міровое содержаніе, которымъ онъ судитъ и рѣшаетъ также и о смерти, какъ объ одномъ изъ предметовъ своего вѣдѣнія и помышленія, какъ объ одномъ изъ частныхъ явленій, необходимо вытекающихъ изъ всеобщности его разума.

Въ противоположность животному, которое не видитъ и никогда не помышляетъ о смерти, которое смерть настигаетъ извнѣ, какъ его невѣдомая и неизбѣжная судьба, человѣкъ, можно сказать, живетъ, дышетъ и мыслитъ смертью, когда, при помощи отвлеченныхъ обобщеній, отрѣшается отъ содержанія жизни и вдается въ сферу абстрактнаго мышленія.

Эмпирически, человѣкъ живетъ и умираетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и всякое животное. Совершенно разумно и съ его разумомъ вполнѣ сообразно, что его организмъ, подобно всѣмъ существующимъ организмамъ, какъ нѣкоторая внѣшность, преданъ во власть внѣшности и въ зависимость отъ стихійныхъ силъ механизма, химизма и низшихъ организмовъ. Но, самъ человѣкъ живетъ не внѣшностью и не силами внѣшности, а только тѣмъ смысломъ безусловной истины, которая сообщаетъ бытіе и этой внѣшности, и силамъ ея, предъ которою и эмпирическое явленіе жизни, и столь же

эмпирическое явленіе смерти—не болѣе какъ частности, вызываемыя дыханіемъ для всеобщей жизни.

Человѣкъ умираетъ, какъ и животное; но его эмпирически постигающая смерть не есть для него невѣдомая судьба, которая бы, находясь или слагаясь гдѣ-то тамъ, въ недосягаемой дали, внѣ сферы человѣческаго смысла, злостно поджидала его, чтобъ предать его существо со всѣми его значеніями разума, любви, безконечности во власть преходящаго неразумія и стихійнаго безсмыслія.

Если и есть то, что называется человѣческою судьбою, то она во всякомъ случаѣ не за предѣлами, а въ самыхъ опредѣленіяхъ назначенія человѣка,—не внѣшняя, но внутренняя судьба его, которая ему и сказывается и разумѣется имъ, какъ его собственный смыслъ и разумъ бытія, — какъ безусловный законъ всего сущаго; этому закону весь міръ и всѣ существа міра подчиняются безсознательно въ силу необходимости. А человѣкъ сознаетъ его въ себѣ самомъ, какъ себя самого, какъ самое существо свое и утверждаетъ его опредѣленіе своею свободою.

Во сколько частное опредѣленіе, или исключительное назначеніе единичныхъ существъ не совпадаютъ съ всеобщимъ назначеніемъ всего міра, или съ всеобщею природою вещей, во столько эти существа подвержены всякаго рода случайностямъ, или такъ называемымъ превратностямъ судьбы. Этимъ и опредѣляется смыслъ извѣстнаго реченія: человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ. Потому что, въ значеніи эмпирическаго существа, человѣкъ существуетъ на общемъ основаніи со всѣми другими существами.

Это общее основаніе всего существующаго, которое противополагается; какъ всеобщій законъ всякаго рода исключительнымъ частностямъ бытія, и есть собственно—самая природа, или разумъ міра. И человѣкъ знаетъ въ себѣ самомъ, что стремиться къ чему либо, чего либо желать или искать, дѣйствовать, поступать и даже мы-

слить въ противность, наперекоръ всеобщему міровому разуму, или несообразно съ самою природою вещей,— и есть именно то, что составляетъ неразуміе. Потому что все измѣнится, все пройдетъ, а самая природа, или разумъ міра, пребудутъ вѣчно: ибо въ нихъ то, что составляетъ назначеніе міра и что имѣетъ еще открыться, какъ его судьба, совпадаютъ въ одномъ опредѣленіи, и міръ не можетъ имѣть судьбы, которая бы не была его назначеніемъ.

Всеобщій, міровой разумъ обратился въ человѣкѣ въ его собственный мотивъ бытія, въ его человѣческое назначеніе; и потому, человѣкъ находитъ въ себѣ, въ самомъ существѣ своемъ, свое собственное, субъективное опредѣленіе тому, что есть разумъ и — что есть неразуміе.

Въ самомъ дѣлѣ, природа, или разумъ, который есть самое существо міра и всеобщій смыслъ жизни, который есть самое существо человѣка, — тожественны и единосущны другъ съ другомъ. Въ значеніи объективномъ, въ опредѣленіяхъ бытія, человѣческій смыслъ именуется разумомъ, а безсмысліе — неразуміемъ; а въ значеніи субъективномъ, въ опредѣленіяхъ мышленія, или саморазумѣнія, разумъ именуется смысломъ, а неразуміе — безсмыслiемъ.

Субъективно именуемый смысломъ, а объективно — разумомъ, мотивъ человѣческаго и мотивъ міроваго бытія есть одинъ и тотъ же — всеобщій мотивъ. А потому, какъ для всего міра въ его цѣлости, такъ и для человѣка, нѣтъ и не можетъ быть внѣшней судьбы, которая бы не совпадала съ его назначеніемъ. Какъ самый разумъ, или какъ самая природа міра, человѣческій смыслъ есть всеобщая сущность бытія, за которою нѣтъ мѣста ничему другому; и съ человѣкомъ ничто не можетъ случиться, ничто не можетъ постичь его, что не заключалось бы въ опредѣленіяхъ его назначенія, что не подразумѣвалось бы его всеобщимъ смысломъ саморазумѣнія, какъ одно изъ его частныхъ опредѣленій.

Все другое, все предполагаемое лежащимъ за предѣлами и отмѣняющимъ какое либо изъ утвержденій его смысла, есть не болѣе, какъ мнимое бытіе, безсмыслiе, или неразумiе, которое само по себѣ — немыслимо и невозможно.

Эмпирически, человѣкъ есть нѣкоторая неключительная частность или единичность бытія; и потому, разумно и понятно, что его эмпирическое существованіе отмѣняется и пропадаетъ, какъ и всякая другая эмпирическая частность предъ всеобщею необходимостью необъятнаго мірового бытія, котораго онъ не въ состояніи объять своимъ ограниченнымъ, эмпирическимъ образомъ.

Но самая сущность, которою человѣкъ живетъ, дышетъ и есть онъ самъ, можетъ быть уподобляема по своему значенію, тому, что представляется каждою изъ отдѣльныхъ теоремъ математики: каждая изъ нихъ, выражая собою лишь нѣкоторую истину, преисполнена тѣмъ не менѣе всею цѣлостью всеобщаго математическаго смысла; и потому, ни которая изъ нихъ не подлежитъ ни отмѣнѣ, ни даже какому либо измѣненію, какое бы значеніе ни имѣли, какія бы истины ни выражали безчисленныя, дальнѣйшія опредѣленія, положенія и теоремы всей необъятной математической сферы.

Отмѣною значенія одной изъ такихъ теоремъ отмѣнилась бы и вся математика; потому что всеобщій смыслъ, которымъ она живетъ и дышетъ, есть тотъ самый смыслъ, которымъ одушевлена и каждая изъ ея малѣйшихъ теоремъ.

О каждой изъ теоремъ математики можно съ полнымъ правомъ сказать, что она неизмѣнна и изъята отъ всякихъ превратностей внѣшней судьбы, потому что она утверждена всею полнотою математическаго смысла. Но это было бы еще недостаточно: сущность каждой математической теоремы, какъ низшей, такъ и высшей, не въ томъ только, что она исполнена математическимъ, всеобщимъ смысломъ и предполагаетъ собою всю матема-

тику въ ея цѣлости; въ этомъ отношеніи всѣ теоремы — одинаковы; но, особенно въ томъ, что она есть не всякая вообще — , но именно эта, своимъ особымъ образомъ опредѣленная и никакою иною незамѣнимая, математическая истина; вслѣдствіе чего ее невозможно вычеркнуть изъ математики; она въ ней пребываетъ ея неизмѣнною, вѣчною чертою.

Такъ точно и дѣйствительность человѣка не въ томъ только, что онъ, какъ существо разумное, исполненъ всѣмъ значеніемъ всеобщаго смысла бытія, и какъ послѣднее заключеніе всего мірового развитія, всей міровой эволюціи, предполагаетъ собою всю цѣлость существующаго міра; — но и особенно въ томъ, что онъ, какъ это особое, единичное существо, есть въ своей единичности особая, никакимъ инымъ образомъ незамѣнимая истина бытія; вслѣдствіе чего, его особности невозможно ни отмѣнить, ни вычеркнуть изъ дѣйствительности: она пребываетъ въ ней ея неизмѣнною, вѣчною чертою.

Человѣкъ живетъ не вообще, не какъ одинъ изъ примѣровъ какого либо общаго правила, не какъ типъ какой либо категоріи бытія, не какъ одно изъ безчисленнаго множества заурядныхъ явленій какой либо теоріи, какого либо общаго закона, но самъ собою, какъ самобытная недѣлимость (индивидуальность) себя, въ смыслѣ всеобщаго закона, съ собою, въ смыслѣ единичнаго и единственнаго особаго явленія, какъ особая личность бытія, которая, не смѣшиваясь съ другими личностями, пребываетъ всегда неподражаемою и вполнѣ оригинальною, подобно законченному произведенію великаго художника.

Жизнь животныхъ, по отсутствію въ ней личной оригинальности, очень напоминаетъ собою во всѣхъ родахъ чрезвычайно обильныя произведенія дюжей посредственности, которая, никогда не проникая въ правдивую сферу истины, дѣйствительности и красоты, дорожитъ своими

заурядными твореніями никакъ не менѣе, чѣмъ дорожать животныя своею заурядною, животною жизнью.

Жизнь человѣческая не исчерпывается и не охватывается никакими правилами, никакими теоріями, никакими соціологіями; она подобна во всѣхъ отношеніяхъ лишь исполненному, оригинальному произведенію, которое, не вѣдая ни правилъ, ни теоріи, состоятельно въ себѣ самомъ лишь живымъ, неподражаемымъ и необобщаемымъ вдохновеніемъ дѣйствительнаго художника.

Какъ существо разумное, человѣкъ есть исполненная, совершенная дѣйствительность бытія: всѣ эмпирическіе образы существованія, какіе ему предшествовали въ міровомъ развитіи, осуществляя собою лишь частныя проявленія нѣкоторой общей теоріи физики, механики, химіи, филологіи, или зоологіи, могутъ быть признаны скорѣе за предварительныя тѣни, нежели за дѣйствительный образъ бытія и жизни. Какъ вся дѣйствительность, жизнь во всей полнотѣ ея осуществляется только въ человѣкѣ; въ немъ природа міра впервые достигаетъ себя самоё и успокоивается, какъ дѣйствительная недѣлимость безусловной всеобщности своего мірового образа, порядка или закона бытія, съ безусловною единичностью своего жизненнаго содержанія въ этомъ особомъ, вполнѣ самобытномъ явленіи.

Законъ міровой необходимости есть законъ всеобщаго смысла человѣческаго саморазумѣнія, и человѣкъ, подчиняясь ему, чтобъ не быть безсмысленъ, чтобъ быть самимъ собою, подчиняется только себѣ самому и пребываетъ свободнымъ.

Господствуя во всемъ остальномъ существованіи, какъ внѣшнее опредѣленіе міра, необходимость обращается въ человѣкѣ въ его собственное, въ его внутреннее опредѣленіе и разумѣется имъ какъ его свобода.

По существу своему, въ качествѣ человѣка, онъ долженъ, онъ не можетъ жить иначе, какъ сообразно съ образомъ своего мышленія; а его мышленіе связано обязательною необходимостью, но не механическаго, внѣш-

няго, а только его внутренняго логическаго порядка: пребывая въ этомъ порядкѣ, человѣкъ пребываетъ въ себѣ самомъ вѣрнымъ себѣ самому. Потому что, какъ всеобщій смыслъ саморазумѣнія, онъ самъ и есть этотъ порядокъ.

Какъ существо свободное, человѣкъ не только живетъ, но и умираетъ свободно; а такъ какъ его человѣчность имѣетъ свое эмпирическое основаніе въ его животности, которая, по существу ея опредѣленій, не сообразна съ существомъ его человѣческаго смысла и всеобщаго разума, то вполнѣ разумно и съ всеобщностью его человѣческаго смысла вполнѣ согласно, чтобы онъ могъ въ свое время отрѣшиться отъ несообразныхъ съ нимъ границъ и всякихъ опредѣленій, налагаемыхъ на него не его дѣйствительнымъ смысломъ бытія, а только условнымъ эмпиризмомъ его временнаго, преходящаго существованія.

Въ силу своихъ зоологическихъ опредѣленій, человѣкъ умираетъ эмпирически, какъ и всякое другое животное. Но сверхъ того слѣдуетъ досказать, что изъ всѣхъ живущихъ и умирающихъ существъ въ самомъ дѣлѣ и вполнѣ дѣйствительнымъ образомъ умираетъ только человѣкъ.

Что и понятно; ибо изъ всѣхъ живущихъ существъ онъ одинъ живетъ вполнѣ дѣйствительнымъ образомъ, а потому только онъ одинъ и можетъ, только ему одному и слѣдуетъ умирать дѣйствительнымъ образомъ. Образъ смерти опредѣляется не самъ собою, а только образомъ жизни, и все значеніе смерти лежитъ въ значеніи того, кто жилъ и кто умираетъ.

Въ неорганическомъ веществѣ смерть незамѣтна, потому что незамѣтна и его жизнь. Въ сферѣ растительной жизни, нѣтъ никакой важности, никакого значенія въ томъ, что высыхаетъ листъ, или вѣтка, или сукъ, или стволъ растенія, или и все растеніе въ совокупности. Та же растительность произрастаетъ тѣмъ же образомъ, и тѣмъ же порядкомъ и съ тѣмъ же содержаніемъ и

послѣ того, какъ она произрастала до того. Наконецъ, каждое изъ живущихъ животныхъ опредѣлено лишь общимъ правиломъ жизни, которымъ оно и живетъ не болѣе и не менѣе чѣмъ и всѣ другія особи его рода и вида; и никто не можетъ опредѣлить и сказать, что именно умерло, чего не стало, когда умерло животное. Такъ какъ въ животномъ нѣтъ своего собственнаго, самобытнаго или личнаго опредѣленія.

Существованіе вещества съ его законами физическаго равновѣсія; разсѣянная жизненность растеній съ ея стихійною неопредѣленностью бытія; и жизнь животныхъ, наглухо замкнутая въ ихъ чувственной животности, имѣютъ по отношенію къ дѣйствительной жизни лишь такое же значеніе, какое реторика и пінтика съ ихъ примѣрами имѣютъ по отношенію къ дѣйствительному, живому слову, въ которомъ высказана вся полнота и вся безконечность его одушевляющаго смысла.

При смерти человѣка нѣтъ никакого двусмыслія, и напротивъ, вполнѣ ясно, вполнѣ очевидно, что умеръ именно онъ самъ, и тотъ самый, который жилъ предъ тѣмъ всею дѣйствительностью человѣческой жизни; жилъ не вообще только, не общностью, принадлежащею и всѣмъ другимъ людямъ, но своею особенною, никому кромѣ него не принадлежавшею личностью. Онъ былъ самъ собою, ни съ чѣмъ другимъ несмѣшиваемою, единственною въ своемъ родѣ, неподражаемою особностью.

Всѣ общіе знаки или признаки, которыми пытаются схватить и выразить его личную оригинальность бытія, оказываются для всякаго, кто зналъ его, предъ его живымъ, дѣйствительнымъ образомъ лишь нестерпимою грубостью,—не его жизнью, а только личиною жизни. Что о немъ говорятъ, чѣмъ его означаютъ, чтобъ воспроизвести, или удержать память о немъ, совсѣмъ не то; того, что онъ былъ, никому не сказать; онъ былъ живымъ, для всѣхъ вполнѣ слышнымъ и понятнымъ отголоскомъ изъ безконечности, ея дыханіемъ и взглядомъ; но все, что въ немъ было, и что отзывалось самою дѣй-

ственностью и безконечностью существа его, исчезло съ нимъ. Еще голосъ его слышится, еще видится его знакомый жестъ, его улыбка жизни со всей особенностью ея выраженія; но его самого уже нѣтъ, онъ умеръ. Все другое осталось, какъ было: только его не осталось, не осталось ни малѣйшаго слѣда изъ всего безконечнаго содержанія, которое только въ немъ одномъ и было, котораго больше никогда, никогда, ни въ чемъ другомъ уже не будетъ.

Такъ умереть — значитъ умереть въ самомъ дѣлѣ. Дѣйствительнымъ образомъ смерти умираетъ только дѣйствительнымъ образомъ жизни, жившій человѣкъ; и только въ немъ одномъ проявляется и вся сила и все значеніе смерти.

Извѣстно всѣмъ, ни для кого не тайна, что человѣкъ умираетъ, какъ и животное, и даже, что онъ умираетъ болѣе, полнѣе, глубже и рѣшительнѣе, чѣмъ всякое животное. Но это столь извѣстное всегда смущало и озадачивало человѣка, какъ нѣчто ни съ чѣмъ несообразное и непонятное; чтобъ это объяснить, люди издавна прибѣгали къ сказаніямъ, въ которыхъ указывалось, что человѣкъ подвергается смерти вслѣдствіе вины или сокрушенія его; иначе его смерть казалась ему необъяснимымъ безсмыслiемъ. Предъ безконечностью жизненнаго смысла, предъ святостью жизненнаго дыханія, грубый, внѣшній механизмъ бытія сдается безобразіемъ, пошлостью; и тѣмъ не менѣе, невозможно отрицать яваго факта смерти, которою образъ святого и безконечнаго предается во власть такому безобразію пошлости.

Человѣкъ былъ живою истиною бытія, и вдругъ, — этой истины не стало! развѣ истина пропадаетъ, какъ и всякія другія вещи? или, — развѣ вещи могутъ пребывать, когда пропадаетъ истина, которая собственно и есть ихъ дѣйствительное бытіе?

Для смысла саморазумѣнія, для самой жизни — вопросъ непонятно, что въ силу какого-то рока, кото-

рый чуждъ великому смыслу, — въ силу какой-то необходимости, которая не вѣдаетъ разума, не стало человѣка, который есть исполненіе дѣйствительности и самая сущность бытія; — непонятно, что онъ прекратился, пересталъ быть, какъ будто его никогда и вовсе не было; — непонятно, что пропала, исчезла самая сущность бытія, а остались и пребываютъ только призраки, только то, чего въ дѣйствительности вовсе нѣтъ.

Да, это непонятно: — и можетъ считаться понятнымъ лишь для тѣхъ, кто довольствуется банальною понятностью механизма, химизма, организма, значеніе коихъ полагается не въ смыслѣ саморазумѣнія, а только въ безсмысліи неразумѣнія. — Но для смысла безсмысленіе пошлости и пошлость безсмыслія, какъ и всякая мертвечина для дыханія жизни, останутся навѣкъ непонятными; и не добро человѣку, когда онъ, отрѣшаясь отъ смысла, начинаетъ понимать и уразумѣвать безсмысленіе.

Но человѣческій смыслъ есть смыслъ ограниченный; и въ существующемъ мірѣ есть очень многое, что остается и останется навсегда непонятнымъ на землѣ для эмпирически существующаго человѣка. Многое остается для него непонятнымъ, не потому однако, чтобъ оно было дѣйствительно безсмысленно, но только потому, что онъ не въ силахъ осмыслить оное своимъ ограниченнымъ смысломъ.

Несомнѣнное, безусловное значеніе истины смысла человѣческаго саморазумѣнія, высказанное въ формулѣ — cogito ergo sum, — разумѣюсь самъ собою всѣмъ смысломъ истины или бытія, — подобно значенію математической аксіомы. Она заключаетъ въ себѣ весь смыслъ математики, но только — in potentia, въ возможности, а еще не in actu, — еще не въ дѣйствительности.

Такимъ же образомъ и разумѣніемъ несомнѣнной истины саморазумѣнія, или жизни, которая есть весь смыслъ и вся истина, еще не устраняется непонятность всего необъятнаго мірового содержанія и многое

въ немъ остается и, здѣсь на землѣ, останется навсегда непонятнымъ.

Но эта непонятность — вполнѣ понятна въ значеніи эмпирическаго условія преходящаго бытія и не можетъ быть обращаема въ отрицаніе самой истины смысла и его умозрительнаго понятія.

Человѣческое притязаніе все понимать, все проникать своимъ смысломъ есть на время именно только притязаніе, а еще не завершенное право. Когда оно завершится, тогда оно и станетъ правомъ. До тѣхъ же поръ, ему не слѣдуетъ приписывать ему не принадлежащее значеніе права. Потому что, какъ скоро пустое притязаніе выдается за право, то дѣйствительное право обращается по необходимости въ пустое притязаніе; и когда непониманіе идетъ за пониманіе, когда человѣку мерещится, что онъ все позналъ и все понялъ, что во всемъ мірѣ для него нѣтъ ничего непонятнаго, тогда-то именно и извращается всякое понятіе, — мнимо-понятное сдается дѣйствительно понятнымъ и наоборотъ, то, что въ самомъ дѣлѣ понятно и дѣйствительно, представляется непонятнымъ и призрачнымъ; тогда, самое безсмысліе выдается за понятный, дѣйствительно сущій смыслъ, а дѣйствительно сущій смыслъ, который разумѣется самъ собою, какъ самобытная, всеобъясняющая ясность, — какъ принципъ всей понятности, — сдается непонятнымъ безсмысліемъ.

Человѣкъ, несмотря на великіе успѣхи его культурнаго и научнаго развитія, едва очнулся изъ стихійной разсѣянности къ смыслу своего саморазумѣнія и еще весь объятъ матеріею своихъ чувственныхъ ощущеній и отвлеченныхъ соображеній; и потому, не удивительно, что онъ довѣряетъ болѣе эмпирическому свидѣтельству своихъ чувствъ, нежели своему умозрѣнію.

Когда же столь естественное расположеніе становится еще и сознательною теоріею, то оно обращается въ упорный предразсудокъ, который до того заслоняетъ истину, что человѣкъ всюду видитъ только внѣшній механизмъ

существованія, и дѣлается неспособнымъ уразумѣть его значеніе и смыслъ.

Видя смерть и всѣ признаки смерти столь ощутительнымъ, столь поразительнымъ образомъ, и сознавая безусловную истину своей жизни и ея смысла очень смутно и лишь сквозь сонъ и туманъ своей чувственной разсѣянности, человѣкъ слишкомъ склоненъ отказаться отъ дѣйствительности своего смысла и признать дѣйствительность смерти за единственный смыслъ и за единую истину всего мірового существованія.

Человѣкъ жилъ, любилъ, стремился, искалъ, домогался, — потомъ умеръ, и за тѣмъ, болѣе ничего нѣтъ; съ его смертью для него все кончено, и нѣтъ — нѣта. Есть вѣчно, всегда, вездѣ, во всемъ и надъ всѣмъ лишь одна непзмѣнная и непроглядная тьма безжизненнаго, сплошнаго безсмыслія; на этой тьмѣ лишь на мигъ мелькаютъ и въ тотъ же мигъ пропадаютъ нацрасные призраки бытія, именуемые жизнью, или смысломъ саморазумѣнія.

Но, есть что либо одно: или истина безусловной жизни и ея смысла, или же истина безусловной смерти и ея безсмыслія. Если истина — на сторонѣ смысла жизни, то безсмысліе смерти есть лишь пустой признакъ, или обманъ, который мерещится въ мнѣніи, но котораго нѣтъ въ дѣйствительности. Если же истина — на сторонѣ смерти и ея безжизненнаго безсмыслія, то въ такомъ случаѣ, должно признать и жизнь смысла и смыслъ жизни за миражъ, за призрачную игру перволъ и воображенія, за обманъ ума, — за то, что мнится, но чего нѣтъ въ дѣйствительности.

И такъ, требуется рѣшить окончательно, разъ навсегда, чтобъ послѣ уже не возвращаться къ вопросу, — что есть дѣйствительность и что есть обманчивый призракъ, - царство ли жизни и смысла, - или же царство смерти и безсмыслія?

Такою постановкою вопроса онъ оказывается уже предрѣшеннымъ: потому что, нѣтъ такого смысла, ко-

торымъ бы было возможно утверждать безсмысліе; а самимъ безсмысліемъ, или на основаніи безсмыслія утверждать возможно развѣ только безсмысліе. А такъ какъ, смыслъ есть именно только саморазумѣніе, а саморазумѣніе есть принадлежность жизни, то понятно, что весь смыслъ состоитъ не иначе, какъ при жизни. Мертвое, или не-живое, есть, напротивъ, то, что лишено разумѣнія, что не имѣетъ въ себѣ смысла, что, поэтому, и сопряжено съ безсмысліемъ.

Чтобъ безсмысліе могло быть истиною, или дѣйствительностью, необходимо допустить, что оно утверждается самимъ же безсмысліемъ.

Но, это значитъ—допустить, что безсмысліе одушевлено нѣкоторымъ смысломъ: потому что, безсмысліе, утверждаемое безсмысліемъ, было бы чѣмъ-то въ родѣ самоутвержденія,—т. е. нѣкоторымъ, хотя въ несообразныхъ терминахъ выражаемымъ, однако все же смысломъ, а никакъ не безсмысліемъ, которое тѣмъ именно и отличается отъ смысла, что оно, если и утверждается, то лишь чѣмъ либо другимъ, но никакъ не самимъ собою.

Утверждаться самимъ собою, разумѣться самимъ собою, быть самимъ собою—значитъ жить, т. е., быть живымъ смысломъ и именно—смысломъ саморазумѣнія.

А потому, если невозможно, чтобъ безсмысліе утверждалось, какъ сущность бытія, силою смысла или истиною, то еще менѣе возможно, чтобъ оно утверждалось само собою.

А если оно не утверждается ни смысломъ, ни само собою, то значитъ — оно не утверждается ничѣмъ и, не имѣя въ себѣ никакой твердости бытія, есть пустой призракъ, который держится лишь обманомъ чувствъ или ума.

Не жить, быть мертвымъ, или пребывать въ опредѣленіяхъ смерти, означаетъ быть безъ смысла саморазумѣнія, быть въ опредѣленіяхъ безсмыслія, быть не собою, но чѣмъ либо другимъ; и представляемое царство смерти, или безжизненнаго бытія представляется

именно какъ бытіе безсмыслія, которое однако есть не оно само, а нѣчто другое: его самого нѣтъ въ себѣ самомъ; ибо еслибъ оно было въ себѣ самимъ собою, то оно было бы уже смысломъ и жизнью, а не безсмыслiемъ; но оно только тѣмъ и есть безсмыслiе, или мертвое бытіе, что оно — совсѣмъ не оно, а нѣчто другое.

Но быть не собою, а другимъ, есть до такой степени противорѣчивое, или несостоятельное выраженіе, что въ немъ не выражается ничего кромѣ самой несостоятельности того, что имъ пытаются выразить.

Мнимый механизмъ бытія, слагаемый въ абстрактномъ мышленіи изъ терминовъ дѣйствительности, — изъ атомовъ бытія, съ значеніемъ его единичности, и изъ необходимости бытія, съ значеніемъ его всеобщности, — и есть именно такое безсмыслiе, которое не можетъ быть состоятельнымъ бытіемъ. Оно не держитъ само себя; оно нигдѣ, никогда, ни въ чемъ не можетъ быть собою; оно всюду и вполнѣ—не оно, а только другое; но и какъ другое, оно все же себя въ себѣ не имѣетъ, на себѣ не стоитъ, собою не пребываетъ, но опять измѣняется въ иное другое, которое, находясь въ томъ же опредѣленіи, тоже не стоитъ и не пребываетъ, а только измѣняется, проходитъ и должно необходимо проходить, пока не пройдетъ до конца,—пока не останется то, что уже не проходитъ, потому что есть само собою, а не другимъ, —есть дѣйствительно сущее логическимъ, вѣчнымъ, а не механическимъ, преходящимъ порядкомъ бытія.

Представляемое, безжизненно-механическое царство смерти, какъ противорѣчивое и несостоятельное бытіе безсмыслія, есть лишь матерія всего, что въ видѣ ли непроницаемой вещественности, или въ видѣ столь же непроницаемой будущности, мнится, мерещится и проходитъ, но нигдѣ никогда и ни въ чемъ не пребываетъ и не можетъ быть само собою, такъ какъ въ немъ нѣтъ никакой сущности.

Если и можно говорить о бытіи этой матеріи, какъ о самомъ принципѣ матеріализма и его кровныхъ дѣ-

тен — реализма, критицизма и позитивизма, хотя они и отпираются отъ отца своего. — то во всякомъ случаѣ ея бытіе есть лишь мнимое непосредственно-чувственное или теоретически-отвлеченное бытіе, которое держится и утверждается никакъ не смысломъ дѣйствительности, или жизни, а только мнѣніемъ невѣжества. Въ самой же дѣйствительности, въ самой же жизни, которыя не терпятъ ничего мертваго, ничего безсмысленнаго, мертвенное царство смерти, матерія, или мнимое бытіе безсмыслія, какъ объекты невѣжества, неудержимо проходятъ вмѣстѣ съ невѣжествомъ, которымъ держатся и утверждаются, какъ нѣчто сущее.

Въ своихъ эмпирическихъ опредѣленіяхъ будущимъ представляется то, чего *еще* нѣтъ, а прошедшимъ — то, чего *уже* нѣтъ; а посему, казалось бы, что ни то, ни другое не имѣютъ другъ предъ другомъ ни малѣйшаго преимущества.

Но, не смотря на то, въ силу преобладанія въ людяхъ ихъ чувственности надъ ихъ духовностью, ихъ ощущенія надъ ихъ мышленіемъ, будущему, которое предвкушается и наступаетъ, какъ смутно ощущаемая, чувственная матерія ожидаемаго бытія, приписываютъ обыкновенно больше значительности, существенности или дѣйствительности, нежели прошедшему, которое, воспоминаясь въ образѣ знанія о томъ, что было, что прошло, что совершилось, уже не ощущается, а только мыслится, какъ опредѣленіе, какъ сущность и самый смыслъ бытія.

Въ эмпирическомъ существованіи, смыслъ бытія предупреждается его матеріею, и совершенное предваряется несовершеннымъ, или тѣмъ, чему еще предстоитъ совершиться.

И вслѣдствіи своего несовершенства и своего чувственнаго матеріализма, которымъ еще не прошелъ, но пребываетъ, какъ недомысліе невѣжества, люди обращаются всѣмъ существомъ по преимуществу и даже исключительно къ будущему, т. е. къ тому, что прохо-

дитъ, а не къ тому, что дѣйствительно есть, и чуждаясь смысла прошедшаго, какъ люди будущаго, взирая ложно на будущее, возлагаютъ всѣ надежды свои, всѣ мечты ожиданія и упованія лишь на его смутно наступающую, несовершенную, чувственную матерію.

Полагаясь исключительно на матерію преходящаго, люди будущаго, т. е. люди чувственности и эмпиризма, тѣмъ самымъ лишаютъ себя всякой возможности знать и разумѣть что либо кромѣ матеріи; а потому, для нихъ, какъ скоро проходитъ матерія.—проходитъ все и всему наступаетъ конецъ.

Но то, что имъ сдается концемъ, и притомъ — всеобщимъ концемъ и всеобщимъ разрѣшеніемъ всепоглощающей смерти, есть въ дѣйствительности только мнимый конецъ и только частное разрѣшеніе мнимаго бытія-матеріи и ея безсмыслія.

Будущее есть по существу лишь чувственная, преходящая матерія бытія; она и проходитъ, но, проходя, оказывается смысломъ, который, какъ самая сущность и полнота бытія, есть то, что уже совершилось, исполнилось и, какъ совершенное, уже не проходитъ, но пребываетъ вѣчно.

Все существующее и проходитъ, какъ матерія, для того, чтобъ совершиться и стать полнотою жизни и смысла саморазумѣнія.

Какъ проходить, такъ и умирать — значитъ совершаться, и только то, что совершилось, есть бытіе совершенное, или самая сущность бытія и жизни, которая, до того, таилась, скрываясь подъ чувственною оболочкою матеріальности, или того, что еще не есть дѣйствительность, а только наступаетъ, какъ будущее, имѣющее стать дѣйствительностью.

Быть и находиться эмпирически въ нѣкоторомъ образѣ чувственной матеріи, или въ нѣкоторомъ ожиданіи того, что еще только будетъ, но чего еще нѣтъ дѣйствительно, значитъ — не быть, не находиться, а напротивъ только теряться въ матеріи, быть въ ней исключитель-

нымъ другимъ противъ всего другого и потому быть обятымъ силами и значеніями всего другого, которое не оставляетъ ни мѣста, ни возможности быть въ себѣ самимъ собою.

Вотъ почему, не говоря уже о существованіи неорганическаго вещества, но и существованіе растеній, животныхъ и человѣка представляется до самаго края переполненнымъ другимъ, внѣшнимъ содержаніемъ физики, механики, химіи, фитологіи, зоологіи, антропологіи, соціологіи и всего прочаго, — только не самимъ собою.

Въ растеніяхъ и въ животныхъ, какъ всѣмъ достаточно извѣстно, находятъ всякое другое, имъ постороннее содержаніе,—только ихъ самихъ не находятъ.

На взглядъ современнаго, научнаго міровоззрѣнія, не витающаго въ недосягаемой и непознаваемой области Wolkenkukuksheim'a, въ человѣкѣ, представляющемъ высшее развитіе организма, находится тоже очень многое, очень сложное содержаніе ячеекъ, тканей, первыхъ элементовъ, внѣшнихъ покрововъ, органовъ чувствъ и ихъ отправленій, но нѣтъ его самого, нѣтъ его всеобщаго смысла саморазумѣнія, нѣтъ его свободы бытія.

И дѣйствительно, если видѣть исключительно только эмпиризмъ существованія, только разнородныя подробности его чувственнаго бытія, только его матерію, то на такой взглядъ, въ немъ, конечно, нѣтъ его самого; — при такомъ воззрѣніи, его дѣйствительно-сущій смыслъ саморазумѣнія не находится, а совершенно теряется, пропадаетъ въ его безчисленныхъ матеріальныхъ, физическихъ, механическихъ, химическихъ, органическихъ, зоологическихъ опредѣленіяхъ: въ неисчислимо многомъ сущее одно до того затеряно, до того стѣснено всѣмъ другимъ, до того несвободно, что его и въ самомъ дѣлѣ, какъ будто вовсе нѣтъ.

Но, во сколько такое воззрѣніе не согласно съ смысломъ саморазумѣнія, оно не стоитъ,—но проходитъ; а съ нимъ проходитъ и объектъ его, — его преходящая матерія, выражаемая эмпиризмомъ этого многаго, слож-

наго и другого содержанія. Освобождаясь отъ тѣсноты его чувственно-эмпирическихъ, съ нимъ несообразныхъ опредѣленій, остается и пребываетъ только безусловно-всеобщее одно, или единое, — только всеобщій смыслъ саморазумѣнія, который именуется Я и есть самоопредѣляющаяся свобода, или могущество творческаго, дѣйствительно-сущаго бытія, дѣйствительно-сущей жизни.

Животное умираетъ и тѣмъ освобождается отъ своей животности: смерть для него есть освобожденіе его стѣсненнаго, въ матерію небытія замкнутаго смысла и высшая степень жизненнаго обобщенія, какой оно способно достигнуть при опредѣленіи своего животнаго организма.

Но само животное живетъ, не вѣдая и не имѣя въ себѣ обобщающаго образа своей смерти; его освобожденіе въ ней есть съ тѣмъ вмѣстѣ и предѣлъ его жизни.

Въ послѣдовательномъ развитіи, или осуществленіи природы, при которомъ конецъ, достигаемый на низшей ступени существованія, служитъ исходнымъ началомъ для слѣдующаго, высшаго, смерть, или предѣлъ жизни и всего развитія животнаго, становится началомъ, изъ котораго исходитъ развитіе человѣческой жизни и человѣческаго существованія.

То самое, что въ сферѣ животныхъ является эмпирически какъ смерть, или какъ отрѣшеніе и освобожденіе отъ ограниченности исключительнаго опредѣленія, человѣкъ уже отъ природы включаетъ въ себѣ, въ самомъ существѣ своемъ, какъ силу своего мышленія, которою онъ способенъ отрѣшаться отъ всякихъ границъ своего эмпирически-чувственнаго, зоологическаго или антропологическаго опредѣленія.

Человѣческая мысль, касаясь послѣднихъ предѣловъ необъятной сферы міроваго существованія, покрываетъ оную ей вполнѣ равною и столь же необъятною сферою своего сознанія и, не оставляя въ ней никакого содер-

жанія, никакого отношенія, никакого предмета, которые бы не были предметомъ человѣческаго помышленія, относится и къ себѣ самой критически и съ полнымъ отрѣшеніемъ отъ естественныхъ границъ и опредѣленій своего тѣснаго, эмпирическаго антропоморфизма, имѣетъ единственнымъ образомъ своихъ соображеній и сужденій о себѣ и о всемъ другомъ только дѣйствительно сущую, безусловную, всеобщую истину.

Какъ смерть въ природѣ, такъ и мысль человѣка есть полнота обобщенія; но отрѣшаясь отъ всякихъ границъ, отъ всякой тѣсноты эмпиризма, она не пребываетъ, какъ смерть, при абстракціи отрицанія; но обращается въ конкретную полноту и въ дѣйствительность человѣческой жизни, осуществляясь въ ней, какъ всеобъемлющій разумъ, какъ всеобщій смыслъ мірового, жизненнаго саморазумѣнія.

Человѣкъ знаетъ о смерти; она подразумѣвается его разумомъ и смысломъ, которымъ онъ живетъ; ибо онъ, по самому существу своего назначенія, уже отъ начала живетъ не только частнымъ, обособляющимъ содержаніемъ своей жизни, но и отрѣшеніемъ отъ ней, какъ отъ частности, и преимущественно всеобобщающимъ образомъ смерти, которая въ немъ однако и для него — уже не абстрактно-мертвое обобщеніе тѣхъ или другихъ частностей жизненнаго содержанія, но конкретно-живая сущность, или самая истина и свобода его человѣческой жизни: разумѣясь въ немъ сама собою, какъ его смыслъ саморазумѣнія, она, въ своей конкретной, живой всеобщности бытія, обнимаетъ собою весь міръ, все его содержаніе, и его эмпирическую жизнь, и его эмпирическую смерть, какъ свои частныя проявленія, какъ море обнимаетъ волны свои.

Смерть въ природѣ является лишь какъ абстрактное отрицаніе исключительной ограниченности и тѣсныхъ опредѣленій бытія, но въ существѣ человѣка, въ всеобщемъ смыслѣ его саморазумѣнія, она же, какъ конкретный образъ его самоотрицанія, есть любовь, кото-

рою онъ, воплощая въ себѣ всеобщую истину всего міра, какъ свою истину, какъ свою свободу, оправдываетъ и утверждаетъ существованіе и свободу всего другого и всѣ его явленія, какъ жизни, такъ и смерти.

Смыслъ человѣческаго саморазумѣнія или человѣческой жизни, — такъ какъ саморазумѣніе и есть самая жизнь, а жизнь именно и есть саморазумѣніе, — есть собственно всеобщій смыслъ всего міроваго, безначальнаго прошедшаго, или тотъ безпредѣльный океанъ бытія, который, воспринимая въ себя всѣ различныя, преходящія теченія эмпирическаго, чувственнаго существованія, сообщаетъ имъ ихъ дѣйствительность и ихъ правду.

Говорятъ, всѣ ручьи, всѣ потоки, всѣ рѣки текутъ въ океанъ, который и представляется концемъ ихъ теченія. Но, надо сказать, что они, наоборотъ, вытекаютъ изъ океана, который есть начало ихъ теченія.

Умирать значитъ переходить изъ частнаго въ общее бытіе; и смерть есть лишь *обобщеніе*, лишь отрѣшеніе отъ частности. Но человѣкъ есть отъ начала, по самому рожденію и существу своему, дѣйствительно-сущее, *всеобщее бытіе*, въ которомъ и жизнь и смерть несутся какъ частности. Его всеобщій смыслъ саморазумѣнія и всеобщій разумъ міроваго бытія, или природы, — тожественны; такъ какъ первый есть лишь субъективное—, а второй лишь объективное выраженіе одной и той же сущности, истины, или дѣйствительности, одной и той же творческой безконечности бытія.

А потому, когда человѣкъ умираетъ, то, чрезъ обобщеніе смерти, онъ возвращается только къ себѣ самому; ибо ему некуда больше идти какъ къ себѣ и къ своей же всеобщности саморазумѣнія, къ своей человѣческой жизни; во всемъ мірѣ, во всей природѣ для него нѣтъ и не можетъ быть иного мѣста, какъ въ безконечной всеобщности смысла, которымъ онъ разумѣя себя самого, разумѣетъ весь міръ и всю природу его.

Величіе чего, весь міръ и открывается ему не

только какъ эмпирически-чувственное явленіе, не только какъ физическая лабораторія или анатомическій амфитеатръ, въ которомъ синтезъ жизни смѣняется анализомъ смерти, но въ безконечности жизненной недѣлимости всего смысла разумѣнія со всѣмъ бытіемъ существованія, въ полной сообразности его безконечнаго образа и его необъятнаго содержанія, въ вѣчной красотѣ живого, небеснаго и земного космоса.

Человѣкъ плѣняется природою; потому что всеобщность ея бытія и всеобщность его разумѣнія — одна и та же сущность; потому что ея вѣчная красота, ея невозмутимое благообразіе безъ всякихъ словъ ясно и понятно говорятъ ему о той безусловной истинѣ, которою исполнено его человѣческое существо.

Въ повседневныхъ соприкосновеніяхъ съ подробнымъ содержаніемъ, съ зависимостью и съ потребностями эмпирическаго существованія, жизнь человѣческая представляется человѣку томительно-однообразнымъ воспроизведеніемъ и несносною тѣснотою все того же общеизвѣстнаго содержанія, тѣхъ же частностей и условностей, тѣхъ же изо дня въ день неизмѣнно повторяемыхъ физіологическихъ, экономическихъ и соціологическихъ опредѣленій.

И всякому человѣку отрадно хоть на мгновеніе вырваться на волю изъ столь условнаго, искусственнаго, предразсудками и убожествомъ связаннаго существованія, чтобъ забыться и напиться лицемъ къ лицу съ безискусственно простою природою и увидѣть невозмутимый образъ ея бытія въ его величавомъ спокойствіи.

Природа тѣмъ именно и плѣнительна, тѣмъ и прекрасна, что въ необъятности простора ея успокоиваются и исчезаютъ всѣ мелочныя частности, вся тѣснота суетливо-тревожнаго, всегда болѣе или менѣе надломаннаго, никогда неудовлетворяемаго, эмпирически ограниченнаго и условнаго бытія. Взамѣнъ томительно-однообразнаго, общеизвѣстнаго и неизмѣнно повторяющагося одного и того же, составляющаго и все содержаніе, и

весь интересъ и физіологіи и соціологіи, въ природѣ слышится и видится безусловно *другое*: стирая эмпиризмъ и грубость ея непосредственно взятыхъ, чувственныхъ очертаній, это другое всюду посылается надъ нею, какъ ея глубокое раздумье, какъ ея жизненное дыханіе и въ каждомъ изъ ея проявленій, сколь всѣ образы ея существованія, за всѣми ея опредѣленіями, сказывается и чувствуется некупительнымъ образомъ смерти: чрезъ этотъ образъ, какъ въ окно, отверзтое въ непроницаемой стѣнѣ ограниченности и эмпиризма матеріи, видѣется необозримая даль безкопечности.

Инстинктъ животныхъ опредѣляется, какъ инстинктъ самосохраненія, которымъ свойственъ и человѣку, какъ животному; но поверхъ этого инстинкта животности, въ человѣческомъ существѣ, какъ отрицаніе его животности, какъ склонность къ абстракціи отъ всего эмпирически-чувственнаго, есть еще и то, что можно назвать его инстинктомъ, или жаждою смерти и что нѣкоторымъ образомъ, отчасти и выражается, какъ въ ученіи буддизма, такъ и въ ученіи современнаго пессимизма.

Присущая человѣку жажда смерти, проявляя въ немъ лишь его неутолимую жажду высшей жизни и всей полноты ея безкопечности, — однородна тому движенію, или тому мотиву, въ силу которыхъ художникъ порываетъ, какъ можно скорѣе, уничтожить свое неудачное произведеніе, чтобъ отъ него не оставалось ни слѣда, ни воспоминанія, чтобъ оно не рѣзало его чуткаго смысла своею невыносимою фальшью.

Какъ неудачное произведеніе художника, такъ неудачная жизнь человѣка съ ея житейскою пылью и дрязгами, становится ему до того несносною своею фальшью, что онъ не безъ радости помышляетъ о ея прекращеніи и невольно мечтаетъ о блаженствѣ окунуться въ прозрачную струю, въ чистыя волны всеобщаго бытія, чтобъ освободиться въ нихъ отъ пыли и утомленія жизненнаго пути, свободно вздохнуть всѣмъ дѣйствительнымъ дыханіемъ безкопечности.

Извѣстнѣйшій изъ поэтовъ устами своего героя говоритъ между прочимъ, *о сладостной привычкѣ жить*. Конечно, большинство людей вовсе не прочь отъ того, чтобъ сладко пожить, — сладко ѣсть, сладко пить, сладко спать; но вообще, нельзя утверждать, чтобъ человѣкъ былъ большой охотникъ до сладкаго; жизнь очень нерѣдко претитъ ему и становится приторною до нестерпимости — именно своею сладостью. Сладостность повседневной жизни, какая покупается и продается непосредственно на рынкѣ, съ общеизвѣстнаго прилавка, съ ея рутинною обстановкою и тѣмъ вожделѣніемъ смакованія и самоуслажденія, при которомъ люди толстѣютъ и лоснятся, заплывая жиромъ самодовольствія, отзывается человѣку нестерпимо банальною пошлостью бытія и лживою личиною жизни. Отъ ея всякій день разоблачаемаго и всякій день съизнова воспроизводимаго обмана, отъ ея приторной, давно-извѣданной и истасканной прелести онъ готовъ бѣжать на край свѣта; и нерѣдко, спасаясь, и въ самомъ дѣлѣ бѣжитъ отъ ней въ пустыню, въ скиты и тамъ, предвкушая спасительный образъ горькой смерти и самоотрицанія, становится пустынникомъ, отшельникомъ, молчальникомъ или столпникомъ.

Но человѣку — незачѣмъ спѣшить умирать; онъ и безъ того умираетъ естественнымъ порядкомъ: ранѣе или позднѣе, смерть неотвратимо постигаетъ его, хотя бы онъ не желалъ и не порывался ускорить ее; затѣмъ, было бы напрасно искать въ смерти то, что находится лишь въ жизни.

Естественная смерть есть лишь абстрактное обобщеніе частнаго бытія, которое гнетъ совпадаетъ съ подобнымъ же и столь же абстрактнымъ обобщеніемъ мысли: и то и другое — одинаково пусты, одинаково лишены всякаго содержанія; и чего не дастъ жизнь, то не можетъ дать смерть.

Съ естественною, эмпирическою смертью человѣка въ немъ умираетъ только то, что въ немъ еще не со-

вершилось, чему предстоитъ еще совершиться, что есть— несовершенное: проходитъ, или умираетъ, лишь его эмпирически опредѣленное существованіе, лишь та чувственная оболочка его бытія, въ которой онъ жилъ. Но онъ есть дѣйствительно не то, чѣмъ онъ умираетъ, — а только то, чѣмъ онъ живетъ.

Но онъ жилъ или живетъ, или, по своему назначенію, долженъ жить не этою оболочкою и не ея чувственными опредѣленіями; она ему и при жизни его есть ему чуждое и съ его существомъ несообразное опредѣленіе; кто знаетъ его лишь по ея опредѣленію, тотъ вовсе не знаетъ его. И вся цѣлость современной соціологіи и вся цѣлость такъ называемой эволюціонной морали, или современнаго ученія этики, основаны не на знаніи, а только на незнаніи дѣйствительной природы человѣка, и имѣютъ въ своемъ принципѣ не жизнь, а только пошлость жизни съ ея нескончаемымъ резонёрствомъ и педантизмомъ, мнящими, что въ нихъ-то и заключается вся жизнь и вся истина жизни.

На свѣтѣ нѣтъ муки несноснѣе той, какую испытываетъ жизнь, когда мертвенное резонёрство и тяжелый педантизмъ принимаются отмѣрять ея безконечность и полагать ей предѣлы ея своею ограниченностью, и когда тупоуміе берется поучать уму-разуму все человѣчество.

Въ силу абстрактнаго теоретизма, усматривая въ человѣкѣ только банальность общихъ зоологическихъ опредѣленій, современное научное міровоззрѣніе пытается пріурочить и приравнять его къ животнымъ, и для этого, ссылаясь на однородность ихъ происхожденія, указываетъ на его близкое, на его кровное родство съ ними.

Никто и не отрицаетъ однородности происхожденія человѣка отъ одной и той же природы не только съ животными, но и съ растеніями, но и съ неорганическимъ веществомъ во всѣхъ видахъ его; но изъ признанія такой однородности вытекаетъ только требованіе и необходимость объяснить и уразумѣть все существующее

содержаніе міра смысломъ присущимъ человѣку, а отнюдь не безсмыслiемъ, предполагаемымъ въ мнимомъ зоологическомъ, фитологическомъ или гилологическомъ основаніи міра животныхъ, растеній или физическаго вещества.

Какъ дѣйствительный атомъ, или индивидъ мірового бытія, человѣкъ есть живая недѣлимость вѣчности и мгновенія, безконечности и конечности, безусловной всеобщности и безусловной особности, единичности бытія; этой недѣлимости, или этой безконечности бытія разорвать невозможно; предъ нею все проходитъ,—и жизнь и смерть, и небеса и земля, и всѣ эмпирически-чувственныя опредѣленія, и всякое тупоуміе теоретизма и всякое резонёрство научнаго недаптизма; она же сама, какъ была дѣйствительностью бытія, проникнутаго смысломъ, и дѣйствительностью смысла преисполненнаго бытіемъ или истиною, такъ и остается, такъ и пребываетъ вѣчно тою же самою дѣйствительностью, или единою сущею истиною.

Умираетъ — несовершенное, умираетъ тѣло; но совершенная дѣйствительность не умираетъ. Душа человѣка, которая и есть онъ самъ, или та недѣлимость вѣчнаго закона и его особаго проявленія въ каждомъ мгновеніи, —безсмертна, потому что она есть вся полнота дѣйствительности и вся необходимость, и вся свобода міроваго бытія.

Самъ человѣкъ въ своей субъективности съ самимъ собою, — тотъ, которымъ именуется Я, не кто другой, а именно и исключительно Я, — этотъ безусловный эгоистъ, — есть истинный атомъ, индивидъ, или дѣйствительное, недѣлимое начало міра. Все остальное, еще несовершенное существованіе, — не только матеріальное тѣло человѣка, но и вообще всѣ тѣла, — солнце, луна, звѣзды, небеса и земля, и міръ физическій, и органическій міръ растеній, животныхъ и все человѣчество съ его эволюціями и развитіемъ, — совершаясь только въ смыслѣ человѣка, суть только внѣшнія условія и обстоя-

тельства, — только эмпирическая среда, въ которыхъ онъ самъ, или душа его, съ тѣмъ, что онъ держитъ и хранитъ въ себѣ своею любовью, есть сущая и вѣчная дѣйствительность, или безусловная истина.

Вѣровать въ существованіе Бога способно только безсмертное существо; его безсмертіе и есть въ немъ его вѣра, которая, какъ утвержденіе собою безусловной истины предвѣчнаго, живого смысла, и свидѣтельствуется, какъ дѣйствительная вѣра, только вѣрою въ свое личное безсмертіе, или въ дѣйствительность безсмертной человѣческой личности, именуемой Я.

Безъ этой вѣры и вѣра въ Бога была бы не вѣрою, а только смутнымъ недоразумѣніемъ.

Въ силу своего смысла саморазумѣнія и несмотря на всѣ доводы и заключенія научнаго міровоззрѣнія, человѣкъ, не считая себя животнымъ, сознаетъ въ себѣ самомъ и разумѣетъ, какъ въ высшей сферѣ умозрѣнія, такъ и въ самой непосредственной сферѣ общаго, человѣческаго самосознанія, что онъ отдѣленъ отъ животныхъ и отъ всего содержанія ихъ животной жизни дѣйствительною безконечностью своего саморазумѣнія, которымъ онъ,— и именно онъ, а не кто другой,— обнимая собою необъятное содержаніе всего міра, связываетъ, какъ неразрывнымъ звѣномъ, его начало началъ съ его всезавершающимъ концемъ, или заключеніемъ.

Не равняясь съ животными, человѣкъ, какъ существо безсмертное равняется только Богу и есть одно съ Нимъ: потому что, какъ онъ въ Богѣ, такъ и Богъ въ немъ разумѣютъ вѣчно-сущую истину однимъ и тѣмъ же смысломъ разумѣнія.

Вслѣдствіе этого равенства, между людьми издавна сложилась и наперекоръ научнымъ методамъ не исчезаетъ глубокое вѣрованіе, что человѣкъ есть образъ Божій на землѣ, и что различіе между нимъ и Богомъ лишь въ томъ, что онъ объятъ эмпиризмомъ, или чувственностью своего конечнаго существованія и, еще не зная, не постигая вѣчной истины въ ея собственномъ

образѣ, стремится всѣмъ существомъ познать и постичь оную; а Богъ, живущій въ небесахъ, въ безконечности, уже отъ вѣчности знаетъ и постигаетъ вѣчную истину какъ себя самого.

Между Богомъ и человѣкомъ разстилается необозримая даль и ширь необъятно-великаго, существующаго міра; а потому, человѣкъ не можетъ видѣть Бога, какъ онъ видитъ эмпирически-существующіе предметы; но его человѣческое, жизненное сужденіе, пробѣгая чрезъ экстенсивную безконечность міра, связываетъ его существованіе съ Богомъ, которое вслѣдствіе сего, не завершаясь здѣсь на землѣ, подобно теченію параболы, и не замыкается нигдѣ какъ только въ самой безконечности, за предѣлами міра и его эмпирически-чувственнаго содержанія.

Всякая религія на землѣ есть только вѣчная легенда о неразрывной связи конечнаго съ безконечнымъ, и о дѣйствительномъ присутствіи вѣчнаго смысла истины въ мелькающемъ мгновеніи всего преходящаго. А потому, и временное, преходящее существованіе человѣка, имѣя безконечное значеніе, должно быть дѣйствительнымъ осуществленіемъ Божьей правды на землѣ.

Иначе оно утрачиваетъ дѣйствительность и, обращаясь въ ложь, проявляется лишь сплошнымъ безсмысліемъ и дикимъ безобразіемъ всякаго рода призраковъ, навожденій и кошемаровъ.

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Читай:*
6	8	одинаковымъ *же*	одинаковымъ
7	2	*ученія*	знанія
20	26	заключ*и*ть	заключать
23	30	проявленій	внушеній
45	10	*суб*ъективности	объективности
46	6	собою	себѣ
63	19	н*и* то	не то
67	31	д*а*ннаго	деннаго
71	6	спаян*о*	спаена
73	2	что разумѣется	что для нихъ разумѣется
83	5	пр*о*ходящій	преходящій
—	32	какъ т*о*	какъ тотъ
108	25	наблюденія*мъ*	наблюденія
109	1	то только, какъ	то, какъ
113	1	разъ	образъ
148	3	теоретическ*и* - преобладающею	теоретически, — преобладающею
156	13	Существ*о*	Существа
177	1	Se*u*su	Sensu
180	1	ею	его
217	26	несравненная	несравниваемая
222	21	сильнѣйшимъ	полнѣйшимъ
243	7	безжизненности *постепенно пробуждается* къ жизни	безжизненности къ жизни
256	25	неизмѣнной	низменной
285	13	святое предъ нею	святое; предъ нею
297	16	блага ея вѣчной	блага и ея вѣчной
303	22	животныя вещества и атомы	животныя, растенія, вещество и атомы
327	27	с*п*лоченный	сколоченный
354	19	сам*о*	сама
355	14	прим*и*тивномъ	привативномъ
360	10	несообразности;	несообразности,
362	13	проявляется	проявляясь
367	11	напротивъ	а напротивъ
376	28	*и* нервныхъ	о нервныхъ
383	2	для	ея
—	33	противополагается;	противополагается
388	4	саморазумѣні*й*	саморазумѣнія
391	28	coqito	cogito
393	23	приз*н*акъ	призракъ

2007097048